Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

2

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая.—Кризис буржуазной философии и диалектический материализм 1

Максимов А. — Эрнст Геккель 15

Ситковский Е. — Ленин и Плеханов как критики махизма 34

Герман Л.—Живое и мертвое в «Философии права» Гегеля 58

Кольман Э. — О злободневном значении теории вероятностей 71

Стрьюк. — К обоснованию теории вероятностей 76

Д. Блохинцев и Ф. Гальперин.—Борьба вокруг закона сохранения и превращения энергии в современной физике 97

Дворкин И. — О всеобщем кризисе, экономическом кризисе и переходе к депрессии особого рода 107

Смирнов А. — О националистических извращениях в географической науке на Украине 127

Коровин Е. — Фашизм и религия 140

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Волков и И. Ильинский. — На пути к созданию новой науки. Рец. на сб.. «История техники». Вып. 1 159

Ульрих В. — О переводе «Диалектики природы» Энгельса 161

Злотов, Заболотников, Николаева, Клячко. — Рец. на кн. А. Ф. Шелла «Общая биология», ч. 1-я и 2-я 180

Ситковский Е. — Рец. на кн. С. Васильева «Ж. Батист Робине и его философия» 187

Никольский В. — Рец. на уч. по древней истории М. Н. Никольского 189

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Трубчиков М. — Шире используем научные силы для борьбы с религией . . . 199

Условия приема в ИКП философии 201

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1934 г. МАРТ—АПРЕЛЬ № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая. — Кризис буржуазной философии и диалектический материализм (1). **Максимов А.** — Эрнст Геккель (15). **Ситковский Е.** — Ленин и Плеханов, как критики махизма (34). **Герман Л.** — Живое и мертвое в «Философии права» Гегеля (58). **Кольман Э.** — О злободневном значении теории вероятностей (71). **Стрыюк Д. Дж.** — К обоснованию теории вероятностей (76). **Д. Блохинцев и Ф. Гальперин.** — Борьба вокруг закона сохранения и превращения энергии в современной физике (97). **Дворкин И.** — О всеобщем кризисе, экономическом кризисе и переходе к депрессии особого рода (107). **Смирнов А.** — О националистических извращениях в географической науке на Украине (128). **Коровин Е.** — Фашизм и религия (140). БИБЛИОГРАФИЯ. **Н. Волков и И. Ильинский.** — На пути к созданию новой науки. Рец. на сб. «История техники», вып. 1 (160). **Ульрих В.** — О переводе «Диалектики природы» Энгельса (165). **Злотов, Заболотиков, Николаева, Клячко.** — Рец. на кн. А. Ф. Шелла «Общая биология», ч. 1-я и 2-я (180). **Ситковский Е.** — Рец. на кн. С. Васильева «Ж. Батист Робине и его философия» (187). **Никольский В.** — Рец. на уч. по древней истории М. Н. Никольского (190). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ. **Трубчиков** — Шире используем научные силы для борьбы с религией (199). Условия приема в ИКП философии (201).

Кризис буржуазной философии и диалектический материализм

(по поводу предстоящего VIII международного философского конгресса)

В связи с процессом общего кризиса и гниения капитализма, нашедшим свое яркое выражение в последнее время в форме всестороннего и глубочайшего экономического кризиса, в форме крайнего обострения всех капиталистических противоречий и ожесточенных классовых битв между буржуазией и пролетариатом, империалистический капитализм ищет выхода из этого кризиса в организации новой империалистической войны, в усиленной фашизации буржуазного государственного аппарата в целях сохранения своей власти и отражения натиска революционного пролетариата. Установление открытой фашистской террористической диктатуры финансового и трестовского капитала в ряде стран Европы, в последние годы в Германии и Австрии, быстрая фашизация других капиталистических стран, в особенности Японии, имеют своей целью лихорадочную подготовку к новой мировой войне, к организации антисоветской интервенции, подготовку тыла для ведения войны путем разгрома всех организаций революционного пролетариата внутри этих стран, физического истребления авангарда рабочего класса—коммунистических партий. Однако процесс фашизации не свидетельствует о возросшей силе буржуазии. Напротив, буржуазия, говорит т. Ста-

лин, уже не в силах властвовать старыми методами, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против своих угнетателей.

Это обстоятельство в одинаковой степени свидетельствует как о слабости буржуазии, так и о нарастающей силе пролетарского революционного движения. Современный период в развитии капитализма, период перехода к новому туру революций и войн, характеризуется такой степенью обострения классовых противоречий, при которой оба антагонистических класса вступают в открытую гражданскую войну. Буржуазия мобилизует все свои силы и резервы для борьбы с пролетариатом. Она устанавливает свою открытую террористическую диктатуру, чтобы разгромить рабочих, предотвратить пролетарскую революцию и завоевание рабочим классом политической власти. При таком положении вещей, при таком обострении классовых противоречий все резче, сильнее становится борьба между пролетариатом и буржуазией, между этими двумя противоположными полюсами, в то время как промежуточная сила — «средние» классы, доведенные до отчаяния длительным кризисом, — разочаровываются во всесилии парламентаризма и буржуазной демократии и колеблются между буржуазией и пролетариатом. Процесс поляризации населения капиталистических стран в области политики, являющийся выражением определенных экономических условий, естественно, получает свое соответствующее отражение в области идеологии и в особенности в области философии.

Основная линия размежевания между буржуазией и пролетариатом в области философии проходит по линии материализма и идеализма. Это общеизвестная и давно установленная истина. Но констатированием этого голого факта ограничиваться нельзя. В эпоху империализма, в особенности на последнем его этапе, идеализм приобретает ряд специфических особенностей, заслуживающих с нашей стороны самого пристального внимания.

Латинская поговорка гласит: «Юпитер отнимает разум у того, кого он хочет погубить». Историческая обреченность буржуазии находит свое выражение, между прочим, в «утере» ею разума, в повороте от мысли к слепой воле, к стихии инстинктов и ко всему неразумному. «Рациональное познание» неизбежно приводит к торжеству материализма и атеизма, к торжеству марксизма-ленинизма по всему фронту, на всех участках человеческого знания и деятельности, теории и практики. «Хитрость разума» обнаруживается в том, что теперь даже буржуазный, идеалистический рационализм не может служить достаточно надежным оплотом и гарантией против марксизма-ленинизма, против пролетарской революции.

В борьбе с революционным пролетариатом буржуазия вынуждена ликвидировать в своем мировоззрении последние остатки рационального познания, базирующегося даже на «широком» основании идеализма. Мысль во всех ее формах становится опасной для господства буржуазии, вступая в противоречия с интересами капиталистов. Отсюда горячий протест буржуазных философов против роли интеллекта, разума, рационального познания, которые должны быть вытеснены, изгнаны и заменены мистически понятым принципом жизни, воли, интуиции—словом, иррацио-

нализмом, ибо всякий рационализм, с их точки зрения, в конечном счете все же приводит к торжеству материализма и коммунизма. Поэтому рациональное познание, имеющее дело с понятиями, заменяется иррациональным познанием, оперирующим символами религиозными, художественными, магическими, мистическими и т. п.

В современной буржуазной философии ведется, таким образом, в основном борьба между «традиционализмом» и «модернизмом», если употребить выражение Урбана, или между рационализмом и иррационализмом, как мы предпочитаем выражаться. Идеалистический рационализм настаивает на необходимости продолжения в философии «традиций» Платона, Фомы Аквината, Лейбница и Гегеля. Это направление, распадающееся в свою очередь на ряд течений, рассматривает философию или как наукоучение, как теоретико-познавательную и методологическую дисциплину, или же (а чаще всего и то и другое) как метафизическую систему, дающую полную картину мира, единство бытия и познания. Исходным пунктом для этого направления является рациональное познание и рациональная интерпретация реальности как целого, что отнюдь не мешает тому, что этот рационализм сам неминуемо превращается в иррационализм, в чистейшую мистику.

Достаточно указать хотя бы на то, что то течение, которое видит в философии специфическую науку о духе (Карл Иоэль, Эйнгорн, неогегельянцы) и постулирует подобно Гегелю существование абсолютного духа, царства духов, превосходящего жизнь людей и «питающего» ее. Отсюда идет то понимание философии, которое видит в ней «самосозерцание бога, отраженное в человеке». Философия сближается или даже отождествляется таким образом с теологией. Глава нынешних немецких неогегельянцев Рихард Кронер в своей юбилейной речи по поводу сотой годовщины смерти Гегеля, превозносит мыслителя за «теологическое благочестие духа» и за отождествление им философии и теологии. Кронер, Глокнер и др. неогегельянцы интерпретируют Гегеля в духе иррационализма, понимая диалектический метод и «понятие» Гегеля как единство рационального и иррационального момента. Глокнер говорит даже о специфически германском рационализме и иррационализме. Указав на существование двух выработанных историей философии методов: на теоретико-познавательный и диалектический, Глокнер утверждает, что нарождается новый, третий метод, о котором, впрочем, он ничего сказать не может, как сам в том признается.

Таким образом современный буржуазный, метафизический рационализм, исходящий от Канта и Гегеля, под воздействием условий классовой борьбы сам превращается в мистический и религиозный иррационализм, сближаясь постепенно со своим антагонистом. Весьма характерными для современного настроения умов буржуазных идеологов являются попытки возрождения учения Банзена с его пессимистической «реальной диалектикой», сочетающей в одно целое элементы гегелевской диалектики с волюнтаристической метафизикой Шопенгауэра. Сущность мира—воля. В каждом пункте мира совершается самораздвоение воли. «Реальная диа-

лектика» Банзена не допускает преодоления противоречий в какой бы то ни было форме. Отсюда невозможность рационального познания мира. В мире повсюду и везде существуют противоречия, но они никогда не преодолеваются, всегда остаются, т. е. они вечны. Общество также покоится на неравенстве, которое вечно, ибо это неравенство лежит в сущности мира. Поэтому коммунизм с точки зрения этих, с позволения сказать, «философов» исходит «из иллюзии». Он никогда не может осуществиться в действительности.

Другое основное направление современной буржуазной философии — это биологический иррационализм, или «модернизм», как его иногда называют, или же «философия жизни». Сюда относятся учение Ницше, интуитивизм Бергсона, конвенционализм Пуанкаре, фикционализм Файгингера, прагматизм Джемса и Шиллера, инструментализм Дьюи, философия целостности, учение Парето и «философия» фашизма, которая, хотя ничего самостоятельного и оригинального не создала, заимствуя отдельные элементы своего мировоззрения у некоторых названных философов, все же представляет собой особое течение, причем фашистское течение также складывается из различных оттенков: универсализм Шпанна, католический солидаризм и т. п.

Мы ограничимся здесь лишь указанием тех идей, которые лежат в основе всех течений, и затем несколько подробнее охарактеризуем фашистское течение, ибо биологический иррационализм в целом как и «рационалистический иррационализм» одинаково льют воду на мельницу фашизма.

Философия жизни видит сущность мира и жизни в иррациональном начале, обычно в воле. Жизнь — центральное понятие этого направления — представляет собой совокупность сознательных и особенно бессознательных стремлений и движений. Так как сущность мира иррациональна, то мир не может быть познан средствами разума. Орудием познания являются не мысль, а переживание, интуиция. Тайна жизни раскрывается не интеллекту, а инстинкту. Истинная жизнь человека проявляется не в деятельности разума, а в деятельности инстинктов, в «душевной стихии». Отсюда противопоставление разуму души как совокупности первичных инстинктов, афектов и пр. Не даром в наши дни подят снова на щит Ницше, который провозглашается фашистами великим реформатором, законодателем, политиком, идеи которого должны лечь в основу «нового» государственного и общественного строя.

Какое же определение жизни дает Ницше? Жизнь, говорит он, есть присвоение чужого, угнетение слабого, жестокость и, по меньшей мере, эксплоатация, которая является основным законом жизни, органической функцией. Жизнь есть воля к власти, воля к насилию, угнетению и эксплоатации; она носит по существу своему насильнический характер. Рабство поэтому — существенный элемент культуры. Общество должно представлять собою иерархическую лестницу различий между классами и людьми. Аристократы — люди инстинкта, де

мократы и социалисты—люди рассудка. Необходимо соблюдать чистоту крови и расы, ибо смешение крови господ с кровью рабов ведет к вырождению аристократии и является вместе с тем источником социалистических идей.

Итальянский теоретик фашизма Парето сформулировал философию биологического иррационализма, составляющего «теоретическую» основу фашизма в своей «оригинальной» теории базиса и надстройки. Общественный «реальный базис», говорит он, составляет иррациональный комплекс чувств, инстинктов, воли к власти, отличающихся характером постоянства, вечности. Над этим базисом возвышается изменчивая надстройка из иллюзорных теорий: философских, метафизических, религиозных, носящих псевдологический характер и являющихся своеобразной маской, скрывающей вечные и неизменные чувства, инстинкты, волю и т. п. Если иррациональный комплекс неизменен и вечен, если он образует приэтом «реальный базис» общества, то логически последовательно сделать отсюда вывод о том, что никакого развития в общественно-исторической жизни людей нет и быть не может. Идея Ницше о «вечном возврате» стала достоянием современной фашистской идеологии. Людвиг Клагес, например, формулирует этот мнимый закон как закон «вечно повторяющегося повторения одного и того же».

Мы уже подчеркнули выше, что биологический иррационализм исходит из понятия души в противоположность разуму. Фашисты пишут книги на тему «Душа третьей империи»; Шпенглер кладет в основу своей концепции понятие «Urseelentum»; Клагес публикует трехтомный труд, в котором выступает в защиту души против разрушительного принципа разума. Клагес и Геберлин об'являют тело формой, под которой душевное обнаруживается постороннему наблюдателю. Тело есть явление души, ее символ. Клагес требует проникновения в душевную жизнь не только животных, но и растений и даже элементов. Согласно «органическому» мировоззрению Крангальса, личность рождается из народной души.

Совершенно понятно, что при таком «расцвете» биологического иррационализма основной философской дисциплиной стала биология. Если судьбы народов, как утверждает Буттерзак, решаются биологической их конституцией, если кровь, раса составляют истинную субстанцию организма, человека, народов, то при этих условиях биология приобретает совершенно особое, исключительное значение. Современные фашистские биологи подводят своеобразную «научную» базу под «философию жизни» и под фашистскую идеологию, «разрабатывая» и «открывая» в организме принципы ранга, иерархии, аристократизма и пр., доставляя таким образом «прочное» биологическое обоснование фашистского социального и государственного строя, фашистской этики и идеологии вообще.

Мюллер пишет специальные работы на темы «Иерархический принцип в нервной системе», «Об'ективный принцип ранга в биологии» и т. п. В том же разрезе разрабатываются и этические проблемы, под которые подводится биологический базис. Этике декаданса противопо-

ставляется «естественная этика». В области теоретической политики проводится тот же биологизм, согласно которому человек человеку волк. Известный фашистский правовед Шмидт выдвигает подобно Парето в качестве основного принципа политики «войну всех против всех», рассматривая человека как хищного зверя, что находится в полном согласии с учениями Ницше, Шпенглера и что вполне соответствует общественной «природе» фашизма и его практической деятельности.

Не ставя себе целью охватить здесь все течения современной буржуазной мысли, выделяя из них только наиболее влиятельные и характерные для нынешнего этапа истории, считаем, однако, нужным указать еще на гуссерльянство, католическую философию неотомизма, на философию экзистенциализма, пытающуюся преодолеть как философию разума, так и философию жизни, на риккертианство, неокантианство и на современный махизм.

Гуссерльянство стоит на почве интеллектуального интуитивизма Путем так называемой «идеирующей абстракции», т. е. интеллектуальной интуиции, мы непосредственно охватываем общее в его сущности, в «эйдосе». Пассивное созерцание вечных и неизменных сущностей составляет основную задачу, которую ставит себе философия Гуссерля, родственная философии Платона с ее миром идей. Учение Гуссерля есть в сущности возрожденный платонизм. Метод феноменологии Гуссерля, как он сам говорит, есть «созерцание сущности» (wesensschau). Общее рассматривается им как особый, самостоятельный род предметов. Оно может быть созерцаемо и воспринимаемо как и чувственные единичные предметы. Таким образом мы созерцаем идею тона, черного, красного; треугольника и т. п. Феноменология Гуссерля есть наука о сущности, «эйдетическая» наука, причем наука априорная, базирующаяся на интеллектуальной интуиции.

Одним из крупнейших последователей Гуссерля является Макс Шелер. Он прямо рассматривает философию как служанку теологии, как ее предварительную ступень. Шелер «развил» на основе феноменологии Гуссерля свою философию ценностей, играющую в современной буржуазной философии значительную роль. Ценности суть особые качества. Они образуют самостоятельное «царство», в котором господствует принцип ранга. Высшую ступень (ранг) образуют в этом царстве религиозные ценности, ступень святости.

Вера имеет своей основой созерцание. Религиозный человек постигает путем переживания, что человеческий дух есть отражение бога. Сам Шелер характеризует свою точку зрения как «эмоциональный интуитивизм», или «персонализм». Шелер подобно Гуссерлю примыкает к теизму.

Гуссерль был учеником католических мыслителей Брентано и Больцано. Шелер открыто сомкнулся с неотомизмом, с философией католической церкви. Главой неотомизма является проф. Гейзер, который в свою очередь имеет много точек соприкосновения с Гуссерлем. Его «Эйдология» ставит себе целью дать учение о «формах смысла». К неотомистическому или неосхоластическому направлению принадлежат также Гейдеггер, Герригель,

Энгерт и др. Подобно всякой философии теория Гейдеггера и Герригеля отражает современность. В самом деле, постановка Гейдеггером вопроса о соотношении бытия и ничто есть выражение страха, испытываемого буржуазией перед «ничто». «Страх,—говорит он,—является источником откровения ничто». Опасность утери бытия, страх, вызванный возможностью лишения бытия, ставит нас лицом к лицу с ничто. Метафизик, узревший пропасть небытия (ничто), преодолевает страх перед бытием. Метафизическая потребность заложена в самой «природе человека».

Герригель исходит из того, что «беспокойство жизни» вызывает беспокойство мысли, беспокойство конкретного человека. Он вынужден ставить перед собой старый, но вечно новый вопрос: что такое человек? Однако ответ на этот вопрос, говорит он, не могут дать ни философия разума, ни философия жизни. Этот вопрос может быть решен только в самом «существовании» не столько силой мышления, сколько силой веры. Истинная основа познания лежит в «темных глубинах» человеческой субстанции. Современный кризис культуры (буржуазной, разумеется) есть кризис нашего представления, нашей «картины человека», говорит Герригель.

В этой связи небезынтересно остановиться в нескольких словах на судьбах неокантианства, самого распространенного и влиятельного течения в философии в прошлые, довоенные годы. Неокантианство отличалось тем, что признавало за мышлением, за разумом исключительную роль в процессе познания. Прообразом всякого познания являлась для него математика. Однако в новых, особенно послевоенных, условиях неокантианцы эволюционировали то в сторону гегельянства, то в сторону «философии жизни», или философии ценностей, в сторону интуитивизма и т. п. Следует отметить, что все почти современные неогегельянцы вышли из школы неокантианства и поэтому на неогегельянстве лежит печать неокантианства. С другой стороны, неокантианство было «преобразовано» в философию иррационализма под воздействием тех же общих условий классовой борьбы, о которых было сказано выше. Буржуазная идеология в наше время все больше и больше вынуждена ликвидировать остатки «разума» и обратиться к иррационализму, к мистике, к вселенскому витализму.

Если марбургская школа неокантианства эволюционировала главным образом в сторону гегелевского «рационального иррационализма», то баденская школа «преобразовала» и растворила теорию познания и логику в «философию ценности» (Виндельбанд, Риккерт, Мюнстерберг). Хотя Риккерт и выступил с горячим протестом против современного биологического иррационализма, против «философии жизни» (Бергсон, Джемс, Зиммель—бывший неокантианец, Дильтей, Шелер), подчеркивая в качестве «последнего из могикан», что философия есть не жизнь, а мышление о жизни, тем не менее его протест не возымел никакого действия. Да какое влияние мог оказать на умы Риккерт своим протестом, если сам он своей философией ценности приближается к Шелеру? С другой стороны, Риккерт в качестве идеалиста, притом

платоника, не мог дать правильного ответа на вопрос о роли мышления, поскольку, «уничтожив» вещь в себе Канта и оторвав мышление от материального мира, он заставил мышление повиснуть в воздухе и превратиться в некую мистическую сущность.

Что касается его учения о ценности, то он различает три области бытия: мир действительности, царство ценностей и царство смысла, служащее связующим звеном между первыми двумя, причем «действительное обусловливается недействительным». Если к этому прибавить, что Риккерт ведет ожесточенную борьбу против детерминизма, утверждая «философию свободы», то для нас станет ясным, что во многих пунктах он соприкасается с иррационализмом.

И тем не менее Риккерт должен был в нынешних условиях фашистской Германии уступить свою кафедру философскому ничтожеству Крику, написавшему брошюру под названием «Государство германца» и занявшему наряду с Боймлером пост официального философа германского фашизма. Что касается Боймлера, то несмотря на крайнюю занятость важным делом пропаганды идей Ницше он все же нашел время, чтобы написать книжонку, в которой доказывает, что Германия нуждается в новом «типе человека», а именно — солдатском.

Нам остается сказать еще несколько слов о современном махизме. Махизм представляет собой известный вариант биологизма и соприкасается с прагматизмом. Авенариус, в сущности, отрицает за интеллектуальными моментами какое бы то ни было логическое значение. Такую же позицию занимал в общем и Мах. Эмпириокритицизм, или махизм, получил дальнейшее «развитие» и известное преобразование в работах Цигена, Шлика, Франка, Карнапа, Нейрата и др. Особенность этого направления состоит в его тесной связи с положительными науками и в особенности с точными науками. Но это направление насквозь идеалистично. Шлик считает все непосредственно данное психическим, а физическое—лишь «знаком», символом. Все научные понятия суть простые фикции.

Филипп Франк подобно другим своим единомышленникам видит во всех научных понятиях, как время, пространство, причинность и т. п., одни лишь символы. Карнап в своей рецензии на книгу Франка «Закон причинности и его границы» утверждает, что автор доказал, будто отклонение детерминизма в современной волновой механике не ведет к торжеству иррационализма и свободной воли. Но с этим, разумеется, никак нельзя согласиться.

Современный мелкобуржуазный неопозитивизм, или неомахизм, представляет собой синтез идей Маха и Рессля. В этом и состоит дальнейшее «развитие» махизма.

Таково состояние современной буржуазной философии. Оно характеризуется на первый, поверхностный взгляд чрезвычайным разбродом, анархией мысли, но при более глубоком знакомстве с состоянием современной философской мысли мы можем раскрыть то общее, что присуще почти всем

течениям и что является характерным для данного этапа. Помимо того что вся современная буржуазная философия идеалистична, она проникнута иррационализмом, неверием в силу человеческого разума, отрицанием идеи развития, мистическим биологизмом, интуитивизмом, признанием решающего значения в вопросах познания и деятельности за инстинктами, слепой стихией «души», за метафизической волей и т. п. Такая установка является «адэкватным» выражением кризиса капиталистического общества и господствующего в нем класса—империалистской буржуазии. Революционный пролетариат загнал буржуазию в безысходный тупик, принудив ее отказаться от разума и возложить все свои надежды на силу звериных инстинктов и слепой, «интуитивной» воли. Авось, они вывезут!

На фоне глубочайшего распада и деградации буржуазной философской мысли и в связи с огромными экономическими, политическими и культурными достижениями Советского союза среди некоторых слоев мелкобуржуазной интелигенции капиталистических стран замечается за последнее время пробуждение интереса к философии марксизма-ленинизма. Достаточно указать на выступления в защиту диалектического материализма известного физика Ланжевена, на создание в Париже кружка по изучению марксистской философии во главе с директором Лаборатории прикладной психологии проф. Лаи и, наконец, на появление ряда книг и статей, посвященных вопросам «интеллектуальной стороны коммунизма». В Англии вышли работы Геккера «Московские диалоги о красной философии» и «Религия и коммунизм»; книга Мак-Меррея «Философия коммунизма»; в Америке—книги Сиднея Гука «К пониманию Карла Маркса» и Теодора Брамельда «Философский подход к коммунизму»; во Франции—работа Якубисяка «О философских основах коммунизма», а в Швейцарии — работа Хаса «Интеллектуальный большевизм».

В предисловии к книге Геккера «Московские диалоги о красной философии» Мак-Меррей пишет: «Кризис капиталистического общества отрезвил наши умы». «Многие испытывают горячее желание понять, что произошло в России». Отсюда мы видим, где коренятся источники того живого интереса, который проявляют многие к Советскому союзу и к философии диалектического материализма. С одной стороны, кризис капиталистической системы, с другой стороны, расцвет социализма и новой культуры в СССР. Сопоставление этих двух фактов не может не действовать «отрезвляющим образом» на многие умы людей, даже и не принадлежащих к рабочему классу.

Тов. Сталин в своем докладе на XVII с'езде партии сказал: «Посмотрите на окружающие страны: много ли вы найдете правящих партий, имеющих правильную линию и проводящих ее в жизнь? Собственно, таких партий нет теперь в мире, ибо все они живут без перспектив, путаются в хаосе кризиса не видят путей для того, чтобы выбраться из трясины. Только наша партия знает, куда вести дело, и ведет его вперед с успехом. Чему обязана наша партия этим своим преимуществом? Тому, что она является партией марксистской, партией ленинской. Она обязана тому, что руководствуется в своей работе учением Маркса, Энгельса и Ленина».

Поэтому ясно, что кто хочет понять, что «произошло в России», должен стремиться понять учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Но это, повидимому, нелегко дается многим из упомянутых нами выше авторов, выступивших со своими философскими «интерпретациями» нашего учения. В самом деле, возьмем проф. Мак-Меррея. В своем докладе «Философия и диалектический материализм» он выставил п р о т и в диалектического материализма ряд возражений, которые доказывают, что автор находится в плену у того самого б и о л о г и з м а, о котором говорилось выше. Диалектический материализм, утверждает он, является биологической философией. Всякая же биологическая философия является философией и н с т и н к т а, а не разума. С точки зрения биологической философии история есть не история борьбы классов, а б о р ь б а м е ж д у п л е м е н а м и и н а ц и я м и.

Поэтому фашизм, говорит он, стоит ближе к осуществлению теоретических принципов диамата чем коммунизм!? Отсюда видно, что рано еще говорить об «отрезвлении» некоторых умов. Если точка зрения Мах-Меррея действительно такова, то он, по крайней мере, в теории очень близок к фашизму. Между марксизмом же и фашизмом—пропасть. Глубоко ошибается Мак-Меррей, если он считает диалектический материализм «биологической философией». Причислив диалектический материализм к ведомству биологической философии, автор немедленно вынужден был поставить инстинкты и импульсы на первый план, подчинить им «разум» и выдвинуть борьбу племен и наций на место борьбы классов, т. е. стать фактически на точку зрения ф а ш и з м а. Разумеется, если исходить из того, что диалектический материализм есть «биологическая философия», то очень легко «открыть» в нем множество «противоречий». Но дело-то в том, что диалектический материализм составляет прямую противоположность господствующим ныне биологизму и иррационализму. Какую же цену могут иметь после этого все расточаемые Мак-Мерреем «комплименты» по адресу диалектического материализма?

Американский философ Теодор Брамельд в своей книге, которая является первой книгой на английском языке, систематически излагающей философию Ленина, обнаруживает с у б ' е к т и в н о большие «симпатии» как к философии диалектического материализма, так и к Советскому союзу, т. е. к нашей революционной практике. Не имея возможности дать здесь обстоятельную критику работы Брамельда, отметим только, что автор стоит на л о ж н о м п у т и в своем стремлении «свести» философию марксизма к некоему синтезу из элементов с т о и ц и з м а, с п и н о з и з м а и и н с т р у м е н т а л и з м а.

С другой стороны, в книге Брамельда мы находим вопиюще нелепое утверждение о том, будто Ленин «е щ е» в 1905 г. стоял на той точке зрения, что революционный класс должен возглавить... «царь»!! Приэтом комичное впечатление производит попытка автора «оправдать» и «об'яснить» эту мнимую установку Ленина «стоическим элементом» в философии марксизма-ленинизма насчет «роли личности» в истории.

Повышенный интерес к философии марксизма-ленинизма со стороны буржуазной интеллигенции в капиталистических странах весьма знаменателен. Наша задача в нынешних условиях сводится к тому, чтобы внимательно следить за всеми новыми явлениями в этой области, терпеливо раз'яснять ошибки и заблуждения тех, кто серьезно, искренно и добросовестно обнаруживает желание овладеть марксистско-ленинской философией. Но, с другой стороны, мы должны об'явить беспощадную войну всем тем, кто пытается и будет пытаться использовать интерес широких масс к социалистическому строительству и к марксистско-ленинскому учению в целях фальсификации этого учения, в целях подмены его фашизмом, социал-фашизмом и другими антипролетарскими идеологиями.

Нет никакого сомнения, что этот нынешний повышенный интерес к философии марксизма-ленинизма современем выльется в широкое движение, ибо при все углубляющемся распаде буржуазной философской мысли, обусловливаемом всеобщим кризисом капитализма и ожесточенными классовыми битвами, пролетарская философия станет в международном масштабе единственным научным мировоззрением и методом исследования, ибо буржуазная философская мысль переживает глубочайший упадок и деградацию причем этот процесс будет все более углубляться.

В этих условиях соберется в сентябре 1934 г. VIII международный философский конгресс. Организаторы конгресса пытаются придать ему по возможности актуальный характер. В качестве основных тем намечены следующие: 1. Границы естествознания. 2. Значение логического анализа для познания. 3. Описательные и нормативные общественные науки. 4. Религия и философия. 5. Кризис демократии. 6. Проблема психологии и педагогики. 7. Задачи философии в нашу эпоху.

На конгресс с'едутся представители всех охарактеризованных нами буржуазных направлений в области философии. Они будут выступать с докладами по всем намеченным вопросам, и, каковы бы ни были их разногласия в собственном лагере по отношению к марксистско-ленинской философии и к коммунизму, они образуют единый фронт. Но этим обстоятельством нам не только не следует смущаться, но, напротив, оно должно послужить для нас стимулом для энергичного наступления по всему фронту, для всестороннего освещения и противопоставления коммунистического мировоззрения всему об'единенному буржуазному фронту.

В программе конгресса ничего не говорится о кризисе буржуазной философии, ибо в доме повешенного не говорят о веревке. Однако достаточно ознакомиться с воззванием организационного комитета, чтобы убедиться в том, что организаторы конгресса прекрасно чувствуют и сознают, что буржуазный мир переживает всеобщий и всесторонний кризис. В самом деле, на предстоящий конгресс, в отличие от предыдущих, приглашаются не только философы по профессии, но и

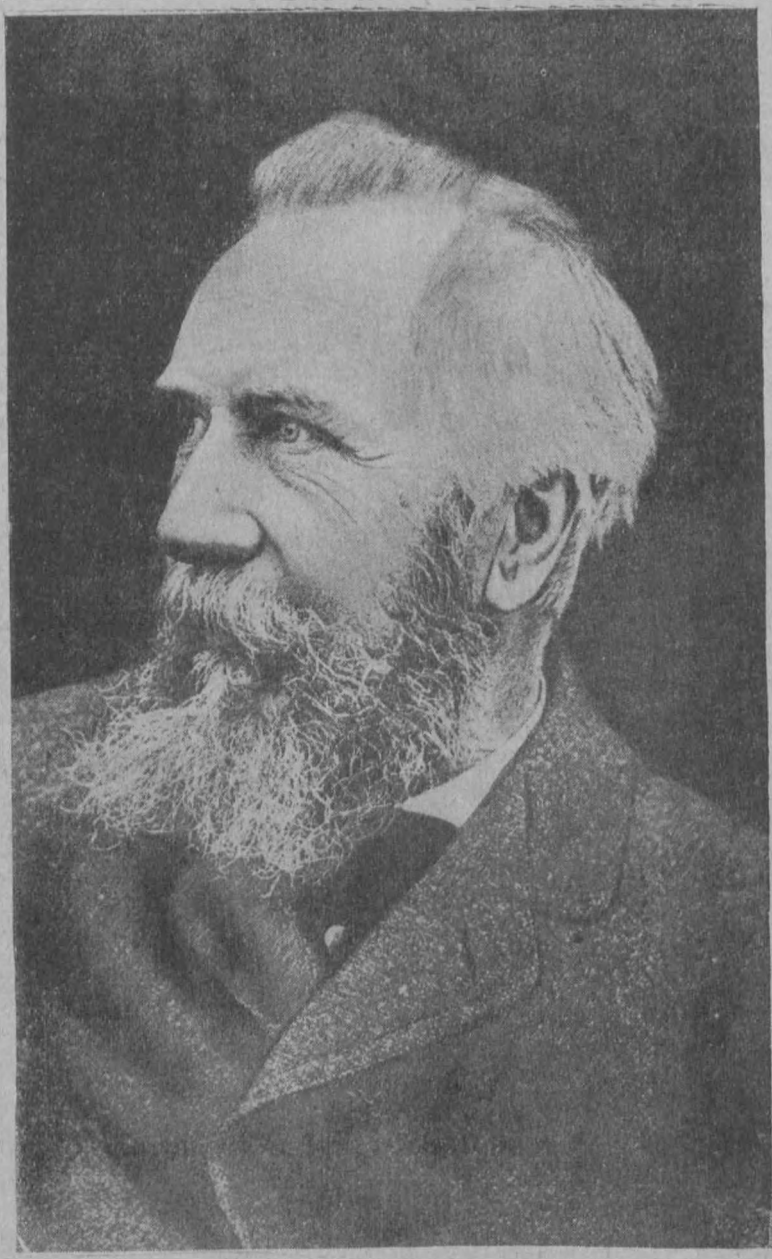
представители науки, инженеры, писатели, политики, художники, редактора, общественные деятели и т. п. Конечно, дело не обходится и без священников.

В задачи конгресса входит, как говорится в воззвании, свободный «анализ международного состояния мысли», обсуждение господствующих философских идей в связи с научными, экономическими, политическими, социальными, литературными, художественными, моральными (и, конечно, религиозными!!) потребностями общественной жизни, критика переживаемой эпохи с попыткой наметить руководящие линии для будущего, анализ влияния философии на общественную жизнь в послевоенную эпоху, предложения, касающиеся реформы философии и ее преподавания, изложение философских учений, ставящих себе целью «формирование будущего», и т. п.

Конгресс, большинство представителей которого, несомненно, будет принадлежать к крайнему лагерю философской и политической реакции, конечно, ничего положительного нам дать не может. Ничего положительного он не даст и радикальным представителям современной буржуазной науки, склоняющимся к стихийному материализму. Тем с большей энергией мы, представители коммунистического мировоззрения, должны усилить наступление на философию мертвой реакции, на все и всякие течения и теченьица современной поповщины, мистики и мракобесия. Мы находимся в исключительно благоприятном положении, так как имеем возможность не только иллюстрировать, но и обосновывать свои теоретические положения практическими достижениями нашей социалистической страны.

«Нельзя считать случайностью,—заявил т. Сталин на XVII с'езде партии,—что страна, где марксизм одержал полную победу, является теперь единственной страной в мире, которая не знает кризисов и безработицы, тогда как во всех остальных странах, в том числе и в странах фашизма, вот уже четыре года царят кризис и безработица».

Мы имеем все основания с гордостью заявить всему миру, что мы, коммунисты, владеем, говоря словами т. Сталина, тем компасом, который безошибочно указывает путь вперед, что наша партия есть единственная в мире партия, которая «знает, куда вести дело», и что наш компас раскрывает перед пролетариатом самые широкие перспективы будущего. Этим компасом является учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.



Эрнст Геккель

Эрнст Геккель

(16 февраля 1834 г.—9 августа 1919 г.)

А. А. Максимов

Сто лет назад родился и почти 15 лет как умер Э. Геккель, один из замечательнейших буржуазных ученых в XIX в. Сам крупнейший ученый, Э. Геккель обладал темпераментом, необычным для ученого. Он поднял знамя борьбы за науку, за научное мировоззрение против мракобесия и поповщины, и его борьба нашла как многочисленных сторонников, так и противников во всех странах мира. Поэтому, какой бы непоследовательной ни была борьба Геккеля, какими бы противоречиями ни было полно его мировоззрение, итоги жизни Геккеля не потеряли своего значения и до сих пор.

Э. Геккель родился за 14 лет до революции 1848 г. Эта революция развязала рост производительных сил Германии на основе капиталистических отношений. Со времени этой революции начинает развиваться и немецкая наука, добившаяся столь больших успехов в XIX в.

Геккель был талантливейшим и продуктивнейшим ученым, и ему принадлежит ряд фундаментальнейших исследований. Начав с диссертации «О тканях речного рака» (1857 г.), он в 1861 г. дает классическую монографию о радиоляриях; уже на этой последней работе отразилось знакомство Геккеля с книгой Дарвина о происхождении видов, вышедшей за два года перед тем. В дальнейших работах Геккель делается горячим защитником и продолжателем учения о развитии. В двухтомной «Общей морфологии животных», вышедшей в 1866 г., Геккель делает попытку развить дарвинизм в целостное мировоззрение и выдвигает свой «биогенетический закон», который оказал чрезвычайно большое влияние как на развитие биологии в целом, так и на отдельные дисциплины — сравнительную эмбриологию, сравнительную анатомию, палеонтологию. Кроме этих работ Геккелю принадлежат работы о гидромедузах, о протистах, о сифонофорах, о происхождении человека и ряд других работ.

Если бы Геккель в научной области ограничился только специальными работами и не развернул бы широкой борьбы за современное научное мировоззрение, подтверждающее об'ективно правоту материализма, он был бы, наверное, мирно причислен к сонму прочих буржуазных ученых, и его имя чтилось бы реакционной буржуазией и до сих пор. Однако на долю Геккеля выпала иная судьба. Еще при его жизни «геккелизм» в понимании буржуазного общества стал символом чего-то зазорного, а «монистическое» движение, возглавленное Геккелем, было оценено как угроза устоям буржуазного порядка. В настоящее время имя Геккеля на его родине расценивается примерно так же как имя чорта у православных христиан, а монистическое движение разгромлено и загнано в подполье. В чем же дело?

Дело заключается исключительно лишь в том, что Геккель попытался сделать вытекающие из открытий естествознания XIX в. выводы, построить на них научное мировоззрение и пропагандировать это воззрение в массах. Но неискаженная наука и стремление построить последовательное научное мировоззрение оказываются несовместимыми с интересами буржуазии. И в этом — трагедия и корень неудач жизни и борьбы Геккеля.

В отличие от многих других естествоиспытателей Геккель не выбросил за борт натурфилософию начала XIX в. [1]) и попытался философски обобщить результаты научных исследований, полученные различными отраслями учения о природе, в одном цельном, научном, материалистическом мировоззрении. Вооруженный большим фактическим материалом и имея за плечами такие фундаментальнейшие исследования, как исследования о радиоляриях, Геккель сразу стал приверженцем и пропагандистом дарвинизма. В дарвинизме он увидел подтверждение и дальнейшее обоснование на основе колоссальнейшего фактического материала того учения о развитии, за которое боролись Кант, Гете, Ламарк, Окен и некоторые другие.

Дарвинизм определил мировоззрение Геккеля на всю жизнь; он не только остался верен дарвинизму до конца своих дней, но и развил дарвинизм далее как в смысле конкретной его разработки (основной биогенетический закон, учение об архигонии), так и в смысле углубления его теоретических основ [2]) и имел смелость вести борьбу за дарвинизм со всеми его противниками, выступая на защиту этой теории в своих специальных трудах, в публичных лекциях, докладах, популярных работах и т. д. и т. п. Уже в 1863 г. на Штеттинском с'езде немецких естествоиспытателей и врачей Геккель выступает с докладом о дарвинизме.

Однако Геккель не пользовался бы той широкой известностью, какую он приобрел в дальнейшем, если бы его деятельность ограничилась периодом, когда материализм в естествознании был всеобщим сознательным убеждением, когда с открытой трибуны проповедывали Бюхнер, Молешотт, Фогт и некоторые другие «разносчики» материализма. Дарвинизм в 3-й четверти XIX в. также нашел в Германии благоприятную почву, более благоприятную чем на родине Дарвина, что об'яснялось тем, что в Германии была более революционная обстановка.

Однако к последней четверти XIX в. положение стало меняться. Если уже во время революции 1848 г. буржуазия была испугана революционной активностью пролетариата и мелкой буржуазии в деле расчистки исторической почвы, то Коммуна 1871 г. с достаточной ясностью показала, что теперь речь идет уже об уничтожении господства буржуазии и об очистке исторической почвы от классов вообще. Начиная с этого момента буржуазия во всех областях общественной жизни делает поворот в сторону реакции. Этот поворот в сторону реакции сказался и в области философии и науки. Лозунги «Назад к Канту», «Назад к Юму», «Назад к Беркли» явились призывами к отказу и от того примитивного материализма, «разносчиком» которого были Бюхнер и К°. В материализме увидели смертельную опасность устоям буржуазного общества, после того как красные знамена Парижской коммуны показали мощь единственно последовательного материализма — материализма Маркса и Энгельса.

В среде ученых поворот к реакции сказался не только в отходе от материализма ряда крупных ученых: Вирхова, Дюбуа-Раймона, Рейнке и

---

[1]) См. об этом у Энгельса в «Анти-Дюринге». Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 9.

[2]) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 70.

некоторых других,—но и в движении против дарвинизма, которое с этого времени начинает все более усиливаться. Наиболее печальную известность в этом отношении приобрел Вирхов. Сам крупный ученый и приверженец дарвинизма и материализма, Вирхов, особенно начиная с 70-х годов прошлого столетия, круто поворачивает в сторону реакции и делается сторонником антидарвинизма, играя в то же время реакционную политическую роль в качестве члена «прогрессивной» партии.

И нужно было иметь немало мужества, чтобы начиная с этого периода выступать в защиту материализма, в защиту науки, в защиту дарвинизма против реакции, мракобесия и поповщины. И Геккель нашел в себе мужество пойти против течения. Отсюда та мировая известность Геккеля, которую он завоевал, отсюда та острая политическая и философская борьба, которая разгорелась вокруг его выступлений.

Первое крупное столкновение Геккеля с официальной наукой и казенной философией произошло в 1874 г., после того как он выпустил свою книгу «Антропогения, или история развития человека». Блестящая защита теории эволюции в применении к человеку, яркий и популярный язык, разоблачение и нападки на религию и ее вождей и приверженцев, широкая картина общего материалистического мировоззрения, противопоставляемого идеализму и поповщине,—все это вызвало взрыв негодования и кучу нападок на Геккеля. Был поставлен вопрос, может ли лицо, «развращающее» широкие народные массы разоблачением «таинства» зарождения и эмбриологии человека, нападающее на религию и придерживающееся «безбожного» дарвинизма, быть профессором германского университета. Однако крупный мировой авторитет Геккеля в области его специальности, поддержка, которую он получил в антиклерикальных кругах, спасли Геккеля от изгнания из университета. От разгула реакции не спаслись, однако, многие другие, преимущественно связанные с социал-демократией научные работники (Дюринг, Аронс и некоторые другие).

Однако вопрос о свободе науки и свободе преподавания стал перед правящими классами во весь рост. Революционные выводы, делаемые из научных открытий, и использование их пролетарским движением испугали не только лагерь реакции и воинствующего черного интернационала — церкви, но и значительную часть либеральной буржуазии. Начинают как из рога изобилия сыпаться речи о «свободе» науки и преподавания. Раздаются голоса о необходимости «разумного» использования свободы науки и преподавания. Это движение в философии подкрепляется попытками философов и некоторых естествоиспытателей доказать непознаваемость и неразрешимость тех самых вопросов, вокруг которых шла борьба и которые являлись коренными вопросами мировоззрения. И по той и по другой линии Геккель выступил на защиту науки.

В 1877 г. Геккель на Мюнхенском с'езде естествоиспытателей и врачей выступает с докладом «О современном учении о развитии и его отношении к науке в целом» [1]). В ответ на это выступление на том же с'езде Вирхов делает доклад «О свободе науки в современном государстве» [2]), направленный против Геккеля. Вирхов в своей речи, ссылаясь на «печальные» события, к которым привели теории, подобные дарвинизму, события, произошедшие в «соседней» стране (Парижская коммуна), предлагает отказаться от свободного изложения перед широкими народными массами «спорных» теорий и

[1]) E. Haeckel «Gemeinverständliche Vorträge und Abhandlungen aus dem Gebiete der Entwicklungslehre». Band II, S. 119—146. Bonn. 1902.

[2]) R. Virchow «Die Freiheit, der Wissenschaft im modernen Staat». Berlin. 1877.

ограничить школьные программы «строго установленными» истинами. При этом дарвинизм, учение о происхождении человека и т. п. оказываются в числе «недоказанных» истин.

Против этой речи Вирхова Геккель выступил с особой брошюрой «Свободная наука и свободное учение» [1]). Несмотря на то что он в ней пытался снять с дарвинизма упрек в связи с социалистическим движением, несмотря на все другие его непоследовательности защита им дарвинизма и науки вообще вызвала вой враждебных голосов. Поповский лагерь требовал ограничения пропаганды и преподавания естествознания. «Новая евангелическая церковная газета», газета «Германия» и ряд других выступили против «догм» науки, против «обезьяньих фанатиков» на стороне Вирхова, Дюбуа-Раймона, Нэгели и других противников Геккеля. Первая из упомянутых газет писала: «Мы ничего не требуем от естествоиспытателей, кроме признания, что по ту сторону результатов их научного исследования имеется область невидимого и неисследуемого, куда никогда не проникнут ни лупа, ни скальпель, где господствуют только в е р а и о т к р о в е н и е. Если бы эта граница всегда правильно соблюдалась, то теология и исследование природы никогда не стали бы в противоречие, которое вредно для них обоих, и профессорское явление, наподобие Геккеля, было бы невозможно» [2]).

Но это «кроме» означало отказ от материализма в естествознании, от всех выводов, которые с неизбежностью вытекали из научных открытий, сделанных в XIX в. Навстречу этому требованию и шли те философы и естествоиспытатели, которые выбросили лозунг «Назад к Канту» и т. д. Наиболее печальную известность в этом отношении приобрел Дюбуа-Раймон своей речью, произнесенной 14 августа 1872 г., «О границах познания природы», где он выставил свой лозунг «Ignorabimus» («никогда не познаем»). В 1880 г. он продолжил свой поход против науки в речи «О мировых загадках», где об'явил неразрешимыми или неразрешенными 7 проблем: 1) отношение материи и силы, 2) происхождение движения, 3) происхождение жизни, 4) целесообразность в природе, 5) происхождение ощущения и сознания, 6) происхождение мышления и речи и 7) свобода воли.

Геккель и по этой философской линии выступил с горячим протестом и убедительнейшими аргументами в защиту науки, которые популярно изложил в своей книге «Мировые загадки» (1899 г.). Впротивовес дюбуа-раймонским сомнению и отчаянию в возможности познания, впротивовес его лакейству перед фидеизмом Геккель выдвинул прямо противоположную оценку успехов естествознания в XIX в. Открытие законов сохранения вещества и энергии, учение об эволюции Дарвина, клеточное учение, атомистика Дальтона, успехи техники и специальных отраслей естествознания, по Геккелю, углубили наше познание природы и создали основу для научного мировоззрения. Вкратце Геккель это научное мировоззрение формулировал в начале своей книги так:

«1. Мироздание (вселенная, космос) вечно, бесконечно и безгранично. 2. Его субстанция со своими двумя атрибутами (материей и энергией) заполняет бесконечное пространство и находится в вечном движении. 3. Это движение протекает в бесконечном времени в форме непрерывного развития, с периодической сменой появления и исчезновения, образования и распадения. 4. Бесчисленные небесные тела, рассеянные в заполняющем пространство эфире, все без исключения подчиняются закону субстанции; в то время как в одной части вселенной вращающиеся тела медленно идут навстречу своему

[1]) «Gemeinverständliche Vorträge und Abhandlungen». Band II, S 199—324.
[2]) Ibidem, S. 311.

упадку и исчезновению, в другой части мирового пространства происходит новое образование и развитие их. 5. Наше солнце есть одно из этих бесчисленных бренных небесных тел, а земля — одно из бесчисленных недолговечных планет, их окружающих. 6. Земля наша прошла через долгий процесс охлаждения, прежде чем на ней могла появиться вода в капельно-жидком состоянии, создаться первое предварительное условие органической жизни. 7. Последовавший затем биогенетический процесс, медленное развитие и преобразование бесчисленных органических форм потребовали многих миллионов лет (более ста!). 8. Из различных животных групп, развивавшихся на нашей земле в течение биогенетического процесса, группа позвоночных далеко опередила все другие в борьбе за развитие. 9. Важнейшая ветвь группы позвоночных—класс млекопитающих—очень поздно (в триасовом периоде) выделилась из низших гадов в земноводных. 10. Совершеннейшей и наиболее развитой ветвью этого класса является отряд приматов, появившийся лишь в начале третичной эпохи (не менее трех миллионов лет тому назад) путем превращения из низших последних или древних плацентарных животных (прохориатов). 11. Последним и самым совершенным разветвлением группы приматов является человек, происшедший в конце третичной эпохи из целого ряда человекообразных обезьян. 12. Следовательно, так называемая «всемирная история», т. е. короткий промежуток в несколько тысячелетий, на протяжении которых разыгрывалась история человеческой цивилизации, составляет ничтожный эпизод в долгом процессе органической истории земли; эта же последняя в свою очередь является крохотным отрывком из истории нашей планетной системы; и подобно тому как наша мать-земля есть лишь бренная солнечная пылинка в бесконечной вселенной, так и отдельный человек есть ничтожное зернышко плазмы среди тленной органической природы» [1].

Дав этот краткий итог достижений естествознания XIX в., Геккель писал: «Ничто не представляется мне в такой мере способным, как эта грандиозная к о с м о л о г и ч е с к а я п е р с п е к т и в а, установить для нас с самого начала правильный масштаб и широкую точку зрения, которыми мы должны руководствоваться при разрешении великих мировых загадок, окружающих нас» [2]).

Вся книга Геккеля, более того, вся его научная деятельность были посвящены доказательству того, что «мировые загадки» Дюбуа-Раймона совсем не неразрешимые загадки, а успешно решаются современным естествознанием.

Геккель показывает, что первая загадка решается тем, что естествознание раскрывает сущность материи и силы, изучая смену форм материи и «силы». Ничто не создается из ничего, и все есть лишь смена форм материи. Основным ответом на первую загадку являются законы сохранения вещества и энергии.

Вторая загадка современным естествознанием решается так, что движение признается основным, нераздельным свойством (атрибутом) материи.

Третья загадка решается учением об эволюции и естественном зарождении жизни из неорганических веществ.

Четвертая загадка — возникновение целесообразности в природе—об'ясняется дарвинизмом. Именно Дарвин показал, как появляется целесообразность в мире животных и растений.

---

[1]) Э. Геккель «Мировые загадки», стр. 20—22. Москва. 1922.
[2]) Там же, стр. 22.

Пятая загадка — появление ощущений и сознания — решается тем, что движение, присущее материи, изначально, а в первичной форме психического акта, в форме раздражимости, встречается у самых простых живых существ.

Шестая загадка — возникновение разумного мышления и речи — решается доказательством того, что они развиваются в процессе эволюции животного царства и об'ясняются учением Дарвина.

Что же касается седьмой загадки — свободы воли, — то ее Геккель отбрасывает совсем, так как «в качестве чистой догмы она основана на иллюзии и в действительности совсем не существует» [1]).

Несколько сот страниц своей блестящей популярной книги Геккель посвятил доказательству разрешимости «мировых загадок» на основе современного естествознания.

Научное мировоззрение, возникающее на основе современного естествознания, Геккель противопоставил суевериям, вере в чудесное, поповщине вообще. «Характернейшую особенность истекшего XIX столетия, — писал он,—составляет все более возрастающая острота противоречий между наукой и христианством» [2]). «Либо победит «душеспасительная церковь», и тогда вообще прекратятся «свободная наука и свободное преподавание», наши университеты превратятся в общежития, а гимназии—в монастыри. Или же победит современное государство разума и труда в XX веке. Именно для достижения этой высокой цели и представляется крайне важным, чтобы современная наука не только разрушила лживое здание суеверия и убрала с дороги его пыльные развалины, но и воздвигла на освободившемся месте новое обитаемое строение для человеческого духа, дворец разума...» [3]).

Вскрывая вредную роль церкви, Геккель своей книгой много сделал для разоблачения церковных суеверий о загробной жизни, о непорочном зачатии девы Марии [4]) и т. д. Не поскупился Геккель и на яркие слова для характеристики современной церкви и ее руководителей. Римских пап он в своих «Мировых загадках» характеризует следующим образом: «Огромное большинство их было бессовестными шарлатанами и обманщиками, многие же— преступными негодяями» [5]).

Поэтому величайшую опасность для науки и для распространения научного мировоззрения, особенно в широких массах, Геккель видел в союзе церкви и государства. «Хуже всего то,—писал он,—что современное культурное государство бросается в об'ятия враждебной культуре церкви...» [6]).

Неудивительно, что борьба Геккеля за научное мировоззрение, борьба с темнотой, невежеством и церковью, встретила ожесточенное сопротивление в лагере реакции, в лагере поповщины не только в Германии, но и в ряде

---

[1]) Э. Геккель «Мировые загадки», стр. 23.
[2]) Там же, стр. 288.
[3]) «Мировые загадки», стр. 312.
[4]) В своей книге «Мировые загадки», в отделе «Генеалогия Христа», Геккель приводит один интересный случай из его наблюдений над отношением итальянского крестьянства к мифу о непорочном зачатии. Геккель был свидетелем, как обманутого своей женой мужа называли Беппо (Джузеппо—Иосиф) в память престарелого мужа евангелической «непорочной» девы Марии Иосифа. См. об этом «Мировые загадки», стр. 375.
[5]) Там же, стр. 302.
[6]) Там же, стр. 16.

других стран. Перевод «Мировых загадок» на многие языки, распространение их в невиданном количестве экземпляров (в Германии к 1906 г. было распространено около 200 тыс. экз., в Англии — около того же количества; всего Геккель к этому времени насчитывал до 1 млн. экз. «Мировых загадок», распространенных в различных странах) [1]), превращение борьбы вокруг мировых загадок в массовое движение—все это сделало защиту Геккелем науки предметом классовой борьбы и в то же время доставило ему мировую известность.

На Геккеля ополчились и богословы, и философы, и ученые. Написаны были десятки толстых книг и сотни статей, посвященных «опровержению» геккелевской попытки решить мировые загадки. В Германии поповщина выступила в лице Лоофса, Деннерта и др. Лоофс, профессор истории церкви в Галле, выпустил целую книгу «Анти-Геккель», Деннерт написал об'емистую книгу «Правда об Эрнсте Геккеле и его «Мировых загадках» по отзывам его товарищей по специальности» [2]).

В царской России против Геккеля из лагеря поповщины выступил Н. М. Соловьев. Этот поборник философского черносотенства написал в свое время ряд статей против Геккеля, Мечникова и К. Тимирязева и затем издал их отдельной книгой. Так как эта книга появилась в свет уже в начале империалистической войны, то Соловьев борьбу против Геккеля сдобрил черносотенно-шовинистической приправой. Он посвятил свою книгу «памяти православных воинов, павших в борьбе с немцами», соответствующим образом раз'яснив это посвящение применительно не только к Геккелю, но и к Фейербаху и ряду других немецких мыслителей [3]).

Кроме Соловьева выступали против Геккеля Лопатин и другие.

Во всех этих открыто поповских выступлениях все точки над «и» были поставлены. Геккеля старались смешать с грязью. Его обвиняли в невежестве, подлоге и во всех смертных грехах. Уже упомянутый Лоофс, нагромоздив в своей книге кучу сознательных оскорбительных выражений по адресу Геккеля, закончил свое выступление следующим образом: «Это жестокий приговор. Все мои выводы оскорбительны. Я так писал, что любой суд мог бы меня обвинить в оскорблении моего коллеги из Иены, если бы я вместе с тем не приводил доказательств справедливости моих утверждений. Я признаю себя побежденным лишь судебным приговором, основанным на предварительной экспертизе сведущих лиц» [4]).

Но Геккель не подал в суд и не вызвал Лоофса на дуэль. Он не поддался на эту гнусную провокацию.

Прикрыто и поэтому еще более гнусно выступили против Геккеля философы из рядов кантианства: Адикес, Паульсен и другие.

Так, Паульсен изображал себя противником поповщины, он защищал в своей статье кантианство «на два фронта». Он признавал в отличие от открытых попов и апологетов фидеизма заслуги Геккеля в области защиты дарвинизма и в области специальных исследований. Однако критика Паульсена, одетая в наукообразный костюм кантианства, по существу та же, что и критика открытой поповщины. Поэтому и вывод, к которому пришел Паульсен в своей статье, тот же, что и у Лоофсов, Деннертов и им подобных.—«Я читал эту книгу (Геккеля.—*А. М.*) с жутким стыдом,—писал он,—

---

[1]) E. Haeckel «Monismus und Naturgesetz», S. 14. 1906.

[2]) Эта книга была переведена и на русский язык. См. Деннерт «Геккель и его «Мировые загадки» по суждениям специалистов». Москва. 1909.

[3]) Н. М. Соловьев «Научный атеизм». Сборник статей о профессорах Геккеле, Мечникове и Тимирязеве. Москва. 1915.

[4]) Э. Геккель «Мировые загадки», стр. 392.

со стыдом за состояние общего образования и философского образования нашего народа. Прискорбно, что оказалась возможность издать такую книгу, что она могла быть написана, напечатана, раскуплена, прочитана, удостоена удивлением и доверием народа, который имеет Канта, Гете, Шопенгауэра. Но—познай самого себя» [1]).

Удар в спину нанесен был Геккелю рядом ученых, которые вместо защиты науки против поповщины стали на сторону враждебного науке лагеря. В Германии, кроме Вирхова и Дюбуа-Раймона, против Геккеля выступили с «научными» аргументами Рейнке и другие виталисты. В России профессор Хвольсон проявил столько полемического задора, что поехал в Германию и издал в 1906 г. на немецком языке, по оценке Ленина, «подлую черносотенную брошюрку» «Гегель, Геккель, Коссут и двенадцатая заповедь», которую почти целиком и посвятил Геккелю.

В Англии против Геккеля выступил Лодж, поборник спиритизма, и т. п. Эти выступления сыграли особенно гнусную роль, так как они исходили от признанных ученых и «опровергали» Геккеля якобы научными аргументами. Поповщина особенно обрадовалась этим выступлениям, и Деннерт, Соловьев и другие, захлебываясь, цитировали «ученых» опровергателей Геккеля.

Но каковы были эти «ученые» аргументы, можно показать на брошюре Хвольсона. Двенадцатая заповедь Хвольсона гласит: «Никогда не пиши о том, чего не знаешь». В другом месте брошюры Хвольсон выразил эту заповедь еще проще: «Сапожник, оставайся при своем деле» [2]). Вывод, который Хвольсон сделал в брошюре относительно Геккеля, гласил следующее: «Результат нашего исследования можно назвать ужасным; при чтении «Мировых загадок» местами волосы дыбом становятся. Все, буквально все, что Геккель говорит, об'ясняет и утверждает при упоминании вопросов физики, ошибочно, основано на недоразумениях или указывает на почти невероятное незнакомство с самыми элементарными вопросами» [3]). По аналогии Хвольсон полагал, что и в отношении других дисциплин Геккель все переврал. Получалось, что, как писал сам Геккель о себе по поводу этого заключения Хвольсона, «от моей достойной сожаления личности и моих натурфилософских очерков в конце концов ничего не остается» [4]).

Но в действительности защита Хвольсоном Дюбуа-Раймона носила ярко партийный и антинаучный характер. Обвиняя Геккеля в невежестве в области физики, Хвольсон выступил против «единства сил природы», против геккелевского отрицания всеобщности второго закона термодинамики со всеми нелепыми выводами из него: о тепловой смерти вселенной, божественном предопределении судеб мира и т. п. Геккель писал в «Мировых загадках»: «Если бы это учение об энтропии было правильно, то предполагаемому «концу» мира должно было бы соответствовать и «началу», минимум энтропии, при котором температурное различие между обособленными частями вселенной было бы наибольшим. На наш монистический и строго последовательный взгляд на вечный космогенетический процесс, оба воззрения представляются одинаково несостоятельными, оба противоречат закону субстанции. Начала мира так же не существует, как и конца. Как мир бесконечен, так он пребывает и в вечном движении; превращение живой силы в упругую и наоборот совершается безостановочно, и сумма этой потенциальной и актуальной энергии всегда одна и та же. Второе основополо-

---

[1]) Fr. Paulsen «E. Haeckel als Philosoph». Preussische Jahrbücher. Band 101, S. 29—72. 1900.

[2]) Хвольсон «Гегель, Геккель, Коссут и двенадцатая заповедь», стр. 63. СПБ. 1911.

[3]) Там же, стр. 117.

[4]) E. Haeckel «Monismus und Naturgesetz», S. 33. 1906.

жение механической теории теплоты противоречит первому и должно быть отвергнуто. Защитники же энтропии справедливо ее отстаивают, пока имеют в виду лишь отдельные процессы, при которых в известных условиях связанная теплота не может быть вновь превращена в работу» [1]).

В противоположность этим философски и научно правильным взглядам Хвольсон писал: «Я утверждаю, что открытие этого закона следует признать наивысшим из всего, что до сих пор было достигнуто человеческим гением во всех областях знания» [2]). «Но выше всего, — продолжал он, — мы ценим глубоко философское и космологическое значение этого закона... Материя обесценивается, энергия вырождается».

Здесь же Хвольсон защищает представление о вселенной как о чем-то подобно шаровой поверхности конечном, но безграничном.

Мы теперь знаем еще более основательно, чем во времена Геккеля, что прав был именно биолог Геккель, а не физик Хвольсон. Таким образом «научные» аргументы были лишь наукообразной проповедью поповщины, и справедлива была резкая и краткая характеристика выступлений Хвольсона, данная Лениным.

Геккель не отступил под натиском врагов, не свернул своего знамени, а, напротив, ответил врагам ударом на удар. По литературной линии Геккель дал ответ и Лоофсу, и Деннерту, и Паульсену, и ряду других поборников мракобесия в послесловии к дальнейшим изданиям своих «Мировых загадок».

Хвольсону он ответил особой брошюрой «Монизм и закон природы» [3]). Отметив, что при писании своих «Мировых загадок» он руководствовался указаниями профессоров физики—Кнорра, Вилькельмана, Ауэрбаха, Кнопфа, Аббе и других—и опирался на работы Р. Майера, Тиндаля, Гельмгольца, И. Г. Фогта и других, Геккель рассматривает, как сам Хвольсон решает общие вопросы физики в своем «Курсе физики», и справедливо приходит к выводу, что определение силы, энергии у Хвольсона «как почти все его общие рассуждения, в высшей степени неясны и недостаточны; они не делаются от того лучше, что они окружаются об'емистым аппаратом математических формул» [4]).

По поводу конечного, но безграничного мира Хвольсона (Эйнштейна) Геккель писал: «Весь этот прекрасный мировой пузырь Хвольсона есть произвольная фикция, догма, которая окутывается в мантию точной физики и богато украшает себя математическими формулами. Его ограниченный мир соответствует его ограниченному мозгу, мысли которого движутся в самых узких эмпирических границах и, для того, чтобы возвыситься до вселенной, не обладают ни потребностью к этому, ни способностью. Петербургский физик представляет собой тип ограниченного специалиста, который, стремясь в своей узкой, замкнутой специальной области к высшей точности и математической строгости всех единичных знаний, однако остается совершенно слепым в познании великого целого» [5]). Отсюда у таких специалистов, раз'-яснял Геккель, и ненависть к философии и популяризации науки.

Но не только по литературной линии продолжал Геккель борьбу с противниками науки и научного мировоззрения, но и по линии научной общественности и по организации масс. В 1906 г. по почину Геккеля организуется атеистическое общество «Союз монистов», поставившее себе целью борьбу с религией и пропаганду выхода из церкви. Религиозно на-

[1]) «Мировые загадки», стр. 233.
[2]) Хвольсон «Гегель, Геккель, Коссут и двенадцатая заповедь», стр. 97, 117.
[3]) Haeckel «Monismus und Naturgesetz», S. 21.
[4]) Ibidem, S. 22 — 23.
[5]) Ibidem, S. 22 — 23.

строенные круги естествоиспытателей и философов впротивовес этому обществу организуют «Кеплербунд» («Союз Кеплера»). В 1908 г. травля Геккеля поповщиной приводит к попытке покушения на его жизнь. В 1910 г. Геккель официально оформляет свой отход от церкви. Движение, возглавляемое Геккелем, продолжалось и после его смерти, после окончания империалистической войны. «Союз монистов» существовал, издавал журнал (сначала «Монистические ежемесячники», затем «Голос разума»), но, раздираемый противоречиями, без особой борьбы был разрушен фашистами после прихода к власти Гитлера.

Таковы краткие итоги борьбы Геккеля за науку и научное мировоззрение. Им было много сделано для популяризации естествознания и особенно дарвинизма, и его аргументы против поповского мировоззрения сослужили большую положительную роль. И, однако, движение, возглавлявшееся Геккелем более полустолетия, в настоящее время можно считать буржуазным движением, прекратившим свое существование. В чем причины этого? Причины этого кроются в непоследовательности Геккеля в области философии и в том, что он целиком оставался на почве буржуазного мировоззрения и в его реакционной политической позиции.

* * *

Непоследовательность философской линии Геккеля выразилась прежде всего в его отношении к материализму. Геккель свое мировоззрение называл монизмом и ошибочно полагал, что оно выше материализма, а материализм считал односторонней формой монизма. Под материализмом Геккель понимал учение, которое все сводит к материи, а движение считает чем-то вторичным, производным и чуждым материи. Еще Энгельс отметил нелепость такого представления о материализме. «Где он выкопал свой материализм?»—иронически спрашивал Энгельс [1]).

Геккель видел преимущества своего монизма в том, что он движение считал атрибутом материи и мышление—производным явлением в развитии материального мира. Но уже домарксовские формы материализма решали этот вопрос более основательно чем Геккель и именно в смысле единства материи и движения.

Не материализм был односторонней формой монизма, а, наоборот, монизм был в действительности одной из непоследовательных, примитивных форм материализма. И в этом отношении философские противники Геккеля справа были близки к истине, когда они открыто в своих наступлениях против Геккеля обвиняли его в том, что под флагом монизма скрывается и пропагандируется ненавистный им материализм. Так, Деннерт довольно удачно назвал термин «монизм» «салонным названием материализма». Но Геккель не имел смелости называть свое мировоззрение материалистическим.

Второй ограниченностью материализма Геккеля был его механицизм. Геккель полагал, что об'яснение явлений природы должно считаться полным, когда «мы в состоянии законы природы установить в форме неопровержимых математических формул, а явления выразить при посредстве меры, числа и веса» [2]). Исходя из этой точки зрения, Геккель полагал, что об'яснение жизненных явлений должно заключаться в сведении их к физико-химическим явлениям. Поэтому аргументация Геккеля против витализма и идеализма, в основном совершенно правильная философски, приобретала при ее детализации односторонний и примитивный характер. Поэтому Геккель не избежал существенных ошибок и в области биологии (его отношение к генетике).

Наконец, непоследовательность Геккеля сказывалась в его уступках идеализму (дуализму по его терминологии). Отвергая наличие неразрешимых

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч. Т. XIV, стр. 419.
[2]) Haeckel «Monismus und Naturgesetz», S. 5.

мировых загадок, Геккель позволял себе, однако, и такого рода заявления, когда он утверждал непознаваемость «внутренней сущности субстанции», непознаваемость «вещи в себе» [1]).

Но самой существенной ограниченностью и непоследовательностью геккелевского материализма было то, что его материализм был исключительно естественно-научным материализмом. Он не только не был в состоянии распространить материалистическое мировоззрение на область общественных явлений, но, более того, общественные явления сводил к биологическим явлениям. В духе рационалистов и просветителей XVIII в. Геккель полагал, что общественные противоречия имеют свой корень в незнании законов отправления человеческого организма. «Строение и жизнь социального тела, т. е. государства, мы правильно поймем лишь тогда, когда будем обладать естественно-научным знанием «строения и жизни» личностей, составляющих государство, и клеток, составляющих эти личности. Если бы наши «вожди государства» и сотрудничающие с ними «народные представители» обладали этими драгоценными предварительными сведениями по биологии и антропологии, то мы не наталкивались бы каждый день в газетах на ужасающее обилие социологических промахов и политической болтовни, которыми, к несчастью, пестрят наши парламентские отчеты и многие правительственные акты» [2]).

Поэтому Геккель рекомендовал правоведам изучение антропологии, психологии и эмбриологии, и тогда они не будут делать тех «ошибок», которые они делают.

Как видим, сведение общественных явлений к биологическим у Геккеля приводит его по существу к идеализму в общественных явлениях («незнание» — причина общественных неустройств) и к реакционным политическим выводам.

Неудивительно, что, стоя на этой позиции, Геккель — революционер в науке—в области политических вопросов оказался самым настоящим филистером реакционного пошиба. Присоединяясь и неоднократно повторяя положение Уоллеса, что «по сравнению с нашими изумительными успехами в физических науках и в сфере их практического применения наша система правления, административной юстиции, народного образования и весь наш общественный и моральный уклад пребывают в состоянии варварства», несмотря на неоднократное констатирование все большего разгула реакции. Геккель приходил в восторг от «культуркампфа» Бисмарка [3]).

Смелый мыслитель в области естествознания, Геккель запутывался в политических вопросах в трех соснах и впадал в реакционную, буржуазную апологетику, как только дело заходило о политике. Неудивительно, что в период империалистической войны Геккель, бывший ранее пацифистом, не избежал шовинистического угара.

Полная беспомощность и неспособность выйти за границы ходячих буржуазных политических взглядов сказались у Геккеля и на его программе действия в области борьбы с религией. Считая церковь непримиримым врагом науки, считая веру в личного бога несовместимой с научным мировоззрением, Геккель считал возможным говорить и даже пропагандировать монистическую религию—разновидность пантеизма. Поэтому Геккель допускал возможность найти путь примирения между несколько подкрашенной религией и наукой.

---

[1]) «Мировые загадки», стр. 351.
[2]) Там же, стр. 16.
[3]) Там же, стр. 311.

Мы видим, таким образом, что если в области философии Геккель не вышел за пределы буржуазного материализма второй половины XIX в., то в области политики он погряз в болоте реакционного мещанства.

Непоследовательность мировоззрения Геккеля и была причиной неудачи и крушения всего его монистического движения на буржуазной почве.

* * *

Мы видели выше, что поповщина критиковала Геккеля справа, пытаясь сбить его с его позиций и заставить отступить под напором реакции.

Прямо противоположная критика Геккеля—критика слева—исходила из рядов пролетарского движения, с позиций марксизма. Еще Энгельс критиковал непоследовательность Геккеля, одновременно защищая его от несправедливых и неправильных реакционных нападок Дюринга [1]).

Критиковал Геккеля и И. Дицген. В своих «Экскурсиях социалиста в область теории познания», в главе «Дарвин и Гегель», Дицген решительно возражал против геккелевской «монистической чистейшей формы веры» и доказывал, что Геккель «все еще сидит на... дуалистическом коне», т. е. непоследователен в своей борьбе с религией [2]).

Точно так же возражал Дицген против утверждений Геккеля о непознаваемости последних или первых причин явлений.

Источник непоследовательности Геккеля Дицген, повторяя по существу Энгельса, видел в том, что Геккель «недостаточно усвоил себе результаты чуть ли не 3-тысячелетнего развития философии», что «великий Гегель, развивший учение о мышлении, для него так и не существовал» [3]).

Но Энгельс и Дицген были уже в могиле, когда разгорелся ожесточенный бой вокруг геккелевских выступлений, особенно в связи с появлением его «Мировых загадок». В этот период о Геккеле писал ряд авторов из марксистского лагеря: Унтерман, Кунов, Блажко, Паннекук, Энрико, Геркнер и ряд других. Но все эти авторы, критикуя Геккеля, сами в той или иной степени ревизовали марксизм и нередко подменяли марксизм плохо понятным дарвинизмом. Поэтому они не могли указать правильного пути решения проблем, поднятых Геккелем.

Более развернутую марксистскую критику позиции Геккеля в его «Мировых загадках» дал до Ленина Меринг в своей статье «Мировые загадки», помещенной в журнале «Ди нейе цейт» [4]).

Меринг свою критику начал с рассмотрения предисловия Геккеля к его «Мировым загадкам». «Старый план,—писал там Геккель,—лелеявшийся много лет подряд, о том, чтобы построить целую систему монистической философии на основе учения об эволюции, не будет приведен в исполнение. Силы мои не соответствуют такой задаче, и многообразные симптомы надвигающейся старости побуждают кончить работу» [5]). Меринг отмечает, что дело совсем не в возрасте Геккеля, такая же участь постигла и Штрауса. Причины их неудач в создании цельного мировоззрения кроются не в недостатке сил, а имеют более глубокие причины. Им потому не удалось примирить философию и естествознание в едином мировоззрении, пишет Меринг, «что им была неизвестна та область, в которой только и возможно примирить науку о духе и науку о природе,—область общественных взаимоотношений». «Как Штраус,—продолжал Меринг,—решил тайну мифа евангелической истории с тем, чтобы признать мистическую тайну династии Гогенцоллернов, так же и Геккель изгоняет любезного господа бога из все-

[1]) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 71 и др.

[2]) И. Дицген «Экскурсии социалиста в область теории познания», стр. 74. 1907.

[3]) Там же, стр. 80 — 81.

[4]) Mehring «Die Welträthsel». «Die neue Zeit», 1899 — 1900.

[5]) «Мировые загадки», стр. 6.

ленной для того, чтобы торжественно признать Бисмарка могущественным государственным деятелем, который разрешил «политическую мировую загадку» немецкой нации» [1]).

Причина этого кроется в том, что Геккель—«материалист и монист, но не исторический; он полагает, что законы, которые имеют значение в природе, без дальнейшего могут быть перенесены на общество, и получает при этом такие философские выводы, убожество которых почти не поддается никакому описанию». Поэтому Геккель в религиозных суевериях видит причину социальных зол, поэтому он роль партии центра и католической церкви об'ясняет невежеством людей, поэтому он переоценил «культуркампф» Бисмарка. «Это так же хорошо, как и бессмысленно, и капуста не станет от того жирнее, если добавится еще пара об'яснений такого же калибра» [2]).

В конце концов—подводил Меринг итог выяснению причин ошибок Геккеля—«Геккель как философ в конце XIX века является отсталым в такой степени, в какой трудно себе представить в отношении столь способной и образованной головы, если бы это исчерпывающим образом не об'яснялось полной неспособностью естественного научного материализма что-либо сказать в области общественных явлений» [3]).

Так критиковал Меринг Геккеля.

Правильно вскрывая непоследовательность и ограниченность его материализма, Меринг, однако, и сам несвободен был от ошибок. Так, он присоединился к положению Геккеля, что сущность субстанции с каждым новым открытием делается все более загадочной, что «вещь в себе» есть нечто мистическое и непостижимое. Таким образом Меринг, стоявший неизмеримо выше ревизионистов и, по оценке Ленина, не только желавший, но и умевший быть марксистом, сам делал уступку агностицизму и не доводил критики Геккеля до конца.

И лишь Лениным были даны всесторонняя критика и оценка Геккеля и всего состояния естествознания начала XX в. как и отношения оппортунистов и ревизионистов к естествознанию. Замечательная книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» посвящена выяснению того, как целый ряд писателей, желающих быть марксистами, предпринял поход против философии марксизма, как они, опираясь на якобы новейшие учения в естествознании XX в., договариваются до прямого фидеизма и как пособил махизм им свихнуться в фидеизм. Последний же, § 5 последней, шестой главы своей книги Ленин посвятил Геккелю.

Вся книга Ленина направлена на разоблачение предательской роли оппортунистов и ревизионистов, раз'яснению того, как извращением учения Маркса, некритическим отношением к буржуазной идеологии они прокладывают путь для враждебного пролетариату влияния и протягивают руку враждебному пролетариату лагерю. В то же время Ленин критиковал и тех, кто хотел и мог быть марксистами, например Дицгена. Ленин подчеркивал, что Дицген сбивался временами с последовательно материалистической позиции и допускал такие выражения, как «примирение идеализма с материализмом» и т. п., что давало возможность различным путаникам сочинять даже особое учение «натурмонизма», «дицгенизма» и т. д. [4]).

Особенностью «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина является то, что в отличие от других его сочинений, где он подвергал убийственной критике ревизионизм и оппортунизм и беспощадно вскрывал всякие шатания в связи с политической борьбой, здесь он анализ ревизионизма связал с ана-

---

[1]) Mehring «Die Welträthsel», I. c. S. 418.
[2]) Ibidem, S. 418.
[3]) Ibidem, S. 419.
[4]) Ленин. Собр. соч. 2-е изд. Т. XIII, стр. 202.

лизом состояния естествознания в эпоху империализма, с борьбой в области философии.

Причиной того, почему отношение ревизионистов к естествознанию привлекло внимание Ленина, являлись те особые процессы, которые стали в естествознании развиваться с конца XIX в. С этого времени появляется особая разновидность физиков-идеалистов, которые вопреки всему опыту всей истории развития естествознания стали пытаться каждое новое крупное открытие в физике истолковывать идеалистически. Этих физиков стали держаться философы-идеалисты и откровенно поповский лагерь.

Однако этот поход против науки физики-идеалисты выдавали за поход против метафизики в естествознании, против отживших понятий и законов, за революционную ломку. Именно эта псевдореволюционная словесность и реакционная сущность послужили источником того, что ревизионизм, не видя реакционной сущности, прельстился псевдореволюционной словесностью и предпринял пересмотр якобы «устарелого» учения Маркса на основе новейших «открытий» физиков-идеалистов.

Ленин показал, что эти «открытия» есть всего лишь повторения в новой форме идеализма Беркли, Юма и Канта.

Однако псевдореволюционная словесность физиков-идеалистов имела и свой жизненый корень в тех новейших открытиях, которые действительно революционизировали все здание физики начиная с конца XIX в. (радиоактивность, учение об электричестве). Но, вместо того чтобы увидеть в этих открытиях дальнейший шаг в познании нами природы, а в ломке физических понятий—необходимость дальнейшего развития и пересмотра понятий физики с целью лучшего отражения ими познаваемой нами природы, эти физики-идеалисты стали утверждать абсолютную относительность всякого знания, суб'ективизм всяких понятий физики. Отсюда и проистек тот кризис физики, который потрясает ее и до настоящего времени.

Ленин показал, что борющимися партиями и по вопросам естествознания являются те же партии, которые борются в философии,—материализм и идеализм, и что борьба этих партий выражает в последнем счете тенденции и идеологию враждебных классов в современном обществе.

На основе этого глубокого и широкого анализа, на основе последовательной и непримиримой ко всяким уклонам и шатаниям линии и дал Ленин свою оценку борьбы вокруг Геккеля.

Ленин прежде всего вскрыл партийный—черносотенно-поповский—характер критики Геккеля откровенными идеалистами и фидеистами типа Лопатина. С Лопатиными же идут и махисты, одни—более открыто (Петцольд например), другие—более скрыто, более путано (Мах). Там, где путают и не договаривают махисты, за них договаривают и доводят их рассуждения до конца открытые фидеисты—имманенты. Роль Маха в том и заключается, чтобы, на словах отгораживаясь от прямых фидеистических выводов, на деле предавать естествознание фидеизму.

Этой предательской роли махизма и противопоставлял Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» роль Геккеля.

Он подчеркивал, что «буря, которую вызвали во всех цивилизованных странах «Мировые загадки» Геккеля, замечательно рельефно обнаружила партийность философии в современном обществе, с одной стороны, и настоящее общественное значение борьбы материализма с идеализмом и агностицизмом—с другой» [1]).

Эта борьба показала истинное значение выступления Геккеля. В то время как он сам отрекался от материализма, выдумывал свою монистиче-

---

[1]) Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 284—285.

скую религию, его честная и смелая защита научных достижений XIX в. и развиваемого им научного мировоззрения не могла не сослужить службу материализму. Поэтому выступление Геккеля было встречено таким звериным воем во всех отрядах идеалистического лагеря, такой бешеной бранью казенных профессоров философии. «Весело смотреть, — писал Ленин, — как у этих высохших на мертвой схоластике мумий—может быть первый раз в жизни—загораются глаза и розовеют щеки от тех пощечин, которые надавал им Эрнст Геккель. Жрецы чистой науки и самой отвлеченной, казалось бы, теории прямо стонут от бешенства, и во всем этом реве философских зубров (идеалиста Паульсена, имманента Ремке, кантианца Адикеса и прочих, их же имена ты, господи, веси) явственно слышен один основной мотив: против «метафизики» естествознания, против «догматизма», против «преувеличения ценности и значения естествознания», против «естественно-исторического материализма». Он материалист, ату его, ату материалиста, он обманывает публику, не называя себя прямо материалистом, — вот что в особенности доводит почтеннейших господ профессоров до неистовства» [1]).

Вскрывая классовый характер борьбы поповщины всех мастей против Геккеля, Ленин в то же время показал, почему выступления Геккеля служили и не могли не служить материализму и защите науки от поповщины несмотря на ограниченность и непоследовательность самого Геккеля. Выступление Геккеля потому служило материализму, что оно выражало «неискоренимость естественно-исторического материализма, непримиримость его со всей казенной профессорской философией и теологией, било в лицо всей профессорской философии и теологии» [2]). Служа материализму, Геккель служил науке, так как «ход развития естествознания несмотря на все его шатания и колебания, несмотря на всю бессознательность материализма естественников, несмотря на вчерашнее увлечение модным «физиологическим идеализмом» или сегодняшнее — модным «физическим идеализмом» отбрасывает прочь все системки и все ухищрения, выдвигая снова и снова «метафизику» естественно-исторического материализма» [3]).

Доказывая на всем протяжении «Материализма и эмпириокритицизма» неразрывность связи естественно-научного материализма с материализмом философским, Ленин в то же время и в отношении Геккеля и всех естествоиспытателей-материалистов (а на стихийно материалистической позиции стоит и не может не стоять большинство их) подчеркивал, что успешной борьба этих естествоиспытателей может быть лишь тогда, когда они выйдут за границы естественно-научного материализма и поднимутся до понимания диалектического материализма, до применения материализма не только к области природы, но мышления и общества.

Незнание диалектического материализма, неумение расширить естественно-научный материализм до исторического материализма—вот препятствие в борьбе естествоиспытателей за окончательную победу научного мировоззрения, за победу над поповщиной, невежеством, темнотой.

Но требование Ленина от естествоиспытателей, чтобы они поднялись до понимания диалектического и исторического материализма, значило, что естествоиспытатели должны, если они хотят разрешить поставленную перед ними историей задачу преодоления поповщины, подняться до понимания главного в марксизме, а главное в марксизме—учение о диктатуре пролетариата.

В области политики—установление диктатуры пролетариата, в области мировоззрения—диалектический материализм —вот два условия окончательной победы науки над поповщиной.

---

[1]) Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 285.
[2]) Там же, стр. 286.
[3]) Там же, стр. 286—287.

Такова была суть ленинского анализа положения в естествознании в начале XX в., такова была критика Лениным Геккеля.

* * *

Двадцать пять лет, прошедшие со времени появления «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина, полностью подтвердили марксистский анализ развития науки в условиях империализма. И нет другого более яркого примера, показывающего путь развития буржуазной науки, как жизнь и борьба лучшего её представителя Эрнста Геккеля и организованного им «Союза монистов».

Э. Геккель—тип лучшего из буржуазных ученых. Он был крупнейшим исследователем и вместе с тем честным мыслителем, опиравшимся в своем мировоззрении на успехи естествознания XIX в. Он был естественно-историческим материалистом и буржуазным атеистом и до конца жизни с успехом защищал свои взгляды против жесточайших нападок взбесившейся идеалистической, черносотенной реакции, ополчившейся на него за материализм и атеизм.

Геккель — один из немногих, кто имел массовую, миллионную читательскую аудиторию.

Борьба Геккеля против черносотенства в науке не кончилась и не могла кончиться поражением. Естественно-исторический материализм, за который он страстно боролся, неистребим. Однако свое последовательное выражение материализм находит лишь в диалектическом материализме Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Геккель же не смог совершить этого перехода в высший класс материализма. Он остался на позициях непоследовательного материализма и буржуазного атеизма. И организованное им общество буржуазных атеистов и монистов стало давать трещины с дальнейшим углублением кризиса естествознания в связи с гигантским обострением противоречий современной капиталистической системы, современного империализма. Организационное начинание Геккеля кончилось и должно было кончиться развалом потому, что не было и не могло быть у членов этого общества единства и последовательности в борьбе за науку и научное, атеистическое мировоззрение на буржуазных позициях половинчатого материализма. А позиции Геккеля, как мы видели выше, были позициями буржуазными.

Геккель не видел и не мог, стоя на буржуазных позициях, видеть исхода своей борьбы и движущих сил этой борьбы. Слепота Геккеля — слепота честного буржуазного ученого, искренне желавшего победы над противниками науки. Но, не видя ничего за пределами своей специальности и за пределами естествознания вообще, Геккель не видел и той единственной исторической силы, которая способна обеспечить победу научного мировоззрения и дальнейшее беспрепятственное развитие науки,—пролетариата.

Не случайно, что геккелевское «монистическое» движение было слабо и много слабее того движения, которое вообще было вызвано появлением его «Мировых загадок» и «Чудес жизни». Это происходило потому, что «Союз монистов» был узкой, малочисленной буржуазной организацией, в то время как борьба против религии была делом прежде всего пролетариата и широчайших масс трудящихся вообще.

Теперь, после победы пролетариата в СССР, когда вопрос «кто кого» в СССР окончательно и бесповоротно решен, когда достигнуты невиданные успехи и темпы социалистического строительства, а СССР стал страной передовой культуры, — для всех ясно, что лишь пролетариат последовательно и до конца борется за науку, за атеистическое, научное мировоззрение.

Правота большевистского пути Ленина и Сталина является доказанной не только основной массе советских ученых. Тысячи иностранных ученых и техников потянулись в СССР и бок о бок с советскими пролетариями борются за выполнение грандиозных планов социалистического строительства.

Эти исторические уроки не остались без влияния и на буржуазных ученых в самих капиталистических странах. Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», переведенная на европейские языки, медленно, но верно делает свое дело. Все более и более растет число ученых, которые не только успехи техники СССР, но и философию пролетариата—диалектический материализм—начинают считать за свое кровное дело. Правда, этот процесс совершается медленно; путь, которым идут к диалектическому материализму иностранные ученые, идет не прямо, а искажается пережитками буржуазной идеологии. И все же число ученых, встающих или пытающихся встать под знамена диалектического материализма, растет. Ляи и Ланжевен во Франции, Стройк и Меллер в Америке — примеры этому. Последние два года в английской литературе, главным образом в коммунистическом журнале «Labor Monthly», прошла дискуссия по вопросу о диалектическом материализме с участием буржуазных ученых, показывающая, что и среди некоторой прослойки английских ученых диалектический материализм стал актуальной проблемой. Все живое тянется к пролетарскому фронту!

Если под руководством пролетариата обеспечены победа науки и расцвет научного мировоззрения, то в лагере буржуазии мракобесие и идеологическое черносотенство вытесняют науку. Лучшие произведения человеческой мысли сжигаются, пропаганда величайших открытий, как например дарвинизма, запрещается, сотнями изгоняются лучшие ученые и лишаются прав гражданства и т. д. Наука превращается в сурогат, служащий для оправдания разгула дубины и топора.

Упадок науки особенно ярко сказался в настоящее время на родине Геккеля, в Германии. Не сбежавшие от фашистского режима ученые принуждены или молчать или пресмыкаться перед современными потомками варваров, вознесенными волной последних усилий окончательно озверевшей буржуазии на президентские и министерские кресла. Неудивительно, что подонки научной общественности находят теперь точку приложения своих сил в фашизированных государствах.

Примером того, до чего может пасть наука, сохраняя еще свою наукообразную форму, может служить современное движение «расологов», «генетиков» и «спецов по наследственности» в Германии. На VII годичном с'езде немецкого Общества науки о наследственности были доложены две работы, о которых журнал «Die Naturwissenschaften» сообщает: «Среди евгенических работ интересны исследования Мукермана о строении семьи прусских полицейских потому, что здесь охвачен отборный по качеству материал как в телесном отношении, так и в интеллектуальном, а также и в отношении характера. Результат—стоящая ниже средней для всего народа рождаемость как раз в этих семьях—настойчиво указывает на необходимость применения действительных средств в смысле положительной расовой гигиены (социальные мероприятия). Противоположную картину дали исследования Фришинейзен-Келера в отношении семей дефективных (Hilfschüler) в Берлине, которые (исследования) в противоположность предыдущей группе обнаружили более высокую чем средняя способность размножения у этой евгенически нежелательной группы» [1]).

[1]) «Die Naturwissenschaften», Heft 2, S. 24. 1934.

Какова «положительная расовая гигиена» и каковы «социальные мероприятия», под которые подводили наукообразную базу исследования «расологов» Мукермана и Фришенейзен-Келера, мы знаем из ежедневных газетных сообщений: концентрационные лагери, топор палача, принудительная стерилизация, английский параграф и т. д. и т. п.—вот плод усилий господ расологов, генетиков и спецов по наследственности.

Стараются от этих профессионалов не отставать и представители других специальностей. Так, физик П. Иордан еще в № 1 Ростокской университетской газеты за прошлый год поместил статью, в которой выступил за коренное преобразование университетов на службу фашизма в стиле господ Мукермана и К°. Он об'явил попытку защищать нефальсифицированную науку продуктом «скучающих голов и либеральствующих интеллигентов».

Геккель родился сто лет назад, когда капитализм еще расцветал.

Теперь капитализм переживает дни своего глубокого упадка. Окончательно ослабевшая буржуазия, отчаянно сопротивляясь наступлению рабочего класса в его борьбе за власть, выбрасывает за борт все либеральное, все буржуазно-демократическое наследство, устанавливая открытую диктатуру дубины и топора. Неудивительно, что наука попадает в немилость и становиться опасной для буржуазии, которая открывает поход против нефальцифизированной науки. Неудивительно, что на родине Геккеля, в Германии, его имя оказывается теперь недостойным упоминания даже в связи с отмечаемым во всем мире столетием со дня его рождения. Такие журналы, как «Naturwissenschaften», не посвятили ни одной строчки памяти Геккеля. Но и такие журналы, как английский «Nature», которые отмечают годовщину Геккеля, не видят и не могут видеть его заслуг в борьбе с мракобесием, в борьбе за научное мировоззрение. Геккель как атеист вычеркнут из списка тех, кого чтит буржуазия.

И лишь в стране победившего под руководством коммунистической партии пролетариата атеистическое движение достигло невиданных в истории успехов. Более того: пролетариат СССР поставил себе целью во второй пятилетке изжить пережитки капитализма и в сознании людей. Это значит, что религия, корни которой установлением диктатуры пролетариата и завершением фундамента социалистической экономики окончательно вырваны, должна быть преодолена и должна навсегда исчезнуть с исторической сцены как гнусный пережиток эксплоататорского строя.

В то же время социалистическая реконструкция промышленности, сельского хозяйства и транспорта подымает миллионные массы до все большего и большего овладения наукой и техникой. Наука и научное мировоззрение— орудие широчайших масс трудящихся СССР в деле строительства социализма. Неудивительно, что наука, имея несокрушимую базу в социалистическом строительстве и движении широчайших масс за овладение техникой, нашла такую почву для своего развития, какой она не имела и не могла иметь ни в какой предшествующий период истории человеческого общества. В СССР открыта новая страница в истории развития науки.

В этом причина того, что подавляющее большинство ученых СССР и уже сотни и тысячи иностранных являются честными борцами за социалистическое строительство и идут вместе с другими отрядами трудящихся под общим знаменем победившего пролетариата.

Упадок науки и разгул поповщины и мракобесия в капиталистических странах, расцвет науки и победное шествие воинствующего материализма— диалектического материализма — в СССР показывают, что путь, который указывал Ленин естествоиспытателям и Геккелю в том числе, есть единственно правильный путь. Лишь пролетарское движение имеет в себе силу окончательно победить темноту и невежество и их организатора и проводника —

церковь—и обеспечить беспрепятственное распространение научного мировоззрения. В то же время лишь диалектический материализм — единственное философское учение, которое является последовательно и до конца научным мировоззрением. Поэтому лишь на основе этого мировоззрения успешно решаются и политические и научные «мировые загадки».

И этот вывод делается все более ясным для широких масс иностранных ученых.

Пусть же столетняя годовщина рождения Геккеля послужит поводом к размышлению для тех, кто еще сомневается!

Ленин и Плеханов как критики махизма

(Очерк ленинской методологии историко-философской критики)

Ситковский Е.

Махистское поветрие, пронесшееся в эпоху реакции, после поражения революции 1905 г. в России, было тесно переплетено с фракционной борьбой того периода внутри РСДРП. Махизм проповедывали Богданов, Базаров, Рожков, теоретики впередовства, идеологи мелкобуржуазного радикализма, состоявшие до определенного этапа членами большевистского крыла партии и меньшевистские философы П. Юшкевич и Валентинов.

Махизм, эта философия реакционного мещанства, стал в ту эпоху в России философским знаменем для отшатнувшихся от революции кругов мелкобуржуазной интеллигенции. Совершенно не случайно в качестве махистов выступали меньшевики П. Юшкевич и Валентинов. Так же не случайно Богданов, Рожков, Базаров через махизм пришли к тому, что выпали из большевистской тележки, скатились к меньшевизму, к борьбе с диктатурой пролетариата. Буржуазно-реакционный махизм вместе с неокантианством был и в известной мере сейчас является официальной философией II интернационала. Против махизма со стороны большевиков выступил Ленин, своей работой «Материализм и эмпириокритицизм» вогнавший осиновый кол в реакционно-идеалистическое философское здание Богданова—Юшкевича. Со стороны меньшевиков махизм критиковали Плеханов и его ученики Деборин и Л. Аксельрод-Ортодокс. Но меньшевистские критики махизма: Плеханов, Деборин, Аксельрод, — извращая классовое существо и большевизма и махизма, делали систематические попытки представить махизм как специфическую философию большевиков.

Сравнительная характеристика ленинских, большевистских методов борьбы с махизмом и тех методов, при помощи которых боролись с махистами меньшевики, в частности, Плеханов, в высшей степени поучительна. Она вскрывает все различие подхода к махизму у Ленина и меньшевиков. Она дает точный ответ на вопрос, чья критика махизма была более действенной, крепче и глубже била по махизму, громя его и вместе с тем подымая на новую, более высокую ступень философию диалектического материализма. Такая сравнительная характеристика, обнаружившая все преимущество ленинской методологии философской киртики, ленинских методов историко-философского исследования по сравнению с методами Плеханова и его учеников, показывает всю важность разработки ленинского этапа в историко-философском исследовании и критике.

I

Основные черты своих методов критики махизма указывает сам Ленин в «Заключении» книги «Материализм и эмпириокритицизм» (т. XIII, стр. 291). Марксист, говорит Ленин, должен с четырех точек зрения подходить к оценке махизма. Прежде всего надо сравнить теоретические основы махизма с диалектическим материализмом, надо дать критику всех положений махизма с точки зрения философского учения Маркса и Энгельса. Во-вторых, надо вскрыть историко-философские корни махизма. В-третьих, надо вскрыть питающие махизм источники в современной науке, особенно в естествознании. В-четвертых, надо вскрыть классовые, партийные корни и тенденции махизма.

Сравнительная характеристика махизма и диалектического материализма осуществляется Лениным в первых трех главах его книги. Все эти три главы носят одно название: «Теория познания эмпириокритицизма и диалектического материализма». «Задача настоящих беглых заметок—показать реакционность махизма и правильность материализма Маркса и Энгельса»,— так формулирует Ленин задачу первых трех глав своей книги (т. XIII, стр. 80).

Последовательно разбирая все основные теоретико-познавательные вопросы, Ленин показывает правильность, соответствие об'ективной действительности всему научному опыту человечества, последовательность, цельность и революционность диалектического материализма и, напротив, ложность махизма, вопиющее противоречие его не только данным науки, но и простому опыту всех здоровых людей, не искушенных в идеалистической философии и не побывавших в сумасшедшем доме, его полнейшую внутреннюю противоречивость и непоследовательность, эклектичность, сплошную реакционность. Материализм рассматривает ощущение, сознание, мышление как вторичное, как свойство высши форм материи. Махизм идеалистически принимает ощущение за первичное, а тела рассматривает как комплексы ощущений. Материализм рассматривает об'ективный мир как первичное по отношению к суб'екту. Махизм строит теорию познания на идеалистической посылке о неразрывной связи суб'екта и об'екта. Материализм утверждает, что физический мир существует независимо и до всякого психического, что последнее есть функция мозга. Махисты строят идеалистическую «безмозглую» психологию, отрицая истину материализма, сводя физическое к психическим «элементам». Материализм признает существование вещи в себе вне человеческого сознания и независимо от него, в то же время отбрасывает неуловимую и непознаваемую кантовскую вещь в себе. Материализм учит, что человеческое познание принципиально неограниченно, что ощущение служит непосредственной связью сознания с внешним миром, что в явлении вещь в себе открывается познающему ее человеку и нет решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе, что все человеческое познание есть отражение об'ективного мира в сознании человека. Махисты сначала идеалистически отрицают существование вещи в себе, а потом, пытаясь вылезть из солипсизма, прибегают к юмистскому агностическому проведению принципиальной границы между познанием и об'ективным миром, софистически рассматривают ощущение как перегородку, отделяющую сознание от внешнего мира. Материализм утверждает существование об'ективной истины, т. е. наличие в человеческих представлениях содержания, не зависящего ни от человека, ни от человечества, махисты же как суб'ективисты и агностики отрицают ее. Материализм признает наличие в относительно истинном человеческом познании элементов абсолютной истины, махизм же сводит теорию познания к релятивизму. Мате-

риализм кладет в основу теории познания критерий практики, махизм же разрывает теорию и практику. Для Маха, говорит Ленин, «практика—одно, а теория познания—совсем другое; их можно поставить рядом, не обусловливая первым второго» (т. XIII, стр. 113 и 114). Материализм утверждает об'ективность причинной связи, махизм же суб'ективистски отрицает причинную связь, подменяя ее функциональной связью как средством описания. «В самой основе своей учение Маха и Авенариуса о причинности есть идеалистическая ложь»,—говорит Ленин (т. XIII, стр. 134). То же самое и в учении о пространстве и времени: материализм утверждает их об'ективность, махизм же реакционно-идеалистически истолковывает их как «упорядоченные системы рядов ощущений».

Общий ленинский вывод из сравнения махизма и диалектического материализма гласит, что «исходный пункт и основная посылка философии эмпириокритицизма есть суб'ектизный идеализм» (т. XIII, стр. 76), что основной ошибкой Маха является солипсизм, к которому неизбежно приводит его суб'ективный идеализм, что Мах, пытаясь выбраться из солипсизма, становится на почву агностицизма, в общем и целом также окрашенного в берклеанские тона. Материализм и махизм—два непримиримых, враждебных, противоположных друг другу философских лагеря.

Подобно неокантианцам, соединявшим этику и теорию познания Канта с историческим материализмом Маркса, Богданов и русские махисты пытались таким же образом соединить учение Маха с общественной теорией Маркса. Ленин говорит, что только при абсолютном невежестве можно толковать о «соединении» учения Маркса с махизмом. Цельное и стройное, вылитое из одного куска стали, материалистическое учение Маркса не может иметь ничего общего с реакционным идеализмом Маха. Марксизм может и должен вести против махистов решительную и резкую борьбу. Мы «отвергаем с порога все основы и философии»,—дважды повторяет Ленин (т. XIII, стр. 265, 277).

II

В IX Ленинском сборнике у Ленина есть замечание по адресу Плеханова о том, что последний «критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь a limine отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяческих понятий» (стр. 179). Ленин подчеркивает методологическую важность этого замечания для историко-философской критики, добавляя тут же, на полях тетради: «к вопросу о критике современного кантианства, махизма и т п.»

Величайшим недостатком плехановской критики махизма и неокантианства является, собственно, не то, что Плеханов с порога отбрасывает, т. е. уничтожает их принципы. Гегель, критикуя Канта, и Ленин, критикуя махистов, делают то же самое. Но Гегель, опровергая Канта, тут же противопоставляет ему и развивает свою, более последовательную и прогрессивную точку зрения. Опровергая требование Канта исследовать способность познания раньше чем приступить к познанию, Гегель развивает идею о необходимости соединять деятельность форм мышления с их критикой, поскольку нельзя научиться плавать, не прыгнув в воду (т. I, стр. 85). Опровергая непознаваемую вещь в себе Канта, Гегель тут же отстаивает и развивает учение о познаваемости всего сущего. Опровергая кантово ограничение диалектики сферой разума, Гегель тут же развивает мысль, что проти-

воречие имеется «во всех предметах всякого рода, во всех представлениях, понятиях и идеях» (т. I, стр. 97).

Критикуя Канта, Гегель непосредственно продолжал развивать общую линию немецкого классического идеализма. Поэтому гегелевская критика Канта, отличается той особенностью, что Гегель не только опровергает Канта и взамен его точки зрения утверждает свою, но и подчеркивает то положительное, прогрессивное, что было впервые сказано, но недоразвито, недоделано Кантом. Гегель, например, находит верную мысль в кантовом требовании сделать предметом познания самые формы мышления.

Мысль о противоречивости разумного у Канта Гегель рассматривает как один из важнейших успехов философии нового времени.

Кант представляет собой прогрессивную веху в истории философии в противоположность неокантианцам и махистам, жалким эпигонам, воскрешающим труп давно опровергнутых философских учений, крохоборам-эклектикам, разбавляющим окрошкой из разных теорий гениальные учения классиков идеализма. Ленин решительно подчеркивает, что неокантианство и махизм являются сплошной идеалистической ложью и сплошной реакцией по всей линии.

Плеханов также ведет борьбу против неокантианства и махизма, отстаивая диалектический материализм. Однако, отвергая с порога неокантианские и махистские положения, Плеханов в значительной мере ограничивается этим и одновременно не развертывает во всей полноте диалектико-материалистические взгляды. Наконец, излагая точку зрения диалектического материализма, он не развивает ее дальше, глубже, соответственно новым данным науки и новому опыту классовой борьбы пролетариата. Характерная черта работ Плеханова, а также Деборина и Аксельрод заключается в том, что они там, где надо в противовес махизму развернуть диалектико-материалистическое понимание вопроса, ограничиваются приведением соответствующих цитат из «Анти-Дюринга» Энгельса, из работ Фейербаха и французских материалистов XVIII в.

Отвергая с порога все основы махизма, Ленин тут же развертывает теорию познания диалектического материализма. В то же время Ленин, ссылаясь постоянно на работы как Маркса и Энгельса, так и Фейербаха, не ограничивается этим, но развивает дальше, поднимая на новую и более высокую ступень диалектический материализм. Развивать материализм, двигать вперед материалистическое направление в философии, не топтаться на повторении уже решенных гносеологических вопросов, идти вперед по резко определенному философскому пути (т. XIII, стр. 275), развивать метод Маркса и Энгельса, а не цепляться за ту или иную букву у них, сохраняя суть их материализма, развивая форму этого материализма, приводя ее в соответствие с развивающейся наукой (т. XIII, стр. 206),—таковы ленинские требования по отношению к диалектико-материалистическому философскому исследованию. Эти требования Ленин целиком выполняет в «Материализме и эмпириокритицизме», в той работе, которая является неисчерпаемым источником для разработки проблемы ленинского этапа в развитии диалектического материализма.

III

Характеризуя свои методы подхода к махизму, Ленин, «во-первых и прежде всего» предлагает опровергнуть махизм с точки зрения диалектического материализма, т. е. с другой, правильной, научной, ревлю-

ционной, последовательно враждебной всякому фидеизму марксистской точки зрения. Надо разбить махизм своим оружием, доказав превосходство марксизма и негодность доводов врага. Эта критика махизма *извне*, с позиций диалектического материализма, прекрасно доказывает *внутреннюю* несостоятельность, непрочность, негодность махизма, который тотчас же падает под ударами железной логики диалектического материализма.

Меньшевиствующими идеалистами усиленно пропагандировался иной, имманентный формально-логический способ философской критики. Сущность этого способа хорошо выразил идеалист Юринец в своей критике неогегельянца Либерта. «Я не критикую здесь Либерта извне, с точки зрения диалектического материализма, — писал Юринец, — а... имманентно развиваю собственные мысли Либерта и показываю, что они в своем развитии дают обратное тому, чего он добивался сам» («Философско-социальные очерки», стр. 159). Критик как бы становится на позиции противника и развивает их, добиваясь обычно приведения их к абсурду.

Надо сказать, что и Ленин прибегает иногда к логической критике своего противника. Только диалектический материализм имеет последовательную внутреннюю логику: он правильно отражает об'ективный мир, и поэтому его не сразит никакая внешняя или имманентная критика. Между тем любая идеалистическая или метафизическая философская система, тем более такая эпигонская и крохоборческая, как махизм, имеет в своей внутренней логике такие «точки непоследовательности», которые должны быть вскрыты и которые, будучи вскрыты, развиты и доведены до конца, могут обнаружить общую несостоятельность данной философской системы. Надо использовать все слабые стороны врага, для того чтобы по ним бить. Ленин дает блестящие образцы такой логической критики махизма, показывая, как махизм «доводит до абсурда суб'ективный идеализм», как он «без вопиющих логических нелепостей» не может выпутаться из солипсизма. «Выходит, что при помощи комплекса ощущений я (а я тоже не что иное, как комплекс ощущений) ощущаю комплексы ощущений. Прелесть, что за философия»,—восклицает Ленин (т. XIII, стр. 36), разоблачая получающуюся у Маха логическую нелепость. Такой же логической критике Ленин подвергает непоследовательное для махистского суб'ективного идеализма допущение независимых от человека «физических элементов». Если вы исходите из того, что все существующее есть ощущение, то вы никак не можете, «не разрушая всех своих основных посылок, всей «своей» философии», не допуская логического противоречия придти к тому, что независимо от сознания существует физическое»,—говорит Ленин (т. XIII, стр. 51). Так же ставит Ленин перед махистами другой, «особенно ядовитый» вопрос: существовала ли природа до человека? Или: есть ли ощущение функция мозга или же мысль существует без мозга? Вывод Ленина: «Нелепость этой философии состоит в том, что она приводит к солипсизму» (т. XIII, стр. 76).

Ленин, однако, не считал такую логическую критику единственно истинным путем опровержения противника. Для Ленина это только один из подсобных путей критики. Ленинская критика глубоко исторична. Ее основой является анализ махизма как широкого общественно-политического течения. Логическая критика у Ленина целиком подчинена критике, ведущейся *извне*, в порядке прямого противопоставления диалектического материализма махизму. Ленин указывает, что Дидро вплотную подошел к взгляду современного материализма, что «недостаточно одних доводов и силлогизмов для опровержения идеализма, что *не* в теоретических аргументах тут дело» (т. XIII, стр. 28).

Между тем меньшевиствующие идеалисты поступали как раз наоборот. Послушайте, например, Карева. Он вслед за Гегелем об'являет внешнюю критику философского учения догматизмом и резонерством. «Истинное опровержение того или другого положения заключается в том, чтобы вскрыть его внутреннюю логику, взять его принцип и развить этот принцип до конца»,—говорит Карев. Именно таким путем, по Кареву, устанавливается истинная историческая ограниченность критикуемого положения (Бюллетень ЭКО ИКП № 3, стр. 41, 1930).

Это меньшевиствующе-идеалистическое превращение имманентнологической критики в основу в значительной мере связано также с плехановской традицией историко-философской критики. Критика неокантианства и махизма ведется Плехановым всецело имманентно-логическим путем. Имманентно-логический метод философской критики у Плеханова широко разработан и представлен во всех его типических чертах.

В «Materialismus militans» Плеханов дает характеристику своих методов критики неокантианцев. Кант признавал существование вещи в себе, указывает Плеханов, но в то же время допускал логическое противоречие с самим собой, будучи склонен признавать вещь в себе чем-то нематериальным, т. е. непознаваемым: «Я обнаруживал непоследовательность Канта и указывал его ученикам на логическую необходимость высказаться за один из двух непримиримых элементов того противоречия, выхода из которого так и не нашел их учитель» (т. XVII, стр. 24). Плеханов выразил здесь суть своих методов философской критики и неокантианцев и махистов.

Для Плеханова важно прежде всего отыскать во взглядах противника основное исходное логическое противоречие. Таким противоречием во взглядах неокантианцев было признание вещи в себе наряду с утверждением о ее непознаваемости. Плеханов находит аналогичное противоречие между махистским отрицанием об'ективного мира и тем контрабандным признанием его, на которое вынуждены идти махисты, пытаясь выкарабкаться из солипсизма. В этом отношении характерна статья Плеханова о Петцольде, где Плеханов основное противоречие махизма излагает в форме двух противоречащих друг другу тезисов (т. XVII, «Трусливый идеализм»).

Всю силу своей дальнейшей критики Плеханов обращает на это противоречие, целиком сосредоточивает вокруг него. С величайшим логическим мастерством и остроумием Плеханов расширяет, углубляет это основное противоречие, показывая, как оно приводит к новым противоречиям и абсурдам: к признанию реальности «дедушки»-домового; к утверждению, что люди до появления земного шара как бы висели в воздухе; что дети в те первобытные времена, когда еще не возникло, по Богданову, абстрактное время и пространство, а другого не было, являлись как бы бесплотными ангелами, существующими вне времени и пространства; что те «высказывания» людей, из которых, по Богданову, возникли время и пространство, до возникновения последних происходили вне времени и пространства; что физический мир на той ступени развития, когда организмы существовали лишь в форме амебы, как бы не существовал, поскольку не было «высказываний», из которых он возник; что низшие животные до появления человека с его высказываниями были нематериальны, ибо материя также есть результат высказываний. Местами, демонстрируя нелепицы, к которым приводит махизм, Плеханов виртуозничает в логической эквилибристике. Он играет с противником как кошка с мышкой. Возьмите, например, плехановскую критику учения Богданова о времени. Плеханов пишет: «Мы приходим, значит, к тому выводу, что было время, когда времени не было. Это как-то странно. Повидимому, я употребляю неправильную терминологию, от которой так

трудно отделаться нам, профанам в «эмпириомонизме». Нельзя сказать: было время, когда времени не было. Нельзя по той очевидной причине, что когда времени не было, то не было и времени. Это одна из тех истин, открытие которых делает величайшую честь человеческому уму. Но подобные истины ослепляют как молния, а ослепленному человеку нетрудно запутаться в терминах. Буду выражаться и мыслить иначе, отвлекаясь от времени: нет социально-организованного опыта, нет и времени. Что же есть? Есть люди, из опыта которых «развивается» время. Очень хорошо. Но если время «развивается», то стало быть оно и разовьется. А это значит, что будет время, когда время будет. Тут я опять невольно перешел к старой терминологии. Но что же делать, г. Богданов, если я, как видно, совсем неспособен мыслить развитие вне времени» (т. XVII, стр. 73). Целиком в этом же духе сформулированы Плехановым те пять «мучительных» вопросов, которые он задает Богданову, резюмируя в них все содержание логических нелепостей махизма (т. XVII, стр. 88). Столь же остроумна и логически изощренна игра Плеханова с тезисом и антитезисом Петцольда (т. XVII, стр. 109).

Плеханов одну за другой открывает в махизме нелепости, составляя «список смертных грехов» махистов против логики. Общий вывод Плеханова: махизм запутался в безысходных логических противоречиях. Плеханов неустанно повторяет это свое обвинение против махистов.

Следующий этап плехановской критики—разбор тех ухищрений, при помощи которых махисты пытаются вылезть из солипсизма. Эти ухищрения сводятся к незаконной для суб'ективного идеализма апелляции Маха к существованию других людей. «Но какое логическое право имеет он признавать существование «тех или иных» особей? В этом весь вопрос. И на этот коренной вопрос вы несмотря на свое многословие не даете ровно никакого ответа»,—говорит Плеханов по адресу Богданова (т. XVII, стр. 80). Таков коренной вопрос плехановской критики махизма. Десятки раз подчеркивает Плеханов отсутствие у махистов логического права признавать других людей. Признавая их, махисты нарушают правила логики, которая «имеет свои права» (т. XVII, стр. 47). Их ошибка перед логикой заключается в petito principii. «Вы рассматриваете общение людей как заранее данный момент, как своего рода «a priori». Но вопрос в том и заключается: имеете ли вы логическое право на это? Я отрицал это право, а вы вместо того, чтобы основать его, повторяете как доказанное именно то, что подлежит доказательству. Такая ошибка называется в логике petito principii. Согласитель же, милостивый государь, что petito principii не может служить опорой для какого бы то ни было философского учения» (т. XVII, стр. 79).

Деборин, который в своем «Введении в философию» повторяет плехановские имманентно-логические методы критики махизма, также апеллирует к логическому праву. «Законы логики обязательны и для «демократов» и для «социал-демократов»,—говорит он (стр. 271). Ход мыслей махистов Деборин располагает в форме силлогизма: мир есть явление; человек—часть мира, ergo, человек не есть явление. «В заключении (conclusio) отрицается, таким образом, то, что утверждается в большой посылке (propositio major)» (стр. 272). Основной вывод Деборина тот, что махизм «взрывает сам свое построение, так сказать, изнутри» (стр. 270). Здесь выражены основная цель и основной итог всей имманентно-логической критики махизма как у Деборина, так и у Плеханова.

Блестящая логическая критика махизма, данная Плехановым, несомненно, очень способствовала разгрому русских махистов. Однако исключительно логический характер этой критики упрощал задачу. Победа

над махизмом путем его внутреннего логического «самовзрыва» отменяла необходимость анализировать классовые, естественно-научные, историко-философские корни и тенденции махизма, отменяла необходимость разбора всех оттенков мнений по каждому спорному вопросу, снимала вопрос о проведении борьбы на *два фронта* по каждому обсуждаемому философскому тезису, т. е. отменяла необходимость проделать ту громадную работу, которую не смог совершить Плеханов и которая оказалась поплечу только Ленину. Исключительно логический характер критики способствовал ее чрезвычайной *узости*, философской отвлеченности и односторонности у Плеханова. Плеханов сам сознавал это, жалуясь: «Я не только скучал сам, но вынужден был нагонять скуку на читателя» (т. XVII, стр. 36, 23 и 98).

IV

Ленинский анализ историко-философских корней махизма идет по трем линиям. Ленин последовательно демонстрирует перед читателем: 1) философских предшественников махизма, 2) его современных философских соратников и союзников, 3) его учеников и преемников, развивших дальше заложенные в его учении тенденции.

Русские махисты всячески рекламировали учение Маха как новейшую высшую философию превзошедшую все предшествующее развитие философии, включая и диалектический материализм. Устанавливая подлинных философских предшественников и учителей Маха, Ленин показывает, что махизм на самом деле представляет собой попятное движение, регресс к давно отвергнутым и притом самым реакционным философским учениям прошлого.

Останавливаясь на философском развитии Маха и Авенариуса до создания ими своей «школы», Ленин указывает, что оба они вышли из лагеря кантианцев. Начав с Канта, оба они пошли не вперед, к материализму, а в обратную сторону, к суб'ективному идеализму епископа Беркли и агностицизму Юма. Они пошли по линии реакционной критики Канта *справа*, т. е. стали устранять материалистический момент в учении Канта, его вещь в себе. В этой борьбе против материализма махисты, говорит Ленин, не привели «ни одного, буквально ни единого довода, которого не было бы у Беркли» (т. XIII, стр. 30), и вся их критика материи есть «буквально повторение Беркли», «сплошной плагиат у Беркли» (т. XIII, стр. 35). Таким же плагиатом являются махистские «комплексы ощущений», скопированные с «комбинаций ощущений» Беркли. «Новейший» эмпириосимволизм П. Юшкевича является заимствованием символизма Беркли в учении о причинности. «Коллективное сознание» Богданова воспроизводит учение Беркли о коллективном восприятии как критерии реальности. Суб'ективный идеалист епископ Беркли есть подлинный родоначальник и автор учения Маха и Авенариуса. Махизм в своей основе есть берклеанский суб'ективный идеализм.

Однако философские классики были последовательны, творцы же новейших буржуазно-философских системок со своим мелким и пошлым идеализмом являются эклектиками, ущемителями блох. Суб'ективный идеализм Маха так же непоследователен и сбивчив, как и вся его философия, говорит Ленин (т. XIII, стр. 189). Махисты иногда вместо резкой берклеанской постановки вопроса о том, что внешний мир есть мое ощущение, становятся на почву юмистского устранения вопроса, находится ли что за моими ощущениями. Получается полуберклеанство, полуюмизм. Юм — другой родоначальник махизма.

Отойдя от Канта, махисты сохранили в своей эклектической философии многочисленные следы кантианства. В учении о принципе экономии мышления, отчасти в учении о причинности (у Петцольда), в учении о про-

странстве и времени махисты прибегают к априоризму Канта. Ленин одобряет выражение Вундта о Махе как о «Канте наизнанку». «У Канта априори и опыт. У Маха опыт и априори, ибо принцип экономии мышления по сути дела является у Маха априористическим», — приводит Ленин слова Вундта (т. XIII, стр. 141).

Ленинский анализ историко-философских корней махизма является неистощимым источником для разработки историко-философских проблем. Ленинская характеристика Беркли, Юма и различных видов агностицизма (юмистского и кантианского), дуализма Канта, метафизического материализма, гегелевского об'ективного идеализма и т. д.—все это является подлинным развитием, движением вперед марксистской истории философии. Вместе с тем ленинский разбор прошлых философских учений является образцом партийного подхода к истории философии, образцом актуализации ее изучения.

V

Характернейшей чертой ленинской критики махизма является широкая постановка Лениным вопроса о махизме как о целом идейном течении, общая идейная тенденция которого находит свое развитие в работах учеников Маха и Авенариуса.

Ленина гораздо меньше интересуют специфические различия каждого из махистских философов, чем то, что обще им всем как представителям одного идейного течения. Отдельные махисты могут питать вполне похвальные личные намерения. Богданов, например, питает отвращение к религии. Но в целом махизму свойственна тенденция к защите и оправданию фидеизма, и богостроительство Луначарского есть «не исключение, а порождение эмпириокритицизма» (т. XIII, стр. 282). Благие намерения каждого махистского Карпа, Петра, Сидора останутся в лучшем случае их суб'ективным делом, но их защита махизма сослужит свою службу религии и реакции.

Для Ленина, далее, важно установить взгляды не только самих махистов, но и их друзей, союзников, попутчиков, словом, всех тех неприкрытых реакционеров в философии, вроде Уорда, неокритицистов, имманентов, русского черносотенного философа Лопатина, прагматистов и пр., которые подхватывают и умело используют идеалистические писания махистов для прямой и открытой службы мистике и реакции. Для Ленина существенны не узкие намерения махистской школки, но вопрос о том, кому эта школка служит и кем используется, потому что «школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо» (т. XIII, стр. 282), потому что в этом использовании школки раскрывается подлинная идейная тенденция школки. Это справедливо для махизма так же, как и для всех тех школок (бухаринская, деборинская и др.), которые один период существовали у нас. Эти школки использовались кондратьевщиной, меньшевиками-интервентами, троцкистами, и в этом раскрывалась их подлинная идейная и классовая суть.

Среди всех философских реакционеров, поддерживающих и использующих махистов, Ленин выделяет имманентов. Последние — «самые от'явленные реакционеры, прямые проповедники фидеизма, цельные в своем мракобесии люди» (т. XIII, стр. 174). Имманент Шуппе защищает бога и «будущую жизнь» и выступает против отделения церкви от государства. Имманент Леклер рекомендует свою философию как удовлетворяющую всем требованиям религиозно настроенного ума. Имманент Шуберт-Зольдерн откровенно признает себя защитником солипсизма. С этой публикой Мах и Авенариус «все время выступают под ручку» (т. XIII, стр. 178). Имманентам посвящают свои книги махисты. Имманенты лучше других поняли, выразили

и использовали действительные тенденции махизма. Поэтому и в «Заключении» Ленин пишет, что «вся школа Маха и Авенариуса идет к идеализму все более определенно, в тесном единении с одной из самых реакционных идеалистических школ, так называемыми имманентами» (т. XIII, стр. 291).

Для Ленина, наконец, важно установить, куда, в какую сторону развивают учение Маха его ученики и последователи. «Эмпириокритицизм как всякое идейное течение есть вещь живая, растущая, развивающаяся, и факт его роста в том или ином направлении лучше чем длинные рассуждения поможет разрешить основной вопрос о настоящей сути этой философии»,—говорит Ленин (т. XIII, стр. 178). В главе «Куда растет эмпириокритицизм» Ленин на примере учеников Маха показывает, как важно судить о философах не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают, а по тому, чему они учат и чему научили своих учеников. Махист Корнелиус, урядник на профессорской кафедре, громит материализм за то, что тот не оставляет места для свободы воли, бессмертия души и божеского начала. Махист Клейнпетер откровенно защищает свободу воли. Махист Карус, подчеркивающий, что он мыслит одинаково с Махом, утверждает, что наука есть божественное откровение, что девиз махизма—религия как настроение. Во исполнение этого девиза Карус проповедует «новую теологию», настаивающую на том, что бог раскрывает себя в естествознании так же как и в истории. Ученик Маха и Авенариуса Луначарский договорился до «обожествления высших человеческих потенций» и «религиозного атеизма». Махизм растет в болото поповщины—такова его тенденция, как она проявилась у учеников Маха.

Плеханов в своих работах бегло, но правильно указывает на Беркли и Юма как на предшественников махизма. Деборин, «Введение в философию» которого целиком построено на выведении одной философской системы из другой, также показывает историческую связь махизма с Беркли и Юмом Но как у Деборина так и у Плеханова нет в анализе историко-философских предпосылок махизма, той широкой картины махизма как течения, как развивавшегося учения с определенной идейной тенденцией, которую дает Ленин. Плеханов дает индивидуальные портреты махистов: самого Маха, Богданова, Петцольда, Луначарского. Плеханов в силу исключительно имманентно-логического характера своей критики махизма слишком углубляется в частности и детали логического строя мыслей каждого отдельного философа в ущерб установлению связи между ними, в ущерб общей картине. Ленин же, давая индивидуальный портрет каждого махиста, не задерживаясь на нем, сразу переходит к общей связи между отдельными махистами, ко всему течению в целом и дает широкую, массовую картину махизма.

VI

Третья важнейшая сторона ленинской критики махизма—это установление связи махизма с «новейшей революцией в естествознании», с кризисом современной физики.

Ленин квалифицирует естественно-научные позиции махизма как физический идеализм. Махисты кричат об «исчезновении» и «дематериализации» материи, сочиняют теории о нематериальном движении, отрицают об'ективность физического пространства и времени, об'ективность причинной связи, всю физическую картину мира об'являют не отражением об'ективной истины, но суб'ективно-идеалистической конструкцией. «Новое течение в физике видит в теории только символы, знаки, отметки для практики, т. е. отрицает существование об'ективной реальности»,—говорит Ле-

нин. Всему современному естествознанию и физике в том числе свойствен «материалистический основной дух». Махизм представляет собой лишь «одну школу естествоиспытателей в одной отрасли естествознания». В вопросе об об'ективной реальности «отходит эта школа от господствующего, по общему признанию, среди физиков, материализма...,—отходит как школа «физического» идеализма» (т. XIII, стр. 248).

Ленин указывает на две основных причины, породивших эту школу физического идеализма. Первая причина коренится в современной физике. «Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки»,—говорит Ленин (т. XIII, стр. 251). Крупнейшие успехи современной физики привели к крушению старой, механистической, ньютонианской физики. Старая физика, покоившаяся на классической механике Ньютона, строившая «реальное здание из реальных материалов и реального цемента» (т. XIII, стр. 211), представляла себе материю в виде маленьких частиц инертного вещества, в виде механической массы, новейшая же физика обнаружила электродинамическую природу материи, при которой механическая масса электрона оказывается равной нулю (т. XIII, стр. 207). Старая физика считала абсолютными такие свойства материи, как непроницаемость, инерция, масса, новейшая же физика доказала их относительность, доказала, что они присущи только некоторым состояниям материи, что атом изменчив, разрушим, не исчерпаем. Старая механическая физика знала только одну форму движения—механическую, она была снимком с медленных реальных движений, новейшая же физика, являющаяся снимком с гигантски быстрых реальных электромагнитических движений (т. XIII, стр. 217, 230), ограничила механические законы движения одной только областью явлений природы, подчинив их более глубоким законам электромагнитных явлений. Старая физика приводила все свои исследования к последним трем понятиям: материя, электричество, эфир, новейшая же физика оставила только два последних, сведя физическую материю к электричеству и об'яснив атом наподобие бесконечно малой солнечной системы (т. XIII, стр. 213). Старая, механическая физика знала одну «механическую» картину мира, новейшая же физика показала неизмеримо более сложную электромагнитную картину мира (т. XIII, стр. 229).

В борьбе с противостоящими диалектическому материализму философскими течениями Ленин ведет борьбу на два фронта: против различных форм идеалистической философии и против устаревшего, непоследовательного, расходящегося в некоторых вопросах с данными современной науки, антидиалектического механического материализма.

Величайший триумф современного естествознания Ленин видит в том, что оно, опровергая односторонности старого, механическо-материалистического мировоззрения, господствовавшего в физике, вплотную подошло к усвоению и восприятию диалектико-материалистического мировоззрения. Триумф современного естествознания означает и триумф диалектического материализма. Диалектический материализм всегда различал философское и физическое определение материи и, отстаивая абсолютность первого гносеологического определения материи как об'ективной реальности, настаивал на изменчивости наших представлений о физической структуре материи. Опровержение неизменных свойств, приписываемых материи старой физикой, вполне отвечает существу диалектического материализма, так как признание каких-либо неизменных свойств физической материи «не есть материализм, а есть метафизический, т. е. антидиалектический материализм» (т. XIII, стр. 214). Признание сложной структуры атома также отвечает сути диалектического материализма, настаивающего на том, что природа бесконечна,

неисчерпаема. То обстоятельство, что современная физика свела физическую материю к электричеству, доказывает, что естествознание ведет к единству материи, и это тоже отвечает духу диалектического материализма. Открытие сложных электромагнитных форм движения, ограничивающих механическое движение более узкими рамками, так же подтверждает диалектический материализм. «Все это только лишнее подтверждение диалектического материализма», — говорит Ленин (т. XIII, стр. 214). Это одна сторона дела. С другой стороны, все это свидетельствует о том, что «современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм» (т. XIII, стр. 256).

Роды диалектического материализма современным естествознанием происходят болезненно. К диалектическому материализму, к которому приводит естествоиспытателей современная физика, идут не прямо, не сознательно, а зигзагами, стихийно, ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Незнание физиками диалектики и релятивизм, который с особенной силой навязывается им в период крутой ломки старых теорий и который при незнании диалектики неминуемо ведет к идеализму,—такова другая причина, породившая в части современных физиков идеалистические шатания, «физический идеализм», эмпириокритицизм (т. XIII, стр. 252).

VII

В статье «К вопросу о диалектике» Ленин говорит о том, что философский идеализм есть только чепуха с точки зрения вульгарного материализма, с точки же зрения диалектического материализма он хотя и есть пустоцвет, тем не менее имеет глубокие корни в самом познании, имеет гносеологические корни. Ленинский анализ новейшей революции в естествознании устанавливает гносеологические корни махистского идеализма. Ленин устанавливает, что они вытекают «из некоторых общих причин, лежащих вне философии». Махистская идеалистическая философия выросла как болезненный нарост на здоровом дереве современной, материалистической в своей основе, физики.

То, что Ленин находит гносеологические истоки махизма не внутри него, а вовне, в прогрессе материалистической физики, важно в том отношении, что опровергает ссылки меньшевиствующих идеалистов на Ленина в оправдание своей имманентно-логической критики махизма. Вопреки Ленину Карев, как мы уже указывали, доказывает, например, притом ссылаясь на фрагмент «К вопросу о диалектике», что предшествующую философию надо критиковать «не просто, чисто логически, извне», но путем вскрытия и развития до логического конца ее внутренней логики, т. е. имманентно-логическим путем (Бюллетень ЗКО ИКП, № 3 за 1930 г., стр. 41).

На деле именно имманентно-логическая критика, когда она делается единственной, приводит к отказу от критики гносеологических корней идеализма. Именно Плеханов в своей логической критике махизма приходит к тому, что махизм — логическая чепуха и только. Поэтому Ленин считал плехановскую критику махизма более вульгарно-материалистической чем диалектико-материалистической.

Величайшим недостатком плехановской критики махизма как раз и является то, что Плеханов игнорирует связь махизма с современным естествознанием, не видит и не понимает этой связи. Плеханов не замечает физического идеализма. Он пишет: «Нематериалистическое естествознание невозможно» (т. XVII, стр. 57). Современное естествознание для Плеханова всецело материалистично. Поэтому если Ленин выводит причины появления махизма из кризиса современной физики, то Плеханов, наоборот, пишет, что «в атмосфере современного естествознания ему и совсем дышать не-

возможно» (т. XVII, стр. 60), что «естествознание тут не при чем, м. г. не в нем тут сила» (т. XVII, стр. 21). Общая концепция Плеханова сводится к тому, что «в груди Маха живут две души»: как естествоиспытатель Мах всецело материалист, а как философ—идеалист. Естественно-научный материализм служит ему для того, чтобы затушевывать и подкрашивать философский идеализм. Таков смысл генерального определения махизма Плехановым: «Махизм есть лишь берклизм, чуть-чуть переделанный и заново перекрашенный под цвет «естествознания» XX века» (т. XVII, стр. 57—58).

«Плеханов молчит об этом «новом течении», не знает его. Деборин неясно его представляет», — так оценивает Ленин отношение Плеханова и Деборина к физическому иедализму («Философские тетради», стр. 416). Деборин во «Введении в философию» не доходит до установления того положения, что это «новое течение» дает гносеологические истоки махизма.

Новейшее естествознание дало массу материала для диалектико-материалистических обобщений. Плеханов, следуя букве Энгельса и жертвуя методом Энгельса, жертвуя духом диалектического материализма, игнорировал этот материал, не сделал этих обобщений. Их сделал Ленин. «Не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм» (Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 21).

VIII

Философия есть идеология, и ее корни в конечном счете лежат в классовой борьбе. Классовый анализ философского учения — основа основ марксистского подхода к философии. Он ведется Лениным в двух направлениях. Во-первых, Ленин вскрывает действительную классовую природу махизма, соответствующую его об'ективному существу. Классовый анализ углубляется Лениным до показа фракции класса и партии, адэкватной махистской философии. В этом заключается ленинское углубленное понимание классовости всякой философии как партийной философии. «За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества», — говорит Ленин (т. XIII, стр. 292). Во-вторых, Ленин дает махизму марксистскую, большевистскую, партийную оценку. Марксистский об'ективизм включает в себя момент партийности, и Ленин, установив об'ективную классовую природу махизма, бичует его со всей страстью революционера, партийного бойца и вождя. Говоря о Марксе и Энгельсе, Ленин указывает, что они были «от начала и до конца партийными в философии», что они шли вперед «по резко определенному философскому пути», что у них есть «неизменный основной мотив: настаивание на материализме и презрительные насмешки по адресу «всяких отступлений к идеализму». За это буржуазные профессора обвиняли Маркса и Энгельса в «узости» и «односторонности». Ленин видит в этом заслугу Маркса и Энгельса и сам проявляет такую же «узость», воздавая по заслугам современным философским реакционерам. Не зря последние говорят о «невероятно узком партийном характере» ленинского «Материализма и эмпириокритицизма» (Б. Яковенко «Очерки русской философии». Берлин, 1922, стр. 107).

Об'ективная классовая природа махизма прощупывается Лениным через раскрытие отношения махизма к религии, затем к современному естествознанию и через анализ социологических взглядов махистов.

«Отношение к религии и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это д е й с т в и т е л ь н о е классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма»,—говорит Ленин (т. XIII, стр. 280). Махисты занимаются укрывательством своих действительных отношений к идеализму и религии. Мах хвастает своей беспартийностью. Его излюбленная идея — нейтральность по отношению к идеализму и религии. «Через в с е писания в с е х махистов красной нитью проходит тупоумная претензия «подняться выше» материализма и идеализма»,—говорит Ленин (т. XIII, стр. 279). Ленин подчеркивает, что Мах и в действительности является путаником, вращающимся между двумя философскими лагерями, что он занимает позицию гнусной середины. Однако Ленин вскрывает действительное существо и тенденцию этой позиции махизма. Ленин клеймит ее как «примиренческое шарлатанство», поскольку она на деле оказывает службу реакции, идеализму, поповщине, поскольку сама «нейтральность» махистов—уже лакейство перед фидеизмом (т. XIII, стр. 281), поскольку «об'ективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам (т. XIII, стр. 292). Эту об'ективную, классовую роль Ленин показал на тех выводах, которые из учения Маха сделали его союзники и ученики, оказавшиеся прямыми защитниками теологии. Ленин демонстрирует ее и при критике отдельных философских положений махистов. Критику их Ленин всюду доводит до утверждения, что махисты приходят к поповщине, «спаивают народ религиозным опиумом». Раз махисты отрицают материю—значит они уже потеряли оружие против фидеизма (т. XIII, стр. 281). Махисты погрязли в фидеизме с того самого момента, как взяли «ощущение» не в качестве образа внешнего мира, но как особый элемент» (т. XIII, стр. 282). Учение Авенариуса о принципиальной координации, приводящее к возможности мыслить потенциальный центральный член по отношению к прошлой среде, т. е. после смерти человека, есть мистика, прямое предверие фидеизма (т. XIII, стр. 62). Своим отрицанием об'ективной истины махизм принимает основную посылку поповщины (т. XIII, стр. 102). Суб'ективная линия махистов в вопросе о причинности — разжиженный фидеизм (т. XIII, стр. 127). Идеалистический взгляд Маха на пространство раскрывает настежь дверь фидеизму (т. XIII, стр. 147). Махистское учение о психическом как первоначальном по отношению к физическому есть чистейшая философия поповщины, потому что психическое, творящее природу, есть то, что по-русски называется богом (т. XIII, стр. 187). И т. д.

Позицию махизма по отношению к естествознанию Ленин расценивает на основе таких фактов, как отказ махистов от естественно-научного материализма и переход их на позицию физического идеализма и как та травля, которую развернули махисты против сторонников естественно-научного материализма. «Философия естествоиспытателя Маха относится к естествознанию, как поцелуй христианина Иуды относился к Христу. Мах точно так же предает естествознание фидеизму, переходя по существу дела на сторону философского идеализма»,—такова партийная позиция махизма по отношению к естествознанию в оценке Ленина (т. XIII, стр. 284). Особенно ярко эта позиция вскрывается на примере отношения махистов к сторонникам естественно-научного материализма. Махист Рудольф Вилли в 1905 г. воюет как с живым врагом с Демокритом, «великолепно иллюстрируя этим п а р т и й н о с т ь ф и л о с о ф и и и обнаруживая паки и паки свою настоящую позицию в этой партийной борьбе» (т. XIII, стр. 289). Махисты развернули бешеную травлю против естественно-научного материализма Э. Геккеля. Он материалист, ату его, ату материалиста! — неистовствовали махисты вместе

с прочими реакционерами. «Отречение Маха от естественно-исторического материализма есть во всех отношениях реакционное явление: мы видели это достаточно наглядно, говоря о борьбе «физических идеалистов» с большинством естественников, остающихся на точке зрения старой философии, т. е. естественно-исторического материализма», — говорит Ленин (т. XIII, стр. 284).

Реакционные потуги махистов в социологии неразырвно связаны с их реакционной гносеологией. И в социологии махисты пытаются соблюсти видимость беспартийности, подняться выше коренных и непримиримых крайностей социализма и буржуазного либерализма. «Ни социализм, ни либерализм»,—провозглашает махист Блей (т. XIII, стр. 260). В то же время и Блей, и Петцольд, и сам Мах выступают против социализма, с порога отвергают марксизм. Богданов, выдающий свое отождествление общественного бытия и общественного сознания за подлинный марксизм, на деле оказывает службу реакции. Богдановская критика марксизма на деле ничем существенным не отличается от опровержения Маркса идеалистом Шубертом-Зольдерном. «Одним словом, то же самое и в гносеологии и в социологии, то же реакционное содержание за той же крикливой вывеской», — заключает Ленин (т. XIII, стр. 263).

Ленин называет Маха идеологом реакционного мещанства (т. XIII, стр. 290). Махизм—идеология реакционного мещанства. Эта ленинская партийная квалификация и вместе с тем оценка махизма как нельзя лучше характеризует махизм, характеризует тупоумно-мещанскую претензию махизма подняться выше двух борющихся философских лагерей, занять позицию видимой нейтральности и беспартийности, прикрыться крикливыми речами о «новейшей» философии, о «гносеологическом социализме» наряду с повторением задов давно устаревшей и опровергнутой буржуазной философии Беркли, наряду с реакционной защитой флософского, физического, социологического идеализма, реакционными попытками сочинить «новую религию» и реакционной борьбой с материализмом.

Реакционное мещанство — классовая категория, по преимуществу мелкобуржуазная. «Левизна» на словах и повторение реакционно-буржуазных задов, в сущности,—это специфическая мелкобуржуазная, мещанская черта. Правильность ленинской оценки целиком подтверждалась ролью махизма в России эпохи реакции, где махисты, защищая идеализм и проповедуя богостроительство, старались приспособиться к рабочему движению. Подтверждается она также классовой позицией современных западноевропейских махистов, вроде Франка, совмещающей защиту махистского идеализма и критику ленинского «Материализма и эмпириокритицизма» с «левой» фразой и «умеренными» симпатиями к СССР в политике.

Этим, однако, не исчерпывается ленинская характеристика классовых корней махизма. Махизм—буржуазная идеология и философия и потому, что таково его происхождение (от Беркли и Юма), и потому, что об'ективная классовая роль махизма сводится к прислужничеству буржуазии и буржуазной реакции. Мах, идеолог реакционного мещанства, идет за откровенным реакционером Шуппе, используется им, «пленится» им (т. XIII, стр. 290). Реакционное мещанство, находящееся на службе политических и философских черносотенцев,—вот классовое определение махизма.

Махисты—реакционные философы. Махизм—сплошная реакция по всей линии, идеология реакционных общественных классов. Ленинская оценка махизма последовательна, непримирима, цельна. Никаких поблажек махизму несмотря на всю его «левую» фразу, долой все основы махистской философии, беспощадная борьба философской партии материализма против противостоящей ему враждебной партии идеализма—такова ленинская постановка вопроса.

IX

Как ведут классовый анализ махизма Плеханов, Деборин, Аксельрод?

Всякий класс, добившийся господства, склоняется к самодовольству, пишет Плеханов (т. XVII, стр. 20). Самодовольство буржуазии, господствующей в обществе, основанном на ожесточенной конкуренции товаропроизводителей, заключается в полном отказе от всякого альтруизма, в нравственном солипсизме и индивидуализме. На этой почве возникают философские системы, которые не признают ничего, кроме суб'ективных «переживаний», и которые приходят к теоретическому солипсизму. Махизм—философия буржуазного индивидуалиста и сверхчеловека. Естествоиспытатель Мах и желающий быть марксистом Богданов «приспособляются» к этой философии (т. XVII, стр. 57, 63).

Классовая оценка махизма у Плеханова отличается от ленинской. Она слишком обща и не охватывает более глубокой, специфической сущности махизма как философии реакционного мещанства. Деборин, как известно из его же предисловия к 3-му изданию «Введения в философию», вообще отказывается от анализа классовых корней махизма: это потребовало бы обширного труда в несколько томов. «Мы вряд ли скоро справились бы с этим делом», — говорит Деборин. Впрочем в статье «Махизм и марксизм» Деборин в духе Плеханова говорит об индивидуалистическом радикализме, суб'ективизме, иллюзионизме и нигилизме маизма («Введение», стр. 319).

В классовой оценке махизма Плехановым и его учениками есть еще одна особенность, вытекающая из меньшевистского использования ими философских разногласий для фракционной борьбы с большевиками. «Плеханов в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму»,—говорит Ленин в своей книге (т. XIII, стр. 290). В этом использовании махизма против большевиков Плеханов и его ученики допускали вопиющую вульгаризацию и извращение марксистского анализа классовых корней философии, помимо того, что они меньшевистски извращали классовую суть и махизма и большевизма.

В ту же пору махистского поветрия махистом Шулятиковым была выпущена книга «Оправдание капитализма в западноевропейской философии» (1909 г.). В своей книге Шулятиков об'ясняет отождествление материи с протяженностью у Декарта тем, что капитализм разрушает замкнутость ремесленного производства и создает широкие массы, свободно привлекаемые и отталкиваемые предприятием (стр. 32). Гегелевское внутреннее саморазвитие Шулятиков выводит из процесса диференцирования мануфактур, выделяющих из себя новые мануфактуры (стр. 99). Лишение материи всяких качеств и замену ее духом у Авенариуса Шулятиков выводит из того, что современный капитализм «эластичен» и ему безразлично, работают ли на данной фабрике Иваны, Павлы или Яковы (стр. 144).

Ошибка Шулятикова заключалась в том, что он как последователь Богданова шел по линии отождествления общественного бытия и общественного сознания, не понимая того, что связь между философской идеологией и экономическим базисом бывает не непосредственная, а опосредованная рядом промежуточных звеньев, в частности такими, более близкими к экономическому базису идеологиями, как естествознание, наука вообще. Только «в последнем счете» экономическое основание обусловливает собой философскую идеологию. Ленин к анализу классовых корней махизма подходит через установление отношений махизма к религии, естествознанию, социологии и через анализ всей общественной тенденции махизма в целом как течения.

Плеханов в борьбе с махистами очень удачно критиковал Шулятикова, говоря, что у Шулятикова философы «норовят в карман» и что историко-философская методология Шулятикова отличается суздальской дубоватостью (т. XVII, стр. 145). Это не помешало Плеханову, а вслед за ним Деборину и Аксельрод использовать историко-философскую методологию Шулятикова в борьбе против большевиков и с такой же «суздальской дубоватостью» пришивать большевикам махизм как... специфически-большевистскую философию. В 6-м примечании к «Людвигу Фейербаху» Энгельса Плеханов, например, ложно приписывает большевикам идею захвата власти пролетариатом в буржуазной революции, усматривает в этом возрождение «народовольского» отрыва «политики» от борьбы за социализм и весь этот вымысел приписывает «Ленину и окружающим его ницшеанцам и махистам». Деборин в махистском «индивидуалистическом радикализме», суб'ективизме, иллюзионизме, нигилизме и пр. усматривает типические черты большевистской тактики и стратегии и в статье в «Голосе социал-демократа» доказывает, что «наши махообразные марксисты—сознательные большевики, «осмысливающие» практику и тактику последних. Большевистские же тактики и практики — бессознательные махисты и идеалисты».

Но дальше всех в использовании шулятиковских методов в деле приклеивания махизма большевикам пошла Л. И. Аксельрод. В статье «Два течения», помещенной в вышедшем в 1909 г. меньшевистском сборнике «На рубеже», Л. И. Аксельрод пытается доказать связь большевизма с махизмом путем обстоятельного философского «анализа» тактики большевиков. «Связь между большевизмом и махизмом бросается в глаза и с вульгарно-эмпирической или, выражаясь термином эмпириокритиков, с чисто описательной точки зрения»,—утверждает Аксельрод (стр. 260). Эмпириокритицизм, говорит она, для большевиков «не секретный предмет, а метод мышления, которым обусловливаются и приемы их практической деятельности». Для эмпириокритицизма, развивает мысль Аскельрод, характерно отрицание действия на историческом расстоянии, отождествление условия и обусловленного, растворение причины в действии, их полное и абсолютное отождествление, совпадение во времени. «Эта именно мертвая, неподвижная метафизическая догма,—пишет Аксельрод,—составляет основу метода мышления большевизма, с точки зрения которого осуществление программы-минимум должно было совпасть во времени с условиями, которыми определяется это осуществление» (стр. 265). Из чего это вытекает, откуда это видно? С философским «глубокомыслием» Аксельрод подвергает фальсифицирующей критике ленинское учение о стихийности и сознательности в «Что делать»! Большевики, доказывает Аксельрод, якобы по-народнически противопоставляют героев толпе, впадают в суб'ективный произвол, авантюризм, романтику и даже «возбуждение инстинктов», когда, вместо того чтобы заняться меньшевистским «развитием революционного сознания», призывают культурно незрелый пролетариат к «единовременному осуществлению программы-минимума во всем ее целом». «Промежуток времени между причиной *а* и следствием *в*, т. е. процесс развития событий и роста сознаний—короче, действия на историческом расстоянии,—отвергался большевизмом по формуле причинности эмпириокритической философии», — заключает Аксельрод.

Что Аксельрод по-меньшевистски ставит здесь вопрос о необходимости отложить революцию до тех пор, пока рабочий класс не накопит культурности, т. е. говорит то, о чем потом в «Записках о революции» писал Суханов, — это ясно. Что Аксельрод по-меньшевистски ставит здесь вопрос о необходимости «вооружать рабочих сознанием необходимости борьбы», каковой лозунг в революции 1905 г. меньшевики противопоставляли большевистскому призыву к действительному вооружению рабочих,—это так же ясно. Ясно и то, что именно Ленину, в частности ленинской работе «Что делать»,

принадлежит заслуга правильной марксистской постановки вопроса о соотношении стихийности и сознательности. Аксельрод обрушивается в разбираемой статье на ленинское положение, что социалистическое сознание вносится в рабочую среду извне (стр. 261). Она видит в нем «дуализм», возрождение народнического учения о роли интеллигенции. Она целиком стоит здесь за меньшевистскую стихийность рабочего движения и стихийное развитие революционного сознания пролетариата. Между тем критикуемое ею ленинское положение зовет к ускорению стихийного процесса роста революционного сознания пролетариата, каковому росту, вопреки клеветам меньшевиков, громадное значение придает большевизм. Это ясно.

Ясно, что в отношении историко-философской методологии и писания Аксельрод представляют наиболее яркий образец фракционной меньшевистской шулятиковщины. В действительности махизм, как мы выше об этом говорили, был учением, сослужившим большую службу международному меньшевизму.

X

Заслугою Плеханова в его борьбе с махизмом следует признать то, что он не только квалифицировал махизм как р е а к ц и о н н о е учение, но и категорически выступил против безразличного отношения Каутского к вопросу о возможности соединения марксизма и махизма. Однако то, что Плеханов не заметил физического идеализма у Маха и счел его как естествоиспытателя всецело материалистом, было большой уступкой махизму. Ленин также указывает, что Мах в своих естественно-научных работах часто вынужден становиться на позиции материализма. Но для Ленина эта непоследовательность Маха отнюдь не отменяет идеалистической основы его физических воззрений.

Линию уступок махизму развивает в своих статьях о махизме Л. Аксельрод. Ее критика махизма во многом прямо противостоит ленинским установкам. Особенно сильно это выражено у Л. Аксельрод в статье «Эрнст Мах как философ», помещенной в меньшевистском журнале «Дело» (1916, № 3). Однако она не менее заметна и в тех статьях Л. Аксельрод, которые сейчас переиздаются.

Аксельрод согласна с тем, что махизм в общем представляет собой ренессанс берклеизма и юмизма. «Но рядом с ренессансом берклеизма и юмизма наш автор грешил и материализмом», — говорит Аксельрод. Ленин так же говорит о том, что Мах грешит материализмом там, где он жульнически выворачивается из солипсизма, или в своих естественно-научных работах, когда он переходит на почву конкретного исследования. В чем видит материализм Маха Л. Аксельрод?

Мы видели выше, что у Ленина нет иной оценки отношения махистов к религии, кроме как провозглашения их лакеями фидеизма и защитниками поповщины. Аксельрод в «Деле» пишет: «Материалистическое направление мысли сказывается в его (Маха.—*Е. С.*) смелой, решительной борьбе, борьбе без обиняков и без компромиссов, против религиозных представлений». В сборнике «Против идеализма» (Соцэкгиз, 1933) Аксельрод считает нужным сказать об Авенариусе, что основоположник эмпириокритицизма, был «сознательным атеистом и не вступал ни в какие компромиссы с господствующей религиозной философией» (стр. 186). Ленин же пишет, что Авенариус «вплотную подходит к фидеизму», что его теория принципиальной координации есть мистика и «прямое преддверие фидеизма» (т. XIII, стр. 62).

Аксельрод пишет: «В связи с критикой религии Мах восстает и опять-таки самым беспощадным образом против всех родов идеалистического ап-

риоризма и сверхопытного миропорядка» («Дело», стр. 217). Ленин же уличает махистов в том, что они возрождают вопреки основным эмпирическим посылкам своей философии априоризм в учении о принципе экономии мышления, в учении о причинности и в других случаях.

Ленин клеймит Маха за последовательно проведенный разрыв теории и практики. «Это именно такой вымученный профессорский идеализм, когда критерий практики, отделяющий для всех и каждого иллюзию от действительности, выносится Э. Махом за пределы науки, за пределы теории познания»,—пишет Ленин (т. XIII, стр. 113). Аксельрод констатирует, что Мах разрывает научную практику и философскую теорию, но считает, что в философской теории Мах осуществляет единство теории и практики. Она пишет, что Мах «об'единяет теорию и практику в нечто единое, целое. Между теорией и практикой нет принципиального различия, ибо каждый шаг целесообразной практической деятельности есть в то же время звено в теоретическом обобщении и, наоборот, каждое научное обобщение служит могучим орудием на поле битвы практической жизни» (стр. 24).

Ленин квалифицирует как откровенный идеализм и поповщину учение махизма о неразрывной связи физического и психического, согласно которому физическое оказывается тем же психическим. Точно так же Ленин квалифицирует и учение Авенариуса об интроекции, отрывающее мысль от мозга, защищающее «безмозглую философию». Аксельрод пишет: «К материалистическому уклону мысли следует без сомнения отнести его (Маха.—*Е. С.*) всецело материалистическую психологию» («Дело», стр. 28. См. так же «Против идеализма», 1933, стр. 207).

Ленин доказывает, что принципиальная координация Авенариуса есть защита бессмертия души, что сам Мах защищает бессмертие души, рекомендуя книгу Г. Корнелиуса как своего ученика, тогда как в этой книге Г. Корнелиус откровенно защищает бога и бессмертие. Аксельрод же соглашается с махистом Богдановым, что в философии Маха нет места для бога и бессмертия (см. Ленин. Т. XIII, стр. 179), когда к «материалистическому уклону мысли» Маха относит «разрушительную критику субстанциональности, следовательно, бессмертия души» («Дело», стр. 28).

Ленин категорически возражает против того, что махизм есть наивный реализм. Наивный реализм, по Ленину,—это та стихийно-материалистическая точка зрения, которая принимается большинством человечества, сущность которой состоит в том, что вещи, среда, мир принимаются как существующие независимо от нашего ощущения, а познание признается их отражением. «Наивное» убеждение человечества с о з н а т е л ь н о кладется материализмом в основу его теории познания»,—говорит Ленин (т. XIII, стр. 56). Махисты же под флагом наивного реализма протаскивают в учении об элементах защиту идеалистического положения о первичности психического, суб'екта, ощущений. Ленин считает «софизмом самого дешевенького свойства» ссылку махистов на свой наивный реализм. В рецензии на «Материализм и эмпириокритицизм» Аксельрод утверждает, что Ленин якобы обнаруживает «полное непонимание сущности наивного реализма». Исходя из теории иероглифов и считая ощущения человека принципиально непохожими на порождающие их об'ективные процессы, Аксельрод вопреки Ленину и в согласии с самими махистами признает махистскую теорию об'ективных элементов — ощущений — наивным реализмом. «Эмпириокритики являются, таким образом, настоящими наивными реалистами»,—говорит в рецензии Аксельрод (см. Ленин. Т. XIII, стр. 331). «Эмпириокритицизм все-таки является полным возвратом к н а и в н о м у р е а л и з м у»,—говорит Аксельрод в переиздаваемой в 1933 г. книге («Против идеализма». стр. 196).

Разбирая социологические взгляды махистов, Ленин самым жесточайшим образом осуждает махистское приклеивание биологически-энергетических этикеток к социальным явлениям. «Перенесение биологических понятий в о о б щ е в область общественных наук есть ф р а з а»,—говорит Ленин (т. XIII, стр. 269). Социология Богданова есть «искажение исторического материализма претенциозно-пустой энергетической и биологической словесностью»,—утверждает Ленин. Аксельрод же в соответствии с общим механистическим взглядом видит здесь у Маха нечто весьма положительное, прогрессивное («Дело», стр. 27).

Ленин клеймит тупоумную претензию махистов подняться выше материализма и идеализма, квалифицирует их крикливые заявления о том, что они якобы изобрели совершенно новую философию, как «ущемление блох», как пустое сочинение новых ничтожных философских «измов». Аксельрод же пишет: «Эмпириокритическая метафизика действительно является в некотором роде новой разновидностью, и потому утверждение последователей чистого опыта, что исповедуемое ими мировоззрение отличается и от идеализма и от материализма, не лишено основания» («Против идеализма», 1933, стр. 208).

Для Ленина махизм—идеализм. Аксельрод же изобрела для махизма новую кличку: «суб'ективный материализм», которую она, впрочем, в новом издании книги «Против идеализма» сняла.

В своей окончательной классовой оценке Маха и Авенариуса Ленин судит о них по их философским, естественно-научным и социологическим взглядам, как они выражены у них самих и во всем махистском течении. Для Ленина Мах и Авенариус — реакционеры. Аксельрод отделяет личности этих философов от всего махистского течения. Махистское течение она правильно квалифицирует как реакционное и мещанское течение. О личности же Маха она пишет: «Все эти черты философского творчества, опирающиеся на положительную науку, ставят Э. Маха в особое, исключительное положение среди западноевропейских буржуазных мыслителей последнего периода, мышление которых сильно окрашено в реакционный, теологический цвет. В произведениях же Маха чувствуется благородная личность, передовой человек и большой демократ» («Дело», стр. 28). Мах—не защитник фидеизма, Мах—не реакционер, Мах—прогрессивное явление. Вот вывод Аксельрод.

Эта оценка Маха и махизма, разумеется, резко расходится с ленинской, прямо противостоит ей. Эту оценку иначе, как оппортунистической, примиренческой, назвать нельзя.

Следует отметить, что такого рода противопоставление ленинским оценкам махизма, идущее по линии уступок махизму, есть и у Деборина. Ленин, например, расценивает махизм как метафизическую, враждебную диалектике, философию. Махисты в силу незнания диалектики через релятивизм «скатились к идеализму»,—говорит Ленин (т. XIII, стр. 291). Махисты подменяют диалектику релятивизмом. Деборин этот релятивизм махистов квалифицирует не как незнание диалектики и метафизики, но как неверное применение диалектики, как злоупотребление диалектикой. С его точки зрения махистам присуща идеалистическая диалектика, которую он называет «суб'ективной диалектикой» («Введение», стр. 278—279).

В конце концов, если сложить «суб'ективный материализм» Аксельрод и «суб'ективную диалектику» Деборина вместе, получится, что махизм есть нечто вроде «суб'ективного диалектического материализма».

В обоих случаях мы имеем отличную от ленинской и в известном смысле примиренческую по отношению к махизму, не соответствующую действительной сущности махизма его оценку.

XI

Лучшим показателем сравнительной действенности ленинской и плехановской критики махизма должна быть та реакция, которую встретила эта критика со стороны самих махистов. Имеется довольно большое число махистских антикритик, направленных против Ленина и Плеханова. Сюда относятся: «Вера и наука» Богданова (1910), сборник статей «На два фронта» В. Базарова (1910), направленная против Плеханова брошюра Богданова «Приключение одной философской школы» (1908) и книга Н. Валентинова «Философские построения марксизма» (1908). Против Ленина и Плеханова как критиков махизма направлена довольно-таки гнусная книжка П. Юшкевича «Столпы философской ортодоксии» (1910).

В своей критике махистов Плеханов защищал диалектический материализм, боролся в общем и целом с позиций диалектического материализма. Общеизвестное ленинское замечание: «Единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов» (т. XII, стр. 185)—может быть отнесено не только к плехановской критике народничества и неокантианства, но и махизма.

Защита диалектического материализма Плехановым в эпоху, когда ревизионизм окончательно овладевал II интернационалом и когда Каутский не возражал против соединения Маркса с Махом, как мы уже указывали выше,—большая заслуга Плеханова.

Тем не менее в плехановской критике и неокантианства и махизма есть крупнейшие недостатки. Они идут, во-первых, по линии методов философской критики, применяемых Плехановым. Эти методы носят сильный вульгарно-материалистический отпечаток, строят критику исключительно в логическом разрезе, не давая развернутого изложения диалектико-материалистической точки зрения, не давая анализа естественно-научных и классовых предпосылок махизма и неокантианства. На этих недостатках мы подробно останавливались выше.

В плехановской критике махизма есть и другой, более существенный недочет, идущий по линии содержания его собственных философских взглядов и, соответственно, его критики махизма. Речь идет прежде всего о теории иероглифов Плеханова. Вместо материалистической теории отражения, согласно которой ощущения, понятия и все человеческое познание есть точная копия, отражение или отображение об'ективного мира, Плеханов в критике неокантианцев, а вслед за этим и махистов развивал теорию, согласно которой познание доставляет нам условные значки, символы, или иероглифы вещей, об'ективного мира. Вслед затем Плеханов вместо материалистической точки зрения на соотношение явления и вещи в себе, согласно которой явление есть «для других бытие» самой вещи, согласно которой нет никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе, проводил между явлением и вещью в себе некоторую принципиальную границу. Он истолковывал явление в кантовском смысле как содержание сознания и, настаивая на том, что наши представления о вещах непохожи на эти вещи, приходил к утверждению чистой суб'ективности явления. Настаивая на суб'ективности содержания сознания, Плеханов приходил к суб'ективистскому истолкованию всего человеческого опыта впротивовес материалистическому пониманию его как данному извне, об'ективному. Все эти философские ошибки Плеханова носят один общий отпечаток: они свидетельствуют о непреодоленных Плехановым влияниях агностицизма, притом кантианского типа, поскольку признание вещи в себе совмещается с утверждением суб'ективности знания.

Все эти отступления Плеханова от диалектического материализма являются своеобразными уступками махизму. В философской как и во всякой другой критике очень важно быть настолько последовательным, чтобы не дать противнику возможности, ухватившись за проявленную непоследовательность, отвести основной вопрос спора в сторону. Гарантию такой последовательности дает сама философия диалектического материализма, единственно до конца последовательная философия единственного до конца последовательного класса—пролетариата. Однако необходимо, чтобы точка зрения диалектического материализма была строго проведена. Плеханов, строивший свою критику махистов на логической полемике с ними, допускал двойную непоследовательность: 1) включал в свой диалектический материализм струю кантианского агностицизма, вкорне противоречащего диалектическому материализму, 2) включал именно элементы кантианства, самого по себе полного несообразностей и противоречий.

Это была первая уступка Плеханова махистам. Полемика между диалектическими материалистами и махистами была жаркая, и махисты моментально ухватывались за слабые места Плеханова. Осуществляя по отношению к кантианским ошибкам Плеханова критику справа, à la Пуришкевич, они отводили в сторону основной вопрос о реальности об'ективного мира, усердно прорабатывали Плеханова за логическую непоследовательность.

Другая, более существенная уступка Плеханова махизму заключается в том, что он по ряду своих ошибок как бы шел навстречу махистам. Ошибки Плеханов делал агностические, а агностицизм свойствен до некоторой степени и махизму. Возьмем, например, ту же теорию иероглифов Плеханова.

Вполне понятно, что наиболее широкий отклик в махистских антикритиках против Ленина встретила ленинская теория отражения. Признавая ощущение и понятие точной копией вещей об'ективного мира, она утверждает его материальность и зависимость от него познания. Она разбивает пресловутый махистский «наивный реализм», который об'ективирует чувственные «элементы»—ощущения—в качестве «физического ряда» и идеалистически подменяет ими материальные вещи. Она ребром ставит вопрос о признании или непризнании материального мира. Она логически последовательна и не дает в этом отношении никаких поводов махистам цепляться за посторонние делу вопросы. Махисты в своих антикритиках спасаются от теории отражения. Путем софизмов они сначала пытаются отождествить ее с махистской точкой зрения. Богданов, например, признает ее тождественной своей теории всеобщей постановки («Вера и наука», стр. 175). Юшкевич торжествует: «Итак, учение о существовании вещей в их чувственно-осязательном виде, иначе говоря, наивный реализм, иначе говоря, махизм, есть для г. Ильина материализм» («Столпы философской ортодоксии», стр. 59). Базаров утверждает: «Если т. Ильину угодно называть материей ту об'ективную реальность, или, что то же, те «элементы» об'ективного мира, которые даны нам в ощущении, то против такого материализма как исходной точки не станет возражать ни один махист» («На два фронта», стр. XXV).

Софизм, примененный в данном случае махистами, был очень элементарен: они подменяли материальную вещь в себе Ленина пресловутым «элементом», который есть не что иное, как ощущение. Софизм этот был разоблачен Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», и попытка с его помощью подделаться под теорию отражения не могла быть принята всерьез. Слишком ясно было, что ничего общего между материалистической теорией отражения и «наивным реализмом» Маха нет.

Махисты тогда всерьез начали доказывать преимущества плехановской теории иероглифов перед ленинской теорией отражения. «Иероглифические материалисты безусловно правы, когда утверждают, что между нашими ощу-

щениями и движениями молекул, атомов, электронов существует только символическая связь», — говорит Базаров. Особенно веским аргументов в защиту теории иероглифов Базаров считает то, что общие понятия с его точки зрения всегда есть искусственные конструкции, орудия упорядочения опыта, правила построения, символы, а не отражения. Естественно, что теорию символов поддерживает эмпириосимволист Юшкевич. «Здесь единственно возможное отношение — это отношение знака к означаемому, символа к символизируемому»,—говорит Юшкевич (стр. 60).

Какой тактики по отношению к Плеханову придерживается в «Материализме и эмпириокритицизме» (Ленин?

На первой же странице своей книги (т. XIII, стр. 17) Ленин указывает, что махисты, делая вид, будто они отвергают только материалиста Плеханова, на самом деле вели борьбу против Энгельса и диалектического материализма. В дальнейшем изложении Ленин много раз настаивает на том, чтобы отделить вопрос о Плеханове от вопроса об Энгельсе, обо всем диалектическом материализме вообще, не смешивать эти два вопроса. «Для мыши сильнее кошки зверя нет. Для русских махистов сильнее Плеханова материалиста нет»,— говорит Ленин (т. XIII, стр. 70). Махисты сами же возвеличивают Плеханова в единственного представителя материализма, топчутся вокруг него (т. XIII, стр. 67). Почему вы возитесь с Плехановым и не обращаетесь непосредственно к Энгельсу или к Фейербаху, спрашивает Ленин у махистов. «Если это неверно, то человек, хоть чуточку уважающий марксизм, должен был показать эту ошибку Плеханова и считаться не с Плехановым, а с кем-либо другим «Марксом, Энгельсом, Фейербахом» (т. XIII, стр. 68).

Отделяя Плеханова от Энгельса, Ленин ведет защиту Плеханова от нападок махистов там, где он выражает точку зрения Энгельса и где нападение на Плеханова было для махистов предлогом для нападения на Энгельса. Ленин, например, бьет Базарова за его возражения против признания Плехановым существования вещей в себе (т. XIII, стр. 20, 119), всех махистов за то, что они обвиняют Плеханова за его признание вещей в себе в кантианизировании марксизма (т. XIII, стр. 162).

Характерной чертой ленинской критики махизма является то, что, проводя последовательную борьбу на два фронта, подвергая обсуждению решительно все оттенки философской мысли по каждому вопросу, Ленин опровергает идеализм и, в то же время, подвергает критике ошибки философских союзников, материалистов: Фейербаха, французских материалистов XVIII в., Дицгена и др.

Ленин дает развернутую критику и ошибок Плеханова. У нас уже не раз справедливо отмечалось, что ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» одной своей стороной направлен против Плеханова. Ленин явно несогласен с плехановским определением сознания как «внутреннего состояния материи» и предлагает другое—«мысль есть функция мозга». Ленин ссылается при этом на Энгельса (т. XIII, стр. 71). Ленин вскользь отмечает ошибку Плеханова в его утверждении, что идеализм обязательно связан с формулой «Нет об'екта без суб'екта»; утверждение это, правильное в отношении суб'ективного идеализма, не охватывает об'ективного идализма. Ленин подчеркивает, что «абсолютный идеализм Гегеля мирится с существованием земли, природы, физического мира без человека, считая природу лишь «инобытием» абсолютной идеи» (т. XIII, стр. 59, 68). Развивая учение диалектического материализма о соотношении явления и вещи в себе, настаивая на том, что «решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может», Ленин подвергает критике плехановскую позицию в этом вопросе. Она выразилась в проведении грани между явлением и вещью в себе, и Ленин опровергает это вскользь, в связи с пропуском Плехановым слова «неуловимая» вещь в себе Канта в переводе

«Л. Фейербаха» Энгельса, затем, в случае с неверным переводом Плехановым 2-го тезиса Маркса о Фейербахе и, наконец, вскользь опять-таки, в связи с заявлениями Богданова, что у Энгельса и у Плеханова вещь в себе принципиально отлична от явления. Отстраняя это обвинение Богданова от Энгельса, материалистов XVII в., Фейербаха и И. Дицгена, Ленин в последнем случае как бы оставляет открытым вопрос о Плеханове (т. XIII, стр. 82, 85, 99). Ленин резко критикует несуразную фразу Плеханова, будто «вера» в существование внешнего мира «есть неизбежное salto vitale» философии (т. XIII, стр. 115). Еще резче Ленин критикует путаницу Плеханова в определении опыта (т. XIII, стр. 124). Ленин дает развернутую критику теории иероглифов Плеханова, как полуматериализма, как теории, «вносящей совершенно ненужный элемент агностицизма», некоего «недоверия к чувственности, к показаниям наших органов чувств», как подвергающей некоторому сомнению существование внешних предметов, поскольку знаки или символы возможны и по отношению к мнимым предметам (т. XIII, стр. 192).

Проведенная Лениным в его критике махизма крепко обоснованная и хорошо аргументированная точка зрения последовательного диалектического материализма, прижала махистов к стенке, лишила их возможности изворачиваться, цепляясь за отдельные логические промахи и ошибки, как это они делали по отношению к Плеханову. В своих ответах Ленину махисты тягуче повторяют старые аргументы в защиту того, что «элемент» не есть ощущение, что «элемент» Маха есть ощущение не суб'екта, как у Беркли, а «ничье», и поэтому Мах—не суб'ективный идеалист, что Мах—наивный реалист, что нет об'ективной и абсолютной истины, что истина—организующая форма, и т. д. Все аргументы в защиту этих махистских положений настолько были разгромлены Лениным, что никаких новых аргументов махисты больше не приводят. Они нудно повторяют свои старые положения. В то же время они вопят, что Ленин проводит авторитарно-религиозный образ действий и мышления, строит марксизм на вере и принуждении, хочет задержать дальнейшее развитие марксизма, отличается нетерпимостью, «китаизмом», партийной узостью, даже свирепостью.

Здесь в споре Ленина с махистами чувствуется совершенно четкая, резкая и радикальная размежевка партийно-большевистского и ревизионистско-идеалистического лагерей. Не выдерживая ленинского натиска, махисты вопят о необходимости отделения философии от политики и марксизма. Богданов предлагает снять голову и вонзить осиновый кол в сердце «абсолютному», т. е. непримиримому, ортодоксальному, последовательному марксизму, такому какой он встретил в ленинской критике махизма («Вера и наука», стр. 223). Надо, кричит Юшкевич, «открыть доступ чужим идеям, усвоить все завоевания культуры, признать свободу мнений. Надо марксистскую теократию преобразовать в европейское государство, надо провести, так сказать, отделение церкви от государства, политику отделить от теории, программу от системы, партию от идеологии» (стр. 71) стиснутым железными тисками ленинского «Материализма и эмпириокритицизма». Махистам, оставалось только лишь сознаться в своем антимарксизме. Это в конце концов и сделал П. Юшкевич, признавший в статье «На тему дня» (Сборник «Вершины», 1909) свою философию непролетарской и немарксистской (стр. 384 и 385).

Живое и мертвое в „Философии права“ Гегеля

Л. Герман

«Философия права»—одно из важнейших сочинений Гегеля [1]). Первое немецкое издание этой книги вышло при жизни Гегеля в 1821 г., под заглавием «Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrechts und Staatswissenschaft im Grundrisse» («Основные черты философии права и государственной науки в сжатом очерке»). Второе немецкое издание «Философии права» появилось уже после смерти Гегеля, в 1833 г., составив восьмой том первого полного собрания его сочинений, изданных его ближайшими друзьями и учениками. В отличие от первого издания второе немецкое издание содержало в себе, помимо основного гегелевского текста, еще и «прибавления» (числом около 200) к отдельным параграфам. Эти «прибавления» были даны учеником Гегеля Эдуардом Гансом на основе записей лекций философа его слушателями.

Это произведение не только крайне важно для полного и правильного уяснения гегелевской философии со всеми ее сильными и слабыми сторонами, но—что еще для него важнее—оно должно способствовать более глубокому пониманию философии марксизма, которая имеет одним из своих основных истоков гегелевскую философию вообще и гегелевскую «Философию права» в частности.

«Философия права» бесспорно принадлежит к числу тех работ Гегеля, в которых, по выражению Энгельса, консервативная сторона гегелевской системы непомерно разрослась. Но сам по себе этот отрицательный факт не умаляет значения этой книги, а еще более подчеркивает необходимость ее глубокого и внимательного изучения, ибо не следует забывать, во-первых, что влияние и историческая судьба гегелевской философии определялись не только ее революционными тенденциями, но не в меньшей мере ее реакционной стороной и, во-вторых, консервативные выводы гегелевской «Философии права» дают нам ключ для лучшего понимания социальных корней философской системы Гегеля, которая при всей гениальности последнего носит на себе яркий отпечаток его классовой ограниченности и филистерства.

Было бы также недопустимой ошибкой, если бы из-за густых реакционных напластований, которые имеются в «Философии права», мы не видели бы целого ряда революционных моментов и тенденций этого произведения и недооценивали бы того необозримого богатства мыслей, которое в нем имеется.

Великие основоположники научного социализма даже после того, как они преодолели Гегеля и подвергли реакционные выводы его «Философии

---

[1]) Интересно отметить, что несмотря на большой успех, которым пользуется в настоящее время гегелевская философия во всех «цивилизованных странах», «Философия права» до сих пор переведена только на итальянский язык.

права» самой суровой критике, отдавали должное глубине, оригинальности и многогранности гегелевской концепции и диалектическому методу—этому положительному рациональному зерну его системы. «Кто... глубже проникает в грандиозное здание,—писал Энгельс в своем «Людвиге Фейербахе» о гегелевской философии,—тот находит бесчисленные сокровища, до настоящего времени сохранившие свою полную ценность».

Точно так же и Маркс очень высоко расценивал роль Гегеля как философа буржуазного права и государства. В своей «К критике гегелевской философии» Маркс писал:

«Критика немецкой государственно-правовой философии, получившей в работах Гегеля свою самую последовательную, самую содержательную и законченную формулировку, есть... как критический анализ современного государства и связанной с ним действительности, так и самое решительное отрицание всей доныне существующей формы немецкого политического и правового сознания, самым благородным, универсальным, до степени науки возвысившимся выражением которого является именно сама спекулятивная «философия права» [1]).

И именно тот факт, что «Философия права» совмещает в себе явную реакционность с прогрессивными тенденциями, что наряду с слабостью и непоследовательностью его системы, она выявляет силу гегелевского метода, что, раскрывая бессилие Гегеля отрешиться от филистерского умонастроения окружающей его среды, она вместе с тем обнаруживает способность Гегеля к величайшей смелости и дерзаниям в области спекуляции,—именно это об'ясняет нам, почему Марксова критика названной работы Гегеля сыграла столь исключительную роль в формировании диалектико-материалистического, экономического и политического учения марксизма.

На основе высказываний Маркса мы можем с точностью установить, когда ему удалось полностью свести критические счеты с гегелевской философией вообще и с его «Философией права» в частности. В своем предисловии «К критике политической экономии» Маркс по этому поводу пишет следующее:

«Первой работой, предпринятой для разрешения осаждавших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской «Философии права»; введение к этой работе появилось в издававшихся в 1844 г. в Париже «Немецко-французских ежегодниках». Мои исследования привели меня к заключению, что правовые отношения как и формы государства не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа: наоборот, они коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, об'единил под названием «гражданского общества», а анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии».

Упоминаемое здесь Марксом «Введение», а также недавно (в 1927 г.) разысканная в архиве немецкой социал-демократии Институтом Маркса и Энгельса статья Маркса, посвященная критике гегелевской философии государства (впервые напечатанная в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», № 3 за 1927 г.), свидетельствуют о том, что уже в 1843 г. Маркс достиг той духовной зрелости, которая позволила ему дать решительный бой гегелевскому абсолютному идеализму и противопоставить ему материалистическую философию (в то время, правда, еще не выкристаллизовавшуюся во вполне законченную диалектико-материалистическую).

Было бы, однако, неправильно думать, что критическое преодоление Гегеля Марксом произошло сразу,—этот процесс преодоления, как мы мо-

---

[1]) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 405.

жем установить по работам молодого Маркса, продолжался ряд лет и был связан с напряженной работой Маркса по изучению истории общественных движений, а также конкретной классовой борьбы в условиях современности, причем, как известно, Маркс даже в первые годы своей публицистической деятельности не оставался безучастным зрителем, а вел жестокие идеологические бои с «мистериями» прусской действительности. И опять-таки не подлежит сомнению, что теоретическую «революционную» зарядку молодому Марксу дала «Философия права» Гегеля, которую Маркс не только изучал непосредственно, но и воспринял в форме лекций от профессора Эдуарда Ганса, ученика Гегеля, читавшего в Берлинском университете уголовное право и прусское государственное право.

Молодой Маркс оказался отзывчивым и восприимчивым по отношению к рациональной, революционной стороне гегелевской философии, но он подверг беспощадной критике ее реакционную сторону.

Уже в этот период, Маркс осознал, что в диалектических принципах философии Гегеля заложена возможность преодоления его классово-ограниченных, консервативных выводов. Попытку такого преодоления, попытку активного внутреннего сопротивления всему косному, реакционному, гнилому в социальном мировоззрении Гегеля мы обнаруживаем уже в первых литературных выступлениях молодого Маркса.

Какие бы злободневные вопросы ни трактовал в своих статьях в «Рейнской газете» Маркс,—пишет ли он о дебатах по поводу закона о краже дров, рассматривает ли он проблему печати или какой-либо другой актуальный вопрос,—везде он с изумительным искусством умеет использовать диалектические принципы гегелевской философии для революционной критики идеализированной Гегелем прусской действительности.

«Принципы,—писал Энгельс о Гегеле,—всегда носят печать независимости и свободомыслия, выводы же—этого никто не отрицает—нередко умеренны, даже консервативны. Тут же выступила часть его учеников, которая, оставаясь верной принципам, отвергла выводы, поскольку они не могли найти себе оправдания»[1]).

Маркс как раз и принадлежал к числу тех учеников, которые восприняли диалектические принципы гегелевской философии; но в отличие от других левых гегельянцев он эти принципы не оставил в том идеалистическом виде, в каком они даются у Гегеля, а материалистически их переработал. Мало того, Маркс и Энгельс, отбрасывая те выводы, «которые не могли найти себе оправдание», нашли, оценили и материалистически переработали целый ряд верных и глубоких положений, которыми изобилуют все произведения Гегеля, в том числе и «Философия права».

В этой связи нельзя, конечно, не указать на большую помощь, которую оказал Марксу и Энгельсу в деле критического преодоления Гегеля материалист Фейербах. Важнейшие работы последнего («Предварительные тезисы к реформе философии» и «Сущность христианства») произвели на Маркса и Энгельса очень сильное впечатление. Но было бы неправильно переоценивать значение фейербаховской критики Гегеля для выработки мировоззрения Маркса. Гениальность творцов диалектического материализма в том и заключалась, что, признав правоту материалистической философии Фейербаха они вместе с тем ясно сознавали ее неполноту и односторонность, неуменье Фейербаха применять материализм к истории.

В своем письме к Руге от 13 марта 1843 г. Маркс писал: «Афоризмы Фейербаха страдают, на мой взгляд, в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало на политику. Между тем это

---

[1]) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. II, стр. 117.

единственный мотив, благодаря которому теперешняя философия стала идейной» (Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 532).

«Удивительную бедность» исторических взглядов Фейербаха в сравнении с Гегелем отметил позднее Ф. Энгельс в своем сочинении «Людвиг Фейербах».

«У Гегеля,—пишет он,—этика, или учение о нравственности, есть философия права и обнимает: 1) отвлеченное право, 2) мораль, 3) область нравственности, к которой относятся: семья, гражданское общество, государство. Насколько идеалистична форма, настолько же реалистично содержание. Наряду с моралью оно заключает в себе всю область права, экономики и политики. У Фейербаха как раз наоборот. По форме он реалистичен, за точку отправления он берет человека. Но ни единым словом не упоминает об окружающем человека мире, и потому его человек остается тем же отвлеченным человеком, который фигурирует в религии. Этот человек не рожден женщиной; он как из куколки вылетает из бога монотеистических религий. Поэтому он живет не в действительном, исторически развившемся и исторически определенном мире. Хотя он сносится с другими людьми, но каждый из них такой же отвлеченный, как он».

Таким образом, мы видим, что критическое преодоление философии Гегеля носило у Маркса и Энгельса значительно более глубокий характер чем у Фейербаха. Это было в полном смысле слова преодоление, «снятие» в гегелевском значении этого понятия, т. е. не только голое отрицание, отбрасывание этой философии, но и сохранение всего положительного, что в ней имеется.

Критическое преодоление Марксом гегелевской «Философии права» нашло свое отражение в вышеупоминавшейся нами статье, посвященной анализу гегелевской концепции государства. В этой статье, которая с полным основанием может быть отнесена к наиболее глубоким и блестящим критическим работам, которые когда-либо были написаны о Гегеле, Маркс сосредоточивает свое внимание на следующих моментах: 1) на выявлении основного порока логического метода в гегелевской философии права, 2) на доказательстве полнейшей беспочвенности и необоснованности тех консервативных выводов, к которым приходит Гегель в заключительном разделе своего сочинения.

Несомненно, что статья Маркса, несмотря на то, что она была написана им в тот период, когда он не был вполне оформившимся диалектическим материалистом, имеет громаднейшее значение как для правильной оценки гегелевской «Философии права» (и, следовательно, гегелевской философии вообще), так и для философского развития Маркса и для более глубокого понимания философии диалектического материализма.

Основной методологический порок, который находит Маркс в «Философии права»,—это то, что у Гегеля здесь (как и в других произведениях) все поставлено на голову и изображено в перевернутом виде, или, иначе говоря, что мы имеем здесь идеалистическую или, как он ее квалифицирует, мистическую трактовку вопроса, а не материалистическую.

«Действительность,—пишет Маркс о Гегеле, разбирая § 262 книги,—провозглашается не такой, как она есть, а как другая действительность. Обыкновенная эмпирия повинуется законам не своего собственного духа, а чужого; действительная же идея, в свою очередь, имеет свое наличное бытие не в действительности, развившейся из нее самой, а в обыкновенной эмпирии. Идея суб'ективируется. Действительное отношение семьи и гражданского общества к государству понимается как внутренняя воображаемая деятельность идеи. Семья и гражданское общество являются предпосылками государства, именно они являются действительными, но в умозрении все это отношение становится на голову» (Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 538).

«Эмпирическая действительность, — развивает далее свою мысль Маркс,—провозглашается также разумной, но она разумна не в силу своего собственного разума, а в силу того, что эмпирический факт в его эмпирическом существовании имеет значение, лежащее за пределами его самого».

Уже в этой своей статье Маркс с непререкаемой убедительностью доказывает, что гегелевский идеализм, который «берет факт, из которого мы исходим, не как таковой, а как мистический результат», совершенно бессилен свести концы с концами, что он неспособен правильно об'яснить и обосновать факты эмпирической действительности, что все те выводы, к которым он приходит, вытекают не из имманентной логики развития идеи, а навязаны этой идее извне социальными или, точнее, классовыми симпатиями и антипатиями Гегеля.

Так, например, Маркс без труда ловит Гегеля на том, что последний прибегает к «явной мистификации», когда выводит политическое устройство из понятия организма, который, по определению Гегеля, «есть развитие идеи к ее различиям и к их об'ективной действительности».

Эту идеалистическую дедукцию Гегеля Маркс подвергает самой острой и уничтожающей критике:

«Исходным пунктом,—пишет Маркс по поводу этого,—является здесь абстрактная идея, чье развитие в государстве есть политическое устройство. Речь идет таким образом не о политической идее, а об абстрактной идее в политическом элементе. Тем, что я говорю: «Этот организм (государство, политическое устройство) есть развитие идеи к ее различиям и т. д.», я еще ничего не знаю о специфической идее политического устройства. Чем же, таким образом, отличается животный организм от политического? Из этого общего определения усмотреть этого нельзя. Но об'яснение, в котором не указана diferentia specifica, не есть об'яснение. Интерес направлен только на то, чтобы в каждом элементе: будь то элемент государства, будь то элемент природы—снова найти «чистую идею», «логическую идею, действительные же суб'екты, как например здесь «политическое устройство», становятся названиями идеи, «и мы в результате имеем только видимость действительного понимания» [1]).

«Результат, к которому Гегель с самого начала стремится, это—определение организма как политического устройства. Но не существует такого моста, который от общей идеи организма вел бы к определению государственного организма или к политическому устройству, и этот мост никогда нельзя будет перекинуть между ними» [2]).

Таким образом, на анализе конкретного примера, почерпнутого из гегелевской «Философии права», Маркс доказал полное бессилие абсолютного идеализма несмотря на диалектичность его метода перекинуть мост между идеей и действительностью. Но он не ограничивается одним этим примером и подвергает сокрушительной критике и ряд других консервативных положений Гегеля, например, идею, что суверенитет есть, с одной стороны, действующая бессознательная субстанция, а, с другой стороны, «уверенная в самой себе суб'ективность, абстрактное и постольку не имеющее основания самоопределение воли, в котором лежит окончательное решение».

Критикуя это положение, Маркс, с одной стороны, показывает, что Гегель перевертывает вверх ногами существующие факты эмпирической действительности, а, с другой стороны, несмотря на все свои мудрствования выводит из идеи не то, что из нее действительно вытекает, а то, что ему нужно вывести.

[1]) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 541.
[2]) Там же, стр. 533—534.

Простой эмпирический факт, что монарх обладает суверенной властью и «делает, что хочет», Гегель облекает в форму метафизического положения: суверенитет есть абстрактное и потому не имеющее основания самоопределение воли.

«Все атрибуты конституционного монарха в современной Европе,— пишет Маркс,—Гегель превращает в абсолютные самоопределения воли. Он не говорит: воля монарха есть окончательное решение, а окончательное решение воли есть монарх».

Далее Маркс показывает, что Гегель не мог доказать необходимости монарха, и разоблачает всю вздорность утверждения Гегеля, что «понятие монарха является наиболее трудным для рассудка», который «представляет себе достоинство монарха как нечто производное не только по форме, но и по своему определению; а между тем понятие, наоборот, состоит в том, что оно есть не производное, а безусловно начинающее из себя».

По поводу этой идеалистической уловки Маркс с глубоким сарказмом замечает: «Безусловным начинающим из себя» в известном смысле является всякое необходимое бытие; вошь монарха в этом отношении ничем не отличается от самого монарха. Гегель этим, следовательно, не сказал о монархе ничего особенно нового» [1].

Но Маркс на этом не останавливается, он беспощадно добивает Гегеля, вконец запутавшегося в своем стремлении во что бы то ни стало доказать разумность и необходимость монархизма.

Маркс издевается над тезисом Гегеля, что в самом понятии государственной воли заключается определение «природность», из чего последний делает вывод, что монарх предназначается к своей роли «непосредственно, природным образом, благодаря физическому рождению» (стр. 280).

«Последней решающей инстанцией,—язвительно замечает по этому поводу Маркс,—на высшей вершине государства, таким образом, вместо разума оказывается тело. Рождение предопределяет качество монарха, как оно предопределяет качество скота. Гегель доказал, что монарх должен родиться, в чем никто не сомневался, но он не доказал, что рождение делает его монархом. Что человек в силу рождения предназначен быть монархом,—это так же мало может стать метафизической истиной, как догмат о беспорочном зачатии богородицы Марии. Но как последнее представление, являющееся фактом сознания, так и первое представление, отражающее эмпирический факт, могут быть об'яснены человеческими иллюзиями и отношениями».

Итак, Маркс еще в 1843 г. имел перед Гегелем то громадное преимущество, что его орлиный взор был устремлен не назад, а вперед, что он свои идеи сообразовывал с гениально понятой диалектикой вещей и исторических процессов, а не навязывал свои идеи эмпирической действительности, что он понял историческую обусловленность всякой идеологии интересами господствующего класса и что, наконец, он первым раскрыл историческую роль пролетариата как класса, который должен эмансипировать человечество не только от экономического, но и идеологического рабства. И потому совсем не случайно то обстоятельство, что именно в своей статье «К критике гегелевской философии права» Маркс впервые заявил себя идеологом пролетариата.

«Никакое рабство,—писал он в этой статье,—не может быть в Германии уничтожено без того, чтобы не было уничтожено всякое рабство. Основательная Германия не может совершить революцию, не начав революции с самого основания. Эмансипация немца есть эманси-

---

[1]) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 551.

пация человека. Голова этой эмансипации—философия, ее сердце—пролетариат».

По недостатку места мы не имеем возможности останавливаться здесь на чрезвычайно интересной критике Марксом гегелевского понимания роли бюрократии, сословного представительства и т. д.

Нам важно было только на некоторых примерах конкретной марксовой критики основных выводов гегелевской «Философии права» показать, как перед сокрушительным натиском новой, высшей идеологии—идеологии диалектического материализма—должна была обнаружить свою, выражаясь гегелевским термином, ничтожность (Nichtigkeit), свою неразумность, свою необоснованность идеология того класса, выразителем интересов которого явился Гегель. И если Гегель напрягал всю мощь своего исключительного ума для того, чтобы доказать, что буржуазное государство есть воплощение разума и «действительность нравственной идеи», то молодому Марксу достаточно было слегка коснуться остреем своего критического скальпеля некоторых сторон этой величественной, но искусственной конструкции, чтобы здание рассыпалось впрах, проявив, таким образом, свою призрачную разумность, лишь воображаемую действительность и абсолютность.

Но если Маркс и Энгельс раскритиковали и отбросили все мертвое и реакционное, что имеется в гегелевской «Философии права», то все ее положительное содержание они подвергли глубокой материалистической переработке и сделали его прочным достоянием философии диалектического материализма. На этих положительных моментах мы здесь вкратце и остановимся.

Основной и характерной чертой гегелевской «Философии права», возвышающей ее над всеми прежними теориями права, является ее попытка диалектической трактовки проблем права, нравственности, государства и в связи с этим ярко проводимая точка зрения «об'ективизма» и «историзма».

Но диалектика Гегеля отправляется от ложного исходного пункта—от идеи, а не от материальной действительности; об'ективизм Гегеля не материалистический, а идеалистический, и историзм Гегеля терпит крах, когда классовые интересы подсказывают ему необходимость апологии прусской монархии. Но несмотря на все это или, может быть, даже вопреки этому за гегелевским пониманием и толкованием действительности, за его как-будто бы абстрактными формулами чувствуется мощное биение пульса жизни во всей ее сложности и многокрасочности, чувствуется тонкое практическое чутье этого гиганта диалектики, чувствуется способность не только с большой остротой «схватывать эпоху в мыслях», но и в некоторых случаях проникать своим взором в будущее.

Гегелевский диалектический метод, историзм, которым пронизаны все произведения Гегеля, в том числе, конечно, и «Философия права», и являются теми прогрессивными моментами, которые несмотря на классовую устремленность философа, сильно возвышали его над всеми его предшественниками и современниками и могли привести и действительно привели его к целому ряду положений, приближающихся к диалектико-материалистическому пониманию.

Но если недостаток гегелевской философии заключается в том, что она все же есть теология, то ее несомненным преимуществом является то, что она —последняя рациональная опора теологии и что в силу своей внутренней противоречивости она заключает в себе элементы отрицания самой себя. И поэтому совсем не случаен тот факт, что Бруно Бауэру вместе с Марксом пришла в голову мысль (которую они удачно и осуществили) показать в форме памфлета [1]) атеизм и революционность Гегеля.

[1]) «Трубный глас последнего суда над Гегелем атеистом и антихристом». Перевод этой брошюры недавно выпущен Соцэкгизом.

«Мышление Гегеля, — пишет Энгельс в своей рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии»,—отличалось от мышления всех других философов громадным историческим смыслом, лежавшим в основе его. Хотя форма его была крайне абстрактной и отвлеченной, все же ход его мыслей двигался постоянно параллельно с развитием мировой истории. Он первым пытался открыть в истории развития внутреннюю связь и, каким бы странным нам ни казалось теперь многое в его философии, все же грандиозность основного взгляда даже в настоящее время поразительна. Особенно, если сравнить с ним его предшественников или тех, которые позволяли себе после него пускаться в размышления общего характера об истории».

Для исторической концепции Гегеля характерно то, что в отличие от своих предшественников он пытался вникнуть в закономерность развития исторического процесса, не сводя его к суб'ективным действиям философов и политических деятелей, и нащупал тесную взаимосвязь идеологических форм с каждой эпохой.

«Постичь то, что есть, — пишет Гегель, — вот в чем задача философии, ибо то, что есть—есть разум. Что же касается отдельных людей, то уж, конечно, каждый и без того сын своего времени: таким образом и философия есть точно так же современная ей эпоха, постигнутая в мышлении. Столь же глупо думать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь глупо думать, что отдельный индивидуум может перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос. Если же его теория в самом деле выходит за ее пределы, если он строит себе мир, каким он должен быть, то это мир, хотя, правда, и существует, однако, только в его мнении; последнее представляет собою мягкий материал, на котором можно запечатлеть все, что угодно» (стр. 18).

Гегель едко высмеивает тех философов, которые вместо того, чтобы исходить из самой действительности (надо иметь в виду, что Гегель понимал действительность в мистифицированной форме) и брать ее такою, как она есть, «поучают» эту действительность и стремятся навязать ей свои пожелания и идеалы.

Развивая глубже концепцию Монтескье, Гегель выдвигает в качестве руководящего принципа для понимания права положение о взаимосвязи законодательства с характером эпохи. «Законодательство вообще и его частные постановления, — пишет он, — нужно рассматривать не изолированно и абстрактно, а как взаимные моменты некоторой целостности, в связи со всеми другими особенностями, составляющими характер определенной нации и определенной эпохи. В этой связи они получают свое истинное значение, а также и свое оправдание» (стр. 26).

Правда, как мы видим, Гегель, гениально угадав историческую обусловленность всех идеологических форм каждой эпохи, все-таки не поставил перед собой вопроса, — да и не мог его поставить, стоя на идеалистических позициях, — что же является определяющим для характеристики каждой эпохи. Это смог сделать только Маркс, ответ которого полностью исчерпывается известной формулой: «Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще». Но за Гегелем тем не менее все же остается та заслуга, что он очень близко подошел к правильному решению этого кардинального вопроса.

При оценке места и значения философии права Гегеля не следует также проходить мимо тех буржуазно-прогрессивных идей,—пусть даже ограниченных теми уступками, которые он делал прусскому дворянству и прусской бюрократии в ту эпоху,—идей, которые характеризуют его как идеолога восходящего капитализма. Именно эти моменты гегелевской философии

и имел в виду молодой Маркс, когда он писал о революции «в мозгу философа» и о том, что немецкие философы были «теоретической совестью» тех народов, которые уже совершили буржуазную революцию.

И если верно, что влияние идей Великой французской революции больше всего чувствуется в «Феноменологии духа» и «Науке логики», то не менее правильно и то, что лейтмотивом «Философии права» является обоснование «разумности и необходимости» буржуазной системы и, следовательно, буржуазной собственности.

Государство Гегеля — это «действительность нравственной идеи» и вместе с тем «действительность конкретной свободы». Под конкретной же свободой он понимал то, что «личная единичность и ее особенные интересы получают полное развитие, пользуются признанием своего права самого по себе (в системе семьи и в гражданском обществе) и в то же время частью переходят через самих себя в интересах всеобщего, частью сознательно и добровольно признают его, признают его именно как свой собственный субстанциональный дух и действуют для него как для своей конечной цели» (стр. 270).

Для гегелевской идеи государства характерно, то, что она, стремясь к небу, в «эфир чистого мышления», все же не может оторваться своими корнями от земли. И как Гегелю ни хотелось поставить государство над гражданским обществом и показать его внеклассовый и внесословный характер (см., например, § 258), ему все же это не удавалось, и он должен был признать, что право гражданского общества, т. е. право буржуазной собственности, получает свое полное развитие в государстве и что действительность последнего «состоит в том, что интерес целого реализуется распадом на особенности». Будучи величайшим сыном своей эпохи, Гегель не мог не видеть и не признавать того, что «основное условие блеска государства — это свободная собственность» (§ 229). И поэтому свободу собственности Гегель считает чрезвычайно важным моментом во всемирной истории; она является, по его мнению, следующей ступенью духа после христианства, принесшего с собою свободу лица. «Уже полторы тысячи лет назад, — пишет он, — расцвела, благодаря христианству свобода лица и стала, хотя и у незначительной части человечества, всеобщим принципом. Свобода же собственности, можно сказать, лишь со вчерашнего дня кое-где получила признание в качестве принципа. Вот пример из всемирной истории, показывающий нам, какой длительный срок нужен духу для того, чтобы сделать шаг вперед в своем самосознании» (стр. 86).

«Лишь в собственности, — утверждает Гегель, — лицо есть разум» (стр. 69), лишь через собственность воля получает свое наличное бытие. И поэтому Гегель считает высшей несправедливостью платоновского государства уничтожение частной собственности. «Представление о благочестивом и дружеском, а то даже насильственном братском союзе людей с общностью имущества и изгнанием принципа частной собственности может казаться весьма приемлемым умонастроению, которое не понимает природы свободы духа и права и не охватывает их в их определенных моментах» (стр. 73).

Наряду с свободой собственности Гегель также подчеркивает и необходимость свободы личности. «Заповедь права, — говорит Гегель, — гласит следующим образом: будь лицом и уважай других лиц».

Так возвеличивал Гегель свободу собственности и свободу личности — эти основы победно наступавшего буржуазного строя. Несомненно, что эти мысли, которые явились отголоском Великой французской революции, прозвучали в феодально-бюрократической Германии, являвшей собою «напоказ

всему миру выставленное ничтожество старого порядка» (Маркс), как революционный призыв к войне за новые порядки.

Но наиболее острое, глубокое, диалектическое понимание сути социальных процессов Гегель обнаруживает в разделе, посвященном гражданскому обществу.

Прежде всего следует подчеркнуть глубокое понимание Гегелем диалектической связи и взаимозависимости членов гражданского общества как производителей и потребителей. «В гражданском обществе, — пишет Гегель, — каждый для себя цель, все другие суть ничто. Но без соотношения с другими он не может достигнуть об'ема своих целей; эти другие суть поэтому средства для целей особенного» (стр. 211). «Пропитание и благо единичного лица и его правовое существование переплетены с пропитанием, благом и правом всех, основаны на них и лишь в этой связи действительны и обеспечены» (стр. 212). «В зависимости и взаимности труда и удовлетворения потребностей субъективное себялюбие превращается в содействие удовлетворению потребности всех других... так что, когда каждый сам для себя приобретает, производит и потребляет, он вместе с тем именно приобретает, производит для потребления других» (стр. 223).

«Гражданское общество представляет собой могучую силу, увлекающую за собой человека, требующую от него, чтобы он на нее работал, чтобы лишь через общество он был всем, чем он есть, и делал все, что он делает» (стр. 251, 252).

Характерно, что Гегель как никто из его современников, философов-идеалистов, очень высоко ставил политическую экономию как науку, «которая делает честь мысли потому, что она, имея перед собой массу случайностей, описывает их законы» (стр. 218). При этом Гегель не только ценил политическую экономию, но и глубже многих буржуазных экономистов понимал те противоречия, которые характерны для развивавшегося буржуазного строя.

«Когда гражданское общество, — пишет Гегель, — действует беспрепятственно, его народонаселение и промышленность растут. Благодаря тому, что связь людей между собою, создаваемая их потребностями, и способы изготовления и доставления средств для удовлетворения последних получают всеобщий характер, накопление богатства увеличивается, ибо из этой двойной всеобщности извлекаются, с одной стороны, величайшие выгоды, точно так же, как, с другой стороны, эта же двойная всеобщность ведет к отрозненности и ограниченности особенного труда, а, следовательно, к зависимости и бедственности положения прикрепленных к этому труду классов, с чем также связана неспособность чувствовать и наслаждаться дальше свободами и в особенности духовными преимуществами гражданского общества» (§ 243).

«Опускание жизни массы людей ниже уровня некоторого известного существования, который сам собой устанавливается как необходимый для члена общества, и связанная с этим пониманием уровня жизни потеря чувства права, правомерности и чести существования собственной деятельностью, собственным трудом, приводит к возникновению черни, а это в свою очередь облегчает вместе с тем концентрацию чрезмерных богатств в немногих руках» (стр. 254).

Конечно, для Гегеля как для идеолога буржуазии факт концентрации богатства на одном полюсе и рост нищеты — на другом принимал «мистический вид закона природы» или же являлся необходимым моментом в развитии идеи; он не видел и не мог видеть социально-экономических причин

этого факта. Но тем не менее уже сама по себе догадка об этом законе свидетельствует об исключительном практическом чутье этого философа. Гениальное чутье Гегеля в отношении сущности буржуазных отношений характеризуется еще тем, что, в отличие от современных идеологов буржуазии, он понимал, что рост массы продуктов, производимых «гражданским» обществом, не способствует улучшению положения работников, а увеличивает лишь их нищету и страдания.

«Если бы на богатые классы, — пишет Гегель, — возлагалось прямое бремя удерживать бессильную массу населения на их прежнем, подобающем уровне существования или, если бы нашлось средство к этому в другой публичной собственности (в богатых лечебницах, благотворительных учреждениях, монастырях), то существование нуждающихся было бы обеспечено, не будучи опосредовано трудом, а это было бы противно принципу гражданского общества, равно как и чувству независимости и чести входящих в него индивидуумов; если же эти средства к существованию были бы опосредованы трудом (доставлением работы), то увеличилась бы масса продуктов, между тем, как слишком большое обилие этих продуктов и отсутствие потребителей, самостоятельно производящих соответственно потреблению, именно и составляет то зло, против которого борются, и в том и другом случае его лишь увеличивают. В этом сказывается то обстоятельство, что при чрезмерном богатстве гражданское общество недостаточно богато, т. е. не обладает достаточным собственным достоянием, чтобы бороться с чрезмерностью бедности и возникновением черни» (стр. 255).

Своим классовым чутьем Гегель понимал, что рост нищеты черни грозит большими социальными потрясениями господствующему классу. «Важный вопрос о том, как бороться с бедностью,—говорит он,—волнует и мучит преимущественно современное общество». Но тем не менее он должен был расписаться в своем бессилии указать выход из положения.

«Опыт там (в Англии), в особенности в Шотландии, показал, — пишет Гегель, — что наиболее прямым средством, как против бедности, так и, в особенности, против лени, расточительности и т. д., благодаря чему возникает чернь, — что наиболее прямым средством против всех этих зол является предоставление бедных их судьбе и предоставление им возможности добывать средства к существованию открытым нищенством» (стр. 255).

Таким образом, хотя Гегель и защищал тот принцип, что если бы существование нуждающихся «было бы обеспечено, не будучи опосредствовано трудом, то это было бы противно принципу гражданского общества, равно как и чувству независимости и чести входящих в него индивидуумов», тем не менее должен был тут же отказаться от «действительности и разумности» этого принципа и признать необходимость и, следовательно, разумность нищенства. Совершенно очевидно, что идеолог буржуазии, для которого вполне ясна была необходимость наличия свободной рабочей силы для развивающегося капиталистического производства,—к другому выводу и не мог придти.

Из всего вышеизложенного вытекает, что изучение «Философии права» не только очень важно для лучшего понимания сильных и слабых сторон гегелевской философии, но оно имеет также громаднейшее значение для более углубленного изучения ранних работ Маркса и Энгельса, для уяснения исторической связи марксизма с предшествующими ему достижениями буржуазной мысли.

Наконец, имеется еще одно важное обстоятельство, придающее «Философии права» большое актуальное значение. Мы имеем в виду усиление интереса к этому сочинению со стороны идеологов фашизирующейся буржуазии.

Для всех этих фашистских идеологов прежде всего характерно то, что

они стремятся взять из Гегеля все мертвое и реакционное и выдать это за основную суть гегелевской философии. В частности, в «Философии права» вызывает особое восхищение фашистов обожествление Гегелем государства и частной собственности, апология войны и колониальной политики, защита бюрократических методов государственного управления и т. д. Всякого рода Биндеры, Геллеры, Циглеры, Шпенглеры и шпенглерята, заимствуя у Гегеля его аргументацию, опошляя и принижая ее до уровня своей ограниченности, из кожи лезут вон, чтобы доказать, что фашистское государство — «это действительность нравственной идеи, причем оно не только средство, обеспечивающее нравственность своих граждан, но само по себе нравственная сущность» [1]). «Вполне логично,— заявил Ю. Биндер на I гегелевском конгрессе, — что у Гегеля социализм не играет никакой роли; это находит свое об'яснение не в том, что он впервые нашел правильное понятие государства, в котором эгоизм как движущий принцип буржуазного общества снят» [2]).

Так, Биндер, этот «морально-свободный» холоп крупной буржуазии, противопоставляет социализм как царство необузданного эгоизма «правильному понятию государства», являющемуся высшим воплощением нравственной идеи и свободы. Под этим государством он, конечно, разумеет фашистское государство.

Через два года после того как Биндер произнес эти прочувствованные слова, в Германии пришел к власти фашизм, и весь мир в настоящее время имеет возможность видеть «высшее воплощение нравственной идеи и свободы» — гитлеровское государство — в действии. Теперь уже всем стало ясно, что означают «свобода» и «нравственность» на языке Биндеров, Розенбергов и прочих мракобесов. Они означают «свободу» свирепой эксплоатации, разгул кровавого террора по отношению к трудящимся, оргию погромов и провокаций, бешеную подготовку к новой, еще более ужасной империалистической войне.

Сама жизнь, сама действительность разоблачила, таким образом, тот факт, что жалкие гегелевские эпигоны стремятся прикрыть авторитетом великого мыслителя ту весьма убогую социально-политическую идеологию, которая служит базисом для кровожадной политики фашизма, стремящегося всеми силами и средствами отсрочить час гибели обреченного класса. Вместе с тем совершенно очевидно, что для тех классовых целей, которые преследуют идеологи загнивающей реакционной террористической буржуазии, Гегель даже в тех работах, где он в наибольшей мере проявляет свою реакционность, оказывается слишком революционным, слишком радикальным. Отсюда задача — вытравить все революционное и прогрессивное, что имеется в работах Гегеля. Особенно ненавистен большинству из них метод Гегеля — это рациональное, положительное ядро его философии. Этот метод они либо вовсе отвергают (например, Берольцгеймер, видный буржуазный правовед) либо же комментируют его, приспособляя к безудержной мистике и чертовщине. Важнейшее место среди таких архиреакционных комментаторов гегелевской философии вообще и «Философии права» в частности занимает вождь неогегельянства Кронер. Как все реакционные опошлители Гегеля, он начинает с мистификации метода. Как все апологеты фашистского мракобесия, он ищет не рациональное зерно в гегелевской философии, а, наоборот, стремится превратить все рациональное, что в ней имеется, в иррациональное. «Ни один мыслитель до него не смог так иррационализировать понятие и в такой мере через понятие осветить иррациональное, как это

[1]) «Verhandlungen des ersten Hegel-Kongresses».
[2]) Там же, стр. 191.

сделал Гегель. Он иррационалист потому, что он диалектик... потому, что диалектическое мышление есть рационально-иррациональное мышление» [1]).

Для иллюстрации того, насколько тщательно вытравляют неогегельянцы все действительно ценное и революционное из гегелевской «Философии права», мы приведем еще следующий яркий пример. Известный издатель гегелевских сочинений и вождь неогегельянцев пастор Лассон в своем введении к гегелевской «Философии права», отметив заслуги великого философа и с особенным удовлетворением подчеркнув его антидемократические тенденции, должен был, однако, с горечью отвергнуть одно гегелевское положение, а именно «о необходимости взаимосвязи между растущим благополучием и прогрессирующей бедностью», т. е. то самое положение, которое является одним из наиболее ценных выводов гегелевской социальной философии, отражающей мощь его диалектического гения и тонкое чутье действительности. «В этом вопросе, — пытается «защищать» Лассон Гегеля, — он не мог принять в расчет наступившие с тех пор величайшие успехи в способах производства и средствах сообщения, на основе чего теперь с полной ясностью можно утверждать, что рост благосостояния ведет не к капиталонакоплению в немногих руках, а к постоянно расширяющемуся участию все большего и большего числа членов общества в национальном имуществе... Благодаря этим успехам ограничивается чрезмерность богатства и бедноты...» [2]) (разрядка наша).

Далее, Лассон категорически возражает против тезиса, что «чернь» (на возвышенном языке неогегельянца—это синоним безработного пролетариата) порождается в результате перепроизводства. «Чернь,— авторитетно заявляет почтенный пастор Лассон,— порождается не экономическими отношениями, а моральными пороками».

Классовый смысл этой любопытной полемики гегельянца со своим духовным отцом Гегелем совершенно ясен. Богобоязненный пастор Лассон, как это видно из вышеприведенной цитаты, гнусно лжет и клевещет, защищая интересы своего класса. Заявлять перед лицом необычайного кризиса и небывалого роста нужды и безработицы [3]) во всех капиталистических странах, что положение масс улучшается, что моральные пороки—причина нищеты черни,—это рекорд наглости и цинизма.

Современные неогегельянцы хотя и рядятся в величественную тогу ортодоксальных продолжателей гегелевской философии и резко нападают на марксизм [4]), на самом деле сами являются либо опошлителями либо фальсификаторами гегелевской системы, гальванизирующими в ней все мертвое и отживающее и отбрасывающие все прогрессивное и революционное.

Единственным наследником всего живого и творческого, что содержит гегелевская философия вообще и «Философия права» в частности, является пролетариат. Только этот класс способен очистить гегелевскую философию от мистических плевел и взять из нее все то, что может содействовать более глубокому пониманию и революционному преобразованию нашей действительности.

---

[1]) K. Kronen «Von Kont bis Hegel». B. II, S. 271—272.

[2]) Hegel «Grundlinien der Philosophie des Rechts», herausgegeben von Lasson. Leipzig, 1930, S. LVIII.

[3]) 3-е издание цитируемой книги вышло в 1930 г.

[4]) См., например, по этому поводу книгу G. Holstein и K. Lorenz «Staatphilosophie», S. 174—183.

О злободневном значении теории вероятностей

Э. Кольман

Вряд ли нужно доказывать, какое значение для формирования мировоззрения имеет правильное понимание соотношения категорий случайности и необходимости, а значит, и вопрос об обосновании теории вероятностей.

Широко известно, что именно в наше время, используя результаты новейшего естествознания, в особенности достижения квантовой физики, борьба против диалектического материализма ведется по двум основным направлениям. С одной стороны, пытаются доказать, что современная физика развенчивает «метафизические сказки» о существовании материи, проповедуют «аннигиляцию» материи и «материализацию» энергии; с другой стороны, из той же современной физики делают выводы о «крушении детерминизма», о торжестве индетерминизма, о господстве случайности в природе. Прекрасным примером этого может служить последняя книга Джемса Джинса «Новый фон естественных наук» («The new background of Science»), в которой этот выдающийся астроном и блестящий популяризатор пропагандирует помесь неомахизма и неокантианства, «сокрушая» материалистическую крамолу. Джинс целиком присоединяется к точке зрения Гейзенберга, согласно которой наука должна сделать выбор между двумя альтернативами: или отказаться от детерминизма и сохранить возможность представления физических состояний во времени-пространстве или же сохранить детерминизм и отказаться от описания физических явлений во времени-пространстве.

Нечего и говорить, что весь этот якобы неизбежный антагонизм в конечном счете построен на том положении, что время-пространство не присуще самой природе, а исключительно только нашему восприятию — «допущение», которое дает Джинсу возможность заявить: «Материалистическое естествознание направлено против учения современной физики, ибо оно допускает, что все явления могут быть полностью представлены во времени и пространстве; оно не различает между поверхностью и глубиной явлений. Оно считает пространственные свойства об'ектов их первичными качествами, в то время как естествознание показывает, что пространственные свойства суть те, которые наши чувства непосредственно воспринимают, — это ребра поверхности, встречающиеся с нашими глазами. Чисто причинная картина видимой природы не оправдывается по подобным же мотивам. Она утверждает, что эти ребра сами направляют развитие вселенной, вместо того чтобы быть лишь симптомами происходящего вокруг нас; короче говоря, она допускает ту же ошибку, как и тот, кто полагает, что флюгер определяет направление, откуда должен дуть ветер, или что термометр удерживает температуру комнаты на ее уровне» (стр. 261).

Неудивительно, что Джинс, выписывающий у Эйнштейна и Вейля наиболее путаные из их высказываний о причинности и случайности, в конечном итоге приходит к выводу: «Современное естествознание благоприятно идеализму. Короче говоря, идеализм всегда подчеркивал, что, поскольку путь, которым мы об'ясняем природу, является с самого начала путем сознания (mental), то все шансы за то, что и конечная точка этого пути будет тоже сознание. К этому положению современное естествознание добавляет, что на той наиболее далекой точке, которая им достигнута, многое, а возможно и все, что не относилось к сознанию, естествознанием уже отброшено и ничего нового в него не включено, что бы не имело корней в сознании. Но, конечно, кто может сказать, что нас подстерегает за ближайшим углом?» (стр. 298).

Эти фантастические измышления превратили гейзенбергозский принцип неопределенности в принцип неопределимости, индетерминизма, согласно которому данный электрон свободно выбирает себе любую из бесконечного множества возможных траекторий, «он свободен так же, по выражению Дирака, как человек, который предпочитает покончить с собой». Из неравенства $\triangle p \cdot \triangle_q = h$ для $\triangle_q = 0$ (т. е. если положение электрона вполне определенно) следует ведь, что $\triangle p = \infty$. Все это по существу возвращало физику к первобытному анимизму и оказалось в конце концов не более чем модным преходящим увлечением. Скоро наступило известное отрезвление той части физиков, которые занимаются не только теоретико-философскими обобщениями, но стоят (даже в случае, когда сами не являются экспериментаторами) более близко к экспериментальной науке.

В противовес зашедшим слишком далеко прямым проповедникам всеобщего индетерминизма — Дираку, Эддингтону и др. — была выдвинута другая точка зрения. Ее сформулировал Нильс Бор, который «об'ясняет» и «выводит», так называемый «принцип комплементарности»,—состоящий в том, что возможности определения пространственно-временного пути частицы и возможности причинного ее определения, противопоставляются, как якобы взаимно исключающиеся, — из тождества суб'екта и об'екта, из невозможности провести грань между наблюдателем и наблюдаемым. Исходя из этого затасканного эмпириокритического «принципа», Бор допускает «ограниченное применение причинного принципа» к «опыту экспериментатора», к принципу сохранения энергии и количества движения. Это дает возможность вычислить мировую линию частицы, если даны ее начальное положение и скорость, причем, однако, всякая попытка проверить экспериментальным путем предвычисленную траекторию неизбежно разрушает ее. Отсюда Бор «об'ясняет» и разницу между физико-химическими и биологическими процессами: ненаблюдаемость особого «жизненного фактора», тем, что он всякий раз разрушается экспериментатором.

При таком положении вещей, когда идеи Бора, представляющие собой гнилой компромисс, частично сохраняющие детерминизм за счет безоговорочной сдачи материализма, имеют самое широкое хождение среди физиков разлагающегося капиталистического строя, особенно отрадно слышать голос убежденного материалиста, защищающего при этом вдобавок диалектический материализм в физике. На состоявшемся в Париже в октябре прошлого года конгрессе по физической химии знаменитый физик проф. Поль Ланжевен во вступительном докладе — «Понятие атомов и корпускул» выдвинул положения, вкорне отличные от предыдущих [1]).

[1]) Подробный реферат доклада Langewin'a напечатан в февральском номере «Scientia». Краткое содержание в журнале «Mercure» от 15 ноября 1933 г.

На основании исторического анализа развития этого понятия Ланжевен решительно выступает против интеллектуального беспутства» (dévargondages intellectuels) Эддингтона, Дирака и Бора и приходит к выводу, что налицо не кризис детерминизма, а кризис механицизма. Дело в неправомочном переносе понятия частицы взятых нами из макрокосма в микрокосмос, в мир атома с размерами порядка 10^{-8} ст, а тем более в мир атомного ядра с размерами порядка 10^{-13} ст, в забвении того, что разница здесь не только количественная, но и качественная. Ланжевен указывает, что неопределенность в измерениях, составляющая величину столь точную как $h^{-27}\ 6{,}55\ .\ 10 = ergsec$, странным образом весьма определенна, в то время как претензия достичь последних составных частей материи, частей тождественных, и, значит, неразличимых, лишенных всякой индивидуальности, — лишена какого бы то ни было основания. Таким образом для частей столь малых, как электроны (масса $m = 9{,}0\ .\ 10^{-28}$ g), Ланжевен отрицает возможность применения понятия индивидуальности; причем имеет возможность подкрепить это положение ссылками на успехи новых разновидностей статистической физики, исходящих как раз из подобного рода отказа от индивидуальности в материальном микромире.

Действительно для излучения статистика Бозе—Эйнштейна отвлекается от индивидуальности фотонов и выводит формулу Планка, с чем не могла справиться классическая статистика. Для атома запретительный принцип Паули, не допускающий в атоме существования двух электронов, у которых совпадали бы все четыре квантовых числа, т. е. статистика Ферми—Дирака представляет волновую функцию как антисимметричную, чем исключается возможность различать в атоме между отдельными, обегающими ядро электронами. Аналогичным образом дело обстоит и в молекулах, стабильность которых опять-таки выводится на основании отказа от индивидуальностей отдельных электронов, и в теории металлов, где этим путем уже удалось об'яснить явление парамагнитизма, не зависящего от температуры, и где только что сделана попытка теми же средствами об'яснить и явление сверхпроводимости.

Разницу между старой классической статистикой Больтцмана—Гиббса и новой статистикой можно показать на следующем простом примере. Два сосуда I и II, соответствующие двум равновероятным состояниям каждой частицы, содержат две частицы. В классической статистике, где различают между индивидуальностями частиц A и B, имеются 4 равновозможных случая: I(A, B); I(A), II(B); I(B), II(A); II(A, B). В новых статистиках, где между частицами A и B не различают, где они могут взаимно заменять друг друга, имеются 3 равновозможных случая: I(2); I(1), II(1); II(2). Таким образом в классической статистике вероятность равномерного распределения (эти случаи подчеркнуты) равна $\frac{2}{4}$, в новых статистиках $\frac{1}{3}$, в общем, как видно, новые статистики допускают в большей мере флюктуации чем статистики классические.

Ланжевен отмечает, что трудность конкретно представить себе подобные, лишенные индивидуальности частицы, коренится в консерватизме нашей психики, и что это абстрактное представление станет для нас конкретным и легко понятным, как только в результате экспериментальных успехов оно станет привычным для нас. Можно оспаривать, действительно ли наличие индивидуальности частиц составляет необходимый и достаточный критерий между макро- и микрофизикой; можно поставить вопрос о самой динамике замены одной частицы другой, вопрос, имеющий непосредственное отношение к волновым свойствам, связанным с частицей и с концентрацией в ней энергии; можно поставить вопрос не глубже ли, в самих основных

формах существования материи, в пространстве и во времени, надо искать этот критерий, подвергнув критике наши привычные понятия о них. Во всяком случае, Ланжевен делает попытку разрешить этот вопрос на основе диалектического материализма, истолковывая с этих позиций и самую теорию вероятностей. Его теория представляет собой громадный шаг вперед, оставляя далеко позади все идеалистические измышления Гейзенберга, Джинса, Эддингтона, Дирака, Бора, отделенные от его теории непроходимой пропастью открытого или замаскированного агностицизма, и дает новый мощный толчок для дальнейших исследований даже в том случае, если окажется, что она лишь нащупала истину.

В заключении Ланжевен прямо говорит, что хотя это и не нравится большинству физиков, завоевание физики диалектическим материализмом неизбежно.

Для диалектического материализма вопрос о взаимоотношении между случайностью и необходимостью давным давно решен и сформулирован Энгельсом в «Диалектике природы» в следующих трех положениях: 1) антагонистическое противоположение случайного и необходимого, якобы поделивших между собой сферы влияния, метафизично, ненаучно; 2) ненаучно, метафизично и отрицание случайности, как оно имело место со стороны французских материалистов; 3) «случайное имеет основание, ибо оно случайно, но точно так же не имеет никакого основания, ибо оно случайно; случайное необходимо, необходимость сама определяет себя как случайность, и, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость».

Было бы, однако, грубой ошибкой полагать, что эти принципиальные методологические положения исчерпывают полностью проблему и что, следовательно, наша задача должна заключаться лишь в популяризации, в толковании этих положений, в приведении примеров из области естественных наук или из общественной жизни и т. д. и т. п. Ничего подобного! Наличие исчерпывающих принципиальных установок не означает еще, что создана диалектико-материалистическая теория, охватывающая как качественные, так и количественные стороны того сложнейшего комплекса вопросов, которые связаны с появлением случая и случайной закономерности, вопросов, имеющих громадное значение как в естественных, так и социально-экономических науках. Подобной теории у нас пока нет. Имеются лишь отдельные куцые, разрозненные попытки создать некоторые предпосылки для построения такой теории.

В нашей советской литературе по вопросам теории вероятностей и по статистике до сих пор наряду с перешедшими к нам дореволюционными формально-схоластическими учебниками (лишь у Чебышева и его школы, у Маркова и др. имелись зерна материализма) и новейшей модной пропагандой махиста Мизеса («Вероятность и статистика», Гиз, 1930) только работы Хотимского и Ястремского содержат наряду с критикой идеалистических и метафизических теорий попытку своего собственного обоснования вероятности как «меры об'ективной возможности» и вероятностного процесса посредством теории так называемой «абстрактной модели». Однако и здесь, равно как и в моей работе «Динамическая и статистическая закономерность» («П. З. М.», 1931, № 1—2) мысль не доведена до логического конца, недостаточно отчетливо поставлен вопрос о самом характере связи между теми материальными процессами, которые лежат в основе всякого вероятностного явления, и математически выражающейся статистической закономерностью. И там и тут сыграло роль как то, что в математическом анализе явлений не были использованы более совершенные средства теории множеств, так и то, что ясность мысли затемнялась некоторым излишним «философствованием».

Понятно поэтому, какое большое значение имеет всякая попытка действительно построить теорию вероятностей, исходя из позиций диалектического материализма. Статья проф. Стрьюка (из Массачузетского технологического института США), которая была им переработана для нашего журнала из одноименной работы, напечатанной в первом, январском номере нового американского журнала «Философия естествознания», представляет собой серьезную попытку этого рода. Как видно из самой работы, проф. Стрьюк помимо критики разных школ обоснования теории вероятностей дает на ряд конкретных вопросов четкий, недвусмысленный ответ, а ряд других вопросов она формулирует по-новому, ставя перед математиками, физиками новые задачи, ожидающие решения. Популярность изложения позволяет ознакомиться с работой всякому, не имеющему даже специального математического образования. Она дает возможность конкретно изучить предмет—непременное условие для того, чтобы иметь право делать о нем общефилософские выводы и спорить о тех или других частностях, требующих дальнейшего уточнения.

По своему содержанию работа Стрьюка направлена как против идеализма, так и против механистического отрицания статистической закономерности, хотя в работе эти стороны особо не афишируются. Говоря о динамике, обязательно лежащей в основе всякой вероятностной закономерности, Стрьюк вовсе не понимает под этим, как это делал Больцман, динамику механического движения. Что борьба против механистического понимания случайности как явления суб'ективного актуальна, об этом свидетельствуют не только «новейшие» откровения т. Тимирязева, но и то, что некоторые физики, справедливо возмущающиеся выводами, которые Гейзенберг, Шредингер и другие делают из квантовой механики, бросаются в другую крайность — ополчаются против применения вероятности к физическим явлениям, против статистической механики вообще. Примером могут служить работы, в которых, желая подорвать вкорне возможность разговоров о «тепловой смерти вселенной», якобы неизбежно вытекающей из второго начала термодинамики, делается попытка изгнать введенное Больцманом понятие вероятности, логарифм которой пропорционален энтропии системы. Нечего и говорить, что какими бы благими ни были подобные намерения, на деле получается настоящее выплескивание ребенка вместе с водой. Наука лишается своего мощного орудия—статистической теории.

Не потеряла актуальности и борьба против идеалистического толкования законов случая, против использования теории вероятностей защитниками всякого рода мракобесия и приверженцами политической реакции. Это относится к области применения теории вероятностей и статистики к естественным наукам, но не в меньшей мере и к экономике. Тут само историческое происхождение и развитие теории вероятностей благоприятствуют ее использованию для укрепления собственнического мировоззрения. Еще в 1912 г. П. А. Некрасов посвящал 532 стр. своего университетского курса теории вероятности (плоды преподавательской деятельности в Императорском московском университете, в Константиновском межевом институте и в Императорском с.-петербургском университете) не столько изложению математической теории, сколько доказательству верного решения социальной проблемы. Оно заключалось в «абсолютном праве государства уравновешивать сословия и соперничающие классы финансами, налогами и правооборотами («кесарево—кесарю»), держа имперский коронно-народный доминирующий банк как руль государственной машины и регулируя налогами и кредитами цены земского капитала и труда в надежных рамках по статистической теории взаимоотношений и по теории финансовых фон-

дов каждого класса, кои соотносятся между собой так, как закономерно сообщающиеся бассейны, камеры капельной жидкости» (стр. XXI), а также—в развитии «трехчленной конституционной формулы А—Б—В, как статистического политико-арифметического символа сродства элементов народности к залогам, соединяющих трижды-реально, именно духовно, кровно и материально, три государственных типа свободной причинности. Эта трилогия говорит о союзе триады А—веры, Б—научного сознания и В—гражданственности» (стр. 114—120).

И хотя все эти бредни сегодня кажутся глубоким средневековьем, нельзя забывать, что совсем уже не так давно статистические теории использовались в целях экономического вредительства и что глубокомысленные работы по поводу затухания темпов в отдельных отраслях нашего строительства создавались в разных ведомствах людьми, прошедшими когда-то у того же П. А. Некрасова полный курс теории вероятностей.

К обоснованию теории вероятностей

Д. Дж. Стрьюк

§ 1. Введение

Обоснование математической теории вероятностей представляет собой до сих пор спорный вопрос. Имеются школы «недостаточного основания» и школы «достаточного основания», школы «априорной определенности» и «частотной определенности», школы суб'ективной и об'ективной вероятности. Существуют два главных затруднения. Первое — это определение равновозможных событий. Второе — это связь между законами причинного естествознания (механика, электродинамика и т. д.) и между статистической закономерностью. Действительно ли необходимо присоединить к законам механики один или несколько независимых «законов больших чисел», чтобы об'яснить закономерности брошенной игральной кости? На все эти вопросы даются различные ответы, и существование математической теории вероятностей остается чем-то загадочным.

С точки зрения диалектического материализма можно сформулировать возражения против этих современных теорий следующим образом. Прежде всего мы не можем принять какую бы то ни было суб'ективную теорию, т. е. какую бы то ни было теорию, которая «об'ясняет» вероятностные явления природы из человеческих суждений. Кость выпадает определенным образом после нескольких бросаний не просто потому, что наблюдатель не знает, отчего одна грань не выпадает чаще чем другая. Вероятностные явления имеют свое существование в об'ективном мире и совершенно не зависят от наблюдателя. Это необходимо подчеркнуть не только в связи с известными толкованиями старой теории Лапласа, о которой подробнее речь впереди, но и вопреки некоторым новомодным теориям квантовой механики. Там иногда встречается утверждение, будто в механике атома все осталось бы каузальным, если бы не стал вмешиваться наблюдатель *).

Имеются еще другие принципиальные возражения против тех теорий, которые нацело отделяют вероятностные явления от всех других, — от причинных явлений. Статистические события не просто наложены на причинный мир в качестве своего рода второй природы, но должны тесно связываться с причинными событиями. Лаплас, который был не только великим математиком, но и выдающимся философом, считался с этим диалектическим соотношением, когда он показал, что закон ошибок Гаусса получается тогда, когда вместе действует громадное количество причин, из которых каждая дает незначительное следствие. Его работа, тем не менее, неудовлетворительна, потому что он не сумел дать рациональное определение вероятности. Пуанкаре в своей «Теории вероятности» связал зе-

*) Все примечания даны отдельно в конце статьи. См. стр. 95.

роятности с явлениями малых причин и больших следствий. Фридрих Энгельс в известном месте своей «Диалектики природы» [2]) ясно формулирует это, когда заявляет, что случайное необходимо, что необходимость определяет самое себя как случайное, и что это случайное есть, с другой стороны, сама абсолютная необходимость. С привычной скромностью Энгельс приписывает эту формулировку Гегелю («Логика». Кн. II, разд. III «Действенность»), что верно [3]), однако весьма трудно понять эту главу у Гегеля, между тем как анализ Энгельса совершенно ясен.

Таким образом, диалектический материализм требует такой теории вероятностей, которая была бы физической теорией, а не теорией суждения и в которой исследовалась бы связь между каузальными и случайными событиями. Вместе с тем он должен требовать вполне законченной математической теории и прежде всего точного определения основных понятий.

Здесь делается попытка дать грубый и элементарный набросок подобной теории, в основных чертах как будто удовлетворяющий этим требованиям. Собственно, это больше программа, поскольку настоящие вычисления сделаны лишь для нескольких немногих случаев. В последнее время этим вопросом занялись некоторые выдающиеся математики (все они работают сейчас в разных высших учебных заведениях США). В частности отсылаем к основной работе Эбергарда Гопфа [4]).

Основные идеи этой теории новы, однако в своем сочетании они представляют, на наш взгляд, достаточно интересное целое, заслуживающее внимания. Кратко их можно сформулировать так:

I. Математический принцип. Математическая теория вероятности есть теория меры.

II. Физический принцип. Статистическая закономерность есть результат причинной связи. Не может быть вероятности без причинности.

Первый принцип был впервые введен Борелем в чисто математических исследованиях [5]); в последнее время он часто дискутировался и лег в основу новой книги Колмогорова. Он показывает, почему Лаплас и другие прежние математики не смогли создать удовлетворительной теории вероятностей. Теория меры (в смысле теории точечных множеств) возникла в начале нашего века, и, значит, она относительно нова. Она дает возможность математически точно сформулировать то «почти везде», которое столь типично для вероятностных явлений. Нечто подобное мы находим и в теории относительности. Уже Лейбниц энергично протестовал против догматического, недиалектического способа, каким Ньютон ввел абсолютное время и абсолютное пространство в механику, «абсолютное» не в смысле философски «об'ективного», а в смысле физики: безразличное к материи вместилище всего материального—неизменное абсолютное пространство; безразличное к материи неизменно текущее абсолютное время. Однако он не мог достигнуть особенно больших результатов, ибо у него не было необходимого математического инструмента, чтобы выразить свою диалектическую точку зрения. Лишь после того как Риччи создал теорию инвариантов квадратичных дифференциальных форм, Эйнштейн получил возможность отбросить абсолютное время и абсолютное пространство и оправдать Лейбница против Ньютона, по крайней мере, в известных, простых случаях.

Второй принцип, который уже вырисовывался перед Лапласом, Гиббсом, Больцманом и многими другими и который в явном виде был сформулирован Гегелем и Энгельсом, впервые был положен в основу математической теории Смолуховским (Краков) в его статье к юбилею Планка в 1918 г. [6]). Здесь мы встречаемся с утверждением, что случайное есть частный случай причинных связей: «Под случаем подразумевают особого рода причинные связи», а также с характеристикой этих связей, выражаемой условием Пуанкаре, что малые причины вызывают

большие следствия: «Именно обыкновенно говорят, что событие y зависит от случая, если оно является функцией такой переменной... причины или частного условия x, что его появление или непоявление зависит от очень малого изменения» («малого» относительно области колебания x).

Смолуховский развивает свой принцип довольно подробно, однако он не вводит соображений теории точечных множеств. Его работа не привлекла к себе того внимания, которого она заслуживает, и многие годы оставалась в тени из-за преувеличенного интереса ученых к типично недиалектической, метафизической теории Мизеса.

Займемся сначала изложением математического принципа.

§ 2. Формальная теория

Можно построить «теорию вероятностей» чисто формальным путем. В наиболее простом виде она зависит от следующего определения вероятности:

Если конечное количество событий N возможно и если мы рассматриваем n, $(n \leqq N)$ из этих событий, тогда вероятность p этих благоприятных событий будет

$$p = \frac{n}{N}.$$

Употребление слова «мы» не должно вызвать впечатления, что введен какой-то личный, суб'ективный элемент. Определение это вполне об'ективно.

Так, если мы бросаем кость, возможно шесть случаев, а именно—выпадение одного из чисел *1, 2, 3, 4, 5, 6;* значит, вероятность выпадения любого из них будет $\frac{1}{6}$ $(n = 1, N = 6)$.

Эти N событий должны быть точно определены, чтобы получился вполне определенный ответ. Если спрашивается, какова вероятность, что выпадет *7* при бросании двумя костями, то оказывается, что $n=6$, $N=36$, $p = \frac{1}{6}$, ибо $7 = 1+6,\ 2+5,\ 3+4,\ 4+3,\ 5+2,\ 6+1$,— шесть различных способов, а 36 — это количество всех комбинаций шести элементов по два с повторением, как-то: $1-1,\ 1-2,\ 1-3,\ 1-4,\ 1-5,\ 1-6;$ $2-1,\ 2-2,\ 2-3$, и т. д. вплоть до $6-6$.

В проблеме, поставленной Даламбером, возникают некоторые трудности. Какова вероятность, что выпадет решка при двух последующих бросаниях монеты? Если обозначим решку *Р*, а герб *Г*, то за возможные случаи можно принять *РР, РГ, ГР, ГГ*, где, например, *РГ* обозначает выпадение решки при первом бросании кости и герба при втором. Здесь $N=4$, а $n=3$, так как в трех из четырех возможных случаев встречается, по меньшей мере, одно *Р*. Значит, здесь вероятность будет $\frac{3}{4}$.

Однако можно также принять, что возможные случаи будут *Р, ГГ, ГР*, потому что раз при первом бросании появится решка, то незачем бросать кость вторично. Тогда $N=3$, $n=2$, значит, искомая вероятность будет $\frac{2}{3}$.

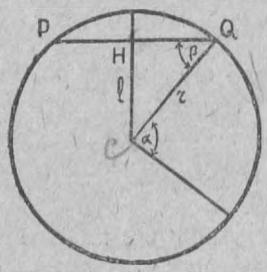
С точки зрения формальной теории оба решения верны, потому что в обоих вариантах возможные случаи точно указаны. Нет никаких особых оснований, чтобы предпочитать одно решение другому.

Вопросы зависимости и независимости не играют никакой роли на этом раннем уровне развития теории, ибо можно сказать, что в первом варианте мы определили четыре «равновозможных» случая, а во втором

варианте — три «равновозможных» случая. Здесь это просто будет усложнением терминологии. Единственно, что нам нужно, это точное определение N событий, среди которых мы можем выбирать.

Для N конечного (положительного целого) такая теория вероятностей является главой из теории перестановок и сочетаний. Для N бесконечного, как счетного, так и непрерывного, нам нужны другие математические теории. В качестве примера рассмотрим случай геометрической вероятности в задаче Ж. Бертрана, приводимой им в его книге о вероятности.

В круге проведена хорда. Какова вероятность, что длина хорды будет меньше чем длина радиуса окружности? Здесь опять-таки возможен определенный ответ только тогда, если мы точно определим, какие события могут произойти, а также в наступлении каких событий мы заинтересованы. Введем угол α, образуемый радиусом $CQ=r$ с каким-либо фиксированным направлением и расстояние $CH=l$ от центра C до хорды. Тогда все возможные поло-



жения хорды PQ получатся, если дадим углу α меняться от 0 до 2π, а длине l от 0 до r. Все интересующие нас положения получим, если дадим углу α меняться от 0 до 2π, а длине l от 0 до $\frac{1}{2}r\sqrt{3}$. Таким образом вероятность будет

$$\frac{\int_0^{\frac{1}{2}r\sqrt{3}} dl \int_0^{2\pi} d\alpha}{\int_0^{r} dl \int_0^{2\pi} d\alpha} = \tfrac{1}{2}\sqrt{3}$$

Если выберем другие переменные, например угол α и угол $\beta = \sphericalangle HQC$, тогда β будет меняться от 0 до $\frac{\pi}{2}$ для всех возможных случаев и от 0 до $\frac{\pi}{3}$ для всех интересующих нас случаев, откуда мы получим $p=\frac{2}{3}$. Эти оба ответа — а можно получить любой желаемый ответ между 0 и 1 — верны, каждый для данных избранных переменных. Употребляя выражения теории вероятностей, можно сказать, что мы определили «равновозможные» случаи различными путями, и в этой формальной теории все эти пути правильны.

Определение, которое охватывает как конечные, так и разного рода бесконечные случаи, должно пользоваться определением меры в понимании Бореля — Лебега. Мера — это исключительно математическое понятие, которое в сжатом виде об'ясняется нами в приложении. Принципиальное

значение введения этого понятия состоит в том, что существуют точечные множества, состоящие из бесконечного количества точек, которые все-таки имеют меру нуль и, значит, не прибавляют ничего к подсчету вероятности. Таким образом получаем следующее определение:

Если множество событий, имеющих меру M, возможно и мы рассматриваем подмножество, обладающее мерой m, тогда вероятность этого подмножества будет

$$p = \frac{m}{M}$$

Мера множества может быть выражена как сумма в понимании Лебега. Поэтому формальная теория вероятностей является главой из теории лебегова суммирования.

Приведем простой пример теории точечных множеств: точки отрезка имеют координаты от *0* до *1*. Какова вероятность, что будет выхвачена одна точка? Ясно, что вероятность должна быть равна нулю, и действительно мера точки в смысле Лебега и равна нулю. Но это же остается верным и тогда, когда мы ищем вероятность того, что будут выхвачены две, три и т. д. точки. Можно даже взять бесконечное количество точек, лишь бы мера этого множества оставалась нуль. Так, вероятность выхватить все точки с рациональными координатами также равна нулю. Отсюда видно, что нулевая вероятность необязательно равнозначна невозможности и что возможность необязательно равнозначна уверенности. Необходимо добавить, что в этих случаях мы принимали, что все точки равновозможны, иначе мы не могли бы быть уверены, что $M = 1$ и $m = 0$. Придать различные веса возможным и благоприятным событиям—значит образовать интегралы этих точечных множеств; требуемая вероятность является, таким образом, частным двух интегралов Лебега[7]).

Надо заметить, что имеются некоторые математические трудности в переходе от этой теории меры к задачам, где налицо конечное количество случаев (бросание кости и т. п.). Тогда мера благоприятных как и мера возможных случаев равна нулю, так что вероятность становится неопределенной $\frac{0}{0}$. Соответствующим переходом к пределу (интеграл Стильтьеса) можно преодолеть это затруднение.

§ 3. Экспериментальные факты

Рассмотренная формальная теория вероятностей не встречает никаких особых трудностей в своем обосновании. Она так же хорошо обоснована как и различные ветви математики, которые она употребляет для своих вычислений: теория чисел, теория точечных множеств, интегралы Лебега.

В этой теории имеется известное сходство с рядом экспериментальных фактов, и именно это сходство делает ее интересной для более широкого круга людей, не слишком интересующихся перестановками и сочетаниями. Именно этому сходству она обязана своим существованием и именем. Все эти факты относятся к закономерностям появления известных, более частных событий в длинном ряде более общих событий. Эта закономерность, однако, не является точной закономерностью; мы имеем здесь нечто более свободное, так что исключения вполне возможны, и их даже следует ожидать. Некоторые из этих экспериментальных фактов таковы:

а) В большом ряде бросаний кости, скажем, при N выпадениях, каждое определенное число выпадает определенное количество раз, а именно n_1, n_2,

n_3, n_4, n_5, n_6 раз. Частные $\frac{n_1}{N}, \frac{n_2}{N}, \ldots, \frac{n_6}{N}$ не будут сильно меняться, если N будет возрастать. Если же кость обыкновенная, «честная» кость, тогда эти частные не разнятся много от $\frac{1}{6}$.

b) В данной стране в определенный период имеется всегда приблизительно постоянный процент рождений и смертей вообще, а также смертей лиц определенного возраста.

c) Количество автомобильных катастроф в определенном штате на известное количество лет складывается так, что его можно предсказать.

d) В производстве известных стандартных изделий всегда будет появляться примерно одинаковый процент дефектных изделий (со специфическими дефектами).

e) Сюда можно прибавить еще много других известных примеров, относящихся к росту солдат, выпадению дождя, количеству телефонных вызовов, проценту преступлений, молекулам газа и т. п. Во всех этих примерах нам ничего неизвестно об индивидуальном явлении, за исключением того, что оно относится к ряду возможных событий; мы не знаем, к какому из них именно оно относится. Тем не менее мы всегда можем произвести приблизительный подсчет этих событий, если они повторяются. Эта оценка достаточно точна, чтобы позволить нам делать предсказания со значительной возможностью успеха в вопросах, касающихся лотереи, страхования жизни или инженерного дела. Чтобы справиться с этими вопросами и была изобретена теория вероятностей.

Обыкновенно говорят, что факты, подобные упомянутым, зависят от «случая». Это должно означать, что мы не знаем в каждом отдельном случае, какое событие произойдет, но нам до этого нет дела, поскольку мы интересуемся лишь конечным результатом. Явления подобраны таким образом, что закономерность получается в результате повторения событий.

Но эта характеристика нетипична для «случайных» явлений. Войны повторялись достаточно часто, однако мы можем сказать весьма мало насчет их будущего начала. Войны «случайны»: мы знаем весьма мало о том, когда и где они произойдут. То же самое относится ко многим социальным явлениям, как например банковские крахи, выборы, фондовые цены и т. д. Редко имеется достаточно закономерности в этих событиях, чтобы обеспечить какое-либо предвидение на основе вероятностных соображений. Можно дать рациональные предсказания о количестве автомобильных катастроф в штате Массачузетс в течение 1936 г. на основании выкладок, опирающихся на результаты предыдущих статистических исследований. Однако подобное предсказание не даст особенно много, если его применить к президентским выборам 1936 г. Мы не утверждаем, что нельзя предсказать кое-что о результатах этих выборов; однако это предсказание должно пользоваться совершенно другими методами чем те, какие дает теория вероятностей.

Необходимо строго различать случайные события, которые доступны вероятностному анализу, и такие, к которым он неприменим. Как увидим, в первых можно предположить определенную внутреннюю динамику, составляющую основу этих событий и обусловливающую их статистическую закономерность. Непонимание этой внутренней связи является одной из основных причин того, что буржуазным экономистам при применении теории вероятностей к экономике не удается получить правильных результатов. В качестве особенно яркого примера такого отсутствия понимания можно привести доклад, прочитанный двумя гарвардскими «учеными» на Бостонском конгрессе Американской ассоциации содействия науке в декабре 1933 г. После глубокомысленного статистического анализа здесь делается «открытие»,

что войны XX века были в восемь раз более разрушительны чем войны в предыдущие 2400 лет. «Это,—говорится в заключение,—опровергает теорию, что с прогрессом цивилизации война имеет тенденцию исчезнуть». Знаменательно, что авторы доклада—русские белогвардейцы П. А. Сорокин и Н. Н. Головин.

Наши соображения помогут нам также разобраться в «парадоксе», выдвинутом Пуанкаре. Мы не в состоянии предсказать результаты какой-нибудь лотереи, даже если мы знаем все факторы, определяющие игру (динамику каждого отдельного хода, психологию участников и т. п.). Относящаяся сюда математика слишком сложна. Однако, к счастью, мы и не знаем большинства этих фактов! И вот получается «чудо», что именно это незнание дает нам возможность сделать весьма удовлетворительное предсказание.

Разгадка в том, что лотерея является частным типом случайных событий, типом, который подчиняется простым законам при повторениях. Это ряд событий, каждое из которых сложно, но асимптотически весь ряд прост. Математикам известны функции, обнаруживающие аналогичное поведение, так например: функция $\sin \operatorname{tg} \operatorname{tg} \frac{1}{x}$ ведет себя достаточно странно в окрестностях, близких к $x=0$, однако для больших значений x она ведет себя как $\frac{1}{x}$.

Задача теории вероятностей состоит в исследовании того, какие типы событий допускают подход к ним с помощью формальной теории и почему такой подход возможен.

§ 4. „Равновозможность“

Одно важное различие между формальной теорией и опытными фактами очевидно сразу. В формальной теории проблема может иметь много решений в зависимости от того, что мы называем «равновозможным». В опыте же дан лишь один ответ. Проблема Даламбера о нахождении вероятности выпадения решки при двукратном бросании монеты имеет лишь одно решение (с «честной» монетой), а именно ¾. Проблема Бертрана о хорде в окружности, если сделать опыт с палкой, которую бросают на обруч, даст единственный ответ $\frac{1}{2}\sqrt{3}$. Материальное вещество подчиняется закону, который определяет равновозможные случаи.

Теперь возникает вопрос, какими методами можно определить, какие случаи являются равновозможными. На этот вопрос мы еще не имеем удовлетворительного ответа. Такой ответ превратил бы теорию вероятностей в науку, имеющую столь же достоверные основы, как электродинамика или механика.

Пока мы не в состоянии дать точный ответ, мы должны пользоваться эвристическим принципом как путеводной нитью. В этом ценность «принципа недостаточного основания», в наиболее простой форме высказанного Лапласом. Он гласит:

«Теория случая состоит в том, чтобы свести все события одного и того же рода к известному количеству случаев, одинаково возможных, т. е. таких, относительно существования которых мы одинаково неуверены, и определить количество случаев, благоприятных событию, вероятность которого мы ищем» [8]).

Этот принцип устанавливает, что мы должны рассматривать случаи как равновозможные, если у нас нет никакого основания придавать одному случаю больше веса чем другому. Это курьезный пример аргументации, по-

средством которой мы пытаемся увеличить свое знание просто тем, что мы чего-нибудь не знаем. Это еще может сойти в теологических диспутах, где нужно убедить себя в существовании божьем на основании перечисления всех тех многих вещей, о которых ничего не знаем. В естествознании, однако, вряд ли такая аргументация убедительна. Как сказал Спиноза, «*ignorantia non est argumentum*».

В оправдание Лапласа следует заметить, что едва ли он имел в виду дать в вышеприведенных словах суб'ективное определение вероятности. Лаплас твердо был убежден в существовании об'ективного мира. Он дал лишь эвристический принцип, полезный в тех случаях, когда у нас нет лучших путей. Его аргументация несмотря на ее неуклюжесть убедительна в классических задачах кости и монеты, где она действительно, если только захотим, сможет убедить нас, что вероятность выпадения *1* при «честной» кости равна $\frac{1}{6}$ и что решение задачи Даламбера равно $\frac{3}{4}$. Но в более сложных проблемах эта убедительность исчезает. Так, уже в проблеме Бертрана мы в затруднении. Мы привели два решения этой проблемы, одно, когда α *l* суть переменные, и другое, когда переменные суть α и β. Едва ли можно считать очевидным, что мы должны избрать в качестве переменных α и *l*, а не α β, потому что только α и *l* имеют то свойство, что мы так же не знаем, что произойдет между $\alpha = 20°$ и $30°$, $1 + 0{,}5\,r$ и $0{,}6\,r$, как и что произойдет между $\alpha = 35°$ и $45°$, $l = 0{,}1\,r$ и $0{,}2\,r$. Сходный пример — это бюфонова задача иглы. На плоскости начерчен ряд параллельных прямых на расстоянии *a* друг от друга. Отрезок длиной $l < a$ помещают произвольным способом в плоскости. Какова вероятность, что этот отрезок пересечет одну из прямых? Ответ так же неопределенен, как и в задаче Бертрана; он зависит от переменных, которые введены, чтобы установить положение отрезка относительно параллельных. Однако если зададим эту же задачу как задачу с бросанием иглы на разграфленную доску, то сразу обе переменных определятся однозначно; это будет расстояние центра иглы от одной из параллельных прямых и угол между иглой и прямой. Ответ будет тогда $\frac{2l}{a\pi}$ что подтверждается опытом.

Проблема, предложенная Чебышевым, бросает также свет на этот вопрос. Какова вероятность, что среди натуральных чисел наугад будут избраны два взаимно простых числа (например 7 и 13 или 8 и 35)? [9]). Можно представить себе, что все натуральные числа написаны на карточках одинаковых размеров и из одинакового материала; карточки брошены в урну и перемешаны. (Можно ограничиться очень большим конечным числом карточек). Вынимают из урны одну карточку и не возвращают ее назад, однако должно быть достаточно большое количество карточек в урне, чтобы из'ятие одной не влияло на вероятность появления следующей. Если будем решать эту задачу, рассматривая карточки равновозможными, получим решение $\frac{6}{\pi^2}$. Результат, к которому пришел Дирикле [10]), не прибегая к теории вероятностей, соответствует этому решению. Он рассматривал эту задачу как проблему теории чисел и спрашивал: каково распределение взаимно простых пар чисел в ряде естественных чисел? Ответ получился снова $\frac{6}{\pi^2}$. Из того обстоятельства, что оба решения совпадают, можно заключить, что мы правильно сделали, рассматривая все числа как равновозможные. Однако из рассматриваемых в данной работе примеров это единственный, где выбор равновозможных случаев может быть проверен строго математическим путем. Эвристический принцип Лапласа утверждает, что

одно число не является более предпочтительным чем другое, и это подтверждается подсчетами на основании теории чисел.

Шаткость принципа недостаточного основания показывает, что должны существовать принудительные причины, определяющие равновозможные случаи. Этот принцип так и называют принципом принудительного или неоспоримого основания, и его значимость вряд ли кто станет отрицать. Однако путь, которым этот принцип был выведен, весьма неудовлетворителен. Крис, например [11]), использовал сложный логический анализ условий, которым должны удовлетворять разные случаи, чтобы быть равновозможными. В проблемах, с которыми мы имеем дело в действительности, это мало что нам даст. Почему, например, грани «честной» нефальсифицированной кости равновозможны? Конечно, не потому лишь, что кость имеет форму точного геометрического куба; однако совершенная однородность его вещества кажется достаточной. Это даже может оказаться излишне строгим требованием. Достаточно ли совпадающего положения центров тяжести? Или требуются еще соответствующие моменты инерции и совпадение эллипсоидов инерции? Может быть, потребуется даже равенство моментов третьего и четвертого порядка. То же самое возражение встает и в задаче с бросанием иглы. Мы уверены, что должны существовать неоспоримые основания для преимущественного значения переменных α и l, но каковы они? Литература странным образом умалчивает об этих точных условиях. Проблема обоснования теории вероятностей будет решена, когда эти неоспоримые условия будут указаны.

§ 5. Теория частотности

Затруднения в вопросе о связи между формальной теорией, опирающейся на теорию меры, и экспериментальными результатами заставили многих математиков совсем отбросить этот подход и подойти к вопросу совершенно заново. Эта новая попытка также опирается в своих исходных пунктах на чисто математическую теорию, не более затруднительную в своих основах чем любые другие отрасли математики. Это так называемая теория частотности, главным защитником которой в настоящее время является Мизес [12]). Математическая теория в наиболее простой форме может быть выражена в следующем определении:

Дан бесконечный ряд сходных событий e_1, e_2, e_3, e_4..., e_κ..., из которых каждое обладает одной из характеристик конечного ряда w_1, w_2, w_3..., w_κ... Пусть n будет количеством событий, характеристикой W_i встречающихся в N событиях e_1, e_2..., eN (N — индекс). Тогда, если существует предел

$$\lim_{N \to \infty} \frac{n}{N} = p,$$

то этот предел называется вероятностью события w_i в ряду e.

Согласно этому определению, вероятность четного числа в ряду натуральных чисел будет $\frac{1}{2}$. Вероятность взаимнопростых чисел в том же ряду будет $\frac{6}{\pi^2}$.

При переходе к нескольким рядам событий определения полной и сложной вероятности могут быть даны в качестве суммы и произведения пределов. Переход к геометрическим вероятностям выполняется путем введения зависимости событий от непрерывно изменяющихся координат. Для рядов событий, обладающих в отношении известных черт свойством предела, мы приобретаем таким образом строгую теорию вероятностей.

Связь с экспериментальными фактами достигается путем допущения, что эти факты ведут себя наподобие установленных в нашем определении математических событий. Бросая кость, мы получаем ряд выпадений e_1, e_2, e_3,..., e_k..., причем характеристиками w_1, w_2, ..., w_6 будут шесть возможностей выпадений *1, 2, 3, 4, 5, 6*. Теперь допустим, что предел

$$\lim_{N \to \infty} \frac{n}{N} = p$$

существует, тогда это и есть искомая вероятность.

Здесь встречается трудность, которой нет в других построениях теории. Мы допускаем здесь, что предел существует, хотя знаем, что на деле он не может существовать в обыкновенном смысле этого слова. Разность $\left[p - \frac{n}{N}\right]$ необязательно становится меньше чем любое предуказанное число ε вместе с беспредельным возрастанием N. На это возражение отвечают, что опытные факты никогда не согласовываются полностью с теорией. Брошенный камень лишь приблизительно движется по параболе, требуемой теорией Ньютона. Мост, построенный согласно законам теории упругости, подчиняется этим законам настолько неполно, что инженер всегда вводит дополнительные коэфициенты в конечные результаты своих вычислений. Следовательно, мы допускаем в нашей частотностной теории вероятности насилие над фактами, которое считается дозволительным в других областях естествознания.

Эту аргументацию можно принять, пока у нас нет лучших путей, чтобы об'яснить особые пределы теории вероятностей. В дальнейшем (§ 6) мы увидим, что вполне определенные математические выражения, отображающие действительное поведение вероятностных явлений, представляют собой в простейших исследуемых случаях пределы в фазовом пространстве. Пока этих выражений у нас нет, мы можем воспользоваться той математической теорией, которую имеем, и вводить в качестве первого приближения обыкновенные пределы элементарного дифференциального исчисления. Мы не выражаем все существенные черты явления, но, во всяком случае, некоторые из них. Лаплас говорит, что «вероятность» определенного явления после многих повторений приближается к известному определенному (обыкновенному) пределу (теорема Бернули). Частотностная теория говорит, что частота этого явления после многих повторений приближается к этому пределу [13]). В первом случае налицо слово «вероятность» с расплывчатым значением и строгий предел. Во втором случае налицо вполне определенное понятие частоты, но предел, к которому мы приближаемся, не выражается строго тем пределом, который подставлен вместо него.

Трудность различения равновозможных случаев, повидимому, столь же серьезна в этой теории как и в теории Лапласа. Вес, который следует придать каждому событию в ряду e_1, e_2..., en,... в математических задачах зависит от известных допущений, и он должен быть определен экспериментальным путем в задачах экспериментальных. В задаче Даламбера мы должны окончательно предоставить эксперименту выбор между всеми возможными решениями: мы получим ¾, если будем считать решку и герб за равновозможные. Мизес ясно формулирует эту точку зрения в своем разборе задачи иглы [14]).

Следовательно, эта теория просто накладывается на причинную теорию. В ней нет какой бы то ни было связи между статистическими событиями в природе и причинными событиями.

Теорема Бернули является простым математическим следствием из теоремы Лапласа и не дает ничего нового для обоснования теории. Мы можем поэтому оставить ее в стороне.

§ 6. Динамика

Главная задача состоит, следовательно, в решении вопроса, вызывается ли равновероятность событий природой или человеческим произволом. Отрезок, помещенный наугад в плоскости, разграфленной параллельными прямыми, не подчиняется вполне определенным вероятностным законам. Игла, брошенная наугад на доску, подчиняется определенным законам.

Дело в том, что игла отличается от отрезка тем, что она подчиняется не только геометрическим законам, но и законам динамики. Когда игла падает и ударяется о стол, она ведет себя согласно законам Ньютона и законам удара. В задаче Бертрана, действительно проверенной на твердых телах, палку бросают в воздух так, чтобы она упала на окружность в физической плоскости,—перед нами предмет, подчиняющийся законам динамики твердых тел. Бросая кость, мы имеем дело с твердым телом, движущимся опять-таки согласно законам Ньютона. Следовательно, в динамике твердых тел необходимо найти принцип, который позволит нам различить равновозможные случаи для задач кости, иглы, Бертрана.

Решение должно заключаться в свойствах динамических систем,—это может быть подтверждено экспериментами, подобными следующему. В продаже находится прибор для бросания костей, состоящий из небольшой проволочной клетки с плоским верхом и плоским дном формы часового стекла. В клетке лежит кость, и, чтобы бросить ее, клетку переворачивают вверх дном. Это делают рукой, но можно сделать и совершенно автоматически, соединив ручку клетки с динамо или с вращающимся колесом. Мы получаем тогда автоматический прибор для бросания кости, подчиняющийся исключительно законам динамики. Автору настоящей работы пришлось видеть прошлым летом на Чикагской выставке такого же рода чисто автоматическое осуществление задачи иглы: игла находилась в ящике, на этот раз разграфленном параллельными линиями на крышке и на дне, причем произвольное движение вызывалось автоматическим вращением ящика. Внутри ящика находилось несколько препятствий, так что игла попадала на дно коробки лишь после столкновений с ними. Тут же устроена была автоматическая регистрация случаев ударов иглы об одну из параллельных линий, и таким путем вычисление π демонстрировалось публике. В обоих примерах отсутствуют какие-либо внешние вмешательства.

Затруднения состоят здесь в математической сложности проблемы как результата многочисленных столкновений. Более просты динамические задачи, имеющие дело с консервативными системами, т. е. с системами, обладающими постоянной энергией и поэтому не подверженными влиянию толчков или другим посторонним вмешательствам. К счастью, нам известны уже вероятностные явления, связанные с консервативными системами, и поэтому следует в первую очередь изучить эти явления. В качестве примеров можно привести проблему рулетки без трения (но с внезапной остановкой движения), движение малых планет, проблему иглы, когда игла не брошена, но вращается в плоскости параллельных линий (и внезапно останавливается), вращения стационарно текущей жидкости и т. д. Этим мы подошли весьма близко к старым проблемам статистической механики.

Задача, следовательно, состоит в том, чтобы в простейших случаях найти критерий для равновозможных случаев при помощи законов Гамильтона:

$$\frac{dp_i}{dt} = -\frac{\partial H}{\partial q_i}, \quad \frac{dq_i}{dt} = \frac{\partial H}{\partial p_i},$$

где H обозначает функцию Гамильтона $H(p_1 \ldots, p_n, q_1 \ldots, q_n)$. Эти уравнения представляют собой наиболее простой вид, который нужно при-

дать уравнениям Ньютона; q_i обозначают обобщенные координаты, p_i — обобщенные скорости системы с n степенями свободы, выражение (p, q) представляет собой фазу. Изучение уравнений Гамильтона может быть наилучше осуществлено в так называемом «фазовом пространстве» 2_n измерений с координатами p_i и q_i. Таким образом, мы приходим к мысли Больтцмана — Гиббса — рассматривать траектории динамической системы в таком фазовом пространстве. Эти траектории должны вести себя так, что в конце концов возникает определенная геометрическая конфигурация, которая и должна определять равновозможные случаи. Трудность осуществить все необходимые вычисления чувствовалась в статистической механике, начиная со времени Больтцмана. Именно поэтому и был введен так называемый эргодический принцип, чтобы выявить порядок, обнаруживающийся по истечении долгого времени.

§ 7. Эргодический принцип

Недавно выяснилось, что поведение траекторий динамической системы после истечения большого отрезка времени приводит к точно такого же типа пределам, которые характерны для теории вероятностей, а именно к пределам с исключениями, но с точно определенными исключениями меры нуль. Первоначально в кинетической теории газов эргодическая гипотеза была значительно строже. Больтцман и Максвелл предполагали, что в такого рода системах всякое частное движение рано или поздно пройдет через все фазы (p, q), совместимые с его энергией. Величина промежутка времени, нужного для прохождения через данный ряд фаз, принималась прямо пропорциональной соответствующему количеству. Но уже Кельвин показал, что этого быть не может, ибо существуют известные движения, которые вовсе не направляют свои траектории в фазовом пространстве через все точки пространства или гиперповерхности. Примером служат периодические движения, дающие в фазовом пространстве замкнутые кривые, как например движение маятника в несопротивляющейся среде. Более поздняя формулировка эргодической гипотезы (П. и Т. Эренфест) [15]) гласила, что существуют траектории, которые входят в произвольно малую окрестность любой точки и поэтому везде плотны, хотя, тем не менее, среднее время продвижения вдоль траектории через точку данной окрестности может меняться от траектории к траектории. Примеры таких «квазиэргодических систем» были действительно представлены. Так, если на поверхности постоянной отрицательной кривизны (скажем на псевдосфере) построен геодезический треугольник и если материальная точка движется (без воздействия силы) внутри этого треугольника и упруго отбрасывается его сторонами, тогда ее орбиты на этой поверхности представляют квазиэргодическую систему [16]).

Каратеодори первый истолковал свойства эргодической системы при помощи выражения «исключения, образующие множество меры нуль» [17]). С тех пор, особенно благодаря Биркхофу, были достигнуты новые значительные успехи, а в последние годы установлен ряд строгих теорем, точно описывающих поведение траекторий. Не станем излагать их в подробностях и приведем лишь в качестве примера эргодическую теорему Биркхофа, показывающую, каков характер результатов [18]).

Рассматриваем консервативную динамическую систему с функцией Гамильтона $H(p_i q_i)$. Движение системы может быть изображено посредством движения точки P в фазовом пространстве. После промежутка времени t точка двинется из начального положения P в новое положение P_t. Преобразование, которое переводит P в P_t, преобразует фазовое пространство в само себя и оставляет неизменным об'ем этого пространства. Если мы теперь выберем какое-либо измеримое множество точек A, то мож-

но доказать, что при определенных условиях среднее время, при котором передвигающаяся точка пройдет через A, приближается при возрастании времени к определенному пределу, если только данное множество не имеет меру нуль. В обозначениях

$$\lim_{T=\infty} \frac{t}{T} \int_0^T f(P_t)\, dt$$

существует в вышеуказанном случае, если $f(P)=1$ в A и $f(P)=0$ вне A [19]).

Здесь мы имеем пример, когда эргодический принцип точно сформулирован [20]). Он показывает, как динамическая система, свободно предоставленная самой себе, определяет плотность вероятностей, которую можно рассматривать как меру Лебега в фазовом пространстве. Большой шаг вперед состоит в том, что свободный переход к пределу статистических экспериментов здесь заменен точно определенным пределом в фазовом пространстве, но пределом, который имеет силу лишь для меры нуль. Это и об'ясняет, почему в статистике возможны исключения. Траектория может и не вести себя так, чтобы все точки фазового пространства были почти достигнуты, но это всегда будет исключением. Так например вовсе не невозможно, что рулетка, которой в начале был дан произвольный момент вращения, через некоторое время будет останавливаться всегда на красном цвете. Но по сравнению с большим количеством случаев, когда черное и красное будут распределены приблизительно равномерно, случаи остановки на одном красном будут представлять лишь незначительное меньшинство.

Удары сталкивающихся тел не входят в рассматриваемую нами систему. В проблеме кости и тому подобных мы однако всегда встречаемся с толчками, ударами частей. Встает вопрос, определяют ли толчки меру вероятностей в фазовом пространстве. Совершенно упругая игла должна вести себя иначе чем совершенно неупругая. По отношению к неконсервативным системам (с рассеянием энергии) никакие эргодические теоремы неизвестны, но факт, что вероятностные явления в них существуют, показывает, что эти теоремы должны и тут иметь смысл.

Наши результаты могут быть также выражены таким образом: в явлениях со статистической закономерностью проявляется смешение случаев, это смешение полное, если статистическая закономерность достаточна. В проблемах, для которых мы нашли решение, законы одной лишь динамики обеспечивают в результате длительного действия полное смешение. В проблеме иглы такое смешение можно производить повторением ударов, по крайней мере, если эксперимент производится путем бросания иглы, а не путем ее толкания в плоскости. Разные формы эксперимента дают сходные смешения, но в разное время. Во многих других случаях приходится применять механические средства, чтобы обеспечить подобные смешения. На самом деле существуют мешалки, например для бетона, которые осуществляют как раз тот тип приближения, который нам нужен в статистике.

В качестве одного из результатов нашей теории можно, повидимому, привести (если только действительные расчеты это подтвердят), что грани кубической кости равновозможны, если ее центр тяжести лежит в точке пересечения диагоналей куба и если элипсоид инерции является точной шаровой поверхностью.

Вывод: вероятностная проблема имеет определенный смысл лишь тогда, когда известна динамика, управляющая данной системой. Нет никакой вероятности без причинности.

§ 8. Замечания и выводы

При доказательстве эргодической теоремы мы пользуемся законами динамики, но не всеми их свойствами. Единственное из них, которым мы пользуемся, это групповое свойство преобразований. Это показывает, что динамика, являющаяся причиной статистической закономерности, не специфична, а принадлежит к общему типу многих динамик. К этому же заключению мы приходим, рассматривая характер самого вероятностного явления. В случаях смертности, на которые происходит страхование, не всякий фактор, являющийся причиной смерти застрахованного, имеет значение. Умерла ли особа, попавшая в автомобильную катастрофу от того, что сломала ногу, бедро или шею, столь же несущественно, как и форма машины. Однако имеется более общий тип причинности, лежащий в основе смертности, и в нем-то страховое общество действительно заинтересовано. Это доказывается той тщательностью, с какой крупные страховые общества изучают общие причины смерти, как-то: воспаление легких, сердечный удар, несчастный случай и т. д. Отсюда следует, что статистические показания можно изменить, влияя на существенные причины.

Это приводит нас к положению, что существуют ступени причинности и что лишь известные общие ступени влияют на статистическую закономерность. Если появляется больше причин, статистическая закономерность может исчезнуть. Мы можем всегда повлиять на кость так, чтобы выпадала 1. Последней ступенью является здесь точная причинность, которая приводит к строгой закономерности, как в случае движения планет или в случае передачи звука по телефону. Можно экспериментальным путем продемонстрировать эти переходные ступени, если осуществить проблему иглы в магнитном поле переменного напряжения. Для напряжения, равного нулю, получаем старую проблему вероятности, для сильных полей игла будет всегда падать в одном и том же направлении.

Динамика, лежащая в основе вероятностного явления, необязательно должна быть динамикой твердых тел. В карточных играх динамика должна быть определена по-другому. Но если на известный период и для известного состояния количество «благоприятных» событий примерно постоянно, тогда мы знаем, что существует определенный ряд причин, действующих одинаково в течение всего этого периода; эти причины можно анализировать и даже выразить в виде динамики, подобно ньютоновской.

Если причины заметно меняются, т. е. если меняется динамика, возникает новое вероятностное явление. Так, можно ожидать заметного изменения количества автомобильных катастроф там, где происходит сильное изменение количества действующих автомбилей или где вводятся новые правила движения. Так и война может изменить количество равновозможных случаев смертности в стране.

Когда мы считаем, что к проблеме, фактической стороной которой мы вполне владеем, можно применить известные вероятностные соображения, мы выражаем тем самым надежду, что тут действуют причины, хотя и настолько общие, что они пока не поддаются уточнению. Если бы такая причинность не существовала, не было бы никакой закономерности. Мы не можем предсказать исхода гражданских тяжб в 1934 г. Соответствующая инстанция — это «вероятность судебных приговоров», на которую французские материалисты XVIII в. и связанная с ними математическая школа потратили так много времени. Тогда верили, что существует своего рода «динамика справедливости», которой подчинены приговоры, основывающиеся на вечных принципах человечности, динамика, столь же неизменная как и принципы Ньютона. В настоящее время мы не верим в подобную дина-

мику, а потому не верим и в применимость вероятностных соображений к судебным приговорам [21]).

Даже в математике встречаются подобные случаи. Никто не знает распределения цифр в десятичных знаках числа π. Похоже на то, что это распределение закономерно (в частности распределение четных и нечетных чисел), но поскольку мы знаем всего 707 десятичных знаков, мы не можем сказать ничего больше, пока закон образования этих знаков останется столь мало изученным как теперь.

Таким образом, статистические явления не могут быть поняты без определенной динамики. Это, однако, не значит, что статистический метод рассмотрения должен быть отброшен и заменен динамическим рассмотрением. Поле для статистических исследований остается столь же широким как и прежде. В отдельных случаях мы будем в состоянии определить вероятность путем математических исчислений на основе данных динамических законов, однако такие случаи всегда останутся немногочисленными. Динамика чаще всего сложна, недостаточно известна или скрыта. В таких случаях придется употребить по поводу равновозможных случаев соображения более гипотетического характера, как это имеет место в страховом деле.

Никогда нельзя говорить о случайных событиях в смысле отсутствия причинной связи. Фридрих Энгельс показал это весьма ясно. Если я присутствие собаки в моей комнате называю случайным, то не хочу этим сказать, что не имеются особые причины для того, чтобы собака находилась здесь. Присутствие собаки причинно обусловлено во всех подробностях. Смысл выражения «случайный», в данном случае тот, что присутствие собаки в моей комнате не связано причинно с особым рядом событий, которые я считаю более общими и более важными. Мы говорим, что такой-то случайно погиб от автомобильной катастрофы, и этим хотим сказать, что общие законы, управляющие жизнью этого человека (его положение, умственный склад и т. д.), не привели с необходимостью к этой катастрофе. Один из способов доказательства, что эти «случаи» на деле подчинены такой же строгой причинности, как и все другие явления, заключается в ссылке на статистическую закономерность их повторений.

Что мы можем сказать о типе причинности, являющейся основой вероятностных явлений? Пуанкаре обратил внимание на тот факт, что мы имеем тут дело с явлениями, в которых малые причины вызывают большие следствия [22]). Когда качается маятник и мы его слегка тронем, то кроме небольшого изменения движения ничего не случится. Но если произойдет малейшее уклонение в периодическом движении тела, описывающего орбиту вокруг солнца, тогда вся орбита может все больше и больше меняться и движение из периодического может превратиться в апериодическое. Так же и в проблеме кости, где малейшее изменение начального положения и скорости может вызвать выпадение другой грани, или в рулетке, где малые начальные уклонения приводят к значительным изменениям в целом. Так же и в автомобильных катастрофах, где легкая ошибка может стать причиной страшных несчастий. Микроскопические различия в составных частях клеток в период зачатия могут иметь следствием разницу между гением и идиотом.

Поэтому статистика не упраздняет причинности, но это не значит, что причинность играет в статистике непосредственную роль. В страховании жизни статистическая закономерность является следствием известных общих причин, действующих в каждом индивидууме. Это не значит, что частные причины, вызывающие причины смерти отдельного индивидуума, имеют какое-либо значение. Для статистики страхования жизни эти частные причины несущественны. То же самое верно и относительно всех статистических явлений. Они зависят от причинности, но причины, производящие за-

кономерность, не являются тождественными с частными причинами, вызывающими каждое отдельное явление.

Статистический и казуальный подходы к явлениям соответствуют, таким образом, двум аспектам природы: каждый имеет свою область применения, каждый оправдывает существование другого. Без причинности нет статистики. Но статистика может дать нам не больше чем статистическую причинность.

В современной физике стало очевидным, что законы, находимые для атомных явлений, — статистические законы. Это интересный факт, вполне правдоподобный, если принять во внимание огромное количество частиц, с которыми имеет дело атомная физика. Это, однако, не должно толковаться как доказательство того, что следует изгнать причинность при об'яснении природы. Не существует абсолютной противоположности между статистическими и причинными явлениями. Если мы находим, что физика атома имеет статистическую природу, мы просто констатируем, что частные причины, управляющие атомом, нам безразличны, точь-вточь как и страховые общества не анализируют смерть каждого отдельного индивидуума, хотя и знают, что она причинно обусловлена. Поэтому отнюдь не необходимо полагать, что мы сможем разрешить трудность современной атомной статистики лишь тогда, когда попытаемся построить динамику отдельного электрона. Но, с другой стороны, атомная статистика имеет смысл только в том случае, если какой-то общий тип динамики лежит в ее основе и оправдывает ее равновозможные случаи. Известные общие выражения такой динамики уже включены в атомную статистику, так же как известные общие выражения ньютоновской динамики включены в проблемы иглы и кости.

Выполнение намеченной программы помогло бы устранить многие философские затруднения, возникшие в связи с утверждением, что законы атома суть законы статистические. Если из статистического характера атомных явлений, поскольку они измеряются нами, часто делается вывод, что все законы физики статистичны, а посему шатки или, во всяком случае, лишь частично верны, то этот вывод неправилен. Физик целиком прав, считая, что для известных ветвей науки он нуждается в статистическом об'яснении вместо об'яснения причинного. Однако он не должен полагать, что это равносильно отмене принципа причинности. Он так же неправ как и материалист XVIII в., полагавший, будто раз установлено, что все происходит по законам точной необходимости, то тем самым отменена случайность.

§ 9. Причинность как результат статистики

Мы видели, что статистика имеет лишь тогда смысл, когда она опирается на некоторую форму причинной связи. Можно также попытаться перевернуть эту форму и спросить, имеет ли смысл сказать, что причинная связь имеет лишь тогда значение, когда она опирается на некоторого рода статистику? Такое обращение формулы кажется весьма диалектичным, но может привести к тяжелым ошибкам. Связи в мире не всегда столь просты, чтобы сохранился разумный смысл при простом обращении понятия о них. Иногда это имеет место, иногда нет, и всякую проблему необходимо исследовать специально под углом зрения ее собственного возможного развития. На самом деле, можно утверждать, что механическое действие на конечное расстояние может быть истолковано как действие на бесконечно-малое расстояние, а также наоборот, потому что оба рода действия могут изучаться путем диференциального уравнения и его решения. Однако сказать, что капитализм создает в коммунизме своего собственного могильщика,—верно, между тем как обратное утверждение, что коммунизм создает в капитализме своего собственного могильщика,—совершенно бесмысленно. Поэтому

нужно еще выяснить, имеет ли смысл рассматривать причинность как результат статистики.

Существует поверхностный способ, дающий как будто положительный ответ на этот вопрос. Статистика сама по себе один из видов причинности, а именно — это статистическая причинность. Мы знаем с большой точностью, сколько произойдет несчастных автомобильных случаев в течение 1935 г. в штате Массачузетс. Но эта причинность никогда не становится достоверностью. Таким же путем мы могли бы попытаться получить законы Ньютона как результат вычислений атомной статистики, применив ее к макроскопическим явлениям. Эти законы Ньютона были бы тогда статистическими законами, но они не были бы единственным возможным отображением природы. А все же они остаются строго причинными законами, имеющими совершенно другое значение чем законы статистические. Если я в проблеме иглы вычислю вероятность того, что игла займет любое положение, то окажется, что она равняется *1*. Но вероятность *1* в непрерывной скале вероятностей обозначает не просто достоверность, а лишь статистическую достоверность. Теория вероятностей сама по себе никогда не будет в состоянии убедить меня в достоверности того, что игла займет любое положение, и этот пример показывает ясно, что это отображение природы наверняка недостаточно. Многие современные физики отказываются допустить что-либо сверх такой причинности, даже рискуя быть вынужденными принять, что законы Ньютона верны только почти во всех случаях. Это весьма односторонне. Даже авторитет такого действительно крупного мыслителя, как Гейзенберг, не заставит меня поверить, будто иногда может случиться, что камень, брошенный вертикально в безвоздушное пространство, не вернется в вертикальном направлении. Статистическими методами я никогда не могу достичь достоверности, а достоверность необходима в многочисленных отраслях науки и техники [23]).

Однако, повидимому, существует и другой путь, посредством которого можно изучать причинность с точки зрения статистики. Можно спросить, какие типы причинности совместимы с данной статистикой. Если в фазовом пространстве даны известные вероятностные плотности, можно ли отсюда заключить о мере, совместимой с известными причинными законами? Такого рода проблемы, поскольку нам известно, никогда не ставились, и возможно, что они слишком трудны для современного состояния математики. Здесь имеется аналогия с известными, значительно более элементарными проблемами теории функций. Так, можно задать поведение функции в конечной окрестности точки и спрашивать о ее поведении в бесконечности. Этот вопрос имеет смысл, если даны известные другие условия, например, что функция алгебраическая или трансцендентная, целая или дробная и т. п. Но можно также исходить из ее поведения в бесконечности и спрашивать, какие заключения могут быть отсюда выведены относительно ее поведения в заданной точке. В геометрии встречается та же проблема, когда спрашивают о связи между инфинитезимальной геометрией и геометрией целостной. Сходные вопросы, обобщенные на функциональное пространство, повидимому, приведут к лучшему пониманию взаимной связи между причинностью и статистическими явлениями.

§ 10. Добавление о теории меры

Теория меры имеет дело с обобщением понятия длины, площади и об'ема применительно к множеству точек. Такие точечные множества суть собрания конечного или бесконечного количества точно определенных точек на прямой, кривой, плоскости и т. п., которые могут нахо-

диться внутри определенного интервала или же нет. Примерами может служить множество всех точек прямой, расстояние x которых от заданной на этой прямой точки есть целое положительное число или же рациональная дробь и т. п. Так же говорят о «множестве чисел», «множестве шаров» и т. п.

Точечное множество может иметь предельную точку. Точка $x=L$ на прямой является предельной точкой множества S, если существуют точки, принадлежащие к S и отличные от L, находящиеся внутри интервала $(L-\delta, L+\delta)$, как мало бы ни было δ. Если, к примеру, примем за множество $S=\frac{1}{2}, \frac{1}{4}, \frac{1}{8}, \frac{1}{16}, \frac{1}{32}$ и т. д., то $L=0$ окажется предельной точкой. Всякое бесконечное множество точек, находящееся в конечном интервале, имеет, по меньшей мере, одну предельную точку.

Если множество S содержит все свои предельные точки, его называют замкнутым. Примером может служить множество S всех точек между 0 и 1, включая 0 и 1. Если S состоит из всех точек, которые остаются в непрерывном интервале, после устранения из него любого замкнутого множества, то его называют открытым.

Бесконечное точечное множество называется исчислимым, если возможно установить одно — однозначное соответствие между точками этого множества и членами натурального ряда 1, 2, 3 ... Например множество точек, заданных числами $1, \frac{1}{2}, \frac{1}{3}, \frac{1}{4}$ ..., исчислимо, ибо можно указать для каждого из этих чисел соответствующее место в ряду $1, 2, 3$... Но все точки интервала от 0 до 1 образуют неисчислимое множество. Множество всех рациональных дробей исчислимо, ибо их можно привести в следующий порядок:

$$\frac{1}{2}, \frac{1}{3}, \frac{2}{3}, \frac{1}{4}, \frac{3}{4}, \frac{1}{5}, \frac{2}{5}, \frac{3}{5}, \frac{4}{5}, \frac{1}{6}, \frac{1}{7}, \frac{2}{7}, \frac{3}{7}, \frac{4}{7}, \frac{5}{7}, \frac{6}{7}, \frac{1}{8}, \frac{3}{8}, \frac{5}{8}, \frac{7}{8} \ldots$$

Множество всех чисел между 0 и 1 без всех рациональных дробей неисчислимо.

Можно доказать, что открытое множество, даже если оно само неисчислимо, состоит из исчислимого множества взаимно неперекрывающихся открытых интервалов. Теперь мы определим как меру открытого множества сумму длин его интервалов. Эта сумма является суммой бесконечного ряда, сходящегося всегда, если само открытое множество лежит внутри интервала конечной длины. Если для множества мера может быть определена единственным образом, это множество называют измеримым. Меры измеримых множеств можно складывать и вычитать как обыкновенные длины. Если точечное множество представляет собой обыкновенный интервал прямой, тогда мера совпадает с длиной этого интервала; то же самое относится и к площади, об'ему и т. п. Если точечное множество содержится в другом точечном множестве, то мера первого не может быть больше меры второго.

Существуют точечные множества с бесконечным количеством точек, обладающие мерой нуль. Все исчислимые множества имеют меру нуль, ибо мы всегда можем включить точки такого множества в интервалы, сумма которых может быть сделана меньше чем любое предписанное число. Необходимо лишь включить первую точку в интервал длины ε, вторую — в интервал длины ε^2 и т. д., так как сумму $\varepsilon + \varepsilon^2 + \varepsilon^3 + \ldots = \frac{\varepsilon}{1-\varepsilon}$ можно сделать какой угодно малой. Эта теорема необратима, ибо существуют точечные множества меры нуль, являющиеся неисчислимыми.

Можно определить измеримую функцию $f(x)$ в определенном интервале $a \leqq x \leqq b$. Ограниченная функция $f(x)$ измерима в этом интервале, если множество точек в этом интервале, для которых $f(x) > c$, измеримо для всех значений c. Всякая непрерывная функция измерима.

Для ограниченной измеримой функции $f(x)$ в интервале $a \leqq x \leqq b$ можно определить интеграл

$$\int_a^b f(x)dx .$$

Он может быть определен точно, как обыкновенный интеграл. Пусть α и β будут нижняя и верхняя границы $f(x)$. Выберем числа $y_o, y_1, \ldots y_n$ так, чтобы $\alpha = y_o < y_1 < y_2 < \ldots - \ldots < y_{-n1} < y_n = \beta$.

Пусть e_κ будет множество, для которого $y_k \leqq f(x) \leqq y_{\kappa+1}$ и e_n множество, где $f(x) = \beta$. Всякое e_κ измеримо. Пусть его мера будет $m(e_\kappa)$. Если

$$S_1 = \sum_{k=o}^{n} y_\kappa m(e_\kappa) \text{ и } S_2 = \sum_{k=o}^{n} y_\kappa m(e_\kappa), \ (y_{n+1} = \beta)$$

имеют тот же самый предел при возрастающем n, тогда мы говорили, что этот предел есть интеграл от $f(x)$. Это и есть интеграл Лебега. Для непрерывной ограниченной функции этот интеграл тождествен с обыкновенным интегралом.

Дальнейшие подробности читатель найдет в работах по вещественным функциям.

---

[1]) J. von Neumann «Wahrscheinlichkeitstheoretischer Aufbau der Quantenmechanik». «Göttinger Nachrichten», 1927, pp. 245—272.

[2]) Ф. Энгельс «Диалектика природы». Архив Маркса—Энгельса. II, 1927, стр. 264.

[3]) Это видно также из замечаний Ленина «Философское наследство», немецкое изд. В. Адоратского (Вена—Берлин), стр. 75 и сл.

[4]) E. Hopf «On causality, statistics and probabilitis», «Journal of Mathematics and Physics, Massachusetts Institute of Technology». 1933. Hopf, Norbert Wiener, M. S. Vallarta, O. Szasz и др. сделали много полезных указаний в связи с данной работой.

[5]) E. Borel «Les probabilités denombrables et leurs applications arithmétiques». Rend. Circ. Mat. Palermo 27 (1909), pp. 247—270.

[6]) M. von Smoluchowski «Über den Begriff des Zufalls und den Ursprung der Wahrscheinlichkeitsgesetze in der Physik». «Die Naturwissenschaften» 6 (1918), pp. 253—263.

[7]) Ясное изложение этой стороны теории вероятностей дано у A. Lominicki, «Fundamenta Mathematica» (1923) pp. 34—71. См. также А. Н. Колмогоров «Grunbegriffe der Wahrscheinlichkeitsrechnung». Berlin, 1933.

[8]) Laplace «Essai philosophique sur les probabilités». 5-me ed., p. 7, Paris, 1825.

[9]) См. например A. Fischer «The Mathematical Theory of Probabilities», 2 ed. N Y, p. 46.

[10]) Dirichlet. Werke. II, p. 60—64. См. также E. Bessel-Hagen «Zahlentheorie», «Repetitorium» Pascal'a, 2-te Auflage I, 3 (1929), p. 1518.

[11]) J. von Kries «Die Prinzipien der Wahrscheinlichkeitsrechnung». Freiburg. 1886, p. 11. «Определение разнородных случаев должно получаться необходимым образом и без какого-либо произвола».

[12]) R. von Mises «Vorlesungen aus dem Gebiet der angewandten Mathematik». I. Band «Wahrscheinlichkeitsrechnung», 1931. См. также E. Kamke «Einführung in die Wahrscheinlichkeitsrechnung», 1932 и I. L. Coolidge «Mathematical theory of probability».

[13]) Камке начинает книгу с примера, показывающего несостоятельность частотностной теории. Он дает ряд значений отношения $\frac{n}{N}$, полученного из опыта бросания кости. Если вычислить их на один десятичный знак больше, то эти значения колеблются настолько, что никакой точный предел не может быть указан.

[14]) См. стр. 82 цитированной работы. Род функции, употребляемой для определения разновозможных случаев, «может быть определен только экспериментом и зависит, конечно, от метода, которым производится бросание кости».

[15]) См. например P. et T. Ehrenfest «Mécanique statistique». Encycl. d. Sc. mathématiques. V. 2 (1912), p. 211.

[16]) E. Artin «Ein mechanisches System mit quasiergodischen Bahnen» Abh. Math. Seminar Hamburg, 3 (1924), pp. 170—175.

[17]) C. Caratheodory «Über den Wiederkehrsatz von Poincaré». Sitzungsber. Preuss. Akad. Wissenschaften. 1919, pp. 580—584.

[18]) Теорему дал Birkhoff «Proc. Acad. Science» 17 (1931), pp. 656—660. Простое доказательство дал E. Hopf. Там же, 18 (1932), pp. 93—100. Теорема верна и для более общих функций.

[19]) Обзор результатов смотри G. D. Birkhoff u. B. O. Koopmann «Receht constributions to the ergodic principle». Proc. Nat. Acad. Sc. USA, 18 (1932), pp. 279—282. Недавно H. Hopf (см. предыдущее примечание) дал большое количество теорем, относящихся к обоснованию теории вероятности.

[20]) См. например Laplace «Essay», примечание 8-е.

[21]) H. Poincaré «Calcul des Probabilités», 2-me éd. (1912), pp. 4—20.

[22]) Другой, еще более неудовлетворительный довод приводит H. Reichenbach «Das Kausalproblem in der Physik», «Naturwissenschaften». 1931, pp. 713—722. Здесь пропагандируется теория, что всякое причинное утверждение, применяемое к предсказанию природных явлений, всегда якобы получает форму статистическую вследствие того, что при проверке на деле этого утверждения встретятся нарушающие факторы, делающие точное предсказание невозможным. Это обстоятельство не имеет ничего общего с существом причинной закономерности.

[23]) На русском яз. см. П. С. Александров и А. Н. Колмогоров «Введение в теорию функций действительного переменного». 1933. (Примечание переводчика).

Борьба вокруг закона сохранения и превращения энергии в современной физике

Д. Блохинцев и Ф. Гальперин

Последние десятилетия в области развития физики характеризуются как период новых громадных открытий, период колоссального накопления нового экспериментального материала, период бурного роста физики. На этом этапе развития физики устанавливается относительность многих старых физических понятий и теорий, которые являются уже недостаточными для формулирования и выражения вновь открытых явлений и процессов об'ективной действительности. Однако буржуазные физики критикуют не столько эти физические понятия, сколько основные положения и принципы материалистического мировоззрения и притом с идеалистических, реакционных позиций. В сущности говоря, эта черта проявлялась и раньше. Так например, когда выяснилась ограниченность формы, предложенной Декартом для выражения закона сохранения энергии (закон сохранения количества движения), то, по выражению Лейбница, физики «впали в другую крайность и не признают вовсе сохранения чего-либо абсолютного, что могло бы занять место количества движения. Между тем это есть требование нашего ума, и в этом вижу я причину, почему философы, которые не входят в глубокие соображения математиков, затрудняются оставить такую аксиому, как сохранение количества движения, если им не дадут другой, какой они могли бы держаться». Здесь мы имеем один из первых примеров критики закона сохранения энергии в о о б щ е вместо критики ограниченности его специальной формы, высказанной Декартом. Яркий пример проявления этой черты мы встречаем в тот период, о котором писал Ленин («Материализм и эмпириокритицизм»). Как известно, в этот период, для критики материализма («материя исчезла») неосновательно ссылались на электронную теорию. Подобным же образом пытались и пытаются еще и сейчас обосновать философский релятивизм при помощи физической теории относительности.

Уже в самое последнее время для доказательства краха закона причинности привлекали квантовую механику. На самом же деле физики могли притти к такому идеалистическому выводу только ценой неправильного применения к электрону понятий «точного» (определенного) импульса и координаты в один и тот же момент времени. Оказывается, что соотношение неточностей в квантовой механике есть как раз предел применимости (понятий импульса и координаты), дальше которого они становятся неопределенными. Физики же критикуют не ограниченность этих понятий, а закон причинности.

И в рассматриваемой нами проблеме мы также встречаемся с указанной чертой физического мировоззрения: для критики закона сохранения

и превращения энергии ссылаются теперь на физику атомного ядра. Задача настоящей статьи вскрыть ошибочность и этой, самой модной идеалистической концепции.

I. Концепция закона сохранения энергии в физике

Характерным для понимания закона сохранения энергии в физике является низведение этого закона, особенно в теории, до ранга второстепенного вывода из специальных уравнений движения (интеграл движения) [1]. Наряду с этим им широко пользуются, в особенности в экспериментальной физике, как эвристическим принципом. Одни физики ограничивают закон сохранения энергии рамками первого начала термодинамики, другие утверждают, что в грядущей физической теории — релятивистской квантовой механике — этот закон не найдет себе места. «Что касается закона сохранения энергии, то уже в настоящее время существуют некоторые теоретические соображения в пользу того, что в релятивистской теории квант этот закон не остается в силе» [2]. Рассмотрение этого закона как общего принципа об'является склонностью догматизировать и возводить в абсолют законы, выведенные в ограниченной области явлений. Главным образом в последние годы широко распространено понимание закона сохранения энергии, наравне со вторым началом термодинамики, как статистического закона, верного только в среднем и неприменимого к индивидуальным элементарным актам [3]. При этом, разумеется, признание лишь статистической значимости закона сохранения энергии есть, в сущности, непризнание его вообще, так как между невозможностью получения энергии из ничего и малой вероятностью этого события лежит, очевидно, пропасть.

В недавно изданной у нас книге Р. Поля [4] закон сохранения энергии излагается в VI главе под общим названием «Вспомогательные понятия». И ни один из физиков, в сущности, не рассматривает закон сохранения и превращения энергии как великий, вечный и абсолютный закон природы, закон спонтанной трансформации форм движения материи и количественного постоянства этого движения при всех его превращениях [5].

Среди перечисленных, распространенных в физике концепций закона сохранения энергии, особенного внимания заслуживает теоретическая концепция, оформленная Бором, Крамерсом и Слэтером [6] весною 1924 г. в физическую теорию, правда впоследствии оставленную. Тем не менее мы считаем нужным остановиться на ней, так как она представляет яркий образец попыток выйти из физических затруднений за счет отдачи закона сохранения энергии в жертву даже несовершенным физическим теориям.

Теория Бора, Крамерса и Слэтера возникла как попытка преодоления трудностей квантовой теории атома Бора, коренившихся в том, что теория Бора не учитывала двойственной природы света (кванты и волны).

Теория Бора, в свое время блестяще решившая проблему спектра атома водорода, оказалась не только не в состоянии теми же методами подойти к исследованию сложных атомов, но и в этом простом случае (атома водорода) остановилась на полпути, не сумев рассчитать интенсивности

---

[1]) Гельмгольц. Закон сохранения силы.

[2]) Бронштейн «Успехи астрономических наук», 1933, № 3. (В сущности это представление было выдвинуто Бором).

[3]) E. Schrödiner. Was ist der Naturgesetz. «Naturwissenschaften». 1929, № 1.

[4]) Р. Поль. Введение в механику и акустику. ГТТИ, 1933.

[5]) Ф. Энгельс. Диалектика природы; А. Максимов. Энергии сохранения и превращения закон. БСЭ. Т. LXIV; Б. Гессен. Энергия, там же.

[6]) N. Bohr. H. Kramers and I. Stater. «Phyl. Mag (6) 47, 1924, p. 785, см. также E. Schrödinger. «Naturwissenschaften», 12, 1924, № 6.

излучения, поглощения и рассеяния света. В своей теории Бор, Крамерс и Слэтер пытаются выйти из последнего затруднения путем установления моста между квантовой теорией атома и классической теорией излучения. При этом они вводят в теорию так называемые «виртуальные» вибраторы, особенностью которых является то, что излучаемые ими волны (как в классической теории излучения, а не кванты, в виде которых представляется испускание света по теории Бора) не несут энергии. Тем не менее эти волны (подчеркиваем, не несущие энергии) могут вызывать переходы атома из состояния с меньшей энергией в состояние с большей энергией, т. е. увеличение энергии атома без притока ее извне. Эта энергия, следовательно, рождается в атоме. Наряду с этим процессом может происходить и процесс перехода атома из состояния с большей энергией в состояние с меньшей (уменьшение энергии атома); эта энергия, однако, не уносится волнами, а исчезает бесследно в атоме. Таким образом увеличение энергии одного атома не связано причинно с уменьшением энергии другого. По теории Бора, Крамерса и Слэтера эти процессы только в среднем компенсируют друг друга (существенным для такой компенсации, следовательно, является большое число этих процессов, происходящих по закону случая), и вместе с тем закон сохранения энергии в их трактовке принимает статистический характер. В применении к комптон-эффекту эта теория заставляла признать, что изменение направления движения кванта света и его энергии, вызываемое столкновением, происходит не одновременно с изменением состояния движения электрона.

Этот вывод теории был отвергнут экспериментальными исследованиями Боте и Гейгера [1]), показавшими, что в пределах точности их аппарата эти события происходят одновременно и что совпадение этих процессов встречается в $10 + ^{11}$ раз чаще, чем следовало ожидать по теории Бора, Крамерса и Слэтера, согласно которой эти совпадения были бы чисто случайными.

Опыты Боте и Гейгера говорят, таким образом, в пользу правильности закона сохранения энергии не только как статистического закона, но как закона, верного в отдельных элементарных актах. Вместе с тем эти опыты решили судьбу теории Бора, Крамерса и Слэтера, от которой сами авторы были принуждены отказаться.

Так печально окончилась эта атака на закон сохранения энергии. Современная квантовая механика, полностью преодолевшая трудности теории Бора, необходимым и органическим образом основывается на законе сохранения энергии.

II. Развитие атомной и ядерной физики—триумф закона сохранения энергии

Современная атомная физика, которая прежде всего есть физика квантовая, уже на первых ступенях своего развития последовательно опиралась на закон сохранения энергии.

Действительно, установление ядерной структуры атома исследованиями школы Резерфорда [2]), явившееся фундаментом для дальнейшего развития всей ядерной и атомной физики, было связано с применением от начала и до конца закона сохранения энергии и импульса.

---

[1]) Bothe und Geiger, Zs. für Physik. 32, 639. 1925, см. также Тартаковский. Кванты света.

[2]) См. Резерфорд. Строение атома и искусственное разложение элементов. Гиз. 1923.

Правило частот Бора [1]), из которого выросла вся современная квантовая механика атома, есть, по сути говоря, закон сохранения для элементарного акта испускания или поглощения кванта лучистой энергии.

Это соотношение подтверждено экспериментально в многочисленных и разнообразных областях физики. В применении к обмену энергией между свободными электронами и электронами, движущимися в атоме (опыты Франка и Герца) правило частот Бора привело к непосредственному установлению дискретности возможных состояний движения электрона в атоме. Эти опыты являются одним из важнейших экспериментальных обоснований современной квантовой механики [2]).

Эффект Комптона, сущность которого уже была изложена выше, является кардинальным опытом, непосредственно доказывающим квантовую, атомистичную природу света. Теория же эффекта Комптона в основном сводится к закону сохранения энергии и импульса в процессе удара кванта и электрона. Таким образом фундаментальное для современной теории понятие о квантах света представляется только постольку фундированным, поскольку признается закон сохранения энергии.

Уравнение Эйнштейна, являющееся основным для теории фотоэффекта и для его понимания вообще, есть выражение закона сохранения энергии для превращения энергии светового кванта в энергию электрона. Напомним, что это уравнение было полностью подтверждено экспериментальными исследованиями [3]) и что фотоэлектрические явления находят широкое применение в технике слабых токов.

Если теперь обратиться к такой огромной области физического исследования, как область, известная под названием эффекта Рамана—Мандельштама и Ландсберга, область исследования строения сложных молекул, то и здесь мы опять встречаемся с законом сохранения энергии как основой теории. Действительно, сущность явления заключается в том, что часть энергии кванта света, падающего на молекулу или кристалл, превращается в энергию молекулярных колебаний или, обратно, энергия молекулярных колебаний присоединяется к энергии кванта падающего света. Записанное математически, это положение служит для вычисления частот рассеянного света или для определения частот молекулярных колебаний [4]).

Таким образом мы видим, что все фундаментальные, классические явления, открытые современной физикой и образующие базу современной теории атомов, молекул и света, истолковываются на основе закона сохранения энергии и, следовательно, его подтверждают.

Отказ от значимости этого закона означал бы в то же время ликвидацию всей физической теории нашего времени. Для марксиста это было бы подлостью

Наконец, крайне характерно, что развитие и величайшие успехи ядерной физики, с которой, как мы позже увидим, связывается «крах» закона сохранения энергии, целиком обязаны этому закону.

Действительно, установление природы структурных элементов (частиц) ядра, их энергии, размеров и числа опиралось и опирается по сию пору на закон сохранения энергии. С помощью именно этих законов были обнаружены и исследованы недавно открытые новые частицы позитрон (электрон

---

[1]) Правило частот Бора заключается в том, что частота ν излучаемого или поглощаемого света, связанная с переходом атома из состояния с энергией En в состояние с энергией Em, вычисляется из уравнения $h\nu_{nm} = Em - En$, где h — постоянная. Планка (квант действия). Величина ν_{nm} есть энергия излучаемого или поглощаемого кванта света.

[2]) Ср. В. Гейзенберг. Физические принципы квантовой теории. ГТТИ. 1932, гл. I, § 20.

[3]) См. П. Тартаковский, l. c.

[4]) См. Kolrausch. Smekdl—Raman effekt. I. Springer, 1930.

с положительным зарядом) и нейтрон (частица с массой, примерно равной массе атома водорода и не несущая заряда) [1]). Для иллюстрации этого положения рассмотрим вопрос о природе нейтрона. Как известно, Жолио и Кюри установили существование излучения большой проницающей силы, исходящего из бериллия, подвергнутого бомбардировке α-частицами полония. В связи с большой проницающей силой они сделали вывод, что открытое ими излучение является крайне жесткими γ-лучами. Однако можно было также представлять себе, что это излучение является потоком незаряженных частиц с большой массой. Эту позицию занял Чадвик. Дальнейшие исследования и расчеты Чадвика, сводившиеся к применению закона сохранения энергии и импульса к столкновению частиц этого излучения с атомами азота и водорода, показали правильность точки зрения Чадвика. В настоящее время существование нейтронов, доказанное на основании упомянутых опытов и расчетов, не вызывает ни у кого сомнений. Дискуссия теперь идет не о природе нейтрона, а о точном значении его массы [2]). Причем в решении этого вопроса опираются на известное соотношение Эйнштейна между массой и энергией, являющееся одним из частных выражений законов сохранения энергии и массы. Какой же смысл можно было бы приписать утверждению о реальности открытия нейтрона или позитрона при условии отрицания закона сохранения энергии? Не ясно ли, сколь беспомощна была бы физика (да и существовала ли бы она как наука?) без этого испытанного и проверенного человеческой практикой закона?

Замечательно, что одно из противоречий между ядерной физикой и законом сохранения энергии с точки зрения классических представлений, вызвавшее в свое время коренные трудности в понимании радиоактивного α-распада, было разрешено квантовой механикой в пользу закона сохранения и привело к построению теории α-распада [3]). Мы подробно остановимся на этом противоречии, так как оно считалось в свое время не менее серьезным и «роковым» для закона сохранения энергии и по своему характеру являлось совершенно таким же, с каким мы теперь встречаемся в явлении β-распада, которым аргументируют современные противники закона сохранения энергии.

Из экспериментальных данных и некоторых весьма основательных теоретических соображений следует, что ядра атомов окружены потенциальным барьером. Для удаления α-частицы из ядра при радиоактивном распаде необходимо, с точки зрения классической физики, чтобы энергия α-частицы была не меньше высоты этого энергетического барьера. Величину энергии, характеризующую высоту этого барьера, можно определить, бомбардируя ядро атома извне быстрыми α-частицами другого элемента. Установлено, что высота этого барьера, например, для ядра урана не меньше $14 \cdot 10^{-6}$ эргов. Опыт, однако, показывает, что α-частица, вылетающая из такого же ядра, имеет энергию всего $7 \cdot 10^{-6}$ эргов, т. е. меньше чем необходимо для преодоления барьера. В этом и заключается указанное выше противоречие и видимое «нарушение» закона сохранения энергии. Действительно, в рамках классической механики это противоречие неразрешимо. Если бы не квантовая механика, то ретивые гонители закона сохранения энергии могли бы в этом явлении α-распада усмотреть экспериментальное доказательство краха закона сохранения энергии. Но квантовая механика показала, что мы здесь имеем дело с принципиально новым законом движения частиц—волновым законом. В согласии с ним частицы, связанные

[1]) См. Чадвик. Нейтроны. «Успехи физических наук». XII, вып. 5—6. Kunze. Das positive Electron. «Phys». Zs.», 34, № 23, 1933, а также Блэккетт и Оккиаллини. «У. Ф. Н.» Т. XIII, и Андерсен «У. Ф. Н.», № 1. Т. XIV.

[2]) Перен. Структурные элементы ядра «П. З. М.», 1933, № 5.

[3]) См. Гамов. Строение атомного ядра и радиоактивность, ГТТИ, 1932.

с волнами (фазовыми), просачиваются через потенциальный барьер совершенно аналогично проникновению света при полном внутреннем отражении через границу двух сред в противоречии с геометрической оптикой, но в прямом согласии с оптикой волновой [1]). Построенная Гамовым и Кондоном и Герни теория радиактивного α-распада на основе квантовой механики решила противоречие, связанное с незаконным употреблением классической теории, нашла блестящее подтверждение на опыте и послужила базой для дальнейшего раскрытия ряда новых закономерностей в ядерных процессах (возбуждение ядра и т. д.).

Отметим, что квантовая механика — по своей природе статистическая теория—включает в себя, однако, закон сохранения энергии, правильный не как статистический, а как применимый к индивидуальным и элементарным событиям.

III. β-распад—„распад" закона сохранения энергии

Несмотря на то что всем ходом развития физики была доказана непреложность закона сохранения энергии, нападки на него и третирование этого закона не прекращались.

Мы теперь остановимся на нападках на закон сохранения энергии в связи с опытами Элисса и Лизы Мейтнер [2]), являющимися основным для современной критики этого закона.

К изложению сущности этих опытов мы теперь и переходим. Еще давно было установлено, что кроме α-частиц из ядра радиоактивного атома вылетают и электроны (β-распад). Измерение распределения скоростей, а вместе с тем и энергии, с которыми вылетают эти электроны, показало, что это распределение имеет характер, аналогичный распределению скоростей молекул в газе, т. е. типичный статистический характер: присутствуют электроны с самыми разнообразными энергиями. Отсюда следует, что ядерные остатки (продукты радиоактивного β-распада) должны бы обладать также различными энергиями. Однако опыт противоречит этому предположению. Оказывается, что есть все основания предполагать, что ядерные остатки (после β-распада) тождественны прежде всего в энергетическом и других отношениях. Об этом свидетельствуют дискретные, строго определенные спектры скоростей и, следовательно, энергий α-частиц и γ-лучей, вылетающих из ядер после β-распада. Исследования спектров легких элементов также указывают на полную тождественность атомов одного и того же изотопа. Однако можно было бы думать, что электроны вылетают из ядра с энергиями, вполне определенными, но часть ее теряют на пути из ядра при столкновении с периферийными электронами и другими частицами. Как раз это предположение отвергают упомянутые опыты Эллиса и Мейтнера. Эллис и Мейтнер измеряли полное количество теплоты, выделяющейся при β-распаде, и показали, что выделенная энергия в точности совпадает со средней энергией электронов непрерывного β-спектра. Отсюда следует, что эти столкновения не играют существенной роли в α-распаде и что непрерывность β-спектра есть характерное свойство электронов, вылетающих из ядра. Таким образом, приходится отказаться либо от тождественности ядерных остатков, что противоречит опыту, либо от закона сохранения энергии, либо

[1]) Подробности см. Гамов I. c. Считаем нужным отметить, что изложение Гамовым этих явлений, к сожалению, затуманено применением излишних, имеющих чисто формальное значение терминов вроде «мнимая энергия», «мнимая скорость». Никаких мнимых энергий и мнимых скоростей в квантовой механике, разумеется, не существует.

[2]) C. D. Ellis and W. A. Waaster. «Proc. Roy. Soc», A. 117, 109, 1927 г. L. Meitner and W. Orthmann. «Zs. f. Phys», 60, 143, 1930 г., см. также Гамов, I. c.

предположить, что в явлениях β-распада играют роль процессы, ускользнувшие от калориметрических измерений Эллиса и Мейтнера. Часть физиков, отдавших предпочтение второй из перечисленных возможностей, подкрепляет свои позиции еще и тем обстоятельством, что, как показывает опыт, вероятность вылета из ядра электронов не зависит от их энергии. Приэтом часто подчеркивается, что в противоположность прежним опровержениям закона сохранения энергии теперешние существенно базируются на опытных данных. Идея о несостоятельности закона сохранения энергии в связи с этими опытами высказывалась Бором [1]) на римском конгрессе по ядерной физике в октябре 1931 г. Характерно, что Бор связывает закон сохранения энергии с индивидуальностью частиц, находящей свое выражение в уравнениях Гамильтона, переносимых из классической теории движения материальной частицы в квантовую механику. Ссылаясь на то, что β-распад, возможно, представляет не вылет электрона из ядра (см. об этом ниже), а рождение электрона, Бор пишет: «Мы не должны поэтому удивляться, что эти процессы окажутся не подчиняющимися таким принципам, как законы сохранения энергии и момента, формулирование которых существенно базируется на идее материальной частицы».

В этом же духе высказывается Гамов [2]): «Мы приходим таким образом к заключению, что для находящихся внутри ядра и вылетающих из него электронов закон сохранения энергии оказывается неприложимым».

На том же конгрессе Бор указал на странные следствия («Strange consequences»), к которым приведет отклонение от закона сохранения энергии в ядерном разложении при условиях, господствующих внутри звезд. Эти идеи Бора особенно усиленно выращиваются на советской почве ленинградскими физиками Ландау и Бронштейном. В 1932 г. Ландау опубликовал статью о внутреннем строении звезд [3]), в которой, называя «прекрасной идеей» (beautiful Bohr's idea) весьма осторожно высказанную Бором идею о неприменимости закона сохранения энергии к внутренности звезд, пытается преодолеть трудности термодинамики звезд отрицанием закона сохранения. Поистине гениально простое решение проблемы об источниках звездной энергии! М. Бронштейн [4]) проявляет особенный «радикализм» в этом же направлении. Об'явив, как мы уже видели, догматизмом утверждение об абсолютной значимости закона сохранения энергии, он полагает, что «крах» этого закона в еще несуществующей релятивистской квантовой теории обеспечен и, ссылаясь на уже известную нам аргументацию в связи с опытами над β-распадом, развивает, следуя Бору, космогоническую теорию, согласно которой вселенная состоит из звезд, в которых энергия возникает, и из других «мест», в которых она уничтожается (точный механизм этого крематория энергии еще не установлен Бронштейном!). Автор считает, что эта «замечательная» теория «дает право считать ликвидированным один из мучительнейших парадоксов классической физики». В этой же статье автор исследует взаимоотношение физических теорий (классической механики, квантовой механики, теории относительности и будущей релятивистской квантовой механики). И этим, по сути говоря, гаданием на кофейной гуще он пытается подкрепить выводы о крахе закона сохранения энергии во внутриядерных процессах.

Нам, однако, кажется весьма ценным признание автора, что «к сожалению, число доступных удобному наблюдению явлений, в которых играют

[1]) Bohr, Convegno di Fisica Nucleare, Ottobre, 1931—IX, «Roma Reale Academia d'Italia», 1932—X.

[2]) Гамов. Теория радиоактивного распада. «У. Ф. Н.». Т. X, 1930, вып. 4.

[3]) Landau, Zs der Sowet Union, 1932.

[4]) М. Бронштейн. К вопросу о возможной теории мира как целого. «Успехи астрономических наук», 1933, № 3.

роль наряду с квантовыми и релятивистские эффекты (с которыми авторы связывают нарушение закона сохранения энергии), чрезвычайно невелико».

До сих пор закон сохранения энергии является критерием правильности физических теорий. Бронштейн же считает, что наступило время для противоположных суждений. Так например он полагает, что уравнения общей теории относительности неприменимы для вселенной в целом, ибо они совместимы с законом сохранения энергии. Насколько основательны все эти выводы, мы покажем дальше. Но сейчас мы хотели бы еще остановиться на суждениях Гамова о законе сохранения энергии в связи с аномальным поглощением γ-лучей ядрами тяжелых атомов.

В то время как рассеяние γ-лучей на легких элементах подчиняется формуле Клейна-Нишина [1]) (существенной предпосылкой которой является участие в поглощении только слабо связанных электронов), рассеяние γ-лучей на тяжелых атомах обнаруживает отступление этого процесса от формулы Клейна-Нишина, как показывает опыт.

Выяснилось, что приэтом дополнительные эффекты следует отнести за счет ядра атома. Бек выдвинул гипотезу, что рассеяние происходит на тяжелых частицах, образующих ядро (например α-частицах). Однако рассеяние этими частицами оказывается слишком незначительным. Тогда Гамов высказал «предположение», что в этом процессе могут участвовать ядерные электроны, и так как к ним закон сохранения энергии неприменим, то «энергия γ-лучей не рассеивается, а прямо абсорбируется ядерными электронами, исчезая бесследно» [2]). Вскоре опытами Чао и Тэррента удалось обнаружить излучение ядром вторичных γ-лучей—явление, аналогичное известной в оптике видимого света флюоресценции. Таким образом была доказана неправильность предположения Гамова о «бесследном исчезновении энергии. Эта краткая, но поучительная история показывает, насколько легкомысленно и поспешно отвергают некоторые физики закон сохранения энергии.

IV. Критика выводов из β-распада

Каждый, кто хотел бы критически рассмотреть вопрос о «крахе» закона сохранения энергии, должен иметь в виду, что опыт с калориметрическим измерением энергии в β-распаде является единственным опытом, на который могут ссылаться противники закона сохранения энергии. Важно отметить, что в этом опыте речь идет об электронах, в ы л е т а ю щ и х и з я д р а. Вопрос о существовании внутриядерных электронов нельзя считать еще вполне решенным. С внутриядерными электронами уже давно была связана трудность следующего порядка. Как известно, электрон обладает вращательным моментом («спином»), во много раз превышающим вращательный момент ядра. Так как согласно квантовой механике система, состоящая из нечетного числа электронов, не может иметь спин меньший, чем спин одного электрона, то для ядер, не содержащих четное число электронов, получается непомерно большой вращательный момент. Эта трудность, однако, могла быть преодолена предположением, что электроны теряют свою индивидуальность внутри ядра, а вместе с тем и вращательный момент. Это положение особенно подчеркивалось Бором [3]). Допущение, что электрон находится в ядре, необходимо ведет к тому, что законы его движения будут существенно отличаться от законов движения внеядерных электронов (хотя бы потому, что энергия его движения сравнима с его собственной внутренней энергией) и потому выходят за пределы современной квантовой механики, и, значит,

[1]) См. например М. П. Бронштейн «У. Ф. Н.». Т. XII, вып. 5—6.

[2]) Гамов, Доклад на римском конгрессе в 1931 г. Convegno di Fisica Nucleare, Ottobre, 1931—IX, «Roma Reale Academia d'Italia», 1932—X.

[3]) См. N. Bohr, l. c.

видимое «нарушение» закона сохранения энергии, может быть, просто является сигналом об открытии нового закона движения. Мы здесь встречаемся, следовательно, с положением, совершенно аналогичным изложенному выше, в связи с α-распадом, когда столкновение с законом сохранения энергии базировалось на применении классической механики к ядру, тогда как процессы в нем подчинялись еще неизвестным тогда законам квантовой механики. Таким образом либо электрон находится внутри ядра,—тогда законы его движения должны быть совсем иными, нежели известные до сих пор, либо электрон вообще не входит структурной единицей в ядро,—тогда процесс β-распада должен разыгрываться где-то вблизи, но вне ядра, и поэтому связь энергии β-электронов с энергией ядерных остатков становится необязательной. В обоих случаях основания для отрицания закона сохранения энергии становятся весьма шаткими. Открытие нейтронов, в частности, подкрепляет ту точку зрения, согласно которой в ядре нет электронов. Если раньше предполагалось, что ядро построено из частиц, в числе которых находятся и электроны, то теперь многие считают, что в него входят одни только протоны и нейтроны, и притом теория не встречается ни с одной из тех трудностей, которые были связаны с присутствием внутриядерных электронов (спин ядра!). Развитие этой точки зрения связано с открытием позитрона и с дираковской теорией отрицательных энергий [1]). Рассмотрим ее основные положения. Дирак развил релятивистскую теорию движения одного электрона в квантовой механике. Еще в классической теории, в релятивистской механике следовало приписать кинетической энергии частицы (электрона) два знака (±), т. е., иными словами, кинетическая энергия уже и в классической теории могла быть отрицательной. Однако эти энергии отбрасывались как не наблюдаемые на опыте. Так как совокупность возможных отрицательных энергий отделена конечным интервалом от совокупности положительных энергий, то в классической теории такой выбор не представлял противоречия с теорией, так как все движения подчиняются там диференциальным уравнениям, исключающим скачки в энергии. Напротив, в квантовой теории такие переходы оказываются необходимыми, так как согласно квантовой теории существуют прерывные, скачкообразные изменения в состоянии движения. Однако электроны, находящиеся в состояниях с отрицательной кинетической энергией, не обнаруживаются опытом. Дирак об'яснил это противоречие тем, что всевозможные состояния движения с отрицательными энергиями уже заняты. Переход электрона из состояния с отрицательной энергией в состояние с положительной энергией приводит, во-первых, к появлению обычного электрона (с положительной энергией), во-вторых, к образованию незанятого места в непрерывном фоне занятых уровней отрицательных энергий («дырке»). Можно было показать, что такая «дырка» ведет себя во внешнем электрическом поле как электрон с положительным зарядом. Если этот фон существует реально, то в области, окружающей ядро, может происходить следующий процесс: ядро при переходе из одного энергетического состояния в другое передает энергию фону электронов с отрицательными энергиями. За счет этой энергии совершается переход электрона в состояние с положительной энергией и, следовательно, образуется пара: электрон и «позитрон». Позитрон соединяется с ядром, увеличивая его заряд на + единицу, а электрон удаляется от ядра и воспринимается как β-электрон, якобы вылетевший из ядра. Дираковское представление о взаимоотношении позитрона и электрона подтверждается исследованиями над космическими лучами. Расчеты аномального рассеивания γ-лучей, проведенные на основе этого представления, дают правильный порядок величины. Если это представление

[1]) См. П. Дирак. Теория электронов и протонов, «У. Ф. Н.». Т. X, 1930 г., вып. 5—6. См. также Бронштейн. О ядерной конференции, «У. Ф. Н.». Т. XIII, вып. 5, 1933 г.

действительно верно, то в процессе β-распада замешивается область отрицательных энергий электронов. Взаимодействие ее с ядром должно опять-таки управляться будущей физической теорией—релятивистской квантовой механикой, пока еще неизвестной. Возможно, что этот фон берет на себя часть энергии, ускользающей из калориметрических измерений. Необходимо также отметить, что исследования последнего времени показывают, что в спектре энергий электронов в β-распаде имеется, повидимому, верхняя граница (максимальная энергия). Дирак считает, что в связи с этим несохранение энергии в β-распаде становится вообще мало вероятным. Кстати, отрадно заметить, что Дирак отстаивал закон сохранения энергии не только как статистический, а как верный вообще, в применении ко всем элементарным событиям и в ту пору, когда раздавались настойчивые голоса в пользу ограничения рамок этого закона [1]).

В связи с стремлением ряда физиков преодолеть трудности, связанные с β-распадом, следует отметить еще гипотезу В. Паули о существовании частиц «нейтрино» (частиц без заряда, но с массой порядка массы электронов). Такие нейтрино, участвуя в процессе β-распада, могли бы уносить из ядра часть энергии, не будучи замеченными в калориметрических измерениях Эллиса и Мейтнера (так как они крайне слабо поглощались бы калориметром). Гипотеза, однако, пока не получила никаких подтверждений на опыте.

Опубликованные недавно работы Ферми являются дальнейшим развитием взглядов Паули. Следовательно, возможно, что в опытах Эллиса и Мейтнера просто измеряется не вся энергия электронов, а только часть ее.

Таким образом, рассмотрение вопроса о законе сохранения энергии показывает, что хотя на сегодняшний день мы еще не имеем окончательного раскрытия процессов, разыгрываемых в ядре, но тем не менее мы из анализа изложенного материала уже можем сделать вывод, что никаких оснований для отрицания закона сохранения энергии нет. Отдельные крупнейшие физики Запада придерживаются в этом вопросе осторожной точки зрения (Дирак, Паули и др.) в противоположность некоторым ретивым гонителям закона сохранения энергии в стране диалектического материализма (Гамов, Ландау, Бронштейн и др.). Разумеется, в среде советских физиков есть и такие (например академик Иоффе), которые не стоят на подобной позиции. Но возражения многих из них довольно робки, и решительного отпора идеализму до сих пор еще не дано. Это с несомненностью свидетельствует о пока еще недостаточной пропаганде диалектического материализма в среде наших физиков. Конечно, весьма вероятно, что с развитием новой теории форма закона сохранения энергии претерпит изменения. Мы знаем, что и материализм в процессе развития изменяет свою форму. Но суть материализма как и суть закона сохранения энергии неизменна. Вопрос о формах закона сохранения энергии может явиться предметом для особой статьи. Здесь же мы хотели лишь показать, насколько основательны ссылки идеализма на ядерную и атомную физику. В свое время Ленин писал [2]): «Нельзя взять в руки литературы махизма или о махизме, чтобы не встретить претенциозных ссылок на новую физику, которая-де опровергла материализм и т. д. и т. п.

Основательны ли эти ссылки — вопрос другой, но связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению».

На основной вопрос, поставленный Лениным, основательны ли ссылки на современную физику для обоснования идеализма и опровержения материализма, мы и в этот раз отвечаем отрицательно.

[1]) Дирак, Квантовая механика, ГТТИ.

[2]) Материализм и эмпириокритицизм.

О всеобщем кризисе, экономическом кризисе и переходе к депрессии особого рода

И. Дворкин

I

В своем интервью с Дюранти и особенно на XVII с'езде партии тов. Сталин дал законченную характеристику нынешнего состояния экономики мирового капитализма.

Характеризуя экономическое положение мирового капитализма, тов. Сталин заявил следующее: «Что касается экономического кризиса, то он действительно не последний кризис. Конечно, кризис расшатал все дела, но в последнее время, кажется, дела начинают поправляться. Возможно, что наиболее низкая точка экономического упадка уже пройдена. Я не думаю, что удастся достигнуть под'ема 1929 года, но переход от кризиса к депрессии и некоторому оживлению дел в ближайшее время, правда, с некоторыми колебаниями вверх и вниз, не только не исключен, но, пожалуй, даже вероятен» (интервью с Дюранти).

Таким образом тов. Сталин констатировал, что наиболее низкая точка экономического упадка уже пройдена.

На XVII с'езде партии тов. Сталин, проанализировав движение промышленной продукции с 1929 по 1933 г., пришел к выводу, что «промышленность основных капиталистических стран, повидимому, уже прошла точку наибольшего упадка, к которой она больше не возвращалась в течение 1933 года».

Этот наиболее низкий пункт в развитии промышленности был достигнут примерно к середине 1932 г. С тех пор промышленность важнейших капиталистических стран: САСШ, Англии, Германии и Франции,—хотя и крайне неравномерно и с огромными срывами, в особенности в САСШ, но стала несколько поправляться. «Очевидно, что мы имеем дело с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса — к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведет к новому под'ему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка» [1]).

Тов. Сталин дал всестороннее, исчерпывающее об'яснение этого факта перехода от наибольшего упадка промышленности к «депрессии особого рода». Мировой экономический кризис длится пятый год и является наиболее глубоким из всех имевшихся до сих пор циклических экономических кри-

[1]) Сталин. Отчетный доклад XVII с'езду партии о работе ЦК ВКП(б). Партиздат. 1934 г., стр. 10.

зисов капитализма. Экономический кризис, самое его наличие означают, что кривая производства идет вниз, кривая безработицы резко поднимается вверх, падают цены, падает курс акций, сокращается прибыль и т. д. Но в отличие от всеобщего кризиса капитализма циклический экономический кризис не может быть бесконечным. Если империалистической буржуазии при помощи насилия удается временно, за счет усиленной эксплоатации, переложить тяжести кризиса на плечи рабочего класса, крестьянства и трудящихся масс колоний, если пролетариату не удается использовать потрясения, вызванные экономическим кризисом, для свержения капитализма, то раньше или позже наступает предел падения промышленности.

К середине 1932 г. промышленность достигла предела падения для данного экономического кризиса. С этого момента началось, так сказать, вползание, очень длительное и очень мучительное, капиталистической экономики в депрессию.

Кризис 1929—1932 гг. не был обычным кризисом капитализма. Таких размеров сокращения продукции, падения прибылей, сокращения заработной платы, разорения крестьянства, роста безработицы не бывало в истории капитализма. Точно так же и депрессия, к которой переходит сейчас капитализм, не является обычной. Задача заключается в том, чтобы выяснить особенности этой депрессии.

Тов. Сталин так характеризовал эти особенности: «Значит ли это, что мы имеем дело с переходом от кризиса к обычной депрессии, влекущей за собой новый под'ем и расцвет промышленности? Нет, не значит. Во всяком случае, в настоящее время не существует таких данных, прямых или косвенных, которые бы говорили о наступающем под'еме промышленности в капиталистических странах. Больше того, — судя по всему, таких данных и не может быть, по крайней мере в ближайшее время. Не может быть, так как продолжают действовать все те неблагоприятные условия, которые не дают промышленности капиталистических стран подняться сколько-нибудь серьезно вверх. Речь идет о продолжающемся о б щ е м кризисе капитализма, в обстановке которого протекает э к о н о м и ч е с к и й кризис, о хронической недогрузке предприятий, о хронической массовой безработице, о переплетении промышленного кризиса с сельскохозяйственным кризисом, об отсутствии тенденции к сколько-нибудь серьезному обновлению основного капитала, предвещающему обычно наступление под'ема и т. д. и т. п.» [1]).

Таким образом, основной особенностью депрессии, к которой переходит капитализм, особенностью, которая радикально меняет форму этой депрессии по сравнению с формами депрессии, которые существовали в прежнее время, является то обстоятельство, что этот экономический кризис и депрессия протекают в условиях общего кризиса капиталистической системы.

В чем особенности всеобщего кризиса капитализма, которые определяли развитие экономического кризиса 1929—1932 гг. и определяют наступающую депрессию? Начало всеобщего кризиса капитализма было положено мировой войной. Характеристику всеобщего кризиса капитализма дал тов. Ленин.

Вот что он говорил в речи на VII с'езде партии: «Каковы бы ни были судьбы нашей революции, нашего отряда международной пролетарской армии, каковы бы ни были дальнейшие перипетии революции, во всяком случае, об'ективное положение империалистических стран, впутавшихся в эту войну, доведших до голода, разорения, одичания самые передовые страны, положение о б ' е к т и в н о безвыходное» [2]).

Всеобщий кризис капитализма, следовательно, означает то, что поло-

---

[1]) С т а л и н. Отчетный доклад XVII с'езду партии о работе ЦК ВКП(б).
[2]) Л е н и н. Сочинения. Т. XXII, стр. 348—349.

жение для капитализма создалось безвыходное, что из этого кризиса ему не выйти.

Наличие общего кризиса капитализма означает, что капитализм смертельно болен, что для него уже нет выхода; всеобщий кризис капитализма будет продолжаться до самой смерти капитализма. Если брать дело с точки зрения исторической перспективы, а не с точки зрения изменения экономической и политической кон'юнктуры, положение капитализма безвыходное. Это отнюдь не значит, что капитализм не может найти выхода из того или иного экономического кризиса, не может подавить то или иное восстание масс. То обстоятельство, что положение капитализма об'ективно безвыходное, отнюдь не означает возможности автоматического краха капитализма.

Буржуазный общественный строй не уйдет, не может уйти с исторической арены без насильственного его свержения революционным рабочим классом. Во время первого тура войн и революций буржуазии удалось временно утвердить свое господство при помощи с.-д. комбинированным действием насилия по отношению к революционному пролетариату и обмана пролетариата социал-демократами.

Так, германскому капитализму в 1933 г. удалось установить фашистскую диктатуру, режим свирепого террора и перманентного осадного положения, разгромить все организации рабочего класса, загнать компартию в подполье. Буржуазии Германии на краткое историческое мгновение удалось отсрочить нараставшую пролетарскую революцию.

Буржуазии на протяжении всего послевоенного периода удалось подавить огромное количество восстаний пролетариата и трудящихся масс колоний. Ей не удалось раздавить «только» пролетарскую революцию в России и китайские советы.

Именно в этом смысле Ленин указывал на II конгрессе Коминтерна, что «абсолютно безвыходных положений не бывает». «Иногда революционеры стараются доказать,—говорит он,—что кризис абсолютно безвыходный. Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такого-то движения или восстания такой-то части угнетенных и эксплоатируемых» [1]).

Только практикой, революционным действием рабочий класс может доказать «безвыходность» для буржуазии того или иного кризиса.

«Некоторые товарищи думают, что коль скоро имеется революционный кризис, буржуазия должна попасть в безвыходное положение, что ее конец, стало быть, уже предопределен, что победа революции тем самым уже обеспечена, что им остается только ждать падения буржуазии и писать победные резолюции. Это глубокая ошибка. Победа революции никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия» [2]).

Автоматического краха буржуазного строя, следовательно, не бывает и быть не может. Но из этого отнюдь не следует, что капитализм может выйти из такого кризиса, как всеобщий кризис капиталистической системы. Исторически дело буржуазии обречено и именно в этом смысле существование Советского союза и борьба двух систем, советская власть в 1/6 части Китая и все другие обстоятельства, характеризующие всеобщий кризис ка-

---

[1]) Ленин. Сочинения. Т. XXV, стр. 340.
[2]) Сталин. Отчетный доклад XVII с'езду партии, стр. 15.

питалистической системы, свидетельствуют о том, что положение капитализма в целом исторически безвыходное.

В таком понимании положения современного капитализма лежит водораздел между ленинизмом, с одной стороны, и всеми и всяческими теориями с.-д. и буржуазии, с другой.

Троцкистская теория больших циклов исходит из того, что буржуазный строй проходит сейчас через полосу большого цикла упадка производительных сил, измеряемого 20—30 годами, за которой должна последовать длительная полоса расцвета производительных сил, измеряемая многими десятилетиями.

Троцкизм противопоставляет ленинской теории исторической безвыходности положения для мирового капитализма, теории всеобщего кризиса капитализма теорию грядущего нового расцвета капитализма.

Для Ленина и Сталина капитализм может временно подавить то или иное восстание масс, временно выйти из того или иного экономического или политического кризиса в той или иной стране или группе стран, если пролетариат этих стран не сумеет использовать экономический или революционный кризис для свержения капитализма, и если компартии соответствующих стран еще не сумели преодолеть раскол рабочего класса социал-демократией и сплотить вокруг себя большинство рабочего класса для насильственного свержения капитализма. Но это отнюдь не значит, что экономические и революционные кризисы, из которых буржуазия находит временный выход, не содействуют расшатыванию капиталистической системы. Всякое серьезное восстание трудящихся масс, даже разбитое, подрывает господство империализма. Вооруженное сопротивление австрийских рабочих фашистской диктатуре Дольфуса, даже подавленное благодаря предательству с.-д. партии, оказало соответствующее влияние на общее положение в Европе, расшатывая положение европейского капитализма. Мировой экономический кризис расшатал мировой капитализм, резко ослабил его, нанес ему серьезные удары, привел к революционному кризису в одних странах, к нарастанию предпосылок революционного кризиса в других странах и т. д., и т. д.

Если буржуазии и удастся найти выход из того или иного экономического кризиса, подавить то или иное восстание масс, то ни экономический, ни революционный кризис не проходят бесследно, не нанося ударов капиталистической системе.

Ленинская теория зовет массы к действию, к сплочению вокруг компартии, к насильственному свержению капитализма. Троцкизм, предвещая неизбежность наступления нового расцвета капиталистического хозяйства, выступает как контрреволюционная теория, заявляя массам, что революционное действие ненужно, излишне, так как все равно приближается расцвет производительных сил капитализма, наступит новый большой цикл бурного расцвета его производительных сил.

Но троцкистская идеология насквозь эклектична. Она совмещает теорию нового расцвета производительных сил с теорией автоматического краха капитализма вследствие абсолютного застоя производства, абсолютной стагнации. И та и другая сторона троцкистской идеологии зовут к пассивности, бездействию, дезорганизуют массы, стремятся их обессилить перед капитализмом.

Ленинская теория всеобщего кризиса капиталистической системы, вся совокупность его теоретических положений призывают к активности, к действию, к революции. Троцкизм насквозь пессимистичен, фаталистически предвещает поражение пролетариата и расцвет капитализма. Короче: ленинизм — теория и практика пролетарской революции, троцкизм — идеоло-

гия контрреволюции, ленинизм — научный коммунизм, единственная теория, правильно выражающая закономерности капитализма эпохи всеобщего кризиса.

Другие социал-демократические теоретики подобно Троцкому или исходят из той же теории больших циклов или считают, что современный экономический кризис ничего особенного собой не представляет, что такие кризисы бывали и раньше, что все обстоит благополучно для капитализма. И если отдельные «левые» социал-демократы на словах признают наличие общего кризиса капитализма, то для того лишь, чтобы, прикрываясь революционной фразой, призывать рабочих воздержаться от борьбы за власть, за свою диктатуру. Капитализм-де все равно умрет. Подождем его смерти и этим ограничимся.

Чем же характеризуется всеобщий кризис капиталистической системы? Всеобщий кризис есть явление, лежащее не в одной только области производства или области классовой или политической. Всеобщий кризис проявляется во всех областях жизни современного капитализма. Его существование и развитие определяют ритм хозяйственной жизни, колебания экономической конъюнктуры, переходы к кризису и от кризиса к депрессии, движение кризиса, движение депрессии.

Нет ни одного явления в области производства, кредита, денежного обращения, движения цен, экономического положения рабочего класса, экономического положения колоний, где действие всеобщего кризиса не сказывалось бы определяющим образом.

Далее, все явления послевоенной классовой борьбы и в колониях и в странах капитализма, экономические стачки и вооруженные восстания, колониальные революции и всеобщие стачки в Англии, Испании и Франции — все эти большого исторического масштаба классовые битвы имеют в своей основе всеобщий кризис капитализма.

Всеобщий кризис капитализма определяет и характер буржуазной идеологии; фашистская идеология мыслима только в пределах общего кризиса капитализма. Такая идеология, являющаяся невообразимой смесью самых реакционных, средневековых положений с требованиями современнейшего, монополистического капитала, могла быть выдвинута буржуазией только в эпоху ее упадка, ее гибели, в эпоху, когда пролетарская революция во всех странах капитала выдвигается как непосредственная угроза буржуазному существованию.

Таким образом, всеобщий кризис капиталистической системы есть такой период в развитии капитализма, когда все производственные, классовые и политические противоречия буржуазного общества достигли наибольшей степени остроты и действуют все время в направлении развала буржуазного общества, его расшатывания, его уничтожения.

Основным признаком всеобщего кризиса капитализма является существование и борьба двух систем — наличие страны социализма наряду со странами капитализма. Возникновение СССР означало выключение из сферы капиталистических производственных отношений огромной страны. Кровообращение капиталистического мира было резко нарушено «из'ятием» из мирового капиталистического хозяйства $\frac{1}{6}$ части земного шара, «из'ятием», которое совершил русский пролетариат в 1917 г. под руководством Ленина и большевиков.

Но если всеобщий кризис капитализма является таким кризисом, который перманентно действует[1]) до самого момента окончатель-

[1]) Всеобщий кризис капитализма действует перманентно до самой смерти капитализма. В отличие от него перманентных экономических кризисов, характерных для капиталистического производства с его циклическим движением, не бывает.

ной гибели капитализма, то это отнюдь не значит, что действие всеобщего кризиса является все время одинаковым. Закон неравномерности, становящийся в эпоху империализма решающей силой развития, действует и здесь. Особенностью всеобщего кризиса является то обстоятельство, что всякий экономический кризис, всякое серьезное классовое столкновение в странах капитала или в колониях действуют обостряющим образом на всеобщий кризис.

Нельзя механически представлять себе, как это имеет зачастую место, дело таким образом, что между общим кризисом капитализма и всеми сторонами существования буржуазного государства существует только механическая односторонняя зависимость. Здесь налицо диалектическое взаимодействие при определяющем характере общего кризиса буржуазной системы.

Именно в обстановке общего кризиса капитализма произошла февральская всеобщая стачка во Франции, нарастает рабоче-крестьянская революция в Испании, в обстановке резкого обострения всеобщего кризиса капитализма разразилось героическое вооруженное сопротивление австрийского пролетариата фашистскому режиму. Все эти события и факты обостряют, углубляют общий кризис, подрывают основы буржуазного строя.

Гигантски растущая мощь Советского союза усиливает и обостряет всеобщий кризис капитализма. Выполнение второй пятилетки и вступление СССР в бесклассовое, социалистическое общество будут обозначать дальнейшее резкое обострение всеобщего кризиса капиталистической системы и потому, что успехи второй пятилетки будут действовать все более и более революционизирующим образом на пролетарские и трудящиеся массы стран капитала, и потому, что дальнейший рост социализма в СССР будет способствовать обострению противоречий в капиталистическом лагере. Противоречие между СССР и капиталистическим миром, правда, «не есть противоречие внутри капиталистического порядка. Оно есть противоречие между капитализмом в целом и между страной строящегося социализма. Но это не мешает ему разлагать и расшатывать самые основы капитализма. Более того, оно вскрывает до корней все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических стран» (Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 499).

Советская революция в Китае, установление советской власти на 1/6 территории этой огромной страны сокращают рынки для мирового капитализма, ухудшают экономическое положение капиталистических стран, обостряют противоречия между империалистами и т. д. и т. п.

Мировой экономический кризис с его беспримерным сокращением производства, чудовищным ростом безработной армии труда, гигантским развалом производительных сил, деградацией сельского хозяйства, обострением классовой борьбы и империалистических противоречий привел к резкому обострению всеобщего кризиса капиталистической системы.

Конец относительной стабилизации капитализма, переход к новому туру войн и революций являются, так сказать, «критической точкой» в развитии общего кризиса. Совокупное действие всех факторов, которые обострили всеобщий кризис капитализма на протяжении всего послевоенного развития, подготовило известные качественные изменения и в ходе и в движении всеобщего кризиса.

Отсюда неизбежность перехода всеобщего кризиса капитализма на новую, более высокую ступень развития. Начало нового тура революций и войн и будет означать наступление новой ступени общего кризиса капитализма.

Наступление новой фазы в развитии всеобщего кризиса капитализма будет означать, что и классовая борьба пролетариата против буржуазии в странах капитала, и борьба двух систем, и противоречия между империалистами, и развал капиталистического хозяйства примут новые, высшие формы.

Мировому капитализму придется иметь дело не с одним Союзом советских республик, существующим ныне, а и с возникновением новых пролетарских государств в капиталистических странах и с новыми победоносными революциями в колониях.

У нас есть все основания думать, что новый тур революций и войн нанесет капитализму сокрушающий, если не окончательный удар.

Из всего этого следует, что ни анализ хода экономического кризиса, ни анализ наступающей депрессии со всеми ее противоречиями не могут вестись только в пределах чисто экономических. Тесное переплетение экономики и политики, определяющее влияние империалистических противоречий на хозяйство,—все это вместе составляет характерную черту империализма вообще, послевоенного капитализма в частности и в особенности.

В своих статьях, написанных во время мировой войны, Ленин указывал на то обстоятельство, что переплетение экономики и политики является характерной чертой империализма. Всеобщий кризис капитализма характеризуется еще большим переплетением экономики и политики.

Таким образом, исходным пунктом анализа и условием выяснения конкретных условий наступающей депрессии является анализ сущности, характерных особенностей всеобщего кризиса капитализма и форм его проявления.

Далее, необходимо выяснить ход и характер капиталистического цикла вообще и изменение форм движения цикла в эпоху всеобщего кризиса капитализма.

На основе анализа своеобразных условий и своеобразного хода мирового экономического кризиса, хода развития классовой борьбы, движения империалистических противоречий, наступления нового тура революций и войн, падения цен, состояния мировой торговли, кредита, денежного обращения и т. д. необходимо выяснить характер и особенности наступающей депрессии и тенденции ее развития.

Всеобщий кризис капитализма характеризуется прежде всего борьбой двух систем. Именно поэтому Октябрьская революция является решающим, поворотным историческим моментом, определившим возникновение и развитие всеобщего кризиса капитализма.

Начало всеобщему кризису положила империалистическая война. «Основным экономическим фактором на Западе,— говорит тов. Ленин в своем докладе о внешней политике 14/V 1918 г.,—является то, что эта империалистическая война, истерзавшая и измучившая человечество, породила такие сложные, такие острые, такие запутанные конфликты, что сплошь да рядом, на каждом шагу, возникает положение, когда решение вопроса в пользу войны и мира, в пользу той или иной группировки, висит на волоске... Противоречия, конфликты, борьба, бешеная схватка, переходящая в войну между империалистическими державами, не имеющими возможности в своей политике остановить эту войну, в силу экономических условий развития капитализма в течение целого ряда десятилетий, привели к тому, что сами империалисты бессильны уже остановить эту войну. Вот что создало основные противоречия, запутало и осложнило положение» [1]).

Ленин рассматривал империалистическую войну как э к о н о м и ч е с к и й факт. Война была прологом к Октябрьской революции, она создала основные противоречия, характеризующие всеобщий кризис капитализма,

[1]) Л е н и н. Сочинения. Т. XXIII, стр. 4.

противоречия между страной пролетарской диктатуры и капиталистическим миром.

Существование Советского союза означает, что эра мировой пролетарской революции началась. Иными словами, всеобщий кризис капитализма и есть эпоха мировой пролетарской революции. «Родилась новая эпоха, эпоха разложения капитализма, его внутреннего распада, эпоха коммунистической революции пролетариата... Империалистическая система терпит крах» [1]).

Борьба между миром капитализма и миром социализма стала осью всей послевоенной истории.

Империалистическая война породила целый ряд новых острых противоречий и конфликтов между империалистическими державами. Характер Версальского договора, поработившего целые страны, в первую очередь Германию, является договором, вытекающим из самой сущности империализма. Но сам Версальский договор с его огромными масштабами угнетения и порабощения такой гигантской промышленной страны, с таким мощным пролетариатом, как Германия, был возможен лишь на той ступени развития империализма, которой он достиг в эпоху своего всеобщего кризиса.

Размах противоречий между Англией и Америкой, противоречия между Японией и Америкой в борьбе за тихоокеанское побережье, те методы и способы, какими японский империализм осуществляет борьбу против империализма Соединенных штатов и, наоборот, характерны для монополистического капитализма именно нынешней эпохи.

Всеобщий кризис капитализма характеризуется резким обострением классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией в странах капитала. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией достигает неслыханной остроты, далеко опередив тот уровень развития, на котором находилась классовая борьба в довоенный период. Существует и развивается Коммунистический интернационал; во всех странах компартии борются за дело пролетарской революции, за об'единение рабочих и трудящихся под знаменем коммунизма.

В эпоху революций и войн II интернационал выступил как открытый агент финансового капитала в рядах рабочего класса. Социал-демократические партии борются на стороне контрреволюции против пролетарской революции.

Империалистическая война «потрясла всю систему мирового капитализма и положила начало периоду его всеобщего кризиса... Октябрьская революция свергла господство буржуазии. Эта победоносная Октябрьская революция экспроприировала экспроприаторов, отняла у буржуазии и помещиков средства производства, первый раз в человеческой истории создала и укрепила диктатуру пролетариата в огромной стране, воплотила в жизнь новый, свободный тип государства и положила начало международной революции пролетариата» [2]).

Империалистическая война и победа пролетарской революции в России обострили противоречия между империализмом и колониями. В колониях выросла своя промышленность.

Вот как характеризовал Ленин эту сторону всеобщего кризиса капитализма: «Империалистическая война также способствовала росту революционного движения, потому что пришлось втягивать целые полки колони-

---

[1]) «Платформа Коммунистического интернационала». Резолюция I конгресса Коминтерна. См. «Первый конгресс Коммунистического интернационала». 1933, стр. 173.

[2]) Программа Коминтерна

альных народов в борьбу империалистов Европы Империалистическая война разбудила и Восток, втянула его народы в международную политику. Англия и Франция вооружали колониальные народы и помогали им познакомиться с военной техникой и усовершенствованными машинами. Этой наукой они воспользуются против господ империалистов. За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только об'ектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решил вопрос о судьбе всего человечества»[1]).

Рост промышленности и пролетариата в колониях, китайская революция, колониальное восстание народов Ближнего Востока и Северной Африки, восстание на Кубе и в Южной Америке—все это—проявление всеобщего кризиса капиталистической системы. Всеобщий кризис капитализма означает, что «империалистическая война и победа революции в СССР расшатали устои империализма в колониальных и зависимых странах, что авторитет империализма в этих странах уже подорван, что он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах.

Это означает, дальше, что за время войны и после нее в колониальных и зависимых странах появился и вырос свой собственный молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, обостряя и осложняя борьбу за рынки сбыта»[2]).

Чем же характеризуется влияние всеобщего кризиса капитализма на экономику империалистических стран?

Основными формами проявления всеобщего кризиса капитализма здесь является хроническая недогрузка предприятий и наличие многомиллионных армий безработных, превращающихся в постоянную армию безработных.

Законом капитализма всегда было существование резервной армии труда, из состава которой вербовались рабочие в моменты расширения производства. Резервная армия труда вбирала в себя рабочих, выбрасываемых с предприятий в моменты кризиса и прочих случайностей конъюнктурных колебаний капитализма.

Мировая война привела к резкому обнищанию трудящихся масс и резкому падению покупательной способности рабочих и крестьян. Выросший за время войны производственный аппарат оказался лицом к лицу с резко сокращенными рынками сбыта.

Война и последовавший за ней экономический кризис 1921 г. и, далее, машинизация сельского хозяйства заокеанских стран привели к длительному аграрному кризису, который представляет собой форму проявления всеобщего кризиса капиталистической системы.

«Война оставила большинству капиталистических стран тяжелое наследство в виде хронической недогрузки предприятий и наличия миллионных армий безработных, превратившихся из резервных в постоянные армии безработных»[3]).

Хроническая недогрузка предприятий и образование постоянных армий безработных влияли самым отягчающим образом на мировой экономический кризис. Это важнейшие факты, которые будут определять также особый характер наступающей депрессии.

II

Кризисы перепроизводства являются неизбежными спутниками капитализма с того момента, как машинная промышленность достигла известной

---

[1]) Ленин. Сочинения. Т. XXIV, стр. 549.
[2]) Сталин. Вопросы ленинизма. 9-е изд., стр. 494.
[3]) Сталин. Политический отчет на XVI с'езде партии по вопросам ленинизма, стр. 494.

ступени развития, пустила достаточно глубокие корни в капиталистическом хозяйстве. Как известно, первый экономический кризис имел место в 1825 г. Всякий экономический кризис характеризуется резким сокращением торговли. Рынки переполняются массой продуктов, не находящих сбыта, происходит массовое закрытие предприятий, и банкротства следуют одно за другим, гигантски увеличивается армия безработных рабочих. За кризисом наступает депрессия, застой, длящийся годы. «Застой длится целые годы, массы производительных сил и продуктов уничтожаются и расточаются, пока накопившиеся товары не разойдутся, наконец, по более или менее пониженной цене и не возобновится движение производства и обмена. Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место безумному карьеру, настоящей скачке с препятствиями промышленности, торговли, кредита и спекуляции, чтобы после отчаянных скачков снова свалиться в ров краха. И так каждый раз сначала» [1]).

Существование избыточного рабочего населения, резервной армии, которая поставляет рабочую силу для целей капиталистической эксплоатации, является рычагом капиталистических кризисов. Избыточное рабочее население — необходимый продукт накопления, и само в свою очередь становится рычагом капиталистического накопления и условием существования капиталистического способа производства.

«Характерный жизненный путь современной промышленности, представляющий форму прерываемого небольшими колебаниями десятилетнего цикла периодов среднего оживления, производства под высоким давлением кризиса и застоя, покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и снова образовании промышленной резервной армии или перенаселения. Превратности промышленного цикла, в свою очередь, увеличивают перенаселение и становятся одним из наиболее энергичных факторов его воспроизводства.

Этот своеобразный жизненный путь современной промышленности, который мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества, был невозможен и в период детства капиталистического производства. Медленно шло совершенствование техники, еще медленнее распространялось оно. Состав капитала изменялся лишь очень медленно. Следовательно, его накоплению соответствовало в общем пропорциональное возрастание спроса на труд. Каким бы медленным ни был процесс накопления капитала по сравнению с современной эпохой, но и он наталкивался на естественные границы доступного эксплоатации рабочего населения; устранить эти границы можно было только насильственными средствами... Внезапное и конвульсивное расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения. Последнее, в свою очередь, вызывает первое, но первое невозможно без доступного эксплоатации человеческого материала, без увеличения численности рабочих, независимо от абсолютного возрастания населения. Это увеличение создается простым процессом, который постоянно «освобождает», часть рабочих посредством методов, которые уменьшают число занятых рабочих по отношению к возрастающему производству. Следовательно, вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятые или полузанятые руки» [2]).

Накопление и относительное перенаселение, т. е. образование резервной армии, Маркс считает важнейшими моментами, определяющими характер ци-

[1]) Энгельс. Анти-Дюринг. 6-е изд. Партиздат. 1932, стр. 198.
[2]) Маркс. Капитал. Т. I. 1920, стр. 650.—Разрядка моя.—И. Д.

клического движения, присущего капитализму. Если, с одной стороны, для образования циклического хода капиталистического производства необходимо было достижение известной ступени развития машинной техники, а следовательно, известной ступени капиталистического накопления, то, с другой стороны, не меньшее значение для образования этого циклического движения капиталистического производства имеет образование резервной армии труда, из которой капитализм черпает рабочие руки в периоды расширения производства.

Больше того, Маркс указывает, что формы движения современной промышленности возникают из превращения части рабочего населения в незанятые или полузанятые руки.

Если циклическое движение капиталистической промышленности могло начаться лишь тогда, когда накопление основного капитала достигло известной ступени развития, то постоянный избыток этого основного капитала в период всеобщего кризиса капитализма не может не причинять величайших трудностей и не может не изменять характера развития капиталистической промышленности в эпоху всеобщего кризиса капитализма.

Образование резервной армии является вторым важнейшим источником, из которого возникали циклические движения современного капитализма. Ничего удивительного поэтому нет в том, что образование постоянной армии безработных, давящей на занятых рабочих, являющейся в то же время тяжелым грузом для умирающего капитализма, не может не оказывать решающего влияния на характер экономических кризисов, характер депрессий, на ход капиталистической кон'юнктуры, на самый ход циклического движения.

Маркс пишет:

«Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его. Следствия, в свою очередь, становятся причинами и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности.

Только с того времени, когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность, когда благодаря ей внешняя торговля начала брать перевес над внутренней торговлей; когда мировой рынок открыл для себя колоссальные области в Америке, Азии, Австралии; когда, наконец промышленные нации, вступавшие в конкуренцию друг с другом, сделались достаточно многочисленными,—только с того времени выступили те, все снова и снова повторяющиеся циклы, последовательные фазы которых охватывают годы и которые каждый раз ведут к всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый» [1]).

Если, таким образом, образование и движение современных капиталистических промышленных циклов определяются известной ступенью развития механической промышленности, образованием резервной армии, то, с другой стороны, значительную роль сыграло и то обстоятельство, что внешняя торговля взяла верх над внутренней, что образовался мировой рынок, что промышленные нации стали достаточно многочисленными.

Но все эти моменты, которые определяли возникновение промышленных циклов, претерпевают резкие изменения в период всеобщего кризиса капитализма. Промышленность, производящая средства производства, приобрела огромный перевес над промышленностью, производящей средства потребления. Значительные по размерам части основного капитала оставались незагруженными даже в период под'ема 1927—1929 гг.

---

[1]) Маркс. Капитал. Т. I, стр. 650—651.

Мировая империалистическая война привела к переделу мировых рынков. Конкуренция как внутри капиталистических стран, так и между ними приняла особо острые формы, вообще свойственные империализму, но доходящие до крайней степени напряженности как раз в послевоенный период, когда гигантское обнищание всего трудящегося человечества капиталистических стран привело к резкому сужению мировых рынков.

Глубокий экономический кризис, бушующий 4 с лишним года, приведший к разрыву мировых связей по целому ряду линий, к чудовищной торговой войне, к отходу валют от своей золотой основы, к небывало резкому сокращению мировой торговли в обстановке неслыханного сокращения заработной платы и разорения крестьянских масс,—должен был и не мог не оказать решающего влияния на ход депрессии, следующей за мировым экономическим кризисом.

Иными словами, все те причины, которые определяли возникновение и движение промышленных циклов капиталистического производства в эпоху всеобщего кризиса капитализма, претерпевают глубокие изменения, влияющие определяющим образом на изменение хода промышленного цикла.

Кризис является завершением одного цикла и исходным пунктом движения другого цикла капиталистической промышленности.

Основой кризисов является противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения. Это — основное противоречие капиталистического мира, а все остальные противоречия капитализма представляют лишь формы проявления основного противоречия. Капитализм с его машинным производством, с его централизацией и концентрацией обобществляет труд, создает общественное производство во все более и более возрастающих масштабах, оставляя присвоение частным.

Это неизбежное и постоянное противоречие капиталистического способа производства указывает на переходящий характер самой капиталистической системы, на неизбежность смены капиталистического способа производства социалистическим, т. е. таким способом производства, где противоречие это находит свое разрешение, где общественному производству соответствует общественный же способ присвоения продуктов производства.

Главнейшей формой проявления основного противоречия между общественным производством и капиталистическим присвоением является антагонизм между пролетариатом и буржуазией.

Другой формой проявления этого противоречия является «противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе» [1]).

Кризисы являются реальным синтезом всех противоречий капиталистического производства. В каждом звене капиталистических производственных отношений даны элементы кризиса. «Мировые кризисы должны рассматриваться как реальное соединение и насильственное выравнивание всех противоречий буржуазной экономики. Отдельные моменты, которые соединены в этих кризисах, должны, следовательно, проявляться и развиться в любой сфере буржуазной экономики» [2]).

Задача теории кризисов для Маркса поэтому и заключается в том, «чтобы исследовать, в чем состоят противоречащие друг другу элементы, которые прорываются в катастрофе» [3]).

---

[1]) Энгельс. Анти-Дюринг. Партиздат. 1932, стр. 196.
[2]) Маркс. Теория прибавочной стоимости. Т. II. Ч. 2-я, стр. 186.
[3]) Там же, стр. 180.—Разрядка моя.—И. Д.

В кризисах проявляются противоречия и простого товарного хозяйства, противоречия между абстрактным и конкретным трудом, между потребительной стоимостью и стоимостью, между товарами и деньгами и т. д., потому что эти противоречия сохраняются и в капиталистическом обществе и как раз здесь достигают своего наиболее полного развития.

В кризисе проявляются, далее, противоречия между буржуазией и пролетариатом, между организованностью производства в пределах отдельного предприятия, являющейся характерной чертой общественного производства, и анархией производства во всем обществе, противоречия между производством и потреблением (этот последний пункт обстоятельно развил Ленин в своей критике Сисмонди и русских народников).

В кризисах находит выражение противоречие между движением резервной армии труда и движением накопления, между прибылью и заработной платой, между ограниченной покупательной способностью масс и безграничной способностью общественного производства к расширению.

В кризисах, далее, выражаются противоречия между расширением производства и расширением рынка, между производством и обменом, между процентом и предпринимательским доходом и т. д. и т. д.

«Громадная способность крупной промышленности к расширению... проявляется теперь в виде потребности расширять ее и качественно и количественно несмотря на все препятствия. Эти препятствия создаются условиями потребления, сбыта, рынков для продуктов крупной промышленности. Способность рынков как к экстенсивному, так и к интенсивному расширению определяется совершенно иным законом, действующим с гораздо меньшей энергией. Расширение рынка не может идти в уровень с расширением производства. Отсюда столкновение, неизбежное, пока существует капиталистическое производство, а потому повторяющееся периодически» [1]).

В погоне за прибылью капиталист стремится к максимальному расширению производства. Но это расширяющееся производство в известный момент неизбежно наталкивается на узкие границы потребления. В кризисах находят свой периодический временный исход все противоречия капитализма. Закон тенденции нормы прибыли к понижению исключительно ярко демонстрирует противоречия, выраженные в кризисах.

«Развитие производительной силы труда создает в понижении нормы прибыли закон, превращающийся на известном пункте в препятствие, которое каждый раз может преодолеваться не иначе, как кризисом» [2]).

Прибыль является формой распределения и, как указывает Маркс, в то же время «формой производства, условием производства, необходимым ингредиентом производства... Форма распределения есть лишь форма производства». Противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения находит свое наиболее полное выражение в тенденции нормы прибыли к понижению и в противодействующей этому положению тенденции, поскольку прибыль является наиболее конкретной из общих категорий капиталистического хозяйства.

В ней наиболее полно отражаются все противоречия общественной формы производства. «Противоречие, если выразить его в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуще стремление к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство, тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличения в воз-

---

[1]) Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 197.
[2]) Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 1-я, стр. 290.

можно большей степени (т. е. постоянное ускоряющееся возрастание этой стоимости). Его специфическая особенность состоит в том, чтобы использовать имеющуюся капитальную стоимость как средство для возможно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, ведут к уменьшению нормы прибыли, обесценению имеющегося капитала и развитию производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил.

Периодическое обесценение наличного капитала — это имманентное средство капиталистического способа производства, которое служит тому, чтобы задерживать понижение нормы прибыли и ускорять накопление капитальной стоимости путем образования нового капитала — нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства капитала, и поэтому сопровождается внезапными остановками и кризисами процесса производства» [1]).

Кризисы для капиталистического общества неизбежно должны быть периодическими, потому что обострение противоречий нарастает в ходе цикла, в ходе депрессий и под'емов. В кризисах эти противоречия, как указывает Маркс, «насильственно уравниваются», находят свое временное разрешение.

В период монополистического капитализма, в частности в период всеобщего кризиса капитализма, все противоречия, находящие свое выражение в кризисах классического капитализма, достигают исключительной остроты. Вместе с тем в кризисах эпохи всеобщего кризиса выявляется целый ряд новых противоречий, которые обостряют кризисы, делая их особенно длительными и глубокими, видоизменяя характер их движения.

Неправильно было бы представлять себе дело таким образом, что движение цикла в капиталистическом хозяйстве происходит равномерно: кризис сменяется депрессией, депрессия—под'емом и опять—кризисом. В общем виде это совершенно правильно, и через эти фазы проходит капиталистический цикл. Но и в период под'ема и в период депрессии движение капиталистического цикла может прерываться отдельными частичными кризисами, в которых находят частичное выражение противоречия капитализма. Эти частичные кризисы являются неизбежным спутником капиталистического производства и, как указывает Энгельс в одном из своих писем к Бернштейну, имели, например в Англии в период между 1825 и 1848 гг., пятилетний промежуток.

Маркс указывает в I томе «Капитала», что 10-летний цикл и его периодические фазы «прерываются неправильными колебаниями, с прогрессом накопления все чаще и чаще следующими одно за другим» [2]).

Эти неправильные колебания, частичные кризисы принимают особо острую форму в период развития капитализма после первой мировой империалистической войны, когда движение промышленности становится особенно неравномерным.

Такие частичные кризисы в период всеобщего кризиса капитализма с его чудовищным обострением противоречий охватывали после войны до начала мирового экономического кризиса даже целые страны.

Такие частичные кризисы переживали САСШ в 1924 и 1927 гг. Такой частичный кризис наступил в Германии в 1927 г. и длился с небольшими колебаниями вплоть до наступления мирового экономического кризиса.

На вспышки частичных кризисов оказывали значительное влияние крупные политические события, например всеобщая стачка в Англии, осо-

---

[1]) Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 1-я, стр. 170.
[2]) Маркс. Капитал. Т. I, стр. 655.—Разрядка моя.—И. Д.

бенно ударившая по угольной промышленности Англии в 1927 г., оккупация Рура французами в 1923 г., приведшая к тяжелому инфляционному кризису в Германии, и т. д. и т. п.

Характерной особенностью послевоенного капиталистического развития является не только то обстоятельство, что периодические экономические кризисы становятся особенно тяжелыми и длительными, но и что частичные кризисы и «неправильные колебания», о которых говорит Маркс, становятся особенно частыми, длительными и тяжелыми.

Кризис на момент разрешает противоречия капиталистического хозяйства, на мгновение устанавливает равновесие между отраслями производства, равновесие, которого капиталистическое производство вообще не знает.

К концу кризиса, к моменту перехода от кризиса к депрессии, замедляется и уменьшается обращение капитала; бездействует значительная часть капитала. Кризис означает значительное падение цен и резкое падение прибылей. Единственный выход для капиталистов—при низких ценах добиться повышения прибыли и повышения сбыта путем повышения производительности труда, введения ряда улучшений, повышающих производительность труда. Переход на новую ступень техники осуществляется в период депрессии. Кризис означает банкротство ряда мелких и даже средних капиталистов. В период кризиса остаются функционировать только отборные, т. е. наиболее технически мощные и платежеспособные предприятия. Происходит значительная концентрация и централизация капитала. Эти предприятия путем введения новых усовершенствований имеют шансы значительно повысить свою норму прибыли, даже продавая свои товары по более низким ценам вследствие низкой себестоимости продукции.

В период кризиса и к концу его происходит массовое уничтожение капитала. Масса капиталов бездействует. «В фазу ослабления производство падает ниже той ступени, которой оно достигло в предшествующем цикле и для которого теперь заложен технический базис» [1]).

Депрессия при старом капитализме характеризовалась массовым обновлением основного капитала, и это массовое обновление основного капитала и создавало предпосылки и условия для перехода депрессии в под'ем.

Вот что пишет по этому поводу Маркс во II томе «Капитала»: «В этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собой оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем предприятие последовательно переживает периоды ослабления, средней деятельности, стремительного размаха, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он дает в большей или меньшей степени новую материальную основу для следующего цикла оборотов» [2]).

В период кризиса и в начале депрессии основной капитал подвергается особенно быстрой моральной изнашиваемости, выбывают из строя менее совершенные машины, заменяемые более совершенными, издержки производства товаров в период депрессии падают, капиталист может продавать свои товары несмотря на пониженные цены с прибылью.

---

[1]) Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 2-я, стр. 27—28.
[2]) Маркс. Капитал. Т. II. стр. 122. 1931.—Разрядка моя.—И. Д.

К тому же обычным явлением для циклов старого капитализма было открытие новых и расширение старых рынков сбыта, что ускоряло сбыт запасов, содействовало под'ему цен, переходу депрессии к оживлению.

Переоборудование основного капитала, перевод предприятий на новую техническую ступень, комбинируясь с расширением рынков сбыта, означало расширение производства до максимальных пределов, расцвет спекуляции, значительное повышение нормы прибыли. Предприятия расширяются вне всякого соответствия с действительным общественным спросом.

Общественное производство развивается так, как будто бы рынок сбыта для него безграничен. В погоне за прибылью капиталист максимально расширяет производство до тех пор, пока расширившееся производство не наталкивается на узкие границы потребления и не наступает новый кризис, временно разрешающий противоречия, обострившиеся в ходе депрессии и под'ема.

В таком «заколдованном кругу» движется капиталистическое производство.

III

Конец XIX в. характеризуется переходом к империализму, являющемуся развитием и продолжением основных свойств капитализма вообще. Понадобилась известная ступень развития капитализма, чтобы капитализм свободной конкуренции перерос в империализм.

Резко обострилась, приобрела качественно новые черты неравномерность развития капитализма. Наряду со старой промышленной Англией достигли крупнейших успехов в развитии крупной промышленности отсталые прежде страны: вырос германский империализм, превративший Германию в крупнейшую промышленную страну Европы.

С развитием американского империализма САСШ превратились в самую передовую страну мира. Еще Энгельс в 80-х годах указывал на то обстоятельство, что американский капитал благодаря бурным темпам своего развития обгоняет старую промышленную Англию. В своей статье «Торговый договор с Францией» (1881 г.) Энгельс писал: «Та же неумолимая необходимость, в силу которой фламандские мануфактуры передвинулись в Голландию, а голландские — в Англию, вскоре передвинет центр мировой промышленности из Англии в Соединенные Штаты. А на ограниченном поле деятельности, которое останется тогда для Англии, она найдет страшных конкурентов в лице континентальных наций»[1]). Энгельс отмечал, что «промышленная монополия Англии на ущербе».

Это предсказание осуществилось полностью. Закон неравномерного развития привел к тому, что американский и германский капитализм обогнал промышленную Англию. И это было одной из важнейших причин, приведших к мировой войне 1914—1918 гг. Старое распределение колоний из сфер влияния уже не удовлетворяло новых конкурентов Англии на мировом рынке.

Создание акционерных обществ, возникновение трестов, картелей и синдикатов и всяких других видов капиталистических об'единений, развивавшихся крайне бурно в 80-х и 90-х гг., означали переход капитализма на новую ступень развития, которая характеризовалась крайней степенью обобществления производства и в то же время усилением противоречий между общественным производством и частным присвоением.

«Капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные

[1]) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XV, стр. 573. Разрядка моя.—И. Д.

свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из него вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ним капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов... Финансовый капитал есть банковый капитал, монополистический — немногих крупнейших банков, слившихся с капиталом монополистических союзов промышленников; а с другой стороны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на не захваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца» [1]).

Империализм означает особую стадию капитализма, его высшую и последнюю стадию. Изменение ряда основных свойств старого капитализма и их превращение в свою противоположность, возникновение империализма должны были и не могли не внести видоизменения в ход развития кризисов и в характер этого развития. Но эти изменения с особой остротой сказались как раз в послевоенный период империализма, когда начался всеобщий кризис капиталистической системы.

Каковы же те изменения, которые вносит империализм в характер кризисов? Главное здесь заключается в том, что свободная конкуренция — это основное свойство капитализма и товарного производства вообще — стала превращаться в монополию, причем монополию, не устраняющую конкуренции, а существующую вместе с ней и над ней; это породило ряд новых противоречий и конфликтов, которые неизбежно должны найти свое выражение в кризисах.

Теоретики «организованного капитализма» пытались представить дело таким образом, что империализм устраняет конкуренцию, анархию производства, уничтожает кризисы.

Эта мелкобуржуазная, реакционная утопия об организованном капитализме, устраняющем кризисы, опровергается всем ходом развития. На деле же противоречия между организацией производства в пределах отдельного предприятия и анархией капиталистического производства в целом стали особенно острыми. Это обстоятельство не могло не повлиять усиливающим образом на кризисы. Тов. Сталин в докладах на XVI и XVII с'ездах партии указывал, что одной из важнейших особенностей современного капитализма, которая сделала современный кризис самым острым и глубоким из всех имевших место доныне экономических кризисов, является тот факт, что современный капитализм является монополистическим капитализмом.

Предприятия, об'единяемые монополистическими организациями, стали огромными по своим размерам и гораздо совершеннее по своему техническому оборудованию. Способность крупной промышленности, созданной развитием империализма, к расширению стала поистине колоссальной.

---

[1]) Ленин. Сочинения. Т. XIX, стр. 142.

Энгельс указывал, что способность газов к расширению является детской игрушкой по сравнению со способностью крупной промышленности к расширению.

Теперь можно сказать, что способность крупной промышленности времен старого капитализма к расширению является детской игрушкой по сравнению со способностью к расширению современной крупной промышленности.

Империалистическое развитие сопровождалось рядом технических переворотов: появились моторы внутреннего сгорания, огромную роль приобрело электричество, гигантское значение которого с исключительной силой подчеркнул еще Маркс.

Технические изобретения изменили лицо крупной промышленности; концентрация и централизация капитала достигли чудовищных размеров.

Наряду с монополистическими об'единениями, которые охватывают подчас целые отрасли производства в пределах одной страны, возникло множество международных монополий. Предприятия, которые считались крупными в 50—70-х гг., теперь являются в лучшем случае средними и даже мелкими. Типом крупного предприятия стало предприятие, охватывающее не тысячи, а десятки и подчас сотни тысяч человек.

Гигантски развились средства сообщения. Автомобиль, аэроплан стали обычными средствами сообщения. Возник целый ряд новых отраслей промышленности, которые часто по своим размерам далеко превосходят «старые» отрасли промышленности. Нефть и электричество во все возрастающей степени вытесняют уголь. Химическая промышленность, которая в эпоху Маркса и Энгельса была лишь в зародыше, сейчас стала одной из важнейших отраслей промышленности. Искусственный шолк, добывание бензина из битуминозного угля, радио, звуковое кино, трактор, комбайн, высококачественные стали, добывание азота из воздуха и т. д. и т. п. — вот чем характеризуется технический переворот в способах производства. Наконец, автоматизация производственных процессов продвинулась далеко вперед.

Гигантски увеличилась власть человека над природой, но одновременно с этим гигантски увеличилась власть кучки капиталистических магнатов над трудящимися массами.

Техника и наука современности так же далеко ушли от техники и науки 60—70-х гг., насколько техника этого последнего периода ушла по сравнению с паровой машиной времен Уатта и даже с первыми шагами химии, физики, геологии и биологии конца средних веков.

Чудовищно выросла военная техника. Войны стали мировыми, и одна империалистическая война 1914—1918 гг. унесла большее количество человеческих жизней и принесла большее количество разрушений чем все войны, которые велись на протяжении всей истории человечества.

Тот технический переворот, который пережила крупная промышленность в военной промышленности, выражается в массовом производстве танков и бомбовозов, отравляющих веществ и тяжелой артиллерии, пулеметов и броненосцев.

Капиталистическое хозяйство стало мировым капиталистическим хозяйством. При этих условиях способность крупной промышленности к расширению стала в буквальном смысле этого слова безграничной. Но присвоение продуктов общественного производства осталось попрежнему частнокапиталистическим, изменилась лишь форма распределения прибавочной стоимости внутри класса капиталистов.

Выросло паразитическое потребление. Акционерные общества, эксплоатация империализмом колоний создали условия для образования много-

численного слоя рантье, не имеющего абсолютно никакого отношения к производству и занимающегося только стрижкой купонов.

Плоды гигантского общественного богатства, созданного современным пролетариатом, присваиваются кучкой бездельников и паразитов. Именно рост этого паразитизма является одной из ярких форм проявления противоречий между общественным характером производства и частным способом присвоения на нынешней ступени развития капитализма.

Искусственная задержка технического прогресса является для монополистов средством не только ущемить конкурента, но и задержать развитие производительных сил, переросших рамки капиталистического присвоения в его империалистической форме.

Гигантски выросший производственный аппарат, требующий иных общественных отношений и иных форм присвоения продуктов общественного труда, гораздо скорее чем прежде и с гораздо большей силой наталкивается на узкие границы потребления масс.

Империализм на той ступени его развития, которой он достиг в эпоху его всеобщего кризиса, характеризуется огромным ускорением обнищания масс; послевоенное развитие привело к экспроприации десятков миллионов крестьянского населения.

В небывалом обнищании масс, сокращении рынков кроются причины образования хронической недогрузки производственного аппарата, с особой ясностью вырисовывается то обстоятельство, что капитализм в его империалистической стадии находится в состоянии всеобщего кризиса.

Созданные капитализмом колоссальные производительные силы, требующие социалистической организации, входят в хронический конфликт с капиталистическим присвоением. Окончательный раздел, а потом передел мира, наступивший в результате мировой войны, сопровождавшийся ростом промышленности в колониях и одновременным невероятным обнищанием масс, породили хроническую недогрузку производственного аппарата, недогрузку, которая характерна для капитализма эпохи всеобщего кризиса даже в годы наивысшего под'ема промышленности.

Шпенглеры и Кайо, как и другие идеологи монополистического капитала — политики и экономисты, философы и историки—видят и сознают, что созданные капитализмом производительные силы не умещаются в его рамках. Отсюда их проповеди всемерной задержки технического прогресса, мечты о переходе к ручному труду, свидетельствующие об исторической обреченности капиталистического общества. Это нашло свое достаточно яркое выражение и в идеологии фашистского варварства, в походе против науки и научных достижений, проповеди отказа от просвещения.

Все это не может не привести к резкому обострению экономических кризисов в эпоху всеобщего кризиса капитализма.

Следующим моментом, резко обострившим кризисы в эпоху империализма, в частности и в особенности на ступени его всеобщего кризиса, является усиление неравномерности капиталистического развития.

Неравномерность политического и экономического развития является законом капитализма, превращающимся на империалистической стадии в решающую силу общественного развития.

Америка в послевоенный период развивалась значительно быстрее (до кризиса 1929 г.) нежели европейские страны, в частности по сравнению с Англией, где производство переживало застой в течение всего послевоенного периода.

Неравномерность развития привела к значительному росту японского

и итальянского империализма. Французский империализм вырос за счет эксплоатации Германии и т. д. и т. п.

Это означает, что рост одних стран по сравнению с другими вызывает усиление борьбы за передел мира, за захват колоний, так как выросший империализм молодых стран требует новых колоний — рынков для вывоза капиталов и сбыта товаров. Но это означает, что отсутствие у этих стран рынков для сбыта промышленной продукции и вывоза капитала ускоряет наступление экономического кризиса, так как их выросшая промышленность крайне быстро наталкивается на узкие границы потребления масс.

Мировой характер капиталистического хозяйства вместе с тем означает, что проникновение кризиса в эти, ставшие передовыми, но обделенные рынками страны неизбежно приводит к кризису и в других странах.

Неравномерное развитие обостряет кризисы, делает их еще более глубокими и продолжительными.

На место закона средней нормы прибыли становится монополистическая прибыль, образуется ряд дополнительных противоречий — противоречия между движением цен на сырье и готовую продукцию. Обостряется противоречие между движением оптовых и розничных цен. Мощная кредитная система, которая и в период старого капитализма ускоряла наступление кризиса, в период монополистического капитализма достигает чудовищного развития.

Монополистический капитал стремится выйти из кризиса за счет разорения немонополистических предприятий, за счет разорения крестьянства, за счет снижения заработной платы рабочему классу и т. д. и т. п.

Ко всем противоречиям старого капитализма присоединяются новые противоречия, они помножаются одни на другие, обостряя кризис, затрудняя переход от кризиса к депрессии и крайне затрудняя переход от депрессии к под'ему.

Все эти противоречия монополистического капитализма в наиболее полной форме проявляются на той ступени развития империализма, которой он достигает в эпоху всеобщего кризиса капитализма.

Нынешний экономический кризис является наиболее острым кризисом, какой когда-либо знал капитализм.

Проследить развитие современного экономического кризиса и его переход к депрессии, равно как и особенности этой депрессии,— задача следующей статьи.

О националистических извращениях в географической науке на Украине

А. Смирнов

Контрреволюционная работа украинских националистов—агентов германского и польского фашизма, получавших непосредственную поддержку со стороны националистических уклонистов внутри КП(б)У во главе со Скрыпником, оставила солидное «наследство» во многих отраслях науки на Украине. Борьба с проявлениями этой псевдонаучной контрреволюционной деятельности, с националистическими искривлениями в области истории, с.-х. наук, педагогики и т. д. на Украине уже стала предметом внимания всей советской общественности. Однако этого нельзя сказать в отношении географии — участка, на который украинский фашизм обращал особенное внимание.

«Географическое знание — это мировое могущество», — подражая немецким фашистским географам, писал вождь украинского фашизма в географии, академик ВУАН Степан Рудницкий. Остервеневший враг стремился использовать географическую науку как оружие контрреволюции. Проповедник «новейшего географического мировоззрения», которое является ответвлением немецкой геополитической школы, Степан Рудницкий так формулировал задачи, стоящие перед географической наукой на Украине: «Долг каждого интеллигентного украинца—приобрести столько знаний, чтобы быть в состоянии научно обосновать свои взгляды на самостоятельность и обособленность украинского народа и непоколебимость украинской национальной идеи, чтобы осознать, как нужно поступать каждой украинской единице, для того чтобы развить украинскую национальную культуру и добиться украинского национального государства. Для этого не хватит сведений из истории, литературы, фольклора. В равной мере необходимо овладеть природоведением, географией, антропологией, этнологией» [1]). О том, какое значение имеют эти начиненные фашистской географией украинские «единицы», ярко говорит следующее «высказывание» Рудницкого. «Численность населения,—писал он,—имеет очень небольшую ценность при определении политического значения народа. Количество приобретает ценность только тогда, когда оно составляется из национально-сознательных и национально-культурных (почти по Скрыпнику.—*А. С.)* единиц. Из них нужно составить народ, если он должен занять принадлежащее ему место в семье великих европейских народов, если он должен сыграть ту великую роль в мировой политике и в мировом хозяйстве, которая ему принадлежит по его величине и по крупным масштабам его национальной территории» [2]).

---

[1]) Рудницкий «Основы землеведения Украины». Т. II, стр. 257. Прага.
[2]) Там же, стр. 240—241.

А на этой фашизированной основе весь украинский народ единодушно будет стремиться к политическому идеалу самостийной соборной Украины в этнографических пределах» [1]).

Декларируя эти «липовые» самостийность и соборность, Рудницкий вместе с тем заявляет, что «для украинской культуры остается только одна дорога: идти шаг за шагом путями западноевропейской культуры, искать примеры у немцев, англичан, скандинавов» [2]). При такой ориентации неизбежно приходится доказывать, что «Украина является преимущественно земледельческой страной и на все, доступные нашим предвидениям, будущие времена должна остаться таковой» [3]). На географической основе Рудницкий возводит здание «соборной» Украины, обосновывает отрыв Украины от Советского союза, превращение Украины в колонию империалистических государств.

И этот оголтелый фашист вкупе со всей его географической «школой», прибыв в Советскую Украину по командировке соответствующих охранок и генштабов, встретил самый теплый прием как со стороны «своих» людей, предварительно занявших командные должности по управлению научными учреждениями на Украине, так и со стороны Скрыпника. «Начало организационной работы по созданию Украинского географического ин-та датируется осенью 1926 г.,—пишет «академик» Рудницкий,—когда я мероприятиями замнаркома по просвещению т. А. Приходько был отозван для научной работы из Праги в Харьков. Благодаря искренней заботливости и деятельной помощи со стороны Управления научными учреждениями (т. М. Яворский) основание Украинского географического ин-та уже в ноябре 1926 г. начало приобретать реальные формы... украинская географическая наука должна отблагодарить народного комиссара по просвещению УССР т. Н. А. Скрыпника, который очень внимательно отнесся к делам ин-та. Управление научными учреждениями под председательством т. Ю. Озерского наделило наш молодой ин-т достаточными денежными средствами» [4]).

Итак, экспортированный для подрывной работы в Советскую Украину Степан Рудницкий нашел благоприятные условия. Ведь и Яворский, и Озерский, и Коник [5]) являлись шпионами иностранных охранок. Скрыпник, возглавлявший националистический уклон в партии, активно поддерживал людей, которые пришли культивировать в Советской Украине свое «новейшее географическое мировоззрение».

Еще со времен гражданской войны на территории УССР осталась группа сторонников «учения» Рудницкого; банда с'ехавшихся псевдогеографов (Величко Г., Буцура В., Кобзей С., Геринович В., Остапенко С. и др.) вместе с рядом доморощенных «географов» (Синявский А., Матвиенко-Гарный Ф., Дубняк К.) дополнила этот букет. Приняв за основу научно-исследовательский ин-т географии и картографии в Харькове, Рудницкий и К° начали распространять свою «научную» деятельность на другие научные и педагогические учреждения (Украинский геодезический ин-т, географический факультет Харьковского ин-та профпросвещения, в последнее время географический отдел Украинской советской энциклопедии и т. д.). На периферии особенно сильные ответвления этой «школы» были основаны в Киеве (ВУАН, ИНО) и Каменец-Подольске (ИНО). Сам Рудницкий за свои «гигантские» научные заслуги был не только назначен директором

[1]) Рудницкий «Основы землевладения Украины». Т. II, стр. 294. Прага.
[2]) Там же, стр. 322.
[3]) Там же, стр. 469
[4]) «Записки Украинского научно-исследовательского ин-та географии». Ст. Рудницкого. Т. I, стр. 3—4.
[5]) К. Коник — последний из завуправлением научными учреждениями в НКПросе УССР, агент иностранных охранок.

научно-исследовательского ин-та географии, но и произведен в академики ВУАН. Шаг за шагом эта теплая компания начала прибирать к своим рукам географическую науку в Советской Украине.

Кроме своей основной агентурно-шпионской работы эти «научные» деятели занимались вредительством непосредственно в области географии. Вредительство украинского национализма на этом фронте шло по линии: 1) фашистских, националистических искривлений в развитии географической науки на Украине; 2) географической терминологии; 3) картографии; 4) отрыва от развития географической науки в братских ССР и 5) по линии общей задержки развития географической науки на Украине.

Украинские фашисты намечали широкую программу использования географии в контрреволюционных целях. Они предполагали «завоевать себе соответствующее место в народной и средней школе», «завоевать себе кафедры в каждой высшей школе», «завоевать научно-исследовательские ин-ты» [1]) и пр., т. е. вести пропаганду за «самостоятельную соборную Украину», превратить советскую высшую школу в рассадник «новейшего географического мировоззрения», создать опорные пункты для углубления теоретических установок своей «науки», для подготовки новых фашистских кадров, фашизировать науку на Украине вообще. Они стремились «распространять географические знания среди широких масс рабочих и крестьян Украины [2]), т. е. вести широкую массовую пропаганду контрреволюционной платформы украинского фашизма.

Остановимся кратко на том, что представляет собой «новейшее географическое мировоззрение» Рудницкого и К°. Методологические корни украинской фашизированной географии сводятся к установкам фашистской геополитической школы в Германии, одной из основ которой является географическая школа Гетнера.

Гетнер, а за ним геополитическая школа выводят общественные явления (в том числе расовое превосходство и мессианские задачи) из природно-географических условий, в том числе из природных особенностей национальной территории и физиологических отличий данного народа. Гетнер сознательно ограничивает географию описанием отдельных стран и ландшафтов, ибо при общем описании сразу выявятся вздорность и классовая сущность этой концепции: каждое империалистическое государство будет трактовать все вопросы с точки зрения своего превосходства. Рудницкий стоит на тех же позициях географического натурализма и расизма. Однако великодержавные установки немецкого фашизма ему приходится переделывать применительно к задачам пресмыкающегося украинского национализма. Подобно Гетнеру он выводит расовое превосходство и мессианскую роль украинцев из природных условий, но для него необходимо также и общее рассмотрение земли, ибо иначе никак нельзя обнаружить украинскую «национальную территорию» среди существующих государственных границ.

Гетнер как носитель великодержавного немецкого фашизма, исходя из приведенных установок, считает географию наукой естественной и социальной одновременно, ибо под углом зрения его методологии рассматриваются и все формы социальной жизни. Проводя свои задачи, он об'являет, что география, обобщая явления природной и социальной жизни, разделяет свой труд с философией, является мостом от естественных к социальным наукам. На этой основе вырастает геополитическое государствоведение (т. е. социальная наука), которое реализует в политике фашистские установки гетнерианской школы. Рудницкий, якобы «возражая» Гетнеру, провозглашает гео-

[1]) «Червоний шлях» № 3 за 1927 г. Ст. Рудницкого, стр. 118.

[2]) «Записки Украинского научно-исследовательского института географии». Т. I, стр. 24, 25, 26.

графию чисто естественной наукой, ибо иначе существующие основные государственные границы, среди которых украинское национальное государство отсутствует, будут обусловлены природным влиянием, а не случайным ходом исторических событий, что чрезвычайно невыгодно для украинского фашизма. Рудницкий должен показать, что отсутствие на политической карте национальной Украины есть результат случайного стечения исторических условий, ибо «доказано», что существует украинская национальная территория, свойства которой определили превосходство украинского народа и его текущие политические задачи. Идя последовательно, Рудницкий вынужден заявить, что география—это философия природы, философия же обобщает явления только социальной жизни. Но явления социальной жизни определяются, и по Гетнеру и по Рудницкому, условиями природы. Таким образом география Рудницкого, построенная на основе гетнерианского географического натурализма, является лишь периферийным ответвлением фашистской геополитической школы в Германии, но под украинским националистическим соусом.

Отсюда вытекают заявления Рудницкого, что географию он считает «чисто естественной наукой, которая даже человеческие дела обязана исследовать сжатыми природными методами» [1]), и что «положение географии среди естественных наук аналогично положению философии среди наук гуманитарных» [2]).

Крайне интересно, что, начиная с самых ранних своих произведений (1912—1914 гг.), Рудницкий в каждой статье «полемизирует» с Гетнером, хотя использует все установки последнего для географического обоснования задач украинского национализма. Общая методологическая сущность концепций Гетнера и Рудницкого наиболее ярко проявляется в том, что как тот, так и другой используют примитивную основу географического натурализма для псевдонаучного «обоснования» политической идеологии фашизма. И самый подход их к определению чисто естественных условий той или иной территории носит идеалистический и ярко телеологический характер: природные условия рассматриваются ими с точки зрения предвзятой, заранее данной политической цели и подгоняются под те политические задачи, которые этими условиями должны быть обоснованы.

Разница между немецким великодержавным и пресмыкающимся перед ним украинским национализмом чисто внешняя. Гетнер, как мы уже указывали, создав географическую основу для геополитических фашистских выводов, умывает руки и предоставляет дальнейшее общественным наукам. Рудницкий же старательно, камень за камнем, возводит все здание фашистской демагогии, боясь нарушить «монистичность» своей чисто «естественной» географической науки. Сначала он якобы «об'ективно» открывает украинскую национальную территорию, на естественных особенностях которой строятся качества и политические устремления украинского народа. Затем следует идеалистическая фашистская галиматья: расовые «арийские» теории, колониальные устремления и пр. Проследим вкратце процесс этого «об'ективного» научного исследования [3]).

[1]) «Записки Украинского научно-исследовательского ин-та географии». Ст. Рудницкого. Т. I, стр. 5.

[2]) «Червоний шлях» № 3 за 1927 г., стр. 104.

[3]) Нужно заметить, что в своих основных чертах концепция Рудницкого сложилась еще задолго до его приезда в УССР. Наиболее полно она изложена им в «Основах землеведения Украины», затем в «Краткой географии Украины» и в ряде статей. В период работы в Советской Украине установки Рудницкого не подверглись никаким существенным изменениям. Наоборот, Рудницкий упорно проводил свое «Новейшее географическое мировоззрение», служившее обоснованием контрреволюционной деятельности украинских националистов. Поэтому в дальнейшем изложении взглядов Рудницкого мы будем в значительной мере пользоваться также его работами, написанными до приезда в УССР.

Рудницкий начинает с выявления украинской национальной территории: «На основе новейшего природоведческого знания мы будем исследовать и описывать Украину в ее природных границах как природную единицу среди прочих стран нашей земли» [1]). «Естественная область Украины,—пишет он дальше,—обнимает собою в целом или частично Восточные Карпаты, Крымскую Яйлу и Кавказ. Уже это обстоятельство, уменьшая восточное европейское однообразие территории, создает Украине самостоятельное и обособленное положение среди прочих стран Восточной Европы» [2]). Это, так сказать, доказательство отличия территории Украины от соседних земель, в особенности от великорусских. Затем следует обоснование «целостности» этой обособленной территории: «Морфологическая самостоятельность Украины обусловлена прежде всего тем, что Украина опирается на южноевропейское горное образование (опять-таки Карпаты, Яйлу и Кавказ.—*А. С.*), потом целостностью украинской группы возвышенностей и пояса низменностей, которые окружают это образование с севера. Северное звено этого пояса—низменность Полесья—наилучшая естественная граница во всей Восточной Европе» [3]). Дальше следуют отдельные тонкости в этом же направлении: «Украинский климат занимает особое положение среди климатов соседних областей Европы. Сразу за пределами Украины, на севере и на востоке, резко снижается средняя годовая температура, а также увеличиваются продолжительность и морозность зимы. Приравнивать московский климат к украинскому не будет никто...» «Совсем не случайно, что с московщиной не соединяют Украину никакие гидрографические узлы... Московщина испокон веков имеет другие направления, другие артерии, другие гидрографические узлы» [4]). То же самое относится и к растительной характеристике: «Украина является единственным краем в Европе с преимущественно луговым характером и четкими переходами, с одной стороны, в степную, с другой—в лесную, а с третьей—в средиземноморскую области этого материка. Это обстоятельство в географии растений очень важно и делает Украину также и с этой точки зрения географической единицей, которая очень четко определена среди прочих стран Восточной и всей Европы» [5]). В целом получается не только природная обособленность украинской территории от соответствующих стран Восточной Европы, но и принадлежность к средиземноморскому бассейну: «Украина с точки зрения новейшего землевладения занимает вполне самостоятельное и обособленное положение... кроме принадлежности к Восточной Европе, ее следует считать одним из средиземноморских краев, именно тем, который наиболее выдвинут на Восток» [6]).

В колонизаторских устремлениях по указке немецкого фашизма Рудницкий включил Северный Кавказ и Кавказ в национальную территорию Украины. Одновременно с этим Украина отнесена к средиземноморскому бассейну, что должно в дальнейшем обусловить высшую расовую культуру украинцев. Но общеизвестно, что Кавказ лежит уже в Азии. А это может в последующих построениях испортить так тщательно охраняемые расовые чистоту и превосходство украинцев. Поэтому Рудницкий на протяжении 24 страниц, ставя все «вверх ногами», доказывает, что «естественная» граница Европы идет не по Манычу, не по Кубани с Тереком, как утверждают многие, и даже не по самому Кавказу, что общеизвестно. Рудницкий утвер-

---

[1]) Рудницкий «Основы землеведения Украины». Т. I, стр. 2. Прага.
[2]) Там же, стр. 6.
[3]) «Сборник научного т-ва им. Шевченко во Львове». Т. XVIII—XIX, стр. 74
[4]) Рудницкий «Краткая география Украины». Ч. 2-я, стр. 117—119. Львов. 1914.
[5]) Рудницкий «Основы землеведения Украины». Т. I, стр. 11. Прага. 1923.
[6]) Там же, стр. 4.

ждает, что на данном участке граница Азии и Европы проходит по южному склону Кавказа, т. е. уже в Закавказье. Таким образом Украина оказывается «одним из краев Европы. Приведенные размышления указывают только на ее сильно подчеркнутое пограничное положение против Азии». Значит, не в Азии, а п р о т и в Азии. Так Рудницкий «об'ективно» определяет границы и свойства украинской национальной территории.

Исходя из буржуазно-националистических, империалистических установок, Рудницкий делает и соответствующие «антропогеографические» выводы: «Принимаясь за исследование антропогеографической сущности Украины, мы должны так же как и при физико-географических исследованиях, выяснить основы самостоятельности и обособленности Украины» [1]). «Единственно надежный путь исследования экономгеографических отношений Украины—исходить из этнографической Украины в целом и не придерживаться м и н у т н ы х политических границ, действительных или в ы д у м а н н ы х» [2]). В данном случае вполне уместна пословица «близок локоть, да не укусишь»; по Рудницкому, минутные границы—это границы с Советским союзом, а выдуманные—это границы Советской Украины в пределах СССР. Как же создаются эти «этнографические» границы? «Бедняги крымские татары,—пишет Рудницкий,—понесли в результате голода и эпидемий такие потери, что сделались в Крыму незначительным меньшинством...» «Основную массу крымской мозаики народов составляет украинская народность, что повелевает нам всю Татарию с Крымом зачислить в сплошную этнографическую территорию Украины» [3]). Неудивительно, что при таком методе «пространство этнографической Украины составляет минимально 905 тыс. кв. км (площадь УССР—461 тыс. кв. км.—*А. С.*), максимально 1,056 тыс. кв. км» [4]).

Еще раз подчеркнув, что «украинцы имеют очень мало антропологических признаков, сходных с москалями, белорусинами и поляками, в то время как все эти три соседние украинцам народности очень похожи друг на друга» [5]), Рудницкий приходит к выводу, что можно «считать Украину, т. е. землю, сплошь заселенную украинским народом, отдельной антропогеографической единицей, которая имеет свой самостоятельный антропогеографический тип» [6]). Таким образом первая часть задания выполнена. Из приведенного уже непосредственно вытекает явно контрреволюционная демагогия.

Переходя к политическим выводам, Рудницкий уже открыто копирует учение немецкого фашизма, который, как известно, обосновывает превосходство немецкой народности а р и й с к и м происхождением и арийским мировоззрением. Прозябающий за счет подачек украинский фашизм не уступает в этом отношении немецкому: «Основа украинской этнологической культуры очень своеобразна и вполне о р и г и н а л ь н а. Автохронность, земледельческая эксклюзивность, определенное отсутствие склонности, с одной стороны, к городской жизни, с другой—к степному кочевничеству очень благоприятствовали образованию и удержанию своеобразного с у г у б о а р и й с к о г о мировоззрения» [7]).

Отсюда уже вытекают (на немецкий манер) мессианские задачи украинского народа «в мировом масштабе», направленные на защиту капиталистического мира от разрушающего влияния большевизма. «Украинская культура,—пишет Рудницкий,—может принести огромное количество значительных ценностей европейским культурам, которым не посчастливилось сохранить

[1]) Р у д н и ц к и й «Основы землеведения Украины». Т. II, стр. 207.
[2]) Там же, стр. 367.
[3]) Там же, стр. 215, 235.
[4]) Там же, стр. 216.
[5]) Там же, стр. 269.
[6]) Там же, стр. 205.
[7]) Там же, стр. 207.

у себя с т а р о а р и й с к о г о культурного богатства в такой степени, как украинскому народу. Кто знает, может быть, именно украинцам суждено принести возрождение стареющей е в р о п е й с к о й к у л ь т у р е» [1]).

Но так как мессианские роли бесплатно не играются, в особенности потому, что украинский фашизм является только оружием в руках соответствующих империалистических государств, направленным к разрешению противоречий капитализма за счет трудящихся СССР,—то Рудницкий намечает определенные пути колониальной политики «самостийной и соборной Украины». Отрыв Советской Украины от СССР «как минимум» неизбежно перерастает в «максимум», т. е. свержение пролетарской диктатуры на территории всего Советского союза. В путях, намечаемых Рудницким для осуществления этого «максимума», ясно чувствуется сильная рука немецкого фашизма, стремящегося «компенсировать» себя за счет продвижения на Восток, в том числе «подставить ножку» Англии на ее имперских путях в Индию. «Г е о г р а ф и ч е с к о е положение открывает светлое будущее украинской колониальной экспансии. Подкавказье (Сев. Кавказ.—*А. С.*) и степные области над Нижней Волгой и Уралом являются, собственно, с культурной стороны н и ч ь и м б о г а т с т в о м. Московская колонизация по климатическим и другим причинам не удается уже в Нижнем Поволжье. Уже теперь украинцы представляют в Подкавказье преобладающее большинство. Колонизированное Подкавказье создает для украинского народа основу колонизаторской экспансии на К а в к а з е и в З а к а в к а з ь е. Географическое положение этих земель ставит перед украинским народом политически и экономически огромные г е о г р а ф и ч е с к и е возможности. Земли, лежащие в трапецоиде: К а в к а з, С у э ц, верх Персидского залива—создают так называемый остов Передней Азии. Все главнейшие морские и сухопутные пути сообщения Евразии и Африки сходятся тут в один огромнейший узел. Распространение украинской экспансии на этот важнейший г е о г р а ф и ч е с к и й участок может иметь неисчислимые по своей выгоде результаты» [2]). Но отхват самой Украины, Северного Закавказья и, между прочим, «добрососедская услуга» английскому империализму со стороны германского фашизма—это только часть разрешения вопросов в «максимальной» программе. Ягодки еще впереди: «Г е о г р а ф и ч е с к о е положение Украины на пороге С р е д н е й А з и и весьма значительно помогает украинской колонизации в Туркестане и в Средней Азии вообще... Украинский народ может найти также достаточно сил, чтобы п о к а е щ е несплошной ряд к о л о н и а л ь н ы х пространств о т К а с п и я д о Т и х о г о о к е а н а превратить в сплошную полосу украинской национальной территории в тысячи километров длиною, в сотни километров шириною» [3]). Апетит, как видим, немаленький. Вот до каких размеров можно раздуть украинский национальный «в о п р о с» в фашистском освещении. Так продажный украинский фашизм разоблачает сам себя как интервенционистскую агентуру немецкого империализма, что отнюдь не мешает ему, конечно, состоять на побегушках у польского фашизма.

Ясно, что острее этой фашизированной географии направлено против Советского союза, на отрыв Украины от СССР и на ликвидацию пролетарской диктатуры в целом. Но и это требует «обоснования». Нужно прежде всего доказать, что создание УССР вовсе не означает освобождения трудящихся Советской Украины, а, наоборот, является частным случаем грабительского раздела Украины между империалистическими странами, что, конечно, никак не соответствует тем великим мессианским задачам, которые предначер-

---

[1]) Р у д н и ц к и й «Основы землеведения Украины». Т. II, стр. 273.
[2]) Там же, стр. 325.
[3]) Там же, стр. 335—336.

таны украинскому народу в силу его величины, размеров национальной территории и географического положения. «Из всех крупнейших народов Европы теперь (1923 г.) одни только украинцы не имеют своего национального государства, а их сплошная территория разделена между Польшей, Румынией, Чехо-Словакией и Советской Россией» [1]).

Поставив на одну доску СССР и империалистические страны, разделившие между собою отдельные куски несоветской Украины, Рудницкий получает возможность установить, что в основном на судьбы закрепощенной Украины влияют две страны: Польша и «Московия», которые соревнуются между собой в отношении политического, экономического и культурного угнетения Украины. Выполняя свою роль агента польского и в особенности немецкого фашизма, Рудницкий, естественно, определяет, что «главная опасность» грозит со стороны Москвы. «Хотя на место старых лозунгов,—пишет Рудницкий,—единодержавия, православия, народности поставлены другие (советский строй, коммунизм, интернационализм), но суть российского политическо-государственного направления не изменилась... В бурях социальной революции начинает очень рельефно вырисовываться новейший русский национализм. Нынешние устремления московского правительства пойдут вековечными путями традиции: самого сильного закрепления государства и ассимилирования инородческих народов, т. е. украинцев» [2]).

Противопоставив, таким образом, укрепление единственного в мире пролетарского государства возможностям экономического и культурного развития Украины, Рудницкий получает возможность строить на этом широко известную контрреволюционную программу украинского фашизма вплоть до организационных вопросов. Задача фашизированной географии тем самым выполнена. География превращена в оружие борьбы с пролетарской диктатурой. Программа украинского фашизма получила псевдонаучное географическое обоснование.

Работая в Советской Украине, Рудницкий и К° ни на минуту не отказались от своей методологии, упорно добиваясь осуществления своих контрреволюционных заданий. К десятилетию Октябрьской революции Рудницкий писал: «Сегодня, в день десятилетия Октябрьской революции, ученые и неученые всего мира видят, что существует Украина как географическая единица, что есть и крепко стоит Украинское советское государство, опирающееся на эту естественно-территориальную единицу, что существует украинский народ, равноправный с другими великими народами Европы...» и т. д. [3]). Если отбросить слова о революции и советском государстве, то на поверхности сразу появляются длинные уши геополитизма. Приведем еще подобные же образцы «научных» трудов «школы» Рудницкого.

Г. Величко совершенно открыто протаскивает свое «новейшее географическое мировоззрение». В его статьях мы находим перепев старых песен Рудницкого о неприменимости интернациональных лозунгов для Украины, о том, что «Украина является преимущественно земледельческой страной и на все будущие, доступные нашим предвидениям времена должна таковой оставаться». Глубину «учености» этого «географа» прекрасно характеризует следующее изречение: «Причиною развития городов является склонность какого-нибудь народа к городской жизни» [4]).

Подобные «установки» с легкой руки наркомпросовского руководства широко внедрялись в учебники по географии, особенно в учебники для низ-

[1]) Рудницкий «Основы землеведения Украины». Т. II, стр. 205.
[2]) Там же, стр. 297, 298.
[3]) «Вестник природоведения» № 5—6 за 1927 г., стр. 273.
[4]) «Записки Украинского научно-исследовательского ин-та географии». Т. II, стр. 144.

шей школы. Так, в «Основах географии» Гериновича мы находим подобные утверждения: «Жизнь показывает, что общими силами можно добиться наибольших результатов. Это придерживаются культурные народы. Они об'единяются, живут вместе и взаимно помогают друг другу» [1]). В первом издании этого же учебника мы находим «замечательные» высказывания, ярко говорящие о том, до чего способен договориться этот борзописец. «Были и есть,—пишет он там,—такие государства, в которых правит сам народ через выборных представителей. Такой государственный строй называется республиканским. Сейчас все народы стремятся к установлению такого строя. Украинцы всегда стояли за республиканский строй. Такое государство они создали в прошлом во время гетманщины. Два года назад (учебник написан в 1920 г.—*А. С.*), когда упало самодержавное русское государство, украинский народ провозгласил свою самостоятельность, а государственным строем выбрал себе республиканский» [2]). Интересно было бы знать, куда девались у Гериновича Октябрьская революция и советская власть и неужели гетманщина и советская власть—одно и то же?

Несмотря на открытую контрреволюционность работы Гериновича и ему подобных издавались и переиздавались, способствуя распространению вредительских установок. Эти «достижения» подчеркивает и Рудницкий. «Кое-какие научные деятели внесли географический тон как в районирование, так и в изучение производительных сил (акад. Тутковский, К. Дубняк). В краеведении особенно подчеркивали его обязательную географическую подкладку К. Дубняк и В. Геринович» [3]). Что означает этот географический «тон», в об'яснениях как будто не нуждается.

При активной помощи своих «инстанций» и сердобольных националистических уклонистов во главе со Скрыпником, Рудницкий и К° по возможности воплощали приведенную выше программу действий в жизнь. Носители «национального сознания и национальной культурности» неуклонно проводили свою «методологическую» работу, используя все меры для распространения своих установок. Кое-что в этих установках было даже ими доработано и углублено уже в Советской Украине. Так например наиболее четкие формулировки в отношении задач, содержания и методологии своей географической «школы» Рудницкий дал уже в цитированных советских изданиях.

Естественно, что всю эту контрреволюционную «научную» работу на территории Советской Украины Рудницкий и К° пытались прикрыть революционными фразами, сквозь которые, однако, отчетливо выступало националистическое содержание. «Марксизм и (?) ленинизм,—писал Рудницкий,—подходя ко всякому человеческому делу с позиций материалистического, т. е. в основе природного мировоззрения, оказывает на каждом шагу значительную помощь новейшей антропогеографии, которая, забросив старые гуманистические предрассудки, подходит к взаимоотношениям человека с землей чисто по-природному» [4]). Телеолог, вся антропогеография которого обосновывается целевой политической национал-фашистской идеей великого украинского империалистического государства, вынужден в целях маскировки открещиваться от телеологизма! Зрелище, поистине достойное богов! Или, например, шедевр такого порядка: «Великая восточноевропейская революция, освобождая антропогеографию... из пут старых телеологических предрассудков, открыла настежь ворота новой, на естествен-

---

[1]) В. Геринович «Основы географии». 2-е изд., стр. 58. 1924.
[2]) Там же. 1-е изд., стр. 48. 1920.
[3]) «Вестник природоведения» № 5—6 за 1927 г., стр. 275.
[4]) Там же, стр. 277.

но-географическом мировоззрении основанной антропогеографии»[1]). Так бесцеремонно, нагло пытается этот трубадур украинского буржуазного национализма прикрыть свой фашистский телеологизм, махровый идеализм материалистическим мировоззрением Маркса и Ленина! Уважаемый «академикус» здесь несколько заврался: не Октябрьская (по его терминологии «восточноевропейская») революция, а националистические уклонисты внутри партии открыли настежь ворота Советской Украины, контрреволюционерам, помогали им в их вредительской деятельности вообще, на географическом фронте в частности. Вообще Рудницкий мог быть доволен результатами «научной» деятельности своей школы. «Конкретизация Украины как географической единицы в науке и в практической жизни—это первое и самое значительное достижение революционного десятилетия». «Другое достижение—это последовательная и целесообразная разработка географии Украины как естественной и антропогеографической единицы». И третье—«выросла большая работа по районированию и исследованию производительных сил страны. Указанные три момента... обосновали положение Украины как отдельной географической единицы среди прочих стран Европы, они создали основные возможности детальнейшей обработки, ее географической индивидуальности»[2]). Как видим, программа действий осуществлялась довольно интенсивно.

Одним из участков, особенно привлекавших внимание националистических псевдогеографов, являлась географическая терминология. Основная линия вредительской работы здесь заключалась в отрыве украинской терминологии от русской, в создании таких терминов, которые по своей абсолютной непонятности для широких масс должны были компрометировать дело большевистской украинизации. Украинский фашизм, отрывая украинскую географическую терминологию от русской, открыто ориентировался на Германию. «В Германии, как известно,—пишет твердолобый апологет Рудницкого, проф. Дубняк,—географическая наука развивается непрерывным темпом, и в русской литературе нельзя найти таких терминов, которые уже имеются в немецкой и других западноевропейских литературах»[3]). Ориентируясь на Запад, он в то же время начинает заниматься «гробокопательством»: «Терминологическое значение имеют... названия поселений, отдельных уголков в селах, деревенских околиц, рек, их притоков, источников, колодцев, озер, гор, холмов, могил, исчезнувших оседлых мест, развалин, остатков городов, валов, старых путей и т. д.»[4]). На этой основе дается развернутая программа—«дать украинскую географическую терминологию по всем разделам географической науки» соответственно «системе новейшей географической науки, немецкой географической терминологии, терминологии главнейших западноевропейских языков, терминологии, языков славянских, полностью исчерпав неисчерпаемую (???) сокровищницу украинского народного языка»[5]). И этот зарвавшийся борзописец успел подготовить к печати два географических словаря!

В своей вредительской работе в области терминологии украинские контрреволюционеры даже не побрезговали исковеркать правила украинской грамматики. Примером этого может служить «Географический атлас» под ред. Рудницкого[6]), до сих пор употребительный в средней и особенно в

---

[1]) «Записки Украинского научно-исследовательского ин-та географии» Т. I, стр. 19.
[2]) «Вестник природоведения» № 5—6, стр. 273—274. 1927.
[3]) «Записки Ин-та географии». Т. I, стр. 97.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) «Географический атлас» Рудницкого вышел двумя изданиями: в 1929 и в 1931 гг.

низшей школе, ибо благодаря «политике» Госиздата Украины русских школьных атласов на Украине достать нельзя. Сначала идут более или менее известные «перлы»: р и в н ы к вместо экватор, б и г у н вместо полюс, о б в и д вместо горизонт и т. д. Затем следуют названия отдельных государств: З'е д н а н и д э р ж а в ы вместо Сполученни штаты (Соединенные штаты), В е н е с в е л я вместо Венецуэла и др. Названия островов даны просто на соответствующем туземном выговоре. Полнейшая несуразица начинается с названия городов: К й о б е н г а в н вместо Копенгаген, Н ю-О р л и н с вместо Нью-Орлеан, А д е л е з вместо Аделаиза, М е н д е л е вместо Мандалай и т. д.

Естественно, что «отцом и основоположником украинской географической терминологии следует считать проф. Степана Рудницкого» [1]), который, суммируя результаты проведенной работы, говорит: «Украинский язык чудесно применился ко всем требованиям новейшей географической терминологии и фразеологии. Сказочно богатый и кристаллически чистый источник нашего народного языка позволил выработать географические терминологию и фразеологию, которые не уступают ни одной из славянских, а многие из них превосходят» [2]).

Вредительство проводилось также и в области картографии. В том же атласе есть «Карта УССР и с м е ж н ы х з е м е л ь». При этом политическая граница УССР с Северокавказским краем, ЦЧО и БССР проведена такой же линией, как граница СССР с капиталистическими странами. Таким образом УССР выступает не как составная неот'емлемая часть СССР, а как одна из немногих «географических естественных единиц». Такие же националистические установки проводились в большом школьном атласе, издать который Рудницкий уже не успел. Этот же принцип в отношении государственных границ проведен в картах, приложенных к учебникам географии,—здесь наглость националистических элементов превосходит всякие пределы. Так, в «Основах географии» Гериновича (ДВУ. 2-е изд., 1924), кроме указанных границ, выделяющих Украину из Советского союза, проведена «этнографическая» граница украинского народа, т. е. очерчена территория, якобы сплошь заселенная украинцами, но в пределах СССР в границы УССР не входящая. Эта территория отхватывает добрую часть БССР, ЗО, ЦЧО, Северокавказского края и пропадает за чертой карты уже в пределах южных склонов Кавказского хребта. Таким образом в советских школьных картах подчеркиваются те «выдуманные» границы, о которых в свое время говорил Рудницкий. В карте, приложенной к учебнику Кистяковского [3]), граница БССР с ЗО проведена более тонкой линией чем прочие государственные границы. Получается, что БССР является составной частью СССР, а УССР—совершенно самостоятельная единица. И все эти и подобные им учебники были допущены Наркомпросом УССР к пользованию в школах Соцвоса. Вообще Рудницкий и К° ставили себе в области картографии значительные задачи—«как можно с к о р е е и как можно выше развить практическую картографию на Украине, создать хорошие карты как надежную базу во всех делах мира и в о й н ы» [4]). А спешить нужно было, очевидно, потому, что топографические карты УССР нужно было передать в соответствующие генштабы. «Главные усилия украинских землеведов должны быть сосредоточены на этой основной т о п о г р а ф и ч е с к о й карте, хотя бы в размере 1 : 100 000, ...для в с е х украинских земель» [5]). Известно, что карты такого масштаба могут иметь военное значение. Для того же, чтобы кто-нибудь

[1]) «Записки Украинского научно-исследовательского ин-та географии», стр. 96.
[2]) «Вестник природоведения» № 5—6 за 1927 г., стр. 274.
[3]) «Очерк географии УССР», ДВУ. 4-е изд. 1929.
[4]) «Червоний шлях» № 3 за 1927 г. Ст. Рудницкого, стр. 110.
[5]) Там же, стр. 107.

случайно не помешал этой вредительско-«научной» картографической деятельности, выдвигается определенная гарантия: «Теоретическая картография должна остаться в руках небольшого кружка специалистов» [1]).

Самое тяжелое наследство «новейшей природно-географической школы» заключается в общей задержке развития действительной географической науки в Советской Украине. Эту задержку вредители осуществляли двумя путями: путем отрыва от развития географии в братских ССР и ожесточенной борьбы с пролетарскими специалистами-географами в Советской Украине. Для этого Рудницкий и К° использовали как авторитет и силу своих «инстанций», так и непосредственную поддержку со стороны Скрыпника и прочих националистических уклонистов.

Помимо курса на Западную Европу эти фашиогеографы обливали помоями русскую географическую науку старого времени (носившую, конечно, явно великодержавный характер) и, пользуясь этим псевдореволюционным жестом, старательно замалчивали достижения советской географической науки в братских ССР. «Положение географической науки в Восточной Европе (читай: СССР.—*А. С.*) все время было и с е й ч а с остается тяжелым и неопределенным,—пишет Рудницкий,—...она еще не успела завоевать себе положение самостоятельной естественной науки и е д в а - е д в а прозябает как конгломерат из кусков различных наук, преимущественно гуманитарных» [2]). Ясно, что при таком отношении про какие-нибудь научно-организационные связи, обмен опытом с Москвой или Ленинградом и речи быть не могло. Наоборот, оно могло служить лишь базой для ориентации на фашистскую Германию.

Рудницкий также предусмотрительно принимает меры против возможного посягательства на географическую науку со стороны молодых специалистов. «Методология должна быть в руках только опытных научных деятелей,—пишет он,—которые своими положительными трудами доказали, что они умеют научно работать». «Методологические размышления не одного уже свели с пути действительно научной положительной работы. В особенности опасно такое методологизирование для м о л о д ы х а д е п т о в науки, которые вместо приобретения знаний морочат себе и другим голову: «Как, мол, работать» [3]). Закрывая, таким образом, дорогу пролетарской молодежи к методологическим «высотам» своей науки, Рудницкий и К° стремились воспрепятствовать развитию пролетарской географической науки в Советской Украине и свободно проводить свою контрреволюционную «научную» деятельность.

Они ограничивали даже количественный рост молодых работников, исходя из тех соображений, что «наши школы не дают необходимого контингента молодых людей для научно-географической работы» [4]), и этим оправдывали импорт из заграницы различных шпионов—кандидатов в аспирантуру по географии. К действительным же потребностям социалистической культуры на Украине они относились презрительно-иронически. «Обучение географии ведется в вузах в таких небольших размерах, что удовлетворить потребности такого обучения могут н е б о л ь ш и е п о о б ' е м у и н е о ч е н ь г л у б о к и е п о с в о е м у н а у ч н о м у с о д е р ж а н и ю п о с о б и я» [5]).

Наш критический очерк направлен в сторону общего освещения мето-

---

[1]) «Записки Украинского научно-исследовательского ин-та географии». Т. I, стр. 11.

[2]) «Вестник природоведения» № 5—6 за 1927 г., стр. 13.

[3]) Там же, № 1, стр. 12. 1927.

[4]) «Записки Украинского научно-исследовательского ин-та географии». Т. I, стр. 23.

[5]) Там же, стр. 29.

дологического подхода украинских фашистских географов и анализа их псевдонаучной деятельности в Советской Украине в целом. Мы охватили здесь только небольшую часть установочных работ школы Рудницкого. Ясно, что дальнейшая критическая работа в этом направлении должна пойти по пути более глубокого вскрытия основ украинского фашизма в различных отраслях географии (учебники, карты атласы, терминология и т. д.). Она должна быть тесно увязана с творческой работой по развитию большевистской географии на Украине.

Наше крупное достижение заключается в том, что несмотря на всю осторожность и предупредительные меры, несмотря на прямую поддержку этих «научных» деятелей как со стороны последовательно сменявшихся зав. Управлением научными учреждениями на Украине — агентов иностранных охранок (Яворский, Озерский, Коник), так и со стороны самого Скрыпника, работа носителей «новейшего географического мировоззрения» не проходила так беспрепятственно и гладко, как им хотелось. Созданный под руководством проф. Ландо И. (в конце 1929 г.) экономгеографический сектор при Украинском научно-исследовательском ин-те географии и картографии был в основном насыщен пролетарскими кадрами. Последовательная борьба экономгеографического сектора с враждебной методологией и вредительскими установками в работе Ин-та нашла поддержку в местных парторганизациях и коллегии КК—РКИ (наркомом РКИ тогда был т. Затонский В. П.). Закрепляя одну позицию за другой, экономгеографический сектор в конце концов завоевал себе господствующее положение в Ин-те и заставил вредителей в значительной мере перенести свою деятельность в другие, неподконтрольные места. Этим и об'ясняется, что последние «труды» Рудницкого датируются 1930 г. Самое главное, в этой борьбе вырос и закалился значительный отряд пролетарских специалистов. Однако понятно, что настоящее развитие географической науки в Советской Украине еще впереди. Показателем того, как положительно отразился разгром украинского фашизма и националистического уклона внутри КП(б)У на развитии географической науки на Украине, может служить успех экспедиции Украинского научно-исследовательского ин-та географии летом этого года в Тянь-Шань, проведенной под руководством проф. Ландо И., теперешнего директора Ин-та, и оказавшей значительную помощь социалистическому строительству Киргизской АССР [1]).

Ясно, что дальнейшее развитие географической науки на Украине мыслимо только в теснейшем контакте и сотрудничестве с научно-географическими и общественными учреждениями братских ССР, только при условии ускоренной подготовки большевистских кадров географов на Советской Украине.

И тут пророчеством звучат слова самого «академика» С. Рудницкого: «Небольшой первый научный коллектив ин-та (т. е. Рудницкий и К°.—*А. С.*) должен считать себя не чем иным, как отрядом каменщиков, прокладывающих дорогу развитию географической науки на Украине, которое, возможно, пройдет только по их костям» [2]). Действительно, только на костях украинской контрреволюции, только на костях той географической «науки», которую они прививали, разовьется большевистская географическая наука на Украине, выполняя возложенные на нее задачи в деле превращения УССР в цветущую, показательную республику Советского союза, в деле создания и развития национальной по форме, социалистической по содержанию культуры.

---

[1]) «Комуніст» от 12/XI 1933 г. и «Вісті» от 12/XII 1933 г.
[2]) Там же, стр. 26.

Фашизм и религия

Е. Коровин

I

Характеризуя современное положение капиталистических государств и проводимую ими политику, т. Сталин в отчетном докладе на XVII с'езде ВКП(б) дал нижеследующее определение последней: «Шовинизм и подготовка войны как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов — вот что особенно занимает теперь современных империалистских политиков». Марксизм-ленинизм вскрывает классовую, эксплоататорскую сущность каждой религиозной идеологии и тех организаций (церковь, духовенство), которые на основе этой идеологии действуют. Марксизм-ленинизм дает нам точный ответ и на вопрос о характере той политики, которую проводит и будет проводить церковная агентура монополистического капитала. Фашизм, говоря словами Сталина, «стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков». Поэтому и у воинствующей церкви нет и не может быть другого «социального заказа» кроме того же, который стоит перед фашизмом, т. е. «обуздания» пролетариата и подготовки нового передела мира путем военных авантюр.

Но есть и еще одно основание глубокой органической связи фашизма с религией. «Фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам и в частности к деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс» (из тезисов XIII пленума ИККИ). Иначе говоря, фашизм опирается на тот самый человеческий материал, который в условиях капиталистического хозяйства (крестьянский «идиотизм», мещанская ограниченность ремесленника как результат его изолированности в производстве, традиционализм и эгоцентрическая романтика мелкой буржуазии) наиболее восприимчив к религиозной идеологии и церковному воздействию. Отсюда фашистско-церковный блок в его многообразных формах и проявлениях.

II

Показательным образчиком того, как протекает сращивание фашистского государства с церковью, какими формами оно опосредствуется и к каким приводит результатам для обеих сторон, может служить история взаимоотношений итальянского фашизма с католической церковью.

Во времена своей политической юности будущий вождь итальянского фашизма Бенито Муссолини дебютировал книгой, посвященной памяти чешского религиозного реформатора И. Гусса, в которой охарактеризовал ка-

толическую церковь как «кровавую ватиканскую волчицу», что не помешало тому же Муссолини, проделав во время мировой империалистической войны процесс своего политического обращения, выступить в 1921 г. в качестве депутата в итальянском парламенте с заявлением: «Я утверждаю, что католицизм в наши дни представляет традиции латинского и императорского Рима» [1]).

После захвата власти (поход на Рим 1922 г.), постепенно освобождаясь от своего романтического прошлого с его мелкобуржуазной шелухой и становясь окончательно орудием террористической диктатуры монополистического капитала, итальянский фашизм поставил себе задачей использовать как можно интенсивнее другую агентуру того же самого «хозяина», церковную. Отсюда семилетний процесс непрерывного сближения фашизма с церковью, получивший свое оформление в латеранских соглашениях 1929 г. Отметим вкратце важнейшие его этапы [2]).

1922 г. Речь Муссолини о всемирном значении католицизма и о склонности к нему итальянского народа «по своей природе».

1923 г. Распоряжение итальянского правительства о восстановлении в больницах предметов культа, о введении в школах обязательного преподавания «закона божия», о признании «нерасторжимости брака» и об освобождении священников от военной службы.

1924 г. Введение в средней школе изучения писаний «отцов церкви» и передача церкви ряда недвижимостей.

1925 г. Ликвидация масонства в Италии и образование правительственной комиссии для подготовки реформы итальянского законодательства о церкви.

1926 г. Преобразование «Балиллы» (фашистской юношеской организации) в «Национальную ассоциацию» и клерикализация ее (священники-духовники).

В том же 1926 г. начинаются переговоры между итальянским правительством и Ватиканом (барон Пачелли).

В 1917 г. окончательно ликвидируется политический конкурент фашизма — католическая «Народная партия» (Пополари).

В 1928 г. переговоры приходят к благополучному завершению (после папской уступки по вопросу об об'еме ватиканской территории).

11 февраля 1929 г. Муссолини, с одной стороны, и кардиналом Гаспари, с другой, подписываются в Латеранском дворце 3 соглашения.

Первым из них является «политический договор» из 27 статей. Во введении определяются цели «договора»: «устранение всякого повода к несогласию», гарантия «абсолютной независимости» церкви «для выполнения ее высокой миссии в мире» и «окончательное и бесповоротное урегулирование» римского вопроса, вследствие чего образуется особое «Ватиканское государство» с предоставлением в нем папе «полной собственности, исключительной и абсолютной власти и суверенной юрисдикции». Италия дает новое подтверждение своей конституции 1848 г., об'являющей католическое вероисповедание «единственной государственной религией» (в других, новейших папских договорах подобные декларации не встречаются. Италия признает международный суверенитет «св. Престола» «как присущий его природе». Определяется неограниченный суверенитет папы над «Ватиканским государством», но как установленный «со специальной целью». Тем самым допускается возможность восстановления полноты итальянского суверенитета

---

[1]) «Europe nouvelle, № 573 за 1929 г., стр. 145.

[2]) Подробней см. S. Curatulo «La questione romana da Cavour a Mussolini», 1928. Гл. X и др. См. также Е. Коровин «Католицизм» как фактор современной мировой политики», 1931, гл. 5.

в случае утраты папством его современного международного значения. Предусматриваются вопросы административно-технического порядка, в частности Италия обязуется обеспечить водоснабжение Ватикана, его связь (железнодорожную, телеграфную и пр.). В районе, окружающем новое «государство», не допускаются сооружения новых построек с видом на Ватикан, а старые подлежат слому. Строго воспрещаются и воздушные полеты над ним. Усиленная карательная санкция охраняет в Италии «священную и неприкосновенную» особу папы. Устанавливается понятие «Ватиканского государства» с особым гражданством для лиц, имеющих там «постоянное пребывание». Высшие сановники церкви и папского двора, а также штатные его служащие (по особому списку), даже будучи итальянскими гражданами, освобождаются от воинских и других повинностей. Италия признает за папой активное и пассивное право посольства, признает дипломатический иммунитет послов всех государств, аккредитованных при римской курии, обеспечивает свободу сношений курии даже во время войны, равно как и свободный доступ к папе епископам всего мира; учреждается постоянное дипломатическое представительство Италии при папе и обратно.

В договоре приводится перечень недвижимостей (церквей, дворцов, монастырей, церковных учреждений), признаваемых папской собственностью, причем и другие итальянские здания в случае использования их для папских нужд освобождаются от принудительного отчуждения, налогов и пр.

Заработки сотрудников Ватикана свободны от государственных и местных налогов. Обеспечивается беспошлинный транзит грузов через Италию в Ватикан. Кардиналы католической церкви приравниваются к «принцам крови» и считаются по должности гражданами «Ватиканского государства». Италия обеспечивает свободу и безопасность церковных соборов и с'ездов. По просьбе Ватикана Италия принимает на себя наказание ватиканских уголовных преступников. Постановления Ватикана и его судов в отношении духовных лиц выполняются итальянскими властями. «Св. Престол» об'являет о своем намерении «остаться чуждым» вопросам светской политики и обязывается поэтому воздерживаться от участия в соответствующих международных конгрессах кроме случая прямого обращения к нему самих спорящих государств, «вследствие чего ватиканская территория всегда и во всех случаях будет почитаться за территорию нейтральную и неприкосновенную». «Св. Престол» об'являет «окончательно и бесповоротно» разрешенным римский вопрос и заявляет о своем признании Итальянского королевства с Савойской династией и с Римом в качестве его столицы; итальянское правительство, с своей стороны, признает «Ватиканское государство».

Во вступлении к финансовой конвенции говорится об ущербе, нанесенном папству захватом его прежней территории (при об'единении Италии), о возрастающих расходах церкви, о стесненном экономическом положении итальянского народа, в особенности после войны, и о тех суммах, которые Италии пришлось бы уплатить папе в силу старого закона о гарантиях (около 4 млрд. лир), и, наконец, об отеческих чувствах самого папы, вошедшего в положение «бедных» итальянцев и удовольствовавшегося единовременным взносом в 750 млн. лир и итальянским 5% займом на сумму в 1 млрд. лир.

Заключенный в тот же день третий договор (конкордат) состоит из 45 статей, касающихся различных сторон положения и деятельности католической церкви в Италии.

Правительство Италии обеспечивает свободу церковного управления и «из уважения к священному характеру Вечного города» обязуется «воспрепятствовать в Риме всему тому, что может оказаться в противоречии с вышеупомянутым его характером». Папе и епископам гарантируются постоянная свобода сношений и беспрепятственное опубликование своих актов. Слу-

жители культа свободны от воинской повинности и обязанностей присяжных заседателей. В случае всеобщей мобилизации они используются «по специальности» или на санитарной службе. Их не принимают на государственную службу без согласия церковного их начальства. Для реквизиций и разборки церковных зданий требуется предварительное согласие церковных властей. Государство признает церковные праздники, а церковь молится за благоденствие итальянского короля. Военное духовенство назначается папой (по согласованию с правительством). Пересматриваются границы епархий для приведения их в соответствие с государственно-административным делением страны. Назначение епископов принадлежит папе, но предварительно о предположенном назначении «конфиденциально» информируется правительство, «чтобы удостовериться, что последнее не имеет соображений политического характера против назначения». Епископы приносят присягу на верность государству, обязуясь «не участвовать ни в каком соглашении и не присутствовать ни на каком совете, который мог бы причинить ущерб Итальянскому государству и общественному порядку, и не позволять своему духовенству подобного участия». Не могут занимать священнических мест лица иностранного гражданства и не владеющие итальянским языком. Признаются права юридического лица за различного рода церковными организациями (от епархий до отдельных церквей включительно), причем независимо от особых налоговых льгот все церковные организации приравниваются к учреждениям благотворительным и просветительным. Ношение церковной одежды лицами, не имеющими на то права, карается так же, как злоупотребление военной формой. Государство отказывается от всякого вмешательства в управление церковными имуществами, причем все пенсии и субсидии, ранее выплачивавшиеся отдельным церковным учреждениям, остаются в силе. За совершенным по церковному обряду браком признается гражданская сила, и он подлежит автоматической регистрации. Считая «основой и венцом народного образования» изучение христианского вероучения, итальянское правительство вводит обязательное преподавание «закона божия» по совместно разработанным программам как в низшей, так и в средней школе. Руководители разных государственных организаций: физкультуры, военной подготовки и союзов молодежи равно как и заведующие школами — при составлении расписания занятий должны обеспечить своим питомцам время, необходимое для выполнения ими религиозных обязанностей. Учебные заведения, служащие для подготовки церковных кадров, свободны от правительственного контроля народного образования. Правительством признаются жалуемые Ватиканом титулы и знаки отличия. Итальянское правительство допускает существование организаций «Католической национальной акции» «в той мере, в какой последние развивают свою деятельность вне всяких политических партий и под непосредственным руководством церковной иерархии». «Св. Престол» пользуется случаем заключения настоящего конкордата, чтобы возобновить запрещение для всех священнослужителей и монахов Италии записываться и активно участвовать в какой бы то ни было политической партии» (разумеется, кроме фашистской!). Со вступлением в действие конкордата все прежние законы, ему не соответствующие, почитаются отмененными.

Любопытно отметить, как расценивали заключение латеранских договоров сами руководители итальянского фашизма.

13 мая 1929 г. Муссолини выступил в Палате с обстоятельной речью. Подчеркнув вначале, что в Итальянском государстве «церковь несуверенна и даже несвободна» и что дистанция между итальянским Римом и Ватиканом остается не меньшей чем та, которая отделяет Ватикан от всякой другой столицы, Муссолини дал краткое изложение истории церкви и папства в Италии.

Охарактеризовав затем «здоровую религиозную политику фашизма» и перейдя к разбору политического договора, «дуче» признал, что договор ликвидирует полностью «римский вопрос», закрепляет окончательно права итальянского государства на Рим, что ни одно третье государство не допущено к участию в нем и что Ватикан раз и навсегда устраняется сам от участия в международных конференциях и конгрессах, в том числе и в Лиге наций.

Коснувшись финансового соглашения, Муссолини отметил, что в нем предусмотрен ряд технических деталей, направленных все к одной общей цели — сделать его наименее обременительным для итальянской казны, причем самому ему не жаль было бы «даже увеличить сумму (поднесенную папе) для ликвидации прошлого и для гарантии всего будущего». Перейдя к разбору конкордата, Муссолини сравнил его с другими новейшими конкордатами, заключенными курией, доказывая выгодность его постановлений для итальянского правительства. Свою речь Муссолини закончил предостережением по адресу воинствующих клерикалов, желающих использовать для своих политических целей примирение церкви и государства в Италии. Намекая на «Пополари», Муссолини заявил: «Мы не допустим, чтобы воскресли организации и партии, которые мы уничтожили навсегда». «Каждый знает, что фашистский режим, когда он вступает в бой, ведет этот бой до конца и позади себя оставляет пустыню», «Фашистское государство католическое, но оно фашистское; более того: оно исключительно и по самой своей природе фашистское. Католицизм его дополняет, и мы говорим это открыто, положив карты на стол». Сопоставим с этим местом другое признание из той же речи «вождя»: «Мы не воскресили светской власти пап, мы ее похоронили; мы оставили ей ровно столько земли, сколько надо, чтобы она была раз и навсегда погребена...» Означенные признания достаточно правильно были расценены заграницей, в иностранной буржуазной печати, усматривавшей в факте подписания латеранских договоров существенный этап на пути фашизации католицизма и ни одной минуты не сомневавшейся в том, что если в каждом договоре (капиталистическом), по выражению Бисмарка, одна сторона неизбежно бывает «всадником», а другая «конем», то в латеранских соглашениях католицизм играл отнюдь не роль всадника.

События последовавшего (с 1929 г.) пятилетия полностью подтвердили этот прогноз.

Ряд дальнейших актов еще более углубил организационную связь католической церкви с итальянским государством. Так, согласно папскому закону от 7/VI 1929 г. («об источниках права») действующее итальянское законодательство, начиная с правил об отчуждении недвижимостей и кончая вопросами автомобильного движения и санитарного надзора, подлежит применению и в Ватиканском государстве. На основе монетной конвенции от 2/VIII 1930 г. итальянский монетный двор чеканит папскую монету, а итальянские деньги имеют свободное обращение в Ватикане и т. д. и т. п.

Не менее показателен в своем роде исход конфликта 1931 г. между Ватиканом и фашистским руководством из-за репрессий со стороны последнего против «Католической акции» и ее юношеских филиалов [1]) в целях устранения возможности их использования антифашистской буржуазной оппозицией. Начав с весьма резкого по тону протеста (энциклика 5/VII 1931 г.), клеймя фашистское обожествление государства (вроде пресловутой «фашистской клятвы»), спекуляцию религией ради политических целей и пр., папа очень скоро пошел на полную капитуляцию, согласился на очищение

[1]) См. подробнее Е. Коровин «Как поссорились «Благословенный» с «Благочестивым», «Фронт науки и техники» № 7—8 за 1931 г.

состава католических организаций от «враждебных фашизму» элементов и примирился даже с фашистской клятвой, рекомендовав в виде последнего утешения благочестивым католикам при произнесении клятвы делать «мысленную оговорку» (reservatio mentalis): «...поскольку требования партии не противоречат велениям церкви».

При оценке отдельных, спорадических конфликтов и трений между фашистским и церковным руководством в Италии полезно вспомнить тактический принцип церковной политики, открыто формулированный одним из предшественников Муссолини, бывшим итальянским премьером А. Фортисом: «Нужно, чтобы весь мир оставался в убеждении, что папа, хотя и итальянец, является все же международным, не зависимым от всякого влияния. В тот день, когда это убеждение будет поколеблено сомнением, папство нам больше ни к чему не пригодится» [1]). И действительно, церковная агентура монополистического капитала, которая ничем, хотя бы поверхностно, не будет отличаться от фашистской, самому капиталу ненужна, поскольку бесполезна.

В том же 1931 г. папа выступил по случаю 40-летия энциклики Льва XIII «Rerum novarum» (принципиального обоснования «христианского социализма») с посланием «Qudragesimo anno» — изложением своей социальной программы [2]). Сущность последней достаточно элементарна: «Так же как капитал бессилен что-либо сделать без труда, так и труд бессилен без капитала». А потому «пусть хозяева и рабочие об'единят свои планы и усилия ради совместного преодоления всех затруднений и препятствий, и пусть в этом общем усилии им поможет мудрое содействие государственных властей». Это «содействие» мыслится папой в виде образования «корпораций, состоящих из представителей союзов рабочих и предпринимателей той же самой профессии или отрасли торговли в качестве настоящих органов и учреждений государства, координирующих деятельность союзов во всех вопросах, имеющих общий интерес». Забастовки и локауты воспрещаются. Если стороны не могут придти к соглашению, то вмешиваются государственные власти. Результатом этих мероприятий должно явиться «мирное сотрудничество классов, подавление социалистических организаций и примирительное влияние специального ведомства». Дальнейшее отсюда следствие: «Рабочие откажутся от чувства ненависти или зависти, которое с такой ловкостью возбуждают подстрекатели социальных раздоров. Они не только перестанут тяготиться положением, предначертанным им господним провидением в человеческом обществе, но, наоборот, они будут им горды». Таким образом, фашистская профсоюзная система (корпоративная) получает церковный штамп и преподносится рабочим в качестве высшего достижения христианской любви.

Не брезгует церковь и личной рекламой вождей современной итальянской государственности. «Человек с редкой силой духа и выдающимся мужеством», — так характеризовал папа Пий XI Муссолини перед подписанием латеранских соглашений. «Отмеченный печатью провидения», — таков Муссолини, по компетентному свидетельству того же папы, после подписания латеранских договоров [3]). Принявши лично 11/II 1932 г. со всей средневековой помпой украшенного папской «золотой шпорой» Муссолини, папа на другой день заявил: «11 февраля станет отныне датой, славной вдвойне: для церкви и для Италии» [4]). Не остался забытым и итальянский королевский дом: король с наследным принцем удостоились награждения «Орденом хри-

---

[1]) M. Pernot «Le Saint-Siège, l'Église catholique et la politique mondiale», P. 1925.

[2]) См. текст энциклики «Europe nouvelle» № 705 за 1931 г., стр. 1118.

[3]) «Temps» от 12/I 1932 г.

[4]) «Temps» от 13/II 1932 г.

ста» (который за последние 60 лет был пожалован только 14 лицам), а две королевские прабабки (Мария-Клотильда и Мария-Христина) выставлены в качество очередных кандидаток на канонизацию (причисление к святым).

Наконец, особенно интенсивно развернулось сотрудничество фашизма с церковью на культурном фронте. Приведем несколько типичных иллюстраций из редактируемого самим Муссолини фашистского официозного ежемесячника «Gerarchia».

Ж. Бальбино, фашистский специалист по вопросам моральной философии, разбирая «этическую идею фашизма» [1]), доказывает, что фашизм сумел найти «высшую гармонию веры и разума» и превратить церковь в элемент фашистской «единой культуры».

Бывший министр народного просвещения фашистской Венгрии граф Клегельсберг изучает «основные элементы теории Муссолини» и в числе их указывает на «восполнение системы народного образования, помимо классического римского духа, римским католицизмом», что в свою очередь обеспечило фашистскому государству «участие во внутренней жизни Италии» консервативных сил страны, ранее остававшихся из-за церковно-политического раздора государственно пассивными [2]). В результате фашистской политики «католицизм поддерживает во многих отношениях усилия фашизма, направленные к обновлению изнутри итальянского народа».

Ферми, специалист по религиозным вопросам, на разные лады варьирует тему об идеологическом сродстве фашизма с католической религией. То он доказывает, что католическая церковь — «прочная база для реконструкции принципа авторитета», «гарантия социальной дисциплины» [3]); то полемизирует с адептами теории: «религия — частное дело» (Privatsache), провозглашая доктрину «диархии» (animal politicum—animal religiosum) и союз римского «орла» с католическим «крестом» [4]); то смакует мистический бред «блаженной Анджеллы» [5]); то по случаю римских юбилейных торжеств защищает цитатами из ветхого и нового завета «воспитательное» значение идеи христианской «благодати» и «спасения» [6]).

Подкрепляя «культурный блок» организационными мероприятиями, итальянское правительство в 1933 г. пополняет итальянскую Академию наук такими «академиками», как бывший статссекретарь Ватикана кардинал Гаспари, не говоря уже о Петтаццони (историк культов) и других светилах фашистской культуры [7]).

Итак, церковная помощь итальянскому фашизму в его внутренней политике сводится к следующим формам: апология фашистского режима и его виднейших представителей, борьба с революционным движением пролетариата, церковно-фашистская агитпропработа в школе, в семье, в армии.

Поскольку результатом затяжного экономического кризиса явилось «небывалое доселе обострение политического положения капиталистических стран как внутри этих стран, так и между ними» (Сталин), постольку церковная агентура нужна фашизму для международной его деятельности не меньше чем для его внутренней политики. В Малой Азии и на Дальнем Во-

---

[1]) Balbino «L'idea etica del fascismo», «Gerarchia» № 11 за 1932 г., стр. 942—952.

[2]) K. Klegelsberg «Elementi essenziali della teoria mussoliniana». Там же, стр. 953—960.

[3]) Fermi «Il momento religioso. Individualismo e cattolicismo», «Gerarchia» № 10 за 1933 г., стр. 876—882.

[4]) Fermi «Le due Rome», «Gerarchia» № 10 за 1932 г., стр. 893—904.

[5]) Fermi «Una grenda illuminata», «Gerarchia» № 11 за 1933 г., стр. 960—968.

[6]) Fermi «L'idea di redenzione el giubileo di Roma», Gerarchia» № 1 за 1933 г., стр. 13—22.

[7]) «Almanacco fascista» за 1934 г., стр. 406.

стоке, в Африке и на Средиземном море фашизм пользуется услугами церкви для закрепления своих наличных колониальных позиций и для подготовки захвата новых. По случаю Международного евхаристического конгресса в Карфагене итальянское правительство напомнило о своих претензиях на французский Тунис — многолетнее яблоко раздора двух «латинских сестер», организовав торжественную поездку в Тунис на итальянском пароходе и в итальянском окружении папского легата. Одновременно с этим итальянская фашистская общественность неожиданно воспылала особым «культурным интересом» к колониальному Востоку (организация общества «Pro Oriente» и др.).

Стоило Италии выступить с претензией на передел французских мандатных территорий в Малой Азии (Сирия), как представители сирийского племени алауитов обратились к папе с патетическим воззванием, жалуясь на «истязания своих вождей при попустительстве французской администрации».

Италия озабочена ослаблением своих позиций в Абиссинии. И немедленно римский папа обменивается с абиссинским негусом (императором) подарками, а в Ватикане открывается духовное училище для подготовки священнических кадров в Абиссинию (до сих пор монопольно осуществлявшейся духовной семинарией в Каире) [1].

Ссылаясь на избиение католических миссионеров в Китае, Италия вмешивается в китайские дела [2].

На Балканах обостряются противоречия Италии с Югославией, и официоз фашистского режима «Gerarchia» обличает белградское правительство в систематическом угнетении католических нацменьшинств» [3].

Острова Корсика и Мальта — ближайшие географические об'екты итальянских территориальных вожделений.

В июне 1930 г. британское министерство иностранных дел опубликовало «Синюю книгу» своей переписки с Ватиканом. В ней английское правительство обвиняет курию «во вмешательстве во внутренние дела британских колоний», характеризуя поведение Ватикана как «невозможное и недостойное». Ватикану инкриминируется, что он «принял участие в заговоре против британского владычества на Мальте», организованном итальянскими националистами. Конфликту предшествовало покушение итальянцев на премьера мальтийского правительства, английского ставленника Стриклэнда, вину за которое Стриклэнд и английское правительство приписывают мальтийским католическим епископам. Последние со своей стороны заявили, что каждый мальтиец, голосующий за партию Стриклэнда, будет отлучен от церкви, понуждая тем самым избирателей голосовать за итальянскую партию, — положение, особенно чувствительное для Англии, имея в виду итальянское происхождение большинства жителей Мальты, географическую близость острова к Италии и значение его как важнейшей опорной базы для английского флота в Средиземном море. Взаимоотношения Лондона с Римом одно время обострились настолько, что британское министерство иностранных дел пригрозило разрывом дипломатических сношений с Ватиканом.

Опасаясь, однако, в момент обостряющихся франко-итальянских противоречий рисковать открытым конфликтом с Англией, итальянский фашизм счел необходимым отложить свои мальтийские планы до более благоприятного времени, и в результате папа не замедлил осудить «крайности» и эксцессы мальтийских католиков и призвать их на путь «умеренности и благоразумия». Папство как первостепенный элемент внешней политики фашиз-

[1]) «Temps» от 22/I 1932 г.
[2]) «Temps» от 4/III 1932 г.
[3]) «Gerarchia» № 3 за 1931 г., стр. 243—248. «La lotta anticattolica in Jugoslavia».

ма — тезис, приобретший в итальянских условиях официальное признание: латеранские пакты, «пакт четырех», попытки урегулирования австро-германского конфликта, — таковы плоды международной политики Рима, направленной (по отзыву фашистских авторитетов) «на благо человечества» [1]).

«Растущая неуверенность буржуазии в возможности только путем усиления эксплоатации трудящихся собственной страны найти выход из кризиса привела к тому, что империалисты делают свою главную ставку на войну. Международное положение носит характер кануна новой мировой войны» (тезисы XIII пленума ИККИ). Поэтому подготовка к войне и по церковной линии становится задачей сегодняшнего дня.

В вышедшей в 1932 г. «Новой итальянской энциклопедии» напечатана статья Б. Муссолини, посвященная философской доктрине фашизма. По утверждению автора, «фашистское государство — это воля к власти и к империи». «Согласно фашистскому учению, империя—выражение не только территориальное, военное или торговое, но духовное и моральное. Для фашизма тенденция к империи, т. е. к экспансии, служит проявлением жизнеспособности, отсутствие же ее — признаком упадка: возрождающиеся народы империалистичны, отказывающиеся от империализма — народы умирающие». Фашизм не верит, по свидетельству «дуче», ни в возможность, ни в пользу постоянного мира. Отказ от войны равносилен трусости. «Война подымает до высшей точки напряжение всех человеческих энергий и отмечает печатью благородства народы, имеющие мужество идти ей навстречу...»

Церковная работа на этом участке начинается с подготовки пушечного мяса, необходимого в большом количестве для осуществления этих «мужественных» (в фашистском понимании) замыслов. В 1931 г. папа выступает с посланием «О целомудренных браках», в котором пропагандирует усиленное деторождение одновременно с категорическим воспрещением абортов [2]). В 1932 г. папа обращается с письмом к итальянскому с'езду врачей, где осуждает все меры предупреждения беременности как «противные христианскому учению» и «мудрым мероприятиям» итальянского правительства.

Вторая задача церкви — ликвидация мелкобуржуазных пацифистских иллюзий. «Буржуазный пацифизм влачит теперь жалкое существование, а болтовня о разоружении сменяется «деловыми» разговорами о вооружении и довооружении» (Сталин). И вот, выполняя фашистский заказ, католическая церковь на протяжении трех последних лет производит срочную переоценку ценностей: взамен прежних ватиканских дифирамбов по адресу женевской Лиги наций и ее «разоружительно-миротворческой» роли [3]) папа в 1931 г. выпускает послание «Nova impendent», в котором фактически защищает итальянский (антифранцузский) вариант частичного разоружения, вернее, перераспределения вооружений, только что перед этим представленный итальянским делегатом генералом Маринис в женевскую подготовительную комиссию [4]).

Накануне открытия пленума Женевской конференции по разоружению 1932 г. папа в своей очередной рождественской речи уклонился от всяких высказываний по вопросам разоружения, пояснив, что он «не может высказаться по этому вопросу без того, чтобы его слова не стали предметом самых противоречивых и самых абсурдных толкований» и, таким образом,

---

[1]) G. Spotti «Roma Faro di luca». «Almanacco fascista del Popolo d'Italia». Milano. 1934, стр. 249.

[2]) «Europe nouvelle» № 677 за 1931 г., стр. 142.

[3]) Энциклика «Pacem, Dei munus pulcherrimum», «Ubi arcano Dei» и др. См. Ives de la Briere «L'organisation internationale du monde contemporain et la papauté Souveraine», ч. I, стр. 48; ч. II, стр. 265.

[4]) «Temps» от 27/XII 1931 г.

«слова мира и согласия увеличили бы раздоры и разногласия между людьми», вследствие чего «без божественного вмешательства надежды на успех разоружения весьма слабы».

За этим выразительным умолчанием последовали выступления католических прелатов (преднамеренно не итальянских: английский кардинал Бурн, швейцарский патер Мунник) об опасности «преждевременного» разоружения и, наконец, сам папский официоз «Osservatore romano» [1]) дал окончательную установку в виде статьи «Вооружения и разоружение». Из нее мы узнаем, что «до тех пор, пока среди наций существует коммунистическая и большевистская опасность, организованная в виде государства, вооруженного в своих таинственных закрытых границах, разоружение неосторожное, разоружение идиллическое, вместо того чтобы служить предвестником мира, плодотворным семенем нового экономического процветания, может неразумно распахнуть двери циклону наихудших социальных насилий, самых жестоких политических раздоров и непоправимых экономических разрушений». Итак, папа выступил ярым поборником милитаризма, открыто призывая к дальнейшим вооружениям, которые нужны современному империализму не только для внешних авантюр, но, в первую голову, для вооруженной борьбы с революционным пролетариатом, т. е. для международной контрреволюции и для организации интервенции против СССР.

Однако жажда мира и ненависть к империалистической бойне настолько прочно живут в массах, что, отказываясь от дымовой завесы разоружительной болтовни, церковь считает необходимым дать торжественное заверение, что империалистические правительства борются за мир и делают все, что в их силах, для предотвращения ужасов войны. И римский первосвященник в послании, приуроченном к 10-летию его понтификата, заверяет всех и каждого, что «в момент всеобщих тревог и тяжелых страданий народных масс правительства борются с самыми тяжелыми трудностями в поисках мира и средств, способных его обеспечить».

Недаром один из видных теоретиков итальянского фашизма, Ф. Коппола, с удовлетворением констатировал, что повсеместно наблюдается «согласованное развертывание во всем мире миссии церкви и миссии итальянского государства, ибо как церковь, так и фашистское государство — две стороны универсального гения Рима» (последнее пояснение можно оставить всецело на совести автора).

Подготавливая массы к военным авантюрам фашизма, церковь, естественно, солидаризируется с фашистским тезисом о ревизии Версаля и о насильственной замене версальской системы другой системой империалистического закабаления, более соответствующей интересам обделенных в Версальском мирном договоре капиталистических групп (Италии, Венгрии, Германии). Поскольку позиция итальянского фашизма в этом вопросе является несколько двойственной,—заинтересованная в перераспределении колоний Италия стоит за сохранение в Центральной Европе сен-жерменской Австрии, зависимой от Италии Албании и не склонна к слишком смелой перекройке европейской карты,— постольку наибольшую активность в этом направлении развивает католическое духовенство фашистской Венгрии и Германии. Достаточно вспомнить окружное послание венгерских епископов (на рубеже 1932 г.), указывающее как на «первую и основную причину» всех современных бедствий на мирные договоры последней империалистической войны, «продиктованные безумным опьянением победы, в духе, «извращающем основные христианские понятия: отношение человека к земным благам, их ценности и их распределению» [2]), и сопоставить с этим относящееся к тому

[1]) «Osservatore romano» от 7/IV 1932 г.
[2]) «Temps» от 20/XII 1931 г.

же времени послание католических епископов Германии, приветствующих возрождение патриотических чувств «в нашем бедном отечестве, униженном и порабощенном» [1]), чтобы понять, в каком направлении ведется эта «ревизионистская» работа.

III

Нами была уже освещена на страницах настоящего журнала (№ 3 за 1933 г.) история взаимоотношений германского фашизма с церковью. Начав с отрицания христианских культов (во имя реставрации древнегерманских богов), национал-социализм перешел затем к библейской критике их и закончил апологией христианства и тесным союзом с ним в лице как католической, так и протестантской церковных организаций Германии. В качестве соответствующих вех можно указать заявления Гитлера, Розенберга и других теоретиков германского фашизма, сделанные — одни до захвата власти фашистами, другие после него. В своем «классическом» труде «Mein Kampf» основоположник германского фашизма дал характеристику христианства как морального терроризма и утверждал, что эта пагубная для человечества «духовная диктатура» может быть преодолена только другою диктатурой (т .е. фашистской) [2]). Его ближайший соратник (Розенберг) столь же категорически высказывался против допущения христианских церковников к воспитанию юношества: «Ни один германский государственный муж не имеет право доверить церкви воспитание молодежи» [3]). Это не помешало, однако, Гитлеру своей программной речью (на открытии рейхстага 23/III 1933 г.) об'явить христианские вероисповедания «факторами первостепенного значения для сохранения нашей ценности как нации» и обещать конфессиональной школе правительственное содействие (Mitwirkung). Отсылая читателя к вышеупомянутой нашей статье (в № 3 «П. З. М.»), мы ограничимся здесь анализом новейшей фазы церковной политики германского фашизма в свете событий второй половины 1933 и начала 1934 гг.

Протестантская церковная организация еще в большей степени чем католическая, носившая в германских условиях ведомственно-государственный характер, с 1931 г. предприняла ряд шагов (начиная со с'езда 20/V 1931 г.) в сторону своего сближения с германским фашизмом [4]). Добившись захвата власти, германский фашизм не удовольствовался этим «дружественным нейтралитетом», но озаботился закреплением и на церковной арене фашистского инициативного ядра, своего рода церковных «штурмовых колонн», в виде организации так называемых «немецких христиан». Начав с признания фашистского режима как ниспосланной богом германскому народу «милости» («господь даровал нам его; вознесем ему благодарения за это») и выразив на мартовском своем с'езде (1933 г.) верноподданнические чувства режиму («бог создал меня немцем. Германское естество — это дар божий. Бог желает, чтобы я был борцом за мою германскую природу и т. д.»), «немецкие христиане» выступили затем (5—16 мая 1933 г.) с программой своеобразной церковно-фашистской реформации [5]). Программа эта гласит: «Мы являемся сторонниками позитивного христианства. Мы веруем в Иисуса христа сообразно с нашими национальными особенностями и в соответствии с германским духом лютеранства и героического

---

[1]) Е. Коровин «Германский фашизм и религия». «П. З. М.» № 3 за 1933 г., стр. 82.

[2]) A. Hitler «Mein Kampf», 3-е изд., стр. 507.

[3]) A. Rosenberg «Mythus des 20-ten Jahrhunderts».

[4]) См. подробней И. Эльвин «Церковь и фашизм в Германии». «Антирелигиозник» № 3 за 1933 г., стр. 594—595.

[5]) E. Noth «National-socialisme et protestantisme». «Europe nouvelle» № 832 за 1934 г., стр. 67—72.

благочестия. Мы хотим дать возрождающемуся германскому чувству (Lebensgefühl) место в церкви. Мы считаем расу, народ и нацию законами природы, которые нам даны и доверены богом и которые божественный закон повелевает нам сохранять. Обращение евреев в христианство чрезвычайно опасно для нашей национальной жизни. Мы хотим протестантской церкви с корнями в нашей национальной жизни и отвергаем дух христианского интернационализма. Мы хотим искоренить все зловредные течения (пацифизм, интернационализм, франкмасонство), потому что мы верим в нашу национальную миссию, угодную богу. Мы хотим церкви, учение которой признало бы верховную власть национал-социалистического государства и провозгласило бы евангелие в III империи. Мы хотим, чтобы наша церковь была в авангарде решительной борьбы за существование нашего народа».

Как видим, программа достаточно ясная и выразительная: фашизированная национальная церковь как орудие шовинистического воспитания масс, как инструмент борьбы с «зловредными течениями», в первую очередь с международными (читай, с революционным коммунизмом!), как агитпроп и авангард империалистических войн «III империи».

Но недостаточно провозгласить принципы, нужно добиться организационного их закрепления. И первую свою атаку «немецкие христиане» направляют на овладение церковным руководством. Фон-Бодельшвинг, избранный главой германской протестантской церкви, под напором «немецких христиан» вынужден уступить свое место Мюллеру — руководителю военного духовенства, личному другу Гитлера. Дальнейшая борьба разгорается вокруг методов управления церковью, поскольку новое, фашистское руководство ставит себе целью максимальную централизацию церковного управления (ликвидация коллегиальности, самоуправления местных церквей и т. д.). Наибольшую остроту приобретает к началу 1934 г. вопрос о подборе церковных (пасторских) кадров. Борьба за «очищение» протестантской церкви от неблагонадежных, с фашистской точки зрения, элементов облекается в теоретическую дискуссию в связи с требованиями «немецких христиан» о пересмотре ветхого завета и частично нового и о применении в церкви «арийского параграфа». Критика юдаистских тенденций писания формулируется наиболее последовательными из «немецких христиан» как ревизия ветхого завета, еврейской истории «племени пастухов и сутенеров» [1]), писаний ап. Павла — этого «еврейского агента» — и т. п. Пресловутый «арийский параграф» должен применяться в церкви: 1) путем воспрещения доступа к пасторским постам лиц неарийского происхождения и 2) путем выделения в особые церковные общины, так сказать, второго сорта, христиан неарийцев, для обслуживания последних в январе в Берлине было открыто специальное церковное здание [2].

Однако проведение этих мероприятий в жизнь натолкнулось на довольно упорную оппозицию среди протестантского пастората, группирующуюся вокруг церковной организации экономической взаимопомощи (Pfarrernotbund) и богословской школы «Evangelium und Kirche», возглавляемой одним из виднейших современных протестантских теологов, Карлом Барт, представителем «диалектического богословия» реформистско-кальвинистического типа [3]).

---

[1]) Афоризм руководителя берлинской организации «нацисов» Краузе. См. E. Noth «National-socialisme et protestantisme». «Europe nouvelle» № 832 за 1934 г., стр 71.

[2]) «Temps» от 23/I 1934 г.

[3]) Основное положение этой школы—см. K. Barth «Gotteswort und Menschenwort»—ограничение всей церковной деятельности провозглашением «божественного слова».

Pfarrernotbund в своем обращении к Мюллеру от имени об'единяемых им 6 тыс. пасторов требует отмены «арийского параграфа» как противного началам христианского вероучения и возвращения лютеранской церкви к коллегиальным формам управления. Одновременно с этим пасторы-оппозиционеры выпустили «манифест к верующим», в котором ссылками на историю лютеранства оправдывают свой церковный «бунт» и расписываются в своих сугубо мирных намерениях («Мы хотим мира, но на основе веры») [1]).

Группа Барта в более резкой форме (см. особенно его памфлет «Theologische Existenz heute»), не подымая вопросов церковного управления, ставит вопрос о чистоте христианской догмы: «Церковь верит в божественное происхождение государства... Но она не верит ни в одно конкретное государство, а следовательно, и в германское, ни в определенную государственную форму, а следовательно, и в национал-социалистскую». «Общность верующих определяется в церкви не кровью, не расой, но духом святым и крещением. Если германская евангелическая церковь выскажется за исключение христиан еврейского происхождения или будет обращаться с ними как с христианами второго сорта, она перестанет быть христианской церковью». На довод «немецких христиан» об особой боговдохновенности германского фашистского движения К. Барт отвечает: «Дух святой не нуждается в движениях, и большинство движений, по всей вероятности, вдохновляется дьяволом...»

Отнюдь не заинтересованное в том, чтобы отталкивать от фашистского режима таких преданных слуг реакции, каковыми являются лютеранские пасторы, фашистское руководство охотно пошло на «уступки» в теоретико-догматической области, обеспечив за собой все командные позиции на практике. В декабре 1933 г. последовало правительственное сообщение нижеследующего содержания: «В недрах германской евангелической церкви происходит в настоящее время ряд дискуссий, имеющих целью уяснить общее положение церкви. Имперский канцлер Адольф Гитлер, учитывая чисто внутренний характер этих споров, решил самым категорическим образом не допускать никакого внешнего в них вмешательства». В то же самое время «немецкие христиане», получив соответствующие директивы свыше, предприняли идеологическое отступление и опубликовали декларацию, берущую назад главные догматические их разногласия с остальным пасторатом. В январе 1934 г. последовало распоряжение Мюллера о запрещении лютеранским пасторам «для восстановления мира в церкви» заниматься в церкви политической деятельностью и о применении «арийского параграфа» по усмотрению местных церковных властей. Давая это видимое удовлетворение церковной оппозиции, германский фашизм тем более легко мог пойти на него, что к этому времени, с одной стороны, вся подготовка священнических кадров была уже подчинена общему германскому университетскому закону со всеми его рогатками и барьерами для преподавателей и студентов неарийцев, с другой же стороны, все юношеские протестантские организации (700—800 тыс. чел.) были влиты в фашистские союзы молодежи, и новый их руководитель, пастор Цан, в обращении к их участникам совершенно недвусмысленно возложил на них функции контроля (слежки) за благонадежностью церковных кадров: «Несите все ваши сомнения в церковь и требуйте там четкого немецкого ответа...» [2])

Неуклонно развертывавшийся процесс фашизации германской католической церкви прошел за последнее полугодие также через несколько, не ли-

---

[1]) «Temps» от 8/I 1934 г.
[2]) «Temps» от 4/1 1934 г.

шенных красочности, этапов [1]). В июне 1933 г. германские епископы выступили с официальной декларацией, равносильной признанию фашистского режима: «Цели, преследуемые новым правительством, т. е. освобождение нации, получают полное одобрение со стороны католиков. После стольких лет отсутствия свободы, когда нация была унижена, германский народ должен снова занять почетное место среди государств мира, соответствующее его величию. К великой нашей радости вожди нового государства ясно заявили, что ставят как себя лично, так и свое дело на почву христианства».

Отметим и здесь ясно выраженную пропаганду внешнеполитических («ревизионистских») планов германского фашизма.

20 июля 1933 г. подписывается между германским правительством и папой конкордат, распространяющийся на всю Германию. Конкордат воспроизводит в основном постановления итальянского своего предшественника (см. выше, гл. II): материальная помощь государства церкви, приравнение клириков к государственным служащим и ряд детальных правил (§§ 21 — 25) относительно религиозного преподавания в школах, причем «в религиозном преподавании будет проявлена особая забота о воспитании сознания отечественного, гражданского и социального долга...»

Отметим здесь лишь те моменты, которые отличают германский конкордат от его итальянского предшественника [2]). Германский конкордат предоставляет церковным властям регулировать своими распоряжениями церковные вопросы, но в рамках общего закона (соответствующей оговорки в латеранском договоре нет). Опущен вопрос о положении духовенства в случае военных действий, регулируемый особым секретным приложением к договору [3]). Наконец, в германском конкордате имеется специальная статья международно-политического значения (ст. 29) о защите германских нацменьшинств в иностранных государствах. Ватикан обязуется (дополнительным к ст. 29 протоколом) «включать в будущие конкордаты с другими государствами соответствующий пункт о защите прав немецких меньшинств». Таким образом католическая церковь открыто включается в борьбу за внешнеполитические об'екты германского фашизма, «имея всегда в виду судьбу наших братьев по расе, находящихся за рубежом», по выражению фашистского официоза [4]).

В том же июле 1933 г. происходит вынужденный «самороспуск» германской католической партии центра [5]), образно комментированный председателем прусского ландтага Кубе («чтобы они не могли открыть своего неумытого рыла»). Положение несколько обостряется к концу 1933 и началу 1934 гг. С одной стороны, католическая церковь, относясь снисходительно к безудержно прогрессирующему фашистскому террору, рискует растерять большую часть своих кадров (христианские рабочие союзы, мелкую буржуазию и пр.). Отсюда необходимость хотя бы чисто декларативной критики фашистского терроризма. С другой стороны, германский фашизм, не имея сам в силу международного характера католической церковной организации возможности образовать в ней столь же легко сколь в лютеранской церкви свои «штурмовые колонны», применяет к отдельным ее представителям свои обычные методы тюремнокулачной расправы. На этой почве разгорелось не-

---

[1]) R. Harcourt «Dictature hitlérienne et catholique d'Allemagne». «Revue des deux mondes» от 15/VI 1933 г., стр. 726 — 786.
P. Copeau «La guerre réligieuse en Allemagne». «Revue des deux mondes» от 15/II 1934 г., стр. 875 — 889.

[2]) Полный текст конкордата см. «Europe nouvelle» № 815 за 1933 г., стр. 918 — 924.

[3]) «Temps» от 18/VIII 1933 г.

[4]) «Völkischer Beobachter» от 27/VII 1933 г.

[5]) О партии центра, ее роли и деятельности см. Е. Коровин «Католицизм как фактор современной мировой политики». Гл. IV

сколько конфликтов, из которых некоторые приобрели за последнее время значительную остроту. Так, профессор тюбингенского католического университета Адам был заключен в тюрьму за распространение «ложных слухов» о положении в германских концентрационных лагерях. Той же участи подвергся аббат Трауэсштейн [1]) и еще несколько католических священников. В защиту священников выступил католический епископат. В частности кардинал Фаульгабер запретил богослужения в приходе арестованного священника (поскольку арест был вызван доносом одного из прихожан) и выступил с проповедью, обличающей «языческие тенденции» германского фашизма (вплоть до его культа расизма и «древнегерманского варварства»). Выступление Фаульгабера вызвало бурю негодования в фашистских рядах. Шемм, министр исповеданий Баварии, предостерегающе заявил: «Чтобы говорить о боге, надо сначала понять свой народ как расовое единство». Альфред Розенберг разразился публичной речью, где обвинял Фаульгабера в «клевете» на фашизм, напоминал ему, что если он проповедует в Германии, то исключительно «по милости Гитлера», угрожающе намекал, что «несовместимость расовой теории и христианства об'явлена церковью, — расисты ее не знают», и кончил заявлением: «Когда мы надеваем коричневую рубашку, мы перестаем быть католиками или протестантами, чтобы быть только немцами» [2]).

Более темпераментные фашисты сделали из речей вождя соответствующие «оргвыводы», и кардинальский дворец Фаульгабера подвергся обстрелу из револьверов [3]), правда, безрезультатному.

В виде протеста против фашистских эксцессов ряд католических церквей (в Майнце и др. городах) отказался от вывешивания фашистских эмблем, флагов и пр. В свою очередь Ватикан отозвался на эту дискуссию тем, что внес в список «запрещенных (для католиков) книг» (Index librorum prohibitorum) произведения руководителей германского фашизма, в том числе самого Розенберга («Мифы XX столетия») [4]).

В речи, произнесенной на XVII партс'езде, т. Н. И. Бухарин дал об'яснение фашистско-церковных разногласий: «В Германии сейчас вычеркиваются из календарей христианские имена под предлогом, что это есть «восточное влияние», проповедуется культ Вотана, древнетевтонского бога. Даже некоторые попы взбунтовались. Около 2 тыс. попов подали декларацию, что это—антихристианское учение. Но теперь фашисты не нуждаются даже в лицемерно-гуманистических побрякушках, которые то туда то сюда вкраплены в так называемый «новый завет». Это все — «восточное влияние». Они проповедуют открытый разбой, открытую скотскую философию, окровавленный кинжал, открытую поножовщину» [5]).

Едва ли правильно сводить значение «попо́вского бунта» в Германии к религиозно-философским разногласиям или к спору сторонников и противников «лицемерно-гуманитарных побрякушек». Конечно, во всех конфликтах подобного рода наглядно отображается разногласие среди господствующей буржуазной олигархии и отдельных ее агентур по вопросу о наиболее эффективных на данном историческом этапе методах спасения капиталистического строя. Весьма характерно, например, что даже итальянские фашисты далеко не всегда одобряют «методы» своих германских коллег и по временам определяют их как «чрезмерно зоотехнические...» [6]). Но самое интересное, с нашей точки зрения, не только в этом. «Из всех трупов, — говорил когда-то

---

[1]) «Temps» от 26/I и 31/I 1934 г.
[2]) «Temps» от 27/I 1934 г.
[3]) «Temps» от 7/II 1934 г.
[4]) «Temps» от 14/II и 15/II 1934 г.
[5]) «Правда» от 30/I 1934 г.
[6]) Fermi «La chiese cristiane e il terzo Reich nel decorso del 1933. «Gerarchia» № 1 за 1934 г., стр. 58.

папа Лев XIII,—церковь связывает свою судьбу только с тем, который сам себя пригвоздил к кресту»,—доказывая тем самым, что закаленная в классовых боя церковная агентура капитала избегает, как правило, заведомых политических мертвецов. Кардинал Фаульгабер, один из организаторов антисоветского крестового похода, и руководители германского пастората — не меньшие в своем роде мракобесы, чем Геринг, Геббельс и прочие «нацисы». И папа, и Муссолини, и Гитлер, и герои II интернационала выполняют в конечном счете единый хозяйский «заказ». Расхождение между германским фашизмом и церковью есть отражение внутренних противоречий в лагере самой буржуазии. «Стремление фашизма к политической монополии усиливает в рядах господствующих классов раздоры и конфликты, которые проистекают из внутренней противоречивости положения фашизирующейся буржуазии» (XIII пленум ИККИ).

IV

Не только фашистское, но всякое современное капиталистическое государство, вступившее на путь фашизации, неизбежно ищет для себя опору в церкви. В период фашистской диктатуры в Испании (генерал Примо де Ривера) сотрудничество церкви и фашизма было самым тесным. Церковь пропагандировала в Южной и Центральной Америке «великоиспанские» планы фашистской директории, помогала испанским диктаторам в удушении национального движения в Каталонии, не говоря уже о повседневном им содействии в борьбе с революционным пролетариатом [1]). Падение испанской монархии (1931 г.) и установление буржуазнореспубликанского режима не внесли существенного изменения в сотрудничество правительственного и церковного аппаратов. Однако под влиянием массового антицерковного движения, направленного против церкви как крупнейшего капиталистического паразита (⅓ испанского национального дохода поступает в карман церковных организаций), испанская буржуазия вынуждена была скрепя сердце пойти на издание нескольких направленных против церкви актов (закон об отделении церкви от государства, об изгнании иезуитов (1932 г.), о светской школе (1933 г.), декларативного по преимуществу характера, поскольку экономическая база церкви оставлена была неприкосновенной. Усиление реакционно-фашистских течений в руководящих кругах испанской буржуазии в ответ на разгорающееся революционное движение масс (падение правительства Азанья и выборы 1933 г.) имело немедленным своим следствием новое сближение правительства с церковью. Образчики последнего — поездка в Рим (январь 1934 г.) испанского министра иностранных дел Пита Ромеро для заключения соглашения (modus vivendi) с папой и отсрочка проведения в жизнь закона о светской школе [2]).

Весьма широко использует религию и японский фашизм как для подавления рабочего движения внутри страны, так и для подготовки кровавых своих авантюр вовне. Большинство многочисленных военно-фашистских организаций Японии либо непосредственно выступает под религиозной эмблемой, либо опирается на религиозную идеологию, либо пользуется церковью, не стесняясь выбором (буддизм, шинтоизм, мусульманство, христианство), как своим агитпропом [3]). В качестве типичного примера первых можно указать такую организацию, как осакская «Синсю тококуто» («Партия защи-

---

[1]) Е. Коровин «Церковь и революция в Испании». «Воинствующий атеизм» № 6 за 1931 г.

[2]) «Temps» от 1/I и 7/I 1934 г.

[3]) О. Танин и Е. Иоган «Военно-фашистское движение в Японии». Партиздат. 1933. Особ. стр. 23, 33, 47, 180, 207, 230 и др. См. также «Masaharu Anesaki». «History of japanese Religion», London, 1930.

ты страны богов»), причем, как известно, японские боги имеют довольно обширный аппетит, поскольку, по компетентному свидетельству генерала Сато Кийокацу, «мы смотрим на Манчжурию, Монголию и Сибирь как на святое место наших предков и на место активности наших потомков». 60 буддийских и 12 шинтоистских сект Японии с многотысячной армией жрецов и монахов, базирующейся на 253 тыс. храмов, монастырей и молелен, также работают не за страх, а за совесть на японский фашизм. Так, в целях борьбы с «опасными мыслями» среди молодежи правительством вменено в обязанность учащимся и военнослужащим обязательное посещение церквей для укрепления, согласно раз'яснению министерства народного просвещения, «верноподданности императорскому дому, любви к родине и национального духа». В каком направлении культивируют японские церковники любовь к родине, видно из того, что наиболее торжественные церковные манифестации (например трехдневные богослужения в январе 1932 г.) приурочиваются к интервенции в Манчжурии. Об эффективности этих и других манчжурских богослужений говорят следующие цифры: богослужение в храме «Ацута Дзингу» посетило 1380 тыс. чел., храм «Счастливец богов» посетило 1300 тыс. чел., и 280 тыс. чел. выписало из храма соответствующие амулеты [1]).

Отдельные религиозные секты («тэнро», «доин», «ницирен» и др.) специализировались на выполнении колониальной программы японского милитаризма в Корее, Манчжурии, Монголии. Известно, например, что Отани, руководитель одной из крупнейших буддийских сект, по специальному заданию японского военного командования ведет работу среди ламаитского духовенства Внутренней Монголии. По заявлению Хорикаси, одного из виднейших деятелей японского буддизма (заявление напечатано в «Мансю нанпо»), «японское командование придает большое значение вопросу об об'единении монгольских ламаитов и японских буддистов».

Исключительную политическую активность проявляет секта «ницирен». Уличная драка монахов этой секты с китайцами (1932 г.) послужила для японского правительства поводом к шанхайской интервенции. В дальнейшем «ницирен» особенно зарекомендовал себя активными антисоветскими выступлениями (борьба против заключения пакта о ненападении с СССР, против покупки КВЖД, антисоветское воззвание от 17 января 1933 г. и др.).

Известное в истории японского империализма общество «Черного дракона» с его паназиатской программой, помимо проведения кампании против пакта о ненападении, усиленно работает по подготовке войны против СССР в тесном контакте с атаманом Семеновым, с бурятскими и якутскими белоэмигрантами и с мусульманской белой эмиграцией (группа Курбан—Галиева и др.). Филиал «Черного дракона» — «Красная свастика» («Сакисинся»)—специализируется на пропаганде через религиозные организации. «Религия есть политика»,— откровенно провозглашает многочисленная секта «омото-кио» с ее 100 школами в Японии и 40 отделениями заграницей. Ее установка: «Мы являемся жертвой своих желаний, мы мечтаем о будущем, как будто наша жизнь будет продолжаться 10 тыс. лет, мы желаем увеличить наше состояние и совершенно не знаем о том факте, что приближаемся к могиле верными шагами». С этой проповедью квиэтизма, предназначенной специально для трудового люда, прекрасно уживается в программе секты призыв к организации по фашистскому рецепту: «Последователи должны об'единиться вокруг смелого человека. Если соберутся люди, то появятся и деньги. Никакое человеческое предприятие не может быть совершено при отсутствии смелости. Смелость для мужчины—то же самое, что привлекательность для женщины».

---

[1]) «Ostasiatische Rundschau». London. 1/II 1933 г.

На фашистской службе подвизаются и организации вроде «Общества духа великой Японии», своеобразной разновидности зубатовщины христианского социализма в японских условиях. Цель его деятельности — «гармония труда и капитала», единение народа с императором и, разумеется, «поднятие в сознании людей почитания божества». Его повседневная практика — погромы революционных рабочих организаций, избиение стачечников, вербовка штрейкбрехеров и т. п.

«Наилучшие условия для создания общества, основанного на любви к земле, имеются в Манчжурии», — поучает Тацибана, глава террористической организации «Школа любви к родной земле».

«Настоящее положение на Дальнем Востоке и положение во всем мире диктуют Японии необходимость выступления. Думаю, что в этом смысле имеет большое значение манчжурский инцидент. Япония уже сделала по указанию бога первый шаг вперед», — так пишет генерал Араки, один из виднейших лидеров японской военщины, бывший военный министр и кандидат в будущие диктаторы. Не только буддизм, шинтоизм, мусульманство, но и христианские культы находят себе теплое местечко на службе японского фашизма. Японский пионер «практического христианства» и «религиозного пацифизма» Кагава и его миссионеры использованы японским командованием для обработки китайских крестьян, в особенности в тех районах, где раньше уже действовали европейские и американские миссионерские станции.

Не осталась без работы и русская белоэмигрантская поповщина. Еще в самом начале манчжурской авантюры вождь эмигрантского православия митрополит Евлогий «призвал благословение на белых воинов», напомнив им, что «сроки близятся и события стремительно назревают» [1]). По мере дальнейшего назревания событий православные церковники в Манчжурии наравне с прочим белоэмигрантским отрепьем превратились в один из оплотов новоявленной манчжурской государственности.

Любопытно, наконец, отметить с каждым днем актизизирующийся процесс сотрудничества японского фашизма с германским. Оставляя в стороне неоднократно приводившиеся в печати случаи политического и экономического их контакта, отметим сотрудничество их на идеологическом фронте. Примеров такового больше чем достаточно, начиная с рассуждений вышеупомянутого Тацибана, заимствующего самую германскую терминологию и предлагающего в «основных принципах патриотической реформы Японии» проведение в Японии «на основе законов неба национал-социалистической реформы», и кончая глубокомысленными размышлениями генерала Араки в его «Задачах Японии в эпоху Сиова» [2]) о различии рас («лягавая и пудель, и та и другая — собаки, но ведь существует большое различие между ними: в то время как пудель ценен только для забавы, лягавая собака является охотничьей и сторожевой»), об осознании себя как японцев, о японском национальном духе, о императорской нравственности, о всемирно-исторической миссии Японии («Долой еретическую доктрину материализма! Уничтожить развратные течения!»). Приведем еще одно весьма характерное суждение, исходящее от германских фашистов и принадлежащее перу главного редактора «Hamburger Nachrichten» фон-Нейгауза: «Подобно тому как национал-социализм в Германии стремится подняться к старому прусскому духу, к идее служения государству не ради золота или серебра, но ради чести, также и в Японии вернулись к старым идеям древней японской касты воинов-самураев. Аракизм (названный так по имени японского военного министра Араки) восстанавливает в чести (так же, как в Германии Адольфа Гитлера) старые верования. Буддистское учение систематически противоположно

[1]) «Возрождение» от 17/XI 1931 г.
[2]) См. русский перевод в приложении к книге Танина и Иогана, стр. 251—262.

большевизму и атеизму. Большевистская алчность к материальным благам привела к хаосу не только Россию, но и весь мир. Гитлер в Германии, Араки в Японии противопоставляют им организованный порядок, который рождается из веры в бога, из добровольной службы для блага государства, из жертвенного духа и т. д.».

V

Выше нами уже был отмечен ряд случаев, когда фашистско-церковная борьба с революционным движением пролетариата перерастала в борьбу против Советского союза как его авангарда. В числе различных фашистских рецептов военно-авантюристического выхода из кризиса фигурируют, в качестве широко распространенного варианта, различные планы антисоветской акции, начиная с чисто военных («...думают организовать войну против СССР. Они думают разбить СССР, поделить его территорию и поживиться за его счет» (Сталин) и кончая различными приемами экономической и политической борьбы против СССР, которых так много в арсенале современного империализма. «Мы должны учитывать, что будут и впредь наскакивать на СССР, создавать угрозу всякого рода, наносить ему вред и т. п.» [1]).

Остановимся на антисоветской деятельности католической церкви, особенно интенсивной с 1930 г., т. е. именно в период максимального сращивания католической церкви с фашизмом. Напомним несколько дат. Начало 1930 г.—«крестовый поход» римского папы, всемирная перекличка международной контрреволюции и призыв к «единому фронту» интервентов. 1931 г.— рождественская речь папы о «гонимых и страждущих» в СССР с обещанием им скорого утешения и ряд антисоветских выступлений папского института «Pro Russia» (руководитель М. д'Эрбиньи) и папской прессы (легенды о советском демпинге, о принудительном труде). 1932 г.—папская энциклика «О молитве и покаянии перед святым сердцем Иисусовым при испытаниях, переживаемых родом человеческим» [2]), об'являющая коммунизм «самым страшным бедствием нашего времени». 1933 г. — мартовская речь папы (12/III 1933 г.) по случаю чествования нового святого, прославившегося своей контрреволюционной деятельностью в эпоху Французской революции, утверждающая, что главная причина кризиса — рост безбожия и безбожных кадров, в частности в СССР, «видящих в церкви прочную опору всего того, с чем они борются» (т. е. капиталистического строя). Отсюда призыв к об'единению защитников как той, так и другого. Последний этап католической работы в том же направлении — кампания, поднятая папской печатью против нормализации отношений между СССР и САСШ. «Большевизм поощряется,— пишет «Osservatore Romano»,— к сопротивлению к посягательству на все. Он может теперь доказывать народам, что его теории насилия, отрицающие бога, семью, экономику, добрые нравы, допущены на равных основаниях с другими к чести участвовать в делах мира и цивилизации».

Весьма характерно, что нормальные международные отношения между фашистским правительством Италии и советским государством ни в какой мере не умеряют антисоветского пыла римского католического штаба мирового мракобесия. А это в свою очередь служит лишним подтверждением того обстоятельства, что даже те фашистские группы, которые ищут разрешения международных противоречий и выхода из кризиса не за счет СССР, но в другом месте и поддерживают поэтому с последним нормальные отношения, не в состоянии все же отказаться от других форм антисоветской акции, ведя

---

[1]) Сталин «Отчет XVII с'езду ВКП(б)».

[2]) «Osservatore Romano» от 19/V 1932 г., см. также Е. Коровин «Союз войны и церкви». «За рубежом» № 31 за 1933 г.

таковую вместо государственного своего аппарата через его церковную агентуру.

VI

«Отживающая буржуазия, — писал Ленин, — соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство» [1]). Современный блок фашизма с церковью в то время, когда «мир уже вплотную подходит к новому туру революций и войн» (XIII пленум ИККИ), является блестящим подтверждением правильности ленинского прогноза. Рост революционного кризиса и возмущения широких масс против господства капитала, бессилие капитализма удержать свою диктатуру старыми методами буржуазной демократии вынуждают капитал «перейти к открытой террористической диктатуре внутри страны и к безудержному шовинизму во внешней политике». Проводя этот курс, фашизм использует как социал-фашизм, «обслуживающий интересы буржуазии среди рабочего класса» (из программы Коминтерна), так и многообразную церковную агентуру капитала, специализированную на работе в наиболее отсталых слоях рабочего класса, крестьянства и мелкой буржуазии. «От боевой готовности большинства рабочего класса, — как справедливо указывал пленум ИККИ, — от успешной работы компартий в деле подрыва массового влияния социал-демократии зависит, как скоро господство обанкротившегося капитализма будет свергнуто пролетариатом». Эта директива в полной мере применима и к организации массовой борьбы за освобождение миллионов трудящихся от цепей фашистско-церковной идеологии, превращающей их самих в орудия и жертвы фашистского гнета, в пушечное мясо для его военных авантюр. Отсюда международный фронт пролетарского безбожия как боевой фронт революционной борьбы с фашизмом и необходимость всемерной его активизации. «Великая задача международного пролетариата — превратить кризис капиталистического мира в победу пролетарской революции» (тезисы XIII пленума ИККИ). Но, говоря словами т. Сталина, «победа революции никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать» [2]). Это правило одинаково верно на всех участках классовой борьбы, в том числе и на антирелигиозном фронте.

---

[1]) Ленин. Собр. соч. Т. XVI, стр. 395.
[2]) Сталин «Политотчет XVII с'езду ВКП(б)».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

На пути к созданию новой науки

Сб. „История техники". Вып. 1-й. Отв. редактор акад. Г. М. Кржижановский. Москва. 1934. 189 стр., 5000 экз.

Завещание Маркса и Ленина о создании «критической истории технологии» и о «диалектической обработке истории науки и техники», которое имеет огромное руководящее значение для современной науки, долгое время оставалось невыполненным. Налицо были совершенно недопустимое отставание теоретического фронта и полное игнорирование истории техники со стороны инженеров-практиков.

Как указывал еще покойный М. Н. Покровский, «не без удивления наши «практики» слушали, как в Германии в технических вузах огромное место отводится такому «академическому» предмету, как история техники и что вообще хорошим инженером нельзя сделаться, не получив очень хорошей теоретической подготовки» [1]). Предостерегая от узкого практицизма при разработке истории техники, он едко высмеивал «уродства» в научной работе. Несмотря на это некоторые «практики» еще и сейчас пытаются изгнать историю техники под предлогом якобы созерцательного характера этой дисциплины.

Постановление ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. о преподавании в высших учебных заведениях курса марксистской истории техники явилось решающим шагом в деле выполнения завещания Маркса и Ленина; оно было продиктовано растущими требованиями народного хозяйства к техническим кадрам социализма. Основной задачей в нашей работе по истории техники являются актуализация ее преподавания и борьба с упрощенчеством. Сугубое внимание при этом должно быть сосредоточено на том новом, что внесли Ленин и Сталин в учение классиков марксизма о технике. Однако преподавание истории техники во втузах не может исчерпать всей суммы стоящих перед ней научных проблем. Поэтому нельзя не согласиться с Г. М. Кржижановским, что «появление наряду с ленинградским «Архивом истории науки и техники» специальных сборников в Москве следует расценивать как факт большого политического и культурного значения».

Московский сборник «Истории техники» выгодно отличается от двух выпусков ленинградского «Архива истории науки и техники» тем, что наряду со статьями, посвященными марксистскому анализу конкретных моментов истории техники (турбины внутреннего сгорания, металлургия, воздухоплавание и т. д.), в нем уделяется надлежащее внимание также разработке методологических вопросов.

После яркого предисловия Г. М. Кржижановского следует статья А. А. Зворыкина «Основные вопросы преподавания и изучения истории техники», заслуживающая серьезного внимания попыткой поставить основные вопросы истории техники, в первую очередь вопросы о ее предмете и методе. История техники есть одна из отраслей той науки, которую Маркс называл единственной и всеобщей,— науки исторической. Исходным пунктом ее является материальный базис каждой

---

[1]) «Вестник Соц. академии» № 22, стр. 7.

общественной формации и технология, охватывающей механические средства труда в их функционировании.

Тов. Зворыкин дает интересную иллюстрацию ленинской мысли о диалектическом развитии человеческого знания. Он иллюстрирует это на целом ряде примеров из истории развития техники: бурения, насосов, паровых машин. Вместе с тем он ведет решительную борьбу за подлинно-научный диалектический метод против тех извращений и вульгаризаций диалектического материализма, которые были допущены некоторыми историками техники.

Один из них, например, следующим образом формулировал принцип единства противоположностей для конструкции железобетонной балки: «Железобетонная балка есть железо и бетон, и здесь отдельное звено выступает как общее. И железо и бетон здесь входят в общее в железобетонной балке, одно — одними свойствами, другое — другими. Железо — только сопротивлением на растяжение, бетон — только сопротивлением на сжатие. Так же неполно входит железобетонная балка в железо и бетон, и самая железобетонная балка неполно входит в общее, т. е. во все здание, а это только несущая конструкция, и важны поэтому только те свойства, которые имеют значение для выполнения этой технической роли, т. е. действия на сжатие и растяжение».

Решительно отбрасывая подобного рода «диалектические» построения, тов. Зворыкин столь же отрицательно характеризует тонущие в словесной шелухе споры о капиталистическом и социалистическом существе машин. Бесплодности этих споров он противополагает постановку того же вопроса, данную мастером Краснопресненского завода тов. Гуровым, который сумел перейти от частных вопросов (по поводу станка Дип) к вопросу об элементах и характере социалистической машины вообще.

Такой же схоластикой тов. Зворыкин считает весьма распространенное у нас «цитатмахерство», — стремление скрыть бессилие и бессодержательность собственной мысли за нагромождением цитат с перекинутыми между ними мостиками из высказываний самого «автора». Конкретность — таково требование, которое тов. Зворыкин пред'являет к работам по истории техники и которое он сам стремится выполнить уже в рамках своей методологической по содержанию статьи. Этим требованием продиктовано, очевидно, и то ударение, которое он делает на изучение в первую очередь отдельных отраслей техники. Здесь имеются, конечно, свои трудности. Так, по Зворыкину, изучение этих отраслей должно предшествовать построению общей критической истории технологии. С другой стороны, изучать их возможно лишь «учитывая общий ход технического развития», иными словами, располагая известной общей историко-технологической концепцией. Если принять в соображение такие ведущие «отраслевые» истории, как история машиностроения, то окажется, что комплексный их характер (неразрывная связь с горным делом, металлургией, сельским хозяйством и т. п.) делает совершенно невозможным их изучение иначе, как в общей исторической связи. Вопрос о том, как сочетать изучение общей и отраслевых историй техники требует дополнительного и притом весьма углубленного обсуждения. Тов. Зворыкину кажется, что он его решил, в то время как он его по-настоящему еще и не поставил.

Не менее сложен и вопрос о периодизации истории техники. Наука эта,— пишет тов. Зворыкин, — должна излагаться соответственно общественным формациям. В общем это верно, но для того, чтобы история техники была не абстрактной, а конкретной, она должна исходить из того, что общественно-экономическая обусловленность техники в разных ее отраслях проявляется по-разному. Поэтому при периодизации необходимо считаться с конкретными особенностями отдельных отраслей. Так, периоды в развитии строительной техники в основном совпадают с историческими формациями. Но как быть с техникой прядильного дела, в истории которого изобретение, приписываемое Аркрайту, играет роль исторического рубежа, или с историей связи до и после изобретения электрического телеграфа? Интересы столь горячо отстаиваемого тов. Зворыкиным конкретного подхода к пред-

мету требуют учета этих особенностей, не затемняемого требованием всегда и во что бы то ни стало располагать материал по общеисторическим формациям. Наконец, остается открытым вопрос о периодизации материала в рамках какой-либо одной исторической формации. Думает ли и здесь тов. Зворыкин равняться на эпохи общей истории или согласен поступиться ими в пользу особенностей материала? Так или иначе нужно специально заняться разработкой вопроса о периодизации технического развития, имея при этом ввиду руководящие указания Маркса в «Капитале» о роли развития орудий труда и техники в смене исторических способов производства.

Последнее замечание, которое следовало бы сделать о статье тов. Зворыкина, следующее: он много говорит об изучении истории техники и гораздо меньше о ее преподавании — об использовании музеев, экскурсий, о работе самих учащихся с вышедшими из употребления машинами, орудиями и т. д. А это тем более важно, что наша литература о технических музеях, например, насчитывает всего лишь два—три названия, да и те вызывают весьма разноречивые оценки.

Указанные недочеты и спорные места не умаляют серьезного значения вдумчивой работы Зворыкина.

Тов. Покровский в своей статье «О некоторых проблемах истории металлургии» стоит в основном на методологических позициях тов. Зворыкина. Автор, также горячо восстающий против пустопорожнего диалектизаторства, дает любопытные образцы «спиралевидного» развития техники (сталелитейное дело до и после крестовых походов). Но, к сожалению, в статье нет самых необходимых экскурсов в историю науки. В одном случае, приводя старинный рецепт закалки кинжала — «нагреть кинжал, пока он не засветится как солнце, затем погрузить его в тело сильного раба, пока он не примет цвета царского пурпура», — тов. Покровский довольствуется лишь общим замечанием о «фантастических суевериях» (стр. 108). Между тем эти «фантастические суеверия» следовало бы поставить в связь с тем старинным воззрением на кровь как вместилище укрепляющих соков и веществ, которое в европейской науке держалось больше тысячи лет от Галена до самого открытия кровообращения Вильямом Гарвеем[1]). С другой стороны, статья тов. Покровского содержит данные, свидетельствующие о неточности его «методологической схемы». Таковы делаемые им на основе работы Иогансена сопоставления плавильных печей у дикарей Австралии и в цивилизованных странах античного мира. Некоторые, допускаемые автором преувеличения значения металлургии (например, утверждение, что одной из существенных причин завоевания крестоносцами Востока было их стремление овладеть старинными рецептами производства сталей,—как будто для этого недостаточны были менее сложные и не столь дорогие предприятия!) не повредили бы статье так сильно, если бы не завершающее ее утверждение, претенциозность и ошибочность которого равны друг другу: «Революция в металлопроизводстве означает одновременно и революцию в общественной организации труда, а следовательно, и в общественно-государственном строе» (!) (стр. 119).

Вдумчивая статья проф. В. Данилевского «Проблема турбины внутреннего сгорания», снабженная большим количеством иллюстраций, схем и ссылок, помогает разрешить многочисленные задачи, выдвигаемые дизелистами и энергетиками. XVII с'езд партии поставил перед Советским союзом задачу выйти к концу второй пятилетки в техническом отношении на первое место в Европе. Выполнение этой задачи требует самого рационального использования топлива. Группа ученых инженеров в своем обращении к XVII с'езду указала на крайнюю необходимость всестороннего использования тех выгод и преимуществ, которые таятся в газификации и газовых моторах.

Ленин предвидел огромное значение этой проблемы для социализма еще задолго до того момента, как газ приобрел в современной технике такую боль-

[1]) См. об этом, например, только что вышедшую работу A. Meyer «Ideen und Ideale der biologischen Erkenntnis», Lpz. 1934, S. 25—6.

щую роль. Работа тов. Данилевского призывает к реализации одной из грандиознейших идей социализма, сформулированных Лениным в статье «Одна из великих побед техники».

Как известно, задача осуществления подземной газификации в промышленных масштабах попутно выдвигает целый ряд проблем величайшей важности. Одной из них является создание газовой турбины, которая наиболее экономно использует подземный газ для питания мощных электроцентралей. Тов. Данилевский справедливо критикует попытки использовать подземный газ для непосредственного «сжигания под котлами электроцентралей». Коэфициент полезного действия поршневых газовых двигателей составляет в среднем 25%, а газовая турбина, по утверждению немецкого инженера Гольцварта, работающего в этой области около 25 лет, уже сейчас может довести коэфициент полезного действия до 30%.

В условиях капиталистической системы проблема создания газовой турбины, этой «самой экономической машины» (слова директора завода Тиссен), не получила еще удовлетворительного разрешения несмотря на целый ряд ценных достижений (работы Лангера, Шюле, Стодола, Штаубера и др.). Эти медленные успехи газовой турбины в значительной степени об'ясняются тем, что эксперименты с ними строго засекречены в лабораториях капиталистических предприятий, так что исключена возможность совместной работы выдающихся специалистов. С другой стороны, и здесь проявляются тенденции к техническому загниванию, что особенно резко проявилось в период мирового кризиса. Общее перепроизводство, в том числе и в угольной и газовой промышленности, омертвение капиталов, вложенных в оборудование предприятий, устраняет у предпринимателей стимул к вложению средств в капитальное переоборудование двигательных установок.

В условиях социалистического общества нет этих причин, тормозящих технический прогресс. Колоссальное строительство по всей территории Советского союза, реконструкция угольной промышленности, металлургии, электрификация страны, победа коллективного сельского хозяйства создают все материальные условия для решения самых трудных технических проблем. Вместе с тем громадный рост технического опыта и отсутствие перегородок между отдельными крупными предприятиями обеспечивают участие в разрешении этой проблемы всех лучших технических сил страны: научно-исследовательских институтов и отдельных специалистов.

В октябре 1932 г. в Ленинграде была создана специальная комиссия по проектированию газовой турбины. К сожалению, работа ее до сих пор еще не развернулась, хотя и намечена была совершенно правильная программа действий, включающая также участие исследовательских институтов и завода им. Сталина.

В работе по созданию газовой турбины немало трудностей в отношении оформления самого термодинамического цикла, конструкции, состава специалистов и т. д. Однако все эти трудности безусловно могут быть преодолены.

В общем удовлетворительная и довольно богатая фактическим материалом статья инж. Абрамова «Техника металлургического производства в период мирового кризиса» страдает однако слабым экономическим анализом. «Черная металлургия,— категорически утверждает т. Абрамов,— ведущая отрасль экономики современного промышленного государства» (стр. 121). Это смелое «открытие», достойное «откровений» покойного М. Павловича, ничем решительно не подкрепляется. Читатель вынужден наслово верить нашему автору, хотя он отлично знает, что если уже говорить о ведущей отрасли экономики, то ею является тяжелая промышленность в целом, а затем машиностроение—эта сердцевина индустрии, а отнюдь не черная металлургия.

Правильно констатируя, что «в 1933 г. кривая выплавки металла начинает несколько подыматься вверх», автор предостерегает: «Но это ни в коем случае

не свидетельствует о «начале конца» кризиса» (стр. 122). Некоторое ослабление кризиса автор относит за счет роста вооружений. «Возможно, что глубина кризиса в области металлургии была бы еще больше, если бы не увеличивающиеся требования на металл со стороны военных заводов. В 1933 г. гонка вооружений достигла столь значительных размеров, что этот фактор в металлургии начинает превалировать над продолжающимся кризисом» (стр. 123). На самом деле, гонка вооружений не единственная причина того положения, что «промышленность основных капиталистических стран, повидимому, уже прошла точку наибольшего упадка» (Сталин). На XVII с'езде партии тов. Сталин, дав блестящий анализ продолжающегося кризиса мирового капитализма, подчеркнул, что «было бы грубой ошибкой об'яснять все военно-инфляционной кон'юнктурой... Очевидно, что наряду с военно-инфляционной кон'юнктурой здесь имеет место также действие внутренних экономических сил капитализма... Очевидно, что мы имеем дело с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведет к новому под'ему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка».

Статья инж. Абрамова содержит тщательное описание деталей и процессов металлургического производства (домны, мартены, бессемеры, электрометаллургия, прокат и т. д.), обнаруживая у автора большую эрудицию в технических вопросах. К сожалению, автор чрезмерно расширил рамки статьи о кризисе до размеров истории металлургии всей эпохи империализма при одновременной попытке наметить практические выводы для СССР. И при этом тов. Абрамов обошел молчанием высказывания классиков марксизма о технике, в частности «Империализм» Ленина и работы тов. Сталина. В целом статья инж. Абрамова не может быть признана надежным путеводителем по истории новейшей металлургии.

Особого внимания заслуживает напечатанная в сборнике в порядке обсуждения статья т. Лейкина «Капитализм и система механического производства». Тов. Лейкин ставит ряд серьезных и интересных проблем по философии техники. Даже при известной спорности отдельных положений автора (адэкватность капитализму только механической системы производства и якобы полная иррациональность (!!) электричества и химии и т. д.) богатство фактов и умелое оперирование новейшими данными придают статье тов. Лейкина значительный интерес. К этой статье, разбор которой затруднителен в рамках рецензии, мы рассчитываем вернуться особо.

Информационный материал сборника особым богатством не отличается. Кроме заметки об американских музеях и о работе научных историко-технических учреждений СССР, этот раздел содержит монтаж тов. Миликовского о Чикагской всемирной выставке и статью проф. Рынина к 150-летию первого полета братьев Монгольфье. В марксистской обработке эта последняя тема могла бы быть очень интересной, но проф. Рынин ничего кроме обычного юбилейного повествования не дает. Да и здесь, рекомендуя не забывать о предшественниках братьев Монгольфье, он первый же забывает свой совет: ни единого слова ни о Франческо Лана, ни о Гальене, ни о Каволло статья Рынина не содержит. Не дает она сведений и об интересе к воздухоплаванию, проявляемому представителями тогдашнего капитала, и в этом смысле ничем не отличается от работ Вейгелина, Беже и др.

В общем сборник—заметное и положительное явление в нашей научной литературе.

Н. ВОЛКОВ и И. ИЛЬИНСКИЙ.

О переводе „Диалектики природы“ Энгельса

I

Работы Маркса и Энгельса не стареют. По мере того как все более широко развивается и осуществляется их учение, удельный вес каждого их слова растет. И широкие массы трудящихся прекрасно понимают это. По существу, весь наш Союз представляет собою огромную теоретическую и практическую школу марксизма. На заводах и в вузах, в политотделах и в ученых академиях миллионы людей оплодотворяют живое творчество социалистической культуры идейным богатством марксистско-ленинской теории.

Марксизм получает все более широкое распространение среди ученых, работающих в различных областях естественных и общественных наук. Каждое замечание Маркса и Энгельса, так же как Ленина и Сталина, внимательно изучается специалистами как руководящая веха научного исследования.

Работы Маркса и Энгельса являются могущественными орудиями пропаганды и борьбы против всяких идеалистических и механистических учений.

При этой огромной роли и огромном авторитете основоположников марксизма поистине колоссальная ответственность ложится на тех, кто ведает изданием и переводом их сочинений.

Сделано в этом отношении за годы революции очень много. Целый ряд произведений, которые хранились социал-ренегатами подспудом в условиях диктатуры пролетариата, увидел свет. Мы имеем огромные успехи в деле публикации, распространения и пропаганды работ Маркса и Энгельса. Издание их произведений — дело весьма трудное. Расшифровка рукописей, правильное расположение материала, точный перевод — все это звенья весьма сложного научного труда. И здесь, как и во всякой работе, нельзя успокаиваться на раз достигнутых результатах. Каждое следующее издание требует нового пересмотра, новой проверки текстов и переводов. Только при этом условии мы можем быть уверены, что имеем действительно точное выражение того, что хотели сказать основоположники марксизма. Эту работу отнюдь нельзя понимать как академическое крохоборство, она включает в себя большие научные задачи и имеет огромное политическое значение. Для того чтобы издавать сочинения Маркса и Энгельса, надо прежде всего их правильно понимать, а лучший и единственный источник правильного понимания марксизма в нашу эпоху — это работы Ленина и Сталина. Бывший руководитель Института Маркса и Энгельса Рязанов противопоставлял марксизм ленинизму и в связи с этой насквозь меньшевистской установкой всячески боролся против об'единения Института Маркса и Энгельса и Института Ленина.

Мы убедились достаточно ясно, в чем заключалось действительное содержание этой позиции. Под крикливой завесой мнимой научности и ходульного академизма широко покровительствовалась вредительская деятельность прямых меньшевиков, клались подспуд наиболее актуальные документы Маркса. Не так давно в нашей печати была разоблачена вредительская работа меньшевика Рубина, который под покровительством Рязанова занимался подделкой ряда важнейших экономических работ Маркса («Большевик» № 7 за 1932 г.).

Пример рязановского руководства ИМЭ показывает, какие острые формы принимает классовая борьба за литературное наследство Маркса, как необходима воинствующая ленинская партийность для правильной передачи марксовых мыслей.

Рязановское руководство ИМЭ было снято и заменено подлинно большевистским руководством. Большая работа по преодолению рязановского наследства в изданных им работах Маркса и Энгельса уже проделана, но еще не закончена.

Именно поэтому было бы очень полезно вспомнить теперь о той борьбе, которую вел Ленин против ревизионистов, за правильное понимание и правильную передачу мыслей Маркса и Энгельса. При издании их сочинений надо учитывать каждое указание Ленина по поводу той или другой мысли основоположников нашей теории как и каждое ленинское замечание о меньшевистских методах фальсификации марксизма, в каких бы формах она ни выражалась.

Рубин — не первый меньшевик, использовавший против марксовой теории оружие извращения перевода. Ревизионисты всех толков с давних пор применяли этот метод борьбы. Сравнительно небольшие изменения текста, пропуск или замена какого-либо решающего слова, оппортунистическое сглаживание резких мест, туманная формулировка вместо отчетливого положения — все эти мелкие жульнические подтасовки становились в вырванных из связи цитатах «серьезным» доводом, «ученым» аргументом в пользу ревизии марксовой теории.

Весьма широко использовали этот метод русские махисты. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» уделил много внимания разоблачению их жульнических махинаций. Между прочим отметим, что неточные и тенденциозные плехановские переводы дали немало пищи махистам. Одни из махистов, как например эсер В. Чернов, пытались сбивинть Энгельса в путанице и в догматическом материализме; другие, как Базаров, Берман, Юшкевич и др., пытались доказать, что Маркс и Энгельс не были подлинными материалистами; но в итоге все махисты несмотря на частные разногласия между собой выступали единым фронтом в истолковании и извращении учения Маркса.

Так например В. Чернов обвинял Энгельса в «грубейшей материалистической догматике», набрасываясь особенно на рассуждение Энгельса против кантовской «вещи в себе».

Вот что писал дословно В. Чернов: «Энгельс, повидимому, узнавши, что, по Канту, «вещь в себе» непознаваема, переделал эту теорему в обратную и решил, что все непознанное есть вещь в себе» (В. Чернов «Философские и социологические этюды». Мною цитировано по Ленину. Соч. 2-е изд. Т. XIII, стр. 83).

Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» разоблачил г-на Чернова, вскрыл его подмен и показал, как он запутал и переврал материалистический взгляд Энгельса, вплоть до того, что фальсифицировал перевод.

По вопросу о вещи в себе Ленин со всей ясностью подчеркнул:

во-первых, что Энгельс совершенно недвусмысленно опровергает именно кантовскую неуловимую (или непознаваемую) «вещь в себе»;

во-вторых, что В. Чернов спутал и подменил непознаваемое непознанным;

в-третьих, что В. Чернов фальсифицировал перевод Энгельса, пропуская в переводе слово, имеющее кардинальное значение, а именно, кантовская неуловимая, непостижимая (unfassbare) «вещь в себе»;

в-четвертых, Ленин показал, каково должно быть отношение марксистов к вещам в себе и как марксизм трактует этот вопрос.

Вот что Ленин пишет о вещи в себе, возражая В. Чернову: «Послушайте, г-н махист: врите, да знайте же меру! Ведь вы тут же, на глазах у публики, искажаете ту самую цитату из Энгельса, которую вы хотите «разнести», не поняв даже, о чем тут идет речь!

Во-первых, неверно, что Энгельс «добывает опровержение «вещи в себе». Энгельс прямо и ясно сказал, что опровергает кантовскую неуловимую (или непостижимую) вещь в себе. Г-н Чернов запутывает материалистический взгляд Энгельса на существование вещей независимо от нашего сознания. Во-вторых, если теорема Канта гласит, что вещь в себе непознаваема, то «обратная» теорема будет: непознаваемое есть вещь в себе г-н Чернов подменил непознаваемое непознанным, не понимая, что таким подменом он опять-таки запутал и переврал материалистический взгляд Энгельса!» (Ленин. 2-е изд. Т. XIII, стр. 83).

В другом месте, разоблачая фальсификацию В. Чернова при переводе им работы Энгельса «Людвиг Фейербах», Ленин восстанавливает истинный смысл энгельсовской трактовки вещи в себе и сам Ленин дает свой собственный перевод этого места из работы Энгельса «Людвиг Фейербах», который гласит:

«Самое решительное опровержение этих, как и всех прочих философских вывертов (или выдумок—Schrullen), заключается в практике, именно в эксперименте и в индустрии. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой (или непостижимой: unfassbaren — это важное слово пропущено и в переводе Плеханова и в переводе В. Чернова — Ленин) «вещи в себе» приходит конец» (Цитировано по Ленину. 2-е изд. Т. XIII, стр. 82).

Вот как фальсифицировали и подменяли переводы враги марксизма, как например В. Чернов.

Другой махист—П. Юшкевич, пытавшийся сохранить видимую лояльность в отношении Энгельса, тем не менее с удовольствием цитирует вышеуказанное место плехановского перевода, делает из него махистские выводы и при этом издевательски заявляет: «Отношение Энгельса к этому вопросу как нельзя более ясно и недвусмысленно» [1]).

Энгельс вообще против всякой вещи в себе, Энгельс «догматический материалист», так заявляли одни махисты. «Энгельс почти эмпириокритик»,—кричали и другие махисты, без устали цитируя эту фальсификацию. Весьма характерно для методов работы Рязанова, что эта ошибка плехановского перевода, так широко использованная махистами и отмеченная Лениным 25 лет назад в «Материализме и эмпириокритицизме», не была исправлена ни в одном из переизданий книги Энгельса, не исключая собрания сочинений Маркса и Энгельса [2]). Это лишний раз напоминает нам о том, как необходимо торопиться свести окончательные счеты с рязановским наследством, и, повторяю, прямые ленинские замечания должны быть учтены при этом в первую очередь.

Особенно много ценнейших указаний находим мы в том параграфе «Материализма и эмпириокритицизма», который так и называется «О «трансцензусе», или Базаров «обрабатывает» Энгельса». Махист Базаров, создавший целую систему натяжек и подтасовок для подделки Энгельса «под Маха», основывался, между прочим, и на фальсификации перевода.

Так например, приводя одно из решающих высказываний Энгельса, он воспользовался двусмысленностью русского слова «совпадать» (вместо более точного в данном случае слова «согласоваться») для того, чтобы приписать Энгельсу идеалистическую мысль о совпадении, о тождестве восприятия и действительности.

Ленин писал по этому поводу: «Вы хотите заставить несведущего читателя поверить, что «совпадать» значит здесь «быть тем же самым», а не «соответствовать»? Это значит построить всю подделку Энгельса на искажении смысла цитаты, не более того. Возьмите немецкий оригинал, и вы увидите слова «stimmen mit», т. е. соответствуют, согласуются — последний перевод буквален, ибо stimme означает голос. Слова stimmen «mit не могут означать «совпадать» в смысле «быть тем же самым» [3]).

Таковы приемы ревизионистских фальсификаторов, и так, по-ленински, беспощадно нужно проверять каждое их слово, каждую их «ученую» ссылку. Не будем приводить пока других, весьма многочисленных примеров, ясно одно: неправильный перевод классиков марксизма — это оружие в руках наших врагов. С ленинской бдительностью мы должны развернуть систематическую работу

[1]) «Материализм и критический реализм», стр. 13.

[2]) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Изд. 1931 г. Т. XIV, стр. 645.

[3]) Разрядка Ленина. Во всех приводимых ниже цитатах разрядкой отмечены слова, подчеркнутые цитируемым автором, курсивом — подчеркнутые мной. — В. У.

по проверке существующих переводов, и одной из первоочередных задач является пересмотр перевода «Диалектики природы» Энгельса.

II

«Диалектику природы» переводил П. Юшкевич, редактировал Д. Рязанов. «Ближайшее участие в редакции и корректуре принимал А. Деборин» [1]).

Уж один этот перечень имен должен заставить нас насторожиться. Энгельса переводил тот самый П. Юшкевич, который в свое время занимался критикой и махистским «толкованием» Энгельса. Тот самый, о котором Ленин писал: «В костюме арлекина из кусочков пестрой, крикливой, новейшей терминологии перед нами суб'ективный идеалист, для которого внешний мир, природа, ее законы — все это символы нашего познания» [2]). По последним литературным выступлениям П. Юшкевича трудно судить о его теперешней философской позиции. Но какова бы она ни была, груз махистского прошлого слишком тяжел — его работа нуждалась в самой тщательной проверке. Проделал ли эту проверку Д. Рязанов, который покровительствовал вредительству Рубина и прочих меньшевиков? Проявил ли достаточную партийную бдительность т. Деборин, развивавший как раз в тот период систему ошибок меньшевистствующего идеализма? Обратимся к самому переводу. Произведенная нами беглая проверка о т д е л ь н ы х мест приводит к тому выводу, что в переводе есть целый ряд грубых извращений и неточностей, искажающих истинный смысл высказываний Энгельса.

Обратимся к примерам и для удобства изложения разделим их по содержанию вопросов, затрагиваемых Энгельсом, на отдельные группы.

К первой группе отнесем высказывания Энгельса о познаваемости об'ективного мира.

Вот что мы читаем по этому вопросу в «Диалектике природы» в переводе Юшкевича:

«Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия (форм движения), ибо позади него н е т н и ч е г о п о з н а в а е м о г о» («Архив Маркса и Энгельса». Т. II, стр. 27 или «Собрание сочинений Маркса и Энгельса». Т. XIV, стр. 407).

В другом месте по этому же вопросу Юшкевич дает следующий перевод Энгельса: «Когда мы говорим, что материя и движение не созданы и не разрушимы, то мы говорим, что мир существует, как бесконечный процесс, т. е. в форме дурной бесконечности; таким путем мы поняли в этом процессе все, что в н е м м о ж н о п о н я т ь» («Архив». Т. II, стр. 217 или «Собрание сочинений». Т. XIV, стр. 522).

Из подобного перевода махистам, конечно, нетрудно сделать вывод, что Энгельс якобы признавал абсолютную границу познания, за которой еще что-то скрывается — непознаваемое. На самом же деле у Энгельса ничего подобного не сказано. Энгельс свою мысль выразил вполне ясно и четко. В первой цитате вместо подчеркнутых слов у Энгельса в действительности сказано: «Нечего познавать» (нет ничего для познания — nichts zu Erkennendes liegt). Во второй цитате вместо подчеркнутого мы находим у Энгельса: «Все, что в нем есть для понимания», или «все, что в нем следует понимать» (was zu begreifen ist). Энгельс в указанных отрывках борется п р о т и в агностицизма, доказывает, что абсолютных границ познания нет, что мы можем познать и познаем все, что существует. А переводчик пытался переделать мысль Энгельса в прямо противоположную сторону, превратить его самого в агностика.

Агностическая, махистская тенденция «перевода» этих высказываний Энгельса вне сомнения. Посмотрим, как Энгельс в разбираемом переводе отвечает

---

[1]) См. предисловие Рязанова к 1-му изданию «Диалектики природы», «Архив Маркса и Энгельса». Т. II. 1925.

[2]) Л е н и н «Материализм и эмпириокритицизм», гл. III, § 3.

на другой вопрос теории познания, тесно связанный с первым. Чем являются научные теории: отражением об'ективной действительности или условным, символическим порождением нашего ума? Нетрудно убедиться, что переводчик заставляет Энгельса сделать некоторую уступку суб'ективизму и в этом вопросе: «В теоретическом естествознании, которое свои взгляды на природу *старается об'единить* в одно гармоническое целое, без которого в наше время не сделает шага вперед даже самый беззаботный по части теории эмпирик, нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и *логика, последовательность мысли, должны были всегда заполнять такие неизбежные пробелы познания*» («Архив», стр. 173. Т. XIV, стр. 489).

Итак, из такого перевода можно сделать вывод, что, «по Энгельсу», опытное познание имеет роковые, неизбежные пробелы; логика из самой себя создает концепции, теории, которые не являются выражением мощи нашего познания, а, наоборот, свидетельствуют о его слабости и недостаточности; научные теории, «об'единяя» взгляды на природу в одно гармоническое целое, не отражают при этом об'ективную действительность, а служат для суб'ективных целей, из разума восполняют недостаточное познание.

На что в данном случае ополчился «переводчик»? Как последовательный махист он не может «переварить» диалектики абсолютной и относительной истины.

А что на самом деле пишет Энгельс? Энгельс в своей «Диалектике природы» заявляет: «Но в теоретическом естествознании, которое свои взгляды на природу по возможности перерабатывает (как видим не эмпирически «об'единяет», а диалектически «перерабатывает», и не как угодно, не по суб'ективному произволу, а «по возможности», т. е. соответственно достигнутому уровню познания.—**В. У.**) в одно гармоническое целое, без которого в наше время не сделает шага вперед даже самый беззаботный по части мысли эмпирик, нам приходится очень часто оперировать (считаться) с не вполне известными величинами — *и последовательность мысли должна была во все времена помогать недостаточному знанию двигаться вперед*» (und hat die Konsequenz des Gedankens zu allen Zeiten der mangelhaften Kenntniss forthelfen müssen) («Архив», Т. II, стр. 172—173).

Никаких фикций, никаких «неизбежных» пробелов познания. Речь идет о постоянно развивающейся науке, в которой теория, последовательность мысли выступают не как внешнее дополнение к недостаточному отражению действительности, а как необходимый момент в развитии единого, об'ективного познания, идущего от относительной, неполной истины ко все более полному отражению об'ективной реальности. Переводчик подобным переводом лишний раз подтвердил правоту мысли Ленина, что махизм «свихнулся» на развитии познания, на диалектике абсолютной и относительной истины.

Ту же антипатию к развитию науки проявляет переводчик и в других местах. Например там, где Энгельс пишет: «Мы *еще* совершенно не знаем»,— перевод гласит проще: «Мы совершенно не знаем» («Архив», стр. 85. Т. XIV, стр. 450). Это мелочь, но в связи с другими погрешностями перевода она характерна. Приведем еще два примера в том же духе. Энгельс пишет: «Открывается новый факт, делающий *невозможным* прежний способ об'яснения, относящийся к той же группе фактов» («Архив», стр. 11. Т. XIV, стр. 395). А для переводчика «удобнее» сказать иначе: «открывается новый факт, делающий *непригодным* прежний способ об'яснения...» Аналогично: у Энгельса сказано: «закон не существует»,— а в переводе—«закон неприменим» («Архив», стр. 85. Т. XIV, стр. 449).

В чем смысл этих замен? Его нетрудно понять, если вспомнить, что с точки зрения махизма теория есть удобная фикция, развитие науки есть в значительной мере произвольная смена теорий, в которой нет необходимой внутренней связи все более глубокого отражения действительности.

Несколько по другой линии, но в том же суб'ективистском духе переводчик допускает, например, следующую «вольность». Он переводит: «Но с диалектиче-

ской точки зрения эти альтернативы уже *a priori* нереальны» («Архив», стр. 235. Т. XIV, стр. 533).

У Энгельса: «Для диалектического понимания эти возможности заранее исключены (не могут существовать), können *vonvornherein* nicht existieren). Как видим, переводчик исказил всю фразу, но главное—это подсовывание Энгельсу кантианско-идеалистического понятия «a priori».

Нам скажут: здесь дело только в отдельных терминах, словах, существенно ли это? К данному случаю прекрасно подходят слова Ленина об «Экономике переходного периода» Бухарина. Ленин писал, что Бухарин «подражает богдановским «терминам» (на деле вовсе не «терминам», а философским ошибкам)». То же самое мы имеем и в данном переводе.

Мы привели несколько примеров ошибок в переводе «Диалектики природы». Они имеют различный удельный вес. Одни более существенны, другие менее существенны, но нет сомнения, что все они обнаруживают одну определенную тенденцию: попытку придать высказываниям Энгельса некоторый агностический оттенок. Не проявляются ли в этой тенденции суб'ективистские симпатии переводчика? Не являются ли эти погрешности отголосками того стремления махистов изобразить Энгельса агностиком, того стремления, о котором мы писали в первом разделе статьи, ссылаясь между прочим и на былые высказывания П. Юшкевича? Думается, что дело обстоит именно так.

Редактор перевода т. Деборин допустил в данном случае серьезный недосмотр. Впрочем, и он не является вполне случайным. Аналогичный «недосмотр» т. Деборин допускал не раз в отношении своих собственных работ. Общеизвестно, что, будучи последовательным учеником Плеханова, т. Деборин развивал и углублял его пресловутую теорию иероглифов, имеющую определенно агностический характер. Общеизвестно, что до самых последних лет (до 1930 г. во всяком случае) он не вполне освободился от этой теории. Так например в докладе «Ленин и кризис новейшей физики» он приписывал Ленину теорию знаков, полагая, что вся разница между ленинской установкой и агностицизмом заключается в том, признавать ли ощущения за знаки или за «условные знаки» (стр. 13). Общеизвестно, по замечаниям Ленина, что Деборин, критикуя махизм в своей книге «Введение в философию диалектического материализма», ронял подчас весьма суб'ективистские формулировки. Например он называл материю «единственной реальностью и единственно годным орудием для систематизации опыта» и т. д.

Само собой разумеется, что философские установки П. Юшкевича (насколько они нам известны по его прошлым работам) и т. Деборина весьма различны. Но в данном случае в ошибках переводчика и в недосмотре редактора могли сказаться кое-какие точки соприкосновения между определенным идеалистическим философским направлением (махизмом) и различными идеалистическими в философии.

По этой же линии агностицизма идет недовольство переводчика взглядами Энгельса на математику.

Как известно, буржуазная профессорская наука издавна использовала абстрактность математических понятий для подкрепления идеалистической теории познания. Почтенные профессора философии и математики твердят в один голос, что математическое знание есть «свободное порождение человеческого духа», что математика — условная игра понятиями, символическими фикциями, нечто вроде шахматных комбинаций и что ее «возвышенные», «идеальные» построения не запятнаны грубыми эмпирическими фактами.

В противовес этому идеалистическому взгляду Энгельс доказывает на анализе целого ряда математических проблем, что математические понятия суть отражения об'ективно существующих отношений. Больше того, Энгельс стремится найти материальные прообразы математических операций, которые профессорам-

идеалистам представляются таинственным и могущественным произволом чистой мысли.

Обратимся к переводу «Диалектики природы». Прежде всего мы замечаем, что переводчику (а может быть редактору?) не нравятся слова «математические отношения» (Verhältnisse), которые Энгельс употребляет довольно часто и которые в его контексте имеют определенный материалистический смысл. Переводчик заменяет их словами «математические понятия» («Архив», стр. 5, 141. Т. XIV, стр. 392, 348 и др.).

Затем, если мы обратимся к первому примечанию к «Анти-Дюрингу», которое так и называется «О прообразах математического «бесконечного» в действительном мире», то заметим ряд неточностей. Энгельс, как известно, рассматривает в этой работе соотношение ступеней материи «вглубь» и «вширь» как прообразы математических отношений конечной величины к бесконечно малой и к бесконечно большой. Для астрономических соотношений величины земных тел являются бесконечно малыми, они р е а л ь н о могут быть приравнены нулю, так же как для соотношения земных тел величины небесной механики являются об'ективно бесконечно большими.

Энгельс пишет: «В *противоположность* этим (земным) массам масса земли *является* (в некоторых местах gilt) бесконечно большой и рассматривается земной механикой, как бесконечно большая величина».

А переводчик придает этому высказыванию Энгельса релятивистско-суб'ективный оттенок. Он переводит:

«*По сравнению* с этими массами масса земли *кажется* бесконечно великой и рассматривается земной механикой, как бесконечно большая величина» («Архив» стр. 137. Т. XIV, стр. 344).

Для Энгельса основой соотношения различных наук, в данном случае земной механики и астрономии, являются об'ективная действительность и ее реальные соотношения, а для П. Юшкевича основой развития наук выступает суб'ективная кажимость, возникающая при с р а в н е н и и [1]).

Но Энгельсу важно показать не только прообраз бесконечно большой и бесконечно малой величин в природе, он показывает также материальный прообраз математической операции, прообраз диференцирования. Как в математике бесконечно малая величина в определенном соотношении исчезает, приравнивается к нулю, так и в природе при переходе от одной ступени к следующей величины предыдущей исчезают в действительном соотношении, превращаются в нуль.

Энгельс пишет: «... В астрономии земные массы и соответствующие им метеоры *являются* бесконечно малыми. Точно так же *исчезают* (verschwinden) *для нее* расстояния и массы планет солнечной системы, *как только она, идя дальше ближайших постоянных звезд,* исследует строение нашей звездной системы».

Но переводчику не нравится «исчезание» реальной величины в диалектическом переходе, исчезание, которое выступает как прообраз математической операции, и он переделывает фразу по-своему: «... В астрономии земные массы и соответствующие им метеоры рассматриваются как бесконечно малые: точно так же расстояния и массы планет солнечной системы *являются в глазах астрономии ничтожно малыми величинами, лишь только она оставляет пределы солнечной системы* и начинает изучать строение нашей звездной системы» («Архив», стр. 141. Т. XIV, стр. 347).

Таким образом указание Энгельса на материальный прообраз математической операции значительно «смягчено», вместо отражения получилась приблизительная, отдаленная аналогия. При этом вместо границ, указанных Энгельсом (ближайшие постоянные звезды), пришлось сочинить другую границу (пределы

---

[1]) Ср. отмеченное в «Большевике» (№ 7 за 1932 г., стр. 88) суб'ективистское истолкование слова «erscheint» в переводах Рубина.

солнечной системы), в отношении которой указанное Энгельсом исчезание величин действительно не может иметь места, но зато оказывается ослабленной материалистическая критика «идеального» характера математической операции.

Случайны ли эти погрешности перевода? Со стороны П. Юшкевича они вряд ли случайны. В 1908 г. в своей книге «Материализм и критический реализм», отзываясь весьма язвительно о мыслях Энгельса по поводу диалектики квадратного корня из минус единицы, он писал: «Но и вообще это рассуждение, как и все почти рассуждения из области математики, рассыпанные в «Анти-Дюринге», не способствуют украшению книги».

Как видим, переводчик имеет давнишнюю антипатию к установкам диалектического материализма в области математики.

Случайны ли эти ошибки перевода для редакторов, в частности для т. Деборина? Нужно отметить, что у меньшевиствующих идеалистов высказывания Энгельса о математике никогда не были в почете. Не ведя пропаганды материализма в математике, сторонники деборинской школы предпочитали поддерживать реакционное, идеалистическое крыло профессоров математики (см., например, статьи БСЭ по общим философским вопросам математики) [1]).

Очевидно, и при редактировании «Диалектики природы» сказались аналогичные симпатии т. Деборина.

Не будем останавливаться на других извращениях, идущих по линии агностицизма, перейдем к следующей группе погрешностей перевода.

III

Мы видели выше на примере «обработки» Энгельса махистами, какое оружие противникам марксизма дает двусмысленный перевод. Мы видели также, с какой беспощадностью Ленин обрушился на эту «обработку».

Этот пример из истории махистской ревизии марксизма показывает, что даже небольшая на первый взгляд неточность приобретает в ходе партийной философской борьбы весьма существенное значение. Для правильного понимания политической сути того или другого искажения перевода необходимо учитывать основные линии борьбы партии по данному вопросу, необходимо занимать четкую партийную позицию. В переводе высказываний Энгельса о роли практики нетрудно обнаружить несколько аналогичных «неточностей».

Обратимся к примерам.

Одной из важнейших проблем теории познания является вопрос о том, как мышление человека приходит к познанию закономерных связей вообще, в частности причинной связи.

Прежде всего предоставим слово Богданову: «Первым шагом развития зародышей мышления к их систематизации была основная метафора, которая представляла явления внешней природы по образцу человеческих действий. Это был первичный социоморфизм, открывший дорогу бесконечному расширению поля мысли, организующей опыт.

Причинная связь — самый общий метод такой организации. На всех трех ступенях, рассмотренных нами, она имеет своей основой практическую связь общественно-трудового процесса. На этом универсальном социоморфизме построены все мировоззрения — от наивно-религиозных до научно-социалистических» («Философия живого опыта», стр. 291).

---

[1] В статье «Аксиома» прямо утверждается «условный характер математических определений» и операций. «Умножение на дробь не есть процесс, происходящий в природе помимо человека... это есть операция, которую мы сами устанавливаем, и нам необходимо поэтому прежде всего условиться, что мы под умножением на дробь будем разуметь...» Математика есть «ряд соглашений». «... При логическом построении математики, при установлении ее аксиоматики условный характер ее аксиом остается вне сомнения» (БСЭ. Т. II, стр. 39—40).

«Откуда могут взяться способы организации опыта, как не из наличных уже способов организации действий. Очевидно, больше неоткуда, иначе это было бы выдумывание из самого себя, творчество из ничего» («Философия живого опыта», стр. 292).

Еще бы — ведь природа с ее закономерностью, по мнению Богданова, не существовала до человека, значит, только из самого человека и могло возникнуть понятие причинности. Для Богданова ощущения—это не связь с об'ективным миром, не отражение об'ективной реальности, а первичные «элементы» всего на свете. Ощущения сами по себе — это сплошной хаос, не имеющий никакой связи, никакой устойчивости. Познание человека организует этот хаос в соответствии с практическими потребностями. При этом приемы человеческой деятельности являются образцом, схемой этой связи, совершенно внешней для самых ощущений.

Таким образом для Богданова: 1) понятие причинности возникает отнюдь не как отражение об'ективного мира, а из самого суб'екта, из его чисто суб'ективных приемов действия; 2) Богданов даже не ставит вопроса о доказательстве причинной связи, о практике как критерии об'ективной истины, потому что об'ективный мир для него не существует, признание причинности есть вопрос лишь практического удобства.

В противоположность этому чисто идеалистическому взгляду и Маркс и Энгельс и Ленин считали, что источником понятия причинности является причинная связь, существующая в об'ективном мире. При этом ощущения являются не помехой познания, а отражением об'ективного мира. Ощущения не представляют собою сплошного хаоса, об'ективный мир говорит нам о себе через них, и в самом простом их потоке есть известная последовательность, связь, которая достаточна для того, чтобы у нас возникла мысль о причинности. Но доказательство ее дается только практической проверкой, практикой как критерием истины. Против идеалистической теории хаотичности ощущений Ленин высказывался не раз (см., например, конспект книги Фейербаха, Лен. сб. XII, стр. 139). Маркс и Энгельс в ряде работ не оставили сомнения насчет своих взглядов на этот вопрос.

Теперь посмотрим, каким образом Рязанов в своем издании извращает Энгельса. Вот как переводится там Энгельс:

«Благодаря этому, благодаря деятельности человека и *создается* представление о причинности» («Архив», стр. 23—25. Т. XIV, стр. 405. Разрядка Энгельса, курсив мой. — В. У.).

Богдановский крен этой формулировки вне сомнения. Правда, до этой фразы и после нее мы находим в этом рязановском тексте формулировки, которые говорят совсем другое, есть указание на практическую проверку, на то, что начало представления о причинности может дать правильное чередование естественных явлений. Но процитированная фраза стоит в центре изложения, остальное носит характер оговорки, и отрывок в целом производит впечатление нерешительности и неясности.

Между тем подлинный Энгельс никаких поводов для сомнения не дает. Он говорит следующее: «Этим, деятельностью человека, *обосновывается* (begründet sich) представление о причинности».

Как только мы восстанавливаем этот действительный энгельсовский текст, всякая неясность отрывка исчезает.

Итак, не остается никаких сомнений в определенной тенденции перевода. Уступки или, вернее, сочувствие редактора в данном случае совсем неслучайно. При всем различии махизма и меньшевиствующего идеализма для них характерна общая черта: и те и другие (махисты, исходя из суб'ективно-эмпирической установки, меньшевиствующие идеалисты, исходя из априорно-фор-

малистической) проявляют недоверие к чувственным данным, склонны рассматривать логические категории как принесенные в опыт из суб'екта [1]).

При этом «влечении» к априоризму совсем неудивительно сочувствие т. Деборина к богдановской концепции происхождения закона причинности из суб'ективной деятельности.

Приведем еще один пример антипатии переводчика к материалистическому критерию истины. Как известно, Энгельс указывал на две формы практической проверки — «эксперимент и промышленность». При всем понимании определяющего характера второй формы Энгельс придавал большое значение также и первой. В «Диалектике природы» он часто указывает на то, что диалектика получила проверку в естествознании, в естественно-научных фактах, в эксперименте. Так например Энгельс пишет:

«Химия, абстрактная делимость физического, дурная бесконечность, атомистика. Физика—клетка (процесс органического развития, как отдельных индивидов, так и видов путем дифференцирования, является *убедительнейшей проверкой* рациональной диалектики» (die schlagendste Probe auf die rationelle Dialektik («Архив». Т. II, стр. 5. Собр. соч. Т. XIV, стр. 392).

Переводчик заменяет слова «убедительнейшей проверкой» другими: «*поразительнейшим образом*», и тем самым скрадывает суть дела.

В этом же отрывке Энгельс пишет, что современные факты естествознания «*доказывают*, так сказать, диалектику в природе» (die Dialektik, so zusagen, in der Natur nachweisen). А у переводчика снова выпадает доказательство, и на его место вставляется «наглядный показ». Вот «примерчик»: «современные факты, которые *показывают*, так сказать, *наглядно* наличие диалектики в природе».

Характерно также несколько пренебрежительное отношение переводчика к теории Энгельса о трудовом происхождении человека. Одно из высказываний Энгельса он переводит так: «Человек—единственное животное, которое способно *выбраться* из чисто животного состояния...» («Архив», стр. 41. Т. XIV, стр. 418). Между тем у Энгельса сказано не просто «выбраться», а «herausarbeiten», буквально «выработаться», т. е. «*трудом выделить себя*».

IV

Третье положение махистской «обработки» марксизма касалось диалектики. Богданов, Базаров, Берман, Юшкевич и другие в течение ряда лет с небольшими вариациями тянули один и тот же мотив: диалектика как учение о внутренних противоречиях есть гегелевская мистика, рациональный ее смысл сводится к «общенаучной» позитивистской эволюции или к механистическому равновесию. Не отставал от других и П. Юшкевич. В своей книге «Материализм

---

[1]) Достаточно вспомнить отмеченные Лениным формулировки Деборина, например: «Внешний мир к о н с т р у и р у е т с я нами из наших восприятий на основании тех впечатлений, которые в нас вызываются внешним миром, предметами самими по себе...» (Лен. сб. XII, стр. 356). Или известную по дискуссии 1930 г. характеристику диалектики как методологии, вносящей внутреннюю связь в конкретное содержание («Естествознание и диалектика», стр. 31); или деборинскую характеристику закона единства противоположностей: «Диалектика в отличие от формальной логики возводит противоречие в средство познания» (стр. 24). «Категория противоречия становится средством познания и орудием исследования. В связи с этим (!) закон единства противоположностей приобретает значимость закона бытия и мышления» («Ленин и кризис новейшей физики», стр. 28).

Последняя фраза замечательна: единство противоположностей приобретает значимость (какой кантиянско-гуссерлианский язык!) закона бытия и мышления п о т о м у, что он становится орудием познания. Известно, что некоторые ученики т. Деборина развивали эти установки дальше и приходили к открытому априоризму (например Тымянский, Карев), выдавая тем самым секрет «методологизирующей» тенденции всей школы в целом.

и критический реализм» он со свойственным ему самодовольством высказывает «недоумение» и высокомерное «непонимание» по поводу каждого из основных законов диалектики. В заключение он пишет:

«Все эти тонкости и хитросплетения, окружающие диалектику ореолом чего-то особенного и избранного, представляют собою лишь придатки и наросты на глубокой основной мысли о динамическом характере бытия, от которых давно бы пора марксистам отделаться» (стр. 9).

Так думал П. Юшкевич в 1908 г. Судя по переводу «Диалектики природы», в его взглядах на диалектику не произошло существенных перемен. Во всяком случае он явно стремится помочь марксистам отделаться от диалектических «тонкостей» и «хитросплетений», подменяя их вульгарным механицизмом и позитивистическим здравым смыслом.

Ему не нравится, например, такая «тонкость», как диалектическое противоречие, и он вкладывает в уста Энгельса эклектическую меньшевистскую формулировку о примирении противоречий:

«Диалектика, которая точно так же не знает hard and fast lines и не знает безусловного пригодного повсюду «или-или», которая переводит друг в друга неизменные метафизические различия и *умеет правильно видеть наряду с «или-или» также «и то и другое», примиряя между собою противоречия, диалектика — это единственно пригодный на высшей ступени развития метод мышления*» («Архив», стр. 61. Т. XIV, стр. 432). Так переводит Энгельса Юшкевич.

Для редактора перевода т. Деборина это меньшевистское «примирение противоречий» также весьма характерно. Ведь как раз эту мысль он и развивал в то время в своей концепции меньшевиствующего идеализма.

У Энгельса это место звучит иначе: «Диалектика, которая точно так же (как современная Энгельсу естественно-научная теория развития) не знает hard and fast lines и не знает безусловного общезначимого «или-или», которая переводит друг в друга неизменные метафизические различия, умеет поставить на свое место наряду с «или-или» также и «то и другое» и опосредует противоречия, диалектика есть единственный ей (современной ступени естествознания.— В. У.) соответствующий в ближайшей инстанции метод мышления» (...und neben dem Entweder-Oder! ebenfals das Sowohl dies-Wie jenes an richtiger Stelle kennt, und die Gegensätze vermittelt, ist die einzige ihr in nächster Instanz angemessene Denkmethode) («Архив». Т. II, стр. 60).

Как видим, переводчик допускает в переводе этой фразы три ошибки: 1) Энгельс говорит не о примирении противоречий, а об их опосредовании, т. е. об их единстве, об их взаимопроникновении, которое, как известно из других его высказываний, представляет собою не примирение, а отношение взаимного исключения, борьбы, являющейся источником движения и развития; 2) Энгельс вовсе не ограничивается тем, что попросту ставит рядом друг с другом две формулы: «или-или» и «то и другое» (это было бы эклектицизмом), а указывает, что каждой из них диалектика отводит надлежащее место, конкретно определяет их взаимоотношения; 3) Энгельс не расплывается в неопределенной формулировке, что «диалектика пригодна на высшей ступени», а указывает точно, что диалектика является единственным методом мышления, соответствующим уровню и задачам современного естествознания, дошедшего до теории развития.

Нетрудно видеть, что все три ошибки перевода связаны друг с другом. Смазать борьбу противоречий как источник развития, придать эклектический оттенок диалектическому «или-или» и отвести задачу вскрытия диалектического процесса в развитии современного естествознания—все это—одна линия позитивистского «очищения» диалектического материализма от всяких «тонкостей и хитросплетений».

В следующем за этим наброске Энгельса учение о единстве противоположностей получает еще более полную характеристику. Здесь ход мысли Энгельса

больше всего приближается к той развернутой концепции диалектического развития, которую дал Ленин в статье «К вопросу о диалектике».

Энгельс пишет: «Так называемая об'ективная диалектика царит во всей природе, а так называемая суб'ективная диалектика, диалектическое мышление есть только отражение господствующего во всей природе (точнее—действующего повсюду в природе) движения в противоположностях, которые и обусловливают жизнь природы своей постоянной *борьбой* (сопротивлением — Widerstreit) и своим конечным *разрешением* (или снятием) друг в друге, т. е. (resp.—соответственно.—**В. У.**) в высших формах».

Энгельс показывает здесь, как движение и жизнь обусловлены противоречием: противоположные стороны находятся в постоянной борьбе (вспомним ленинское: «единство — относительно, борьба — абсолютна»), пока в результате этой борьбы противоположности не найдут своего разрешения в преодолении, в снятии друг друга, которое совершается в переходе развития на новую, высшую ступень. Такова кристально ясная концепция Энгельса, вскрывающая в общем виде основной закон революционной диалектики. Во что превращает эту мысль переводчик?

Во-первых, ему не нравится слово «борьба», и он заменяет его более общим и неопределенным—«противоречиями»; во-вторых, он приписывает Энгельсу мысль, что противоречие не всегда ведет к новому, иногда противоположности попросту переходят друг в друга и мирно сливаются воедино. Вторую половину приведенной выше фразы он передает так: «...движением путем противоположностей, которые и обусловливают жизнь природы своими постоянными *противоречиями* и своим *конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы*» («Архив», стр. 61. Т. XIV, стр. 433).

И здесь мы видим весьма характерное совпадение мыслей переводчика и редактора. Как неоднократно отмечалось в нашей печати, меньшевиствующие идеалисты именно в этом направлении извращали ленинскую разработку основного закона диалектики. Излагая этот последний, Деборин и его школа замалчивали абсолютность борьбы противоречий, относительность их единства и проповедывали примирение, мирное слияние воедино, эклектический синтез исключающих друг друга полюсов (например «синтез» всех форм идеализма и материализма, метафизики и диалектики в диалектическом материализме).

Позитивистская тенденция переводчика, отрицающего диалектику вообще, и эклектическая тенденция, извращающая ее в духе меньшевиствующего идеализма, нашли в данном случае общий язык.

Диалектическое учение об абстракции так же подвергается соответствующему «смягчению» в направлении формальной логики. Перевод гласит так: «...всякое реально исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях *извлекаем* единичное из его единичности и *переводим* его в особенность, а из этой последней во всеобщность, заключается в том, что мы находим бесконечное в конечном, вечное в преходящем» («Архив», стр. 149. Т. XIV, стр. 353). У Энгельса «...всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях *поднимаем* (или возвышаем — erheben) единичное из единичности до особенности, а из этой последней до всеобщности, заключается в том, что мы находим и устанавливаем бесконечное в конечном, вечное в преходящем».

«Поднимаем» или «извлекаем», существенная ли это разница? Переводчику невдомек (или не нравится), что в этом оттенке Энгельс выражает существенное различие между формальной абстракцией, которая отвлекается от всего конкретного, отбрасывает все индивидуальное своеобразие, и диалектической абстракцией, которая поднимает конкретную единичность до всеобщей связи, вскрывая общий закон конкретного хода развития. Переводчик значительно ослабляет эту мысль Энгельса.

Диалектические обороты речи, выражающие внутренний характер связей и переходов, переводчик стремится позитивистски и механистически «пригла-

дить». Так например ему кажутся ненаучными слова «разрешение», «разрешается» или «вскрывается» (в смысле разрешения процесса, противоречия), и он ставит на его место механистическое «разлагается», а иногда и прямо «сводится».

Энгельс, говоря о диалектической сути новейшего понимания биологического «индивида», подчеркивает отказ современного ему естествознания от метафизического понимания организма как застывшего предмета, подчеркивает раскрытие диалектических связей и переходов: «И это понятие (индивида) р а з р е ш и л о с ь (aufgelöst) в сплошную относительность». А в передаче П. Юшкевича прямо махистское утверждение: «И это понятие *разложилось и стало совершенно относительным*» («Архив», стр. 35. Т. XIV, стр. 413). Так же механистически звучит эта подмена и в других местах («Архив», стр. 17. Т. XIV, стр. 400 и др.).

Примеров антипатии переводчика к диалектическим оборотам речи можно привести очень много. Укажем еще 2—3 из них. Там, где Энгельс пишет: «в определенных соотношениях» (in gewissen Beziehungen), П. Юшкевич переводит: «в случаях» («Архив», стр. 19. Т. XIV, стр. 402). Там, где Энгельс стремится подчеркнуть внутреннее единство двух положений словами «тем самым», переводчик «смягчает» его в «благодаря этому». Там, где Энгельс отмечает «соотносительность» полярных категорий, в переводе эта действительная соотносительность превращается во внешнее сопоставление: вместо «соотносительно»—korrelativ (речь идет о соотносительности руки и мозга человека) в переводе говорится: «соответствующим образом» («Архив», стр. 171. Т. XIV, стр. 487).

Переводчик очень мало считается с терминологией, установившейся в марксистско-ленинской литературе. Он произвольно переводит название одной и той же категории иногда одним словом, иногда другим. Иногда это простая небрежность, но в большинстве случаев очевидна определенная тенденция. Например вместо «процессов» (Vorgänge) в переводе оказывается «вещей» («Архив», стр. 27. Т. XIV, стр. 408), вместо «существенный» (wesentlich) — «главный» (Архив, стр. 39), вместо «определенностей» (Bestimmheiten) — «качеств», вместо «синтетического» (zusammenfassende) — «общего», вместо «определенное количество» (Quantum) — «мера» и т. д.

В связи с такой антипатией переводчика к диалектическим «тонкостям» вполне понятно, что Гегелю в переводе «Диалектики природы» решительно не повезло. Там, где Энгельс, излагая или цитируя Гегеля, приводит специфические гегелевские выражения, они заменяются позитивистскими (см. например отрывок о взаимодействии у Гегеля. «Архив», стр. 217. Т. XIV, стр. 521). Термин «для себя», который Ленин считал удачным и метким, подчас выбрасывается («Архив», стр. 31. Т. XIV, стр. 446).

В некоторых местах из числа тех, в которых Энгельс защищает Гегеля от нападок «третирующих его как дохлую собаку» естествоиспытателей-эмпириков, переводчик становится удивительно непонятливым, он вдруг забывает смысл самых простых немецких слов, и высказывания Энгельса становятся в переводе тусклыми, неясными или вовсе лишенными смысла.

Например Энгельс сопоставляет концепцию Ричарда Оуэна об «идее-архетипе», которая воплощалась на нашей планете, с учением Гегеля об абсолютной идее. В заключение Энгельс пишет: «Если это говорит естествоиспытатель-мистик, который ничего *не мыслит* (denkt) себе при этом, то к этому относятся спокойно, если же подобную истину высказывает философ, который, однако, *мыслит* себе при этом кое-что и притом в основе правильное, хотя и в извращенной форме, то это мистика и неслыханное преступление» («Архив», стр. 217. Т. XIV, стр. 522).

Мысль Энгельса совершенно ясна: сопоставляя мистика-естествоиспытателя с Гегелем, Энгельс видит преимущество последнего в содержательном теоретическом м ы ш л е н и и, в диалектической л о г и к е, которая хотя и извращена идеализмом, но содержит рациональное ядро, между тем как мистик-естествоис-

пытатель не выходит за пределы куцего эмпиризма, неспособен теоретически мыслить. А переводчик в обоих местах заменяет слово «мыслит» словом «представляет». Получается нелепость: Гегель никак не может иметь преимущество перед спецом-эмпириком в области представления, но зато здесь переводчик попытался смазать преимущество гегелевского теоретического мышления.

Приходится отметить, что в последних случаях т. Деборин, вопреки всему своему стремлению пропагандировать философию Гегеля, как таковую, проявил попросту большую небрежность. К сожалению, там, где это действительно нужно, он Гегеля под защиту не берет.

V

В «Диалектике природы» мы находим немало блестящих образцов критики различных агностических, идеалистических и механистических теорий. Энгельс критикует их изнутри, вскрывая ту диалектику, из-под власти которой не могут выйти и самые крайние метафизические концепции, ту, так называемую, «страдательную диалектику», которую должны претерпевать неправильные, односторонние теории, неизбежно идя в конце концов к своей собственной противоположности (таков, например, анализ механистической теории случайности).

И с этими диалектическими «тонкостями» переводчик расправляется жестоко.

Потому ли, что ему близки критикуемые теории, или просто потому, что он плохо понимает связь диалектических категорий, так или иначе, но в ряде случаев отчетливая и глубокая мысль Энгельса в переводе превращается в банальность или просто в бессмыслицу. Возьмем для примера критику агностика Нэгели, который утверждал, что «мы не в состоянии познать реальных качественных различий». Дав критический анализ этой концепции, Энгельс переходит к раскрытию ее методологических корней. Переводчик передает это место так: «Вся путаница происходит от *смешения* (в издании 1931 г. *«спутывания»* — **В. У.**) качества и количества. Нэгели, стоя на господствующей механистической точке зрения, считает об'ясненными все качественные различия лишь тогда, когда они могут быть сведены к количественным различиям...; для него качество и количество являются абсолютно различными категориями. Метафизика». («Архив», стр. 149. Т. XIV, стр. 353).

В таком виде понять это место трудно. Здесь утверждается: 1) что Нэгели смешивает (или спутывает) качество и количество, 2) что Нэгели механист и считает необходимым сводить качество к количеству, 3) что он разрывает качество и количество. Третье положение явно противоречит первым двум. В самом деле, если Нэгели абсолютно разрывает качество и количество, то как он может их смешивать (или спутывать)? И если он стоит на механистической точке зрения, то как он может отрицать сводимость, что явствует из третьего тезиса? Непонятно, но Энгельс тут непричем. Ни первого, ни второго тезиса он не утверждает, переводчик их извратил. А из третьей фразы он выбросил три весьма много раз'ясняющих слова. Энгельс говорит: «Вся путаница (Konfusion) происходит *от путаницы в отношении* (Konfusion *über*) качества и количества. *Согласно* (nach der Ansicht) *механистической точке зрения* Нэгели считает об'ясненными все качественные различия лишь тогда, когда они могут быть сведены к количественным различиям. *Таким образом вся путаница происходит от того* (в переводе пропущено «resp. daraus, dass».—**В. У.**), что для него качество и количество являются абсолютно различными категориями (буквально—действительны как абсолютно различные категории). Метафизика».

Методология Нэгели выступает, таким образом, совершенно отчетливо: он вслед за механистами считает, что об'яснить качество—значило бы свести его к количеству, но он оторвал качество от количества, тем самым исключил возможность сведения и потому об'являет качество непознаваемым.

Энгельс вскрыл своеобразную «логику» механистической теории сведения, которая при определенных условиях неизбежно приводит к агностицизму. Агностические и механистические теории имеют весьма диалектическую «судьбу», они и противоположны друг другу и приводят одна к другой, но сами агностики и механисты, претерпевая эту диалектику, понять ее не могут. Живой пример — наш переводчик.

Та же причина по всей вероятности обусловила неточный перевод общей мысли Энгельса о диалектическом законе развития механистических теорий. («Архив», стр. 121. Т. XIV, стр. 473—4).

На стр. 7 «Архива» (Т. XIV, стр. 393) Энгельсу приписана явная нелепость: «Но трение и удар, в действительности представляющие контакт, имеют и другие, *не указывавшиеся никогда естествознанием следствия:* при определенных обстоятельствах они производят звук, теплоту, электричество, магнетизм».

Откуда такая безграмотная болтовня? Энгельс не мог утверждать такую глупость, будто естествознание никогда не указывает, что трение и удар производят звук, теплоту, свет, электричество, магнетизм, между тем как и в те времена об этих явлениях говорилось в младших классах школы, не мог и не утверждал. Глупость эта—дело рук переводчика, который выбросил одно решающее слово и изменил другое. У Энгельса сказано *«здесь»*, т. е. в механике и не «естествознанием», а «естествоиспытателями». Здесь, в механике, естествоиспытатели не указывают никогда на переход механического движения в другие формы движения. Энгельс отмечает ограниченность естествоиспытателей, которые не умеют связывать одну область своей науки с другой, не умеют вскрывать их необходимых диалектических переходов. Перед нами недопустимая небрежность, помноженная на абсолютное непонимание того, за что диалектический материализм критикует метафизически мыслящих естествоиспытателей.

Такого же типа небрежность встречаем мы на стр. 183 «Архива» (Т. XIV, стр. 496—7). Энгельс с язвительной иронией критикует «верноподданническую» историю химии Гофмана («Столетие химии при Гогенцоллернах»), а переводчик, устраняя самую суть критики, пишет:

«Гофман характеризует натурфилософию ссылкой на фантазера (отметим попутно мелкую неточность: «у Энгельса сказано не «фантазера», а «беллетриста».— *В. У.*) Розенкранца, которого не признает ни один настоящий гегельянец. Делать натурфилософию ответственной за Розенкранца так же нелепо, как *если бы Гофман захотел сделать Гогенцоллернов ответственными* за открытие Маркграфом свекловичного сахара».

У Энгельса не сказано: «если бы захотел», а говорится прямо: «так же нелепо, *как то, что Гофман делает* Гогенцоллернов ответственными» и т. д.

Таким образом яркую иллюстрацию классовой природы буржуазной истории естествознания переводчик от русского читателя скрыл.

Подобные произвольные и искажающие смысл пропуски, замены и перестановки встречаются в переводе довольно часто. Многие наши научные учреждения издают сборники отрывков из произведений классиков марксизма по той или другой специальной теме, например «Маркс и Энгельс об античности», «Маркс и Энгельс о языке и мышлении» и т. д.; при этом изучается каждое отдельное выражение, используется каждый оттенок мысли как авторитетное и ценное методологическое указание. Но к сожалению и здесь нередко встречаются вопиющие извращения. Проверьте хотя бы известный отрывок о рабстве («Архив», стр. 87. Т. XIV, стр. 450—451), и вы увидите, что не все в нем принадлежит Энгельсу.

Например, 4 и 5 строки переведены так: «требуется устранение его (рабства), ибо для развития производства рабство является помехой». Надо читать: «более развитое производство находит в рабстве свой предел и стремится его уничтожить». Перевод смазывает качественные различия ступеней экономического развития и превращает рабство в помеху в с я к о г о производства, зату-

шевывая таким образом роль рабства, как основы производства на определенной ступени развития общества (Ср. Энгельс «Анти-Дюринг». Т. XIV, стр. 183).

Другое искажение касается уже не античного способа производства, а специфики рабства на Востоке. Перевод гласит: «Иное дело домашнее рабство на Востоке: здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом».

У Энгельса сказано: «Иное дело домашнее рабство на Востоке: здесь оно образует основу производства не прямо, а косвенно, как составная часть семьи, и оно незаметно переходит в семью».

Комментарии излишни, искажение совершенно явное.

В этих искажениях данного отрывка (в нем есть и другие неточности) рабство отрывается от способа производства, а к чему это ведет, мы знаем на примере «ученого социолога» Карла Каутского и буржуазных историков типа Э. Мейера. Затушевывание роли классовой борьбы как формы развития производительных сил при этом неизбежно.

VI

Таковы примеры извращения Энгельса в переводе «Диалектики природы». Мы не исчерпали всех извращений и неточностей, замеченных при беглом просмотре отдельных мест. Нет сомнения, что тщательная проверка всего перевода значительно умножит их список.

Но и приведенных примеров достаточно, чтобы общая картина была ясна. Извращения в переводе «Диалектики природы» имеют определенную философскую тенденцию. Суб'ективизм махистского богдановского типа и позитивистская антидиалектика—вот основная линия этих извращений.

Совершенно ясно, что выпуск во многих изданиях классического труда по материалистической диалектике с таким количеством принципиальных извращений является делом политически абсолютно недопустимым.

И ответственность за это несут в первую очередь Д. Рязанов и Деборин.

Вследствие подобных переводов много глубоких мыслей и формулировок Энгельса оказались «выведенными из строя», не дошедшими до читателя. И вместе с тем, сколько ошибок и недоразумений, по отдельным вопросам, несомненно, породил этот перевод, особенно у людей, идущих к марксизму, изучающих марксову теорию. Естественникам, стремящимся изжить махистские и антидиалектические ошибки, перевод «Диалектики природы» затруднил их работу.

Единственный вывод, который можно сделать из всех приведенных фактов, понятен сам собой: нельзя выпускать больше ни одного издания «Диалектики природы», не произведя заново основательной правки перевода.

Новым руководством ин-та Маркса и Энгельса уже выправлен старый и сделан новый перевод «Людвига Фейербаха» Энгельса. Необходимо в ближайшем будущем дать новый перевод «Диалектики природы», где был бы восстановлен подлинный и глубокий смысл всех высказываний Энгельса.

В. УЛЬРИХ

А. Ф. Шелл. Общая биология

Части 1-я и 2-я. Медгиз. 1933.

Вышедшая в 1933 г. книга Шелла, полностью переработанная и значительно дополненная группой наших специалистов-биологов, не может не привлечь к себе внимания советских биологов. Проработка курса биологии студентами в университетах и мединститутах, при отсутствии единого учебника и достаточного количе-

ства подходящей биологической литературы на книжном рынке, встречала большие затруднения. Поэтому рецензируемый учебник несмотря на «ряд крупных недостатков», отмеченных издательством, несомненно, содействовал повышению эффективности и качества проработки студентами курса биологии.

Коллектив сотрудников кафедры биологии Саратовского мединститута на основе учета опыта работы студентов 1-го курса по этому пособию поставил своей задачей конкретно вскрыть недостатки данного плода коллективного творчества наших биологов и тем самым помочь устранить их в последующих изданиях.

В чем состоит задача курса общей биологии? Во-первых, такой учебник должен дать студентам конкретные систематические знания по основным вопросам биологии, ознакомить с последними достижениями биологии, имеющими весьма важное практическое значение для нашего социалистического строительства. Во-вторых, он должен содействовать на базе четкого разрешения общебиологических проблем выработке мировоззрения, пользуясь при этом мощным духовным оружием—материалистической диалектикой. Авторы данного руководства (мы говорим: авторы, так как Шелла меньше всего можно считать ответственным за тот оригинальный перевод, который претерпел его учебник) более или менее удовлетворительно справились с первой задачей. Что касается второй задачи, то учебник производит такое впечатление, как будто издательство, редакторы и авторы и не ставили ее себе, считая, видимо, что выработка мировоззрения—дело исключительно курсов диалектического материализма и диалектики природы. Ведь в разрешении основных проблем биологии ярко проявляется партийность науки, здесь особенно сказалась ревизия марксистско-ленинской линии как со стороны механистов, так и меньшевиствующих идеалистов. Большинство же авторов пособия явно игнорирует необходимость непримиримой борьбы с чуждыми, враждебными нам теориями и извращениями партийной линии в биологии. Так, в учебнике не упомянуты даже меньшевиствующие идеалисты, нет четкости в трактовке наиболее важных биологических проблем (эволюции, генетики), нет большевистской партийности в критике современных буржуазных идеалистических концепций. Замалчивание итогов дискуссии [1]) на биологическом фронте и игнорирование партийности биологии привели к тому, что учебник оказался сугубо «академичным» и аполитичным. Эти существенные недочеты совершенно не приходится об'яснять боязнью авторов усложнить пособие и затруднить его усвоение студентами. Ведь допустили же они в отдельных главах (X, XVIII, XIX) при изложении фактического материала такое нагромождение специальных терминов, которое делает его почти совершенно недоступным для студентов 1-го курса. Нужно отметить, однако, что ряд авторов отдельных глав (XI, XII, XX) удовлетворительно разрешил разбираемые им биологические проблемы.

Несмотря на значительный об'ем учебника (658 страниц) в нем отсутствуют весьма важные разделы курса биологии. Последующие издания обязательно должны быть дополнены следующими главами: 1) введение, 2) история биологии, 3) возбудимость и эволюция психики. В специальную главу должны быть также выделены проблема наследственности у человека и проблемы евгеники.

Во введении необходимо дать четкое определение биологии, вскрыть связь биологии со смежными и частными биологическими дисциплинами, поставить вопрос о классификации биологических дисциплин на основе критики метафизического разрыва между отдельными биологическими дисциплинами (механика развития, эмбриология, генетика и др.).

Поскольку предметом биологии является жизнь, во введении следует четко поставить вопрос о сущности и определении жизни. В связи с анализом этого вопроса должны быть последовательно разоблачены витализм, механицизм, агностицизм и позиции тех буржуазных биологов, которые пытаются примирить меха-

[1]) Одним из основных редакторов учебника является М. Левин, бывший в свое время ярким представителем меньшевиствующего идеализма.

ницизм с витализмом. В основу нашего понимания жизни должно лечь энгельсовское определение, базирующееся на учении о формах движения материи; на него мы должны опираться в борьбе со всякой ревизией марксистско-ленинской линии в этом существенном вопросе.

Советский студент должен быть в достаточной степени ознакомлен с современным состоянием биологии на Западе и в СССР. Современная буржуазная биология переживает глубокий кризис, проявляющийся в расцвете идеалистических и мистических концепций, в фашизации биологии, биологизации общественных явлений и т. п. Не игнорируя ценного фактического, экспериментального материала, который накапливается в биологии капиталистических стран, следует показать те принципиально новые, благоприятные условия для развития биологии, которые создались в СССР; ознакомив с конкретными достижениями советской биологии, во введении следует четко выявить те задачи, которые стоят перед нами при коренной реконструкции биологии на основе марксистско-ленинской теории и ленинско-сталинского учения о единстве теории и практики.

Одним из основных требований диалектического метода является историзм, который предполагает в частности воспроизведение истории человеческого познания в разрешении отдельных научных проблем. Без знания прошлого нет ни истинного знания настоящего, ни возможности предвидения будущего. В рецензируемом руководстве почти полностью игнорируется это важное требование. В нем не только нет общего исторического обзора развития биологии как науки, но нет исторического анализа даже в главах, трактующих о существенных проблемах биологии. В качестве примера можно указать на главу X, где не упоминается даже о преформизме и эпигенезе—направлениях, ведших ожесточенную борьбу в биологии XVIII в. В тех же главах, I и XVII, где исторические экскурсы делаются, они весьма схематичны, бедны фактическим материалом.

Между тем марксистский исторический анализ развития биологии является в настоящее время вполне разрешимой задачей. Работы основоположников марксизма по вопросам естествознания, в частности разработанная Энгельсом в «Диалектике природы» периодизация развития естествознания, богатая содержанием характеристика отдельных этапов естествознания, методологическая оценка наиболее крупных естествоиспытателей (Ламарк, Дарвин) и т. п., дают нам достаточно четкие указания, как разрабатывать историю биологии и ее отдельных проблем. Советского студента сможет удовлетворить только такой исторический обзор, который будет представлять не хронологическое изложение научных открытий, а в котором будет вскрыта связь производства идей в биологии с материальным производством и формами собственности на базе этого производства, связь этапов развития биологии с социально-экономическими эпохами и формами классовой борьбы. Но при этом не следует недооценивать сложность этой задачи, опасность упрощенчества и вульгаризации и тому подобные трудности, которые мы по-большевистски должны преодолеть.

Перестроив несколько общий план учебника, можно будет его дополнить указанными главами без увеличения общего об'ема учебника. Большие сомнения вызывает необходимость самостоятельных глав «Биохимия и физиология клетки» и «Физическая химия клетки». Целесообразнее было бы их об'единить, причем раздел «Физико-химические свойства клеток», несколько сократив и упростив, дать раньше биохимии клеток. Значительно должны быть сокращены и переработаны главы «Морфология и физиология растений» (V) и «Морфология и физиология многоклеточных животных (VI), занимающие около 100 страниц. В них авторы допустили чрезмерное вторжение в специальные биологические дисциплины: морфологию, гистологию, физиологию и др. Основной материал, данный в VI главе, лучше изложить в связи с эволюционным учением, под углом зрения сравнительно-морфологических и сравнительно-физиологических доказательств эволюции. Вместо глав V и VI мы предлагаем главу «Обмен веществ и энергий в расте-

ниях и у животных», в которую в частности следует включить раздел «Обмен веществ» из главы II. Обмен веществ как основное свойство живого, как «необходимое условие существования живого» (Энгельс), должен быть обязательно специально выделен и разобран как общебиологическое свойство.

То обстоятельство, что в данном пособии мы фактически имеем дело не с единым учебником, а с конгломератом отдельных статей, привело не только «к разнобою в стиле», но и к ненужным повторениям и параллельному изложению одного и того же материала. Так например: можно указать на повторное изложение процессов дробления в главах IX и X, проблемы приспособления, целесообразности в главах XV и XVII, проблемы наследования приобретенных признаков в главах XVII и XIX и др.

Рецензируемый учебник назван «Общей биологией». Это название ко многому обязывает. Мы имели в прошлом целый ряд попыток разработки курса общей физиологии и биологии со стороны буржуазных ученых (Клод Бернар, Ферворн, Гартман и др.). Но в силу метафизичности и идеалистичности методологических позиций этих биологов их попытки не могли увенчаться успехом. Коллектив же советских биологов, базируясь на учении основоположников марксизма, должен был не только поставить, но и попытаться разрешить эту задачу. Между тем в данном пособии нет и попытки изложить материал с точки зрения требований единой специфической дисциплины. Об этом свидетельствует то, что ботанический и зоологический материалы или сожительствуют в отдельных главах или заранее распределены по отдельным главам (как пример см. гл. V и VI или VII и VIII). В первых же главах имеет место явное скатывание на позиции ферворнского понимания общей биологии как клеточной физиологии.

Курс общей биологии рассчитан на студентов мединститутов, но это не нашло почти никакого отражения в данном учебнике. Ни в одной из глав нет даже попыток увязать биологию с медицинскими дисциплинами; не выделен биологический материал, который представляет актуальный интерес для врачей. Так, в систематике растений отсутствуют лекарственные растения; совершенно недостаточно освещены паразитические животные и растительные формы. Последнее тем более необходимо, что на долю курса биологии в мединституте частично выпадает задача дать основы паразитологии, так как паразитология не выделена как самостоятельная дисциплина в учебных планах мединститутов. Конкретный материал, представляющий интерес для студентов-медиков, мог быть приведен во всех главах курса. Но редакция и авторы, очевидно, не ставили себе этой задачи, благодаря чему получился совершенно недопустимый отрыв данной дисциплины от актуальных задач социалистического здравоохранения. Тут же следует отметить, что академический характер учебника сказался также в общем отрыве от задач социалистического строительства (социалистическое растениеводство и животноводство), что совершенно правильно отмечает издательство в своем предисловии.

После этих общих замечаний перейдем к конкретному анализу недочетов по отдельным главам. Остановимся на тех главах, которые имеют наиболее важное значение для курса общей биологии.

В I главе «Морфология клетки» разбирается весьма существенная для биологии проблема — клеточная теория. В изложении клеточной теории ярко обнаруживается антиисторичность авторов этой главы. Без оговорок они утверждают, что «все живые существа состоят или возникли из клеток» (стр. 12), причем клетка рассматривается ими как первичная единица в эволюции живых существ. Совершенно упускается проблема эволюции самой клетки, ее происхождение «из простого пластического белка» (Энгельс).

Необходимо было бы дать в этой главе материал по изучению одноклеточных организмов, так как на основании различной структурной дифференциации одноклеточных можно проследить различные стадии эволюции клетки. Следовало

бы также осветить вопрос о происхождении многоклеточных как дальнейшем этапе развития органического мира.

Совершенно недостаточно выяснено историческое и методологическое значение клеточной теории, которая подготовила идеи эволюции, установив морфологическое и генетическое единство растительного и животного мира.

Фактический материал изложен популярно и вполне доступно для студентов. Недостаточно рисунков, поясняющих текст, касающийся области ботаники.

В последующих изданиях эта глава должна быть значительно расширена.

Замечания, касающиеся II и III глав, уже были изложены нами в общей части. Нужно отметить лишь, что имеющийся в учебнике разрыв между физиологией клетки и функциями органов, систем и тканей, описанными в главах V и VI, методологически недопустим.

В IV главе весьма ценным является изложение «теории митогенетических лучей Гурвича» (стр. 68—72). Этому вопросу следовало бы посвятить больше места, в частности осветить те работы школы Гурвича, которые представляют актуальный интерес для медицины. Правильно критикуя «ошибочность взглядов Гурвича на физиологию клеточного деления», автор обходит вопрос о квалификации этих взглядов. Нет ни слова о том, что Гурвич является виталистом, что его теория «митогенеза» связана с идеалистическим понятием «полей», что он является учеником и последователем неовиталиста Дриша и что необходимо сугубо критически относиться к его общетеоретическим концепциям. Не умаляя заслуг Гурвича, никоим образом недопустимо скрывать от советского студента реакционность его методологических позиций.

В V главе изложению обмена веществ у высших растений предшествует материал по эволюции растительных форм, который рассчитан на людей, достаточно уже подготовленных в области морфологии и систематики растений. Гораздо целесообразнее этот материал дать в главах, посвященных систематике и эволюционному учению. В области анатомии растений излишне много места уделено описанию утолщения стебля двудольных и однодольных.

Главы, посвященные размножению (VII и VIII), совершенно лишены исторического очерка. Размножение животных начинается почему-то с полового размножения, а не с бесполового как исторически первой и более примитивной формы размножения. Авторы этих глав метафизически разрывают половое и бесполовое размножение, не вскрывая внутренней связи и единства в эволюции форм размножения. Изогамия и анизогамия рассматриваются ими лишь с морфологической стороны и совершенно не излагается вопрос об эволюции пола.

Главы IX и X, посвященные проблемам индивидуального развития, должны быть значительно сокращены. Повторное изложение эмбрионального развития с точки зрения «описательной» эмбриологии и «каузальной» механики развития узаконивает недопустимый метафизический разрыв между этими науками.

При изложении эмбрионального развития в главе IX слишком много места уделяется образованию органов из зародышевых листков, что является предметом специального курса гистологии и эмбриологии.

Если материал IX главы изложен сравнительно доступно для студентов, то освещение проблем механики развития больше напоминает специальную научную статью чем главу учебника. Слишком детально излагаются те проблемы, над которыми работает сам автор, как например проблемы регенерации.

Существенный дефект обеих глав заключается в том, что в них не вскрывается значение разработки проблемы индивидуального развития для практики социалистического строительства. Замечание о том, что «данные механики развития организма могут быть глубоко связаны с запросами практики» (стр. 33), является совершенно недостаточным, так же как совершенно недостаточно ограничиться примечанием от редакции (стр. 303) по вопросу о значении искусственного осеменения для социалистического животноводства.

В X главе в нескольких местах критикуются виталистические и механистические взгляды на индивидуальное развитие. Но критика виталиста Дриша носит «академический» характер: Дриш как вождь современного витализма на Западе, как непримиримый враг материализма требует к себе большего внимания и принципиальной, партийно заостренной критики. В частности, недостаточно анализировать идеалистическую концепцию Дриша только в связи с проблемами регенерации, так как он свою идеалистическую систему обосновывает и на явлениях ранних стадий развития яйца и на других явлениях.

С большей заостренностью и методологической четкостью должно быть вскрыто диалектико-материалистическое разрешение проблемы внешнего и внутреннего. На основании развернутой критики механистических представлений о внешних и внутренних «факторах» индивидуального развития следует показать, что внешнее и внутреннее суть моменты единого целостного процесса, развития организма в неразрывной связи с окружающими внешними условиями.

В XII главе, в которой в основном удовлетворительно изложены проблемы, связанные со старостью и смертью, следует отметить лишь недостаточную четкость в критике современных буржуазных теорий «омоложения», в частности направлений Штеймаха—Воронова. Автор не только не дает критического анализа понятия «омоложения», а сам допускает на определенной стадии развития обратимость биологических процессов (стр. 350). Не вскрыто автором, что в отношении борьбы со старостью у человека биологические закономерности действуют в снятом виде и что определяющими и ведущими в «омоложении» человека являются социальные закономерности. Незачем было эту главу заканчивать повторным изложением явлений регенерации.

Ввиду того что в мединститутах курс общей биологии включает и «ботанику» и зоологию, необходимо в главе «Систематика животных и растений» (XIII) дать более развернутую систематику по классам и видам, выделив приэтом особо и подробнее описав патогенные простейшие паразитические формы и вредные для человека виды позвоночных (хищные, разносчики инфекций и др.). Совершенно недостаточно места уделено систематике растений.

Важный методологический материал о реальности систематических категорий изложен в 10 строках. При анализе двойного смысла систематических категорий автор искусственно приводит ненаучное понятие систематической категории, которое переносит в воображение, утверждая, что «любые понятия являются отвлечениями, существующими лишь в нашем воображении» (стр. 368). Если автор решился затронуть этот вопрос, то надо было изложить его на основе марксистско-ленинского учения о понятиях, которое рассматривает всякое научное понятие как наиболее глубокое отражение действительности. Понятие «вид» как об'ективное конкретное понятие существует не только в воображении, а отражает наиболее существенные отношения и связи, об'ективно имеющиеся в определенной совокупности живых существ. Эклектические представления о реальности и нереальности систематической категории могут быть изжиты лишь на базе марксистско-ленинского учения о единстве единичного, особенного и всеобщего, которое (единство) должно быть конкретизировано на отдельных примерах.

Наиболее важными в курсе биологии с нашей точки зрения являются главы «Движущие силы эволюции» (XVII) и «Генетика» (XIX), на которых остановимся несколько подробнее.

Глава XVII начинается с «Исторического очерка». Но ему автор счел нужным уделить всего 13 строк, причем, кроме указания на философию Гегеля, никаких исторических данных этот очерк не содержит. Между тем совершенно необходимо было дать хотя бы вкратце историю развития эволюционных идей начиная с древних времен, когда идеи эволюции в виде догадок были высказаны целым рядом натурфилософов (Эмпедокл, Лукреций Кар). Борьбу между идеями эволюции и идеями творения, являющуюся отражением классовой борьбы, можно

четко проследить начиная с эпохи возрождения; особенной остроты она достигла в XVIII в. В историческом очерке нельзя пройти мимо Бюффона и его борьбы с Линнеем, мимо французских материалистов и их борьбы с теологическими взглядами на живую природу, мимо канто-лапласовской гипотезы, пробившей существенную брешь в метафизическом мировоззрении, и др.

Ламарку автор отводит две страницы (471—473). Однако с безапелляционной оценкой Ламарка как виталиста и идеалиста никоим образом нельзя согласиться. Автор совершенно не показывает исторической роли Ламарка как первого творца эволюционной теории и непосредственного предшественника Дарвина. Правильно отмечая идеалистические моменты учения Ламарка, не следует, однако, игнорировать и механицизм Ламарка, проявляющийся в упрощенном понимании роли внешней среды в эволюции растений, в его взглядах на наследование приобретенных признаков, в его механистическом понимании организма и др.

Авторы учебника неоднократно сбиваются на отождествление механицизма с витализмом на том основании, что механицизм или легко перерастает в идеализм или мирно уживается с ним. Но такое отождествление принципиально неправильно и является повторением распространенного среди буржуазных ученых мнения.

В ламаркизме мы имеем эклектическое сосуществование механистических и идеалистических взглядов с перевесом в сторону идеализма в толковании движущих сил эволюции. Ошибки автора в оценке Ламарка произошли в частности вследствие того, что Ламарк анализируется им в отрыве от той эпохи, в которой он жил, что он не вскрывает влияния идей Великой французской революции на мировоззрение Ламарка.

Также совершенно недостаточно на одной странице (473—474) выявлены роли Сент-Илера и Кювье как предшественников Дарвина. Этот раздел должен быть значительно расширен.

На следующей странице автором дан раздел «Предпосылка возникновения дарвинизма». Но содержание этого раздела совершенно не соответствует заглавию, никакие предпосылки дарвинизма автором не вскрываются. Между тем этот вопрос заслуживает большого внимания.

На примере эволюционного учения Дарвина легко показать, как на него повлияли социально-экономические условия развития английского сельского хозяйства. Автор, правда, почему-то в разделе «Борьба против дарвинизма» уделяет этому вопросу 10 строк, в которых догматически утверждается несколько общих положений. В связи с анализом предпосылок дарвинизма нельзя обойти также и такие важные моменты, как теория Лайэля, палеонтологические работы Кювье и развитие до Дарвина целого ряда биологических дисциплин, из которых он черпал существенные доказательства для обоснования своей теории.

При изложении учения Дарвина автор в разделе «Борьба за существование» пишет, что «преемственность идей Мальтуса и Дарвина весьма мало существенна, так как последний пришел к идее борьбы за существование в мире животных и растений совершенно независимо от Мальтуса, на основании собственных наблюдений и чисто биологических данных» (стр. 478). Такое освещение взаимоотношения между Мальтусом и Дарвиным не соответствует действительности. Дарвин сам указывает, что своей идеей о борьбе за существование он обязан Мальтусу. Весьма существенно то обстоятельство, что у Дарвина не только нет критики мальтузианства, но что он сам сбивается на позиции социал-дарвинизма. Оценка автором этих существенных ошибок Дарвина сугубо вегетарианская. Так, на стр. 481 автор пишет: «Попытка Дарвина об'яснить развитие человеческого общества принципом борьбы за существование является наивно беспомощной попыткой». А по поводу так пышно расцветшего ныне, в эпоху империализма, социал-дарвинизма только и указано, что «социал-дарвинисты — сторонники постепенной эволюции человеческого общества» (стр. 483). И ни слова о том, как социал-

дарвинизм служит естественно-«научной» опорой империалистического угнетения колониальных и полуколониальных народностей.

Вся эта глава, затрагивающая вопросы, в которых особенно ярко проявляется партийность науки, написана крайне аполитично, беспартийно. Автор не считал нужным использовать богатый литературный материал, который появился за последние годы в связи с 50-летием со дня смерти Дарвина и Маркса. И в общей оценке дарвинизма мы не имеем четкой постановки вопроса о том, что отдельные ошибки Дарвина не случайны, а неразрывно связаны с тем, что Дарвин как буржуазный идеолог не смог подняться до диалектическо-материалистического понимания эволюции. Совершенно недопустимым является факт замалчивания ошибок меньшевиствующих идеалистов (Агол) и отсутствие критики их оценки дарвинизма как «методологии биологии». Анализируя по существу взгляды автора данной главы на дарвинизм, приходишь к выводу, что позиция самого автора немногим отличается от антипартийных взглядов меньшевиствующих идеалистов.

В главе «Движущие силы эволюции» подробно разбираются такие вопросы, как умозрительные теории наследственности, проблема наследования приобретенных признаков, проблема мутаций и опыты Меллера. Все эти вопросы целесообразнее разбирать в главе «Генетика».

В связи с изложением опытов Меллера автор вынужден оперировать такими терминами, как «мутант», признаки, «сцепленные с полом», и т. п., что недоступно студентам до проработки генетики. Излагая опыты Меллера о влиянии рентгеновских лучей на зародышевые клетки, автор пишет, что «не совсем обоснованно сейчас считают, что основной удар, который был нанесен автогенетическим представителям современных генетиков, представляет работа американского исследователя» (стр. 501). Это утверждение автора совершенно непонятно, тем более, что на стр. 503 он сам подчеркивает методологическое значение опытов по искусственному получению мутаций, начало которых было положено классической работой Меллера.

В последующих изданиях глава XVII потребует коренной переработки, причем особенное внимание следует обратить на изложение сущности учения Дарвина (в данном учебнике этому уделено всего 6 стр.) и на оценку дарвинизма Марксом, Энгельсом и Лениным.

Глава XIX «Генетика», долженствующая ознакомить студентов с достижениями этой весьма важной дисциплины, имеет целый ряд существенных недочетов.

Допущенная автором переоценка биометрики, которая характеризуется им как «мощное орудие исследования биологических явлений» (стр. 561), привела к тому, что около ⅓ этой главы посвящено вопросам вариационной статистики, в результате чего изложение самой генетики оказалось скомканным, недостаточно понятным для студентов.

Так, изложение сущности моногибридного скрещивания (стр. 585) дано в таком виде, что студенты путают моногибридные скрещивания с дигибридными, так как автор не раз'ясняет, что когда идет речь о паре признаков, то следует иметь в виду пару признаков одного и того же качества.

Автор употребляет такие термины, как «полиплодия», «хромозомные аберрации», «ленные мутации» и т. п., без всякого раз'яснения, в результате чего студенты, не знакомые с генетической терминологией, не в состоянии овладеть существом вопроса.

При изложении законов Менделя (стр. 586) автор неправильно утверждает, что закон расщепления заключается в том, что в процессе моногибридного скрещивания получаются численные отношения доминантов к рецессивам, как 3 : 1. Здесь налицо путаница понятий: эти отношения являются не с у т ь ю, а с л е д с т в и е м закона расщепления, следствием того, что в каждую гамету попадает только один из членов аллеломорфной пары.

Механизм же гаметообразования автором неправильно подводится под гипотезу чистоты гамет.

Законы Менделя и Моргана изложены в учебнике так, что создается впечатление, будто автор старался не облегчить студенту усвоение закономерности наследственности, а сделать его возможно более запутанным и недоступным.

Но наиболее существенным недостатком этой главы является отсутствие критики методологических позиций современной буржуазной генетики. Некритически преподносится метафизическое, механистическое и антиисторическое понимание генов и их линейного расположения в хромозоме. Не вскрываются реакционные, автогенетические тенденции современной буржуазной генетики. Ни слова нет об ошибках и извращениях марксистско-ленинской линии, допущенных меньшевиствующими идеалистами в области генетики. Совершенно не показано значение генетических исследований для социалистического сельского хозяйства.

В последующем издании эта глава должна быть коренным образом переработана.

Что касается остальных глав, то они вполне удовлетворяют требованиям учебника для студентов вуза.

Общий вывод: рецензируемый учебник должен быть значительно переработан и как можно скорее переиздан.

ЗЛОТОВ, ЗАБОЛОТИКОВ, НИКОЛАЕВА, КЛЯЧКО

С. Васильев, Жан Батист Робине и его философия

Отдельный оттиск из „Научных записок“ ЗКУ. Т. I, вып. 2-й. Тифлис 1931

Вышедшая еще в 1931 г. отдельной брошюрой статья С. Васильева о Робине до сих пор неотмечена критикой. Между тем она посвящена Робине — одному из интереснейших французских материалистов XVIII в.

Робине развивает до крайних пределов учение об одушевленности материи, зачатки которого мы встречаем и у Ламеттри и у Дидро. Материализованная монада Лейбница, которую кладет в основу мироздания Дидро, у Робине фигурирует в форме анималькулы в гораздо более четком и ярком выражении. У Робине также полнее и ярче выражен ряд моментов, характеризующих естественно-научные взгляды французских материалистов XVIII в.: формы и признаки жизни, лестница существа природы, зачатки идеи борьбы за существование и др. Изучение Робине прямо необходимо там, где ставится вопрос о механицизме и элементах диалектики во французском материализме XVIII в.

Робине интересен и с другой стороны. Маркс и Энгельс в «Святом семействе» пишут о нем: «Робине, тот французский материалист, который больше всех сохранил связь с метафизикой и потому удостоился похвалы Гегеля, ссылается определеннейшим образом на Лейбница» (III, 159).

Маркс и Энгельс в цитируемой нами главе из «Святого семейства» указывают наличие двух струй во французском материализме XVIII в. Одна из них идет от Декарта, Лейбница, Спинозы. Отбрасывая метафизику последних, эта струя развивает их физику и образует естественно-научное направление во французском материализме XVIII в. Маркс и Энгельс к этой струе относят Леруа, Ламеттри и Кабаниса. Другая струя идет от Локка и составляет образовательный элемент во французском материализме. Сюда Маркс и Энгельс относят преимущественно Кондильяка, Гельвеция и Гольбаха. Далее, Маркс и Энгельс указывают, что оба направления: и естественно-научное и образовательное — перекрещиваются между собой в ходе развития. Маркс и Энгельс указывают

философов и произведения, в которых это соединение двух направлений наиболее наглядно. Это Ламеттри, Гольбах, Вольней, Дюпюм, Дидро.

В связи с этими последними Маркс и Энгельс говорят и о Робине. Философия Робине представляет собою, пожалуй, самое яркое во всем французском материализме XVIII в. соединение двух линий: сенсуализма Локка и картезианского механического естествознания. Робине, как подчеркивают Маркс и Энгельс, по линии естественно-научной переходит границы физики Декарта—Лейбница и кое-что заимствует из их метафизики. В отличие от прочих французских материалистов XVIII в. Робине стремится создать закругленную философскую систему. Он сохраняет в своей философии проблему бога. Все это идет от метафизики Декарта—Лейбница.

О Робине, насколько нам известно, ни в русской, ни в мировой философской литературе нет исследований, исключая главы у Дамирона и той докторской диссертации Р. Альберта, на которую ссылается С. Васильев.

С этой стороны брошюра С. Васильева до некоторой степени заполняет пробел в литературе о Робине. Она дает более или менее обстоятельное изложение натурфилософских, теоретико-познавательных и этических взглядов Робине. В соответствии с указаниям Маркса и Энгельса Робине правильно трактуется как материалист в теории познания, несмотря на его отдельные высказывания в духе агностицизма, и как метафизик в части метода, несмотря на отдельные, отмеченные Гегелем моменты диалектики. Подробно прослежены историко-философские предпосылки философии Робине.

Брошюру С. Васильева надо рекомендовать работающим над изучением французского материализма XVIII в.

В брошюре есть, однако, две ошибки, на которые необходимо указать.

Первая ошибка. С. Васильев отходит от той классификации направлений во французском материализме, которую дают Маркс и Энгельс, и вводит другую, имеющуюся в диссертации С. Альберта. С. Васильев отделяет Робине вместе с Бонне и Бюффоном в качестве «органицистов», ориентирующихся на биологию, от всех остальных материалистов, ориентирующихся «на физику и общественные науки».

Нам кажется, что решительно нет никакой необходимости вносить поправки в классификацию направлений французского материализма XVIII в., данную Марксом и Энгельсом. Нельзя противопоставлять «органицистов» «физицистам» прежде всего потому, что биология XVIII в. была настолько неразвита, что по существу еще не отделилась как самостоятельная наука от физики. Она была целиком механистична. «Биология, — говорит Энгельс, — была в пеленках: растительный и животный организм был еще мало исследован, его отправления об'яснялись чисто механическими причинами». «Исключительное приложение мерила, заимствованного из механики, к химическим и органическим явлениям» составляло, по указанию Энгельса, типичную черту для всех философских и специальных естественно-научных работ XVIII в. Поэтому не случайно Маркс и Энгельс в «Святом семействе» называют физиками врачей Леруа, Ламеттри, Кабаниса. Этих врачей с гораздо большим основанием можно было бы отнести к «органицистам» чем Робине, бывшего все же философом par exellence. Наконец, самое содержание биологических идей Робине вращается целиком в том же кругу, что у Ламеттри и у Дидро. У всех у них есть и наделенная жизнью молекула, и идея лестницы живых существ, и т. д.

Неправильное противопоставление Робине остальным французским материалистам XVIII в. связано в брошюре С. Васильева с полным отрывом анализа взглядов Робине от других материалистов: Дидро, Гольбаха, Ламеттри. С Васильев приписывает в качестве особо специфичных для Робине и отделяющих его от остальных материалистов ряд таких моментов, которые являются общими для всех буквально материалистов XVIII в.

Возьмем, например, характеристику классовых корней философии Робине.

Признавая материалистичность философских воззрений Робине, С. Васильев отказывается признать материализм Робине не только революционной идеологией, но даже прогрессивной. Робине в освещении С. Васильева—«примиренец», «оппортунист», апологет существующих порядков и «консерватор».

Подобного рода характеристика классовых корней философии Робине, конечно, слабо вяжется с материализмом Робине, потому что общеизвестно, что материализм XVIII в. был идеологией революционной французской буржуазии.

Но какие доводы выставляет С. Васильев для доказательства консервативности Робине?

Довод первый — наличие у Робине закона равновесия между добром и злом. Этот закон С. Васильев расценивает как наиболее яркое свидетельство «консервативности» и «консервативного оппортунизма» Робине. Но дело в том, что этот «закон» есть и у других материалистов. Ламеттри, например, ссылаясь на Эпикура, также материалиста, утверждает, что «сумма добра и сумма зла равны» (стр. 273, Избр. соч.).

Так же обстоит дело и со вторым доводом С. Васильева в защиту «консервативности» Робине — апологетика с его стороны экономического неравенства. Но такая же точно апологетика экономического неравенства в весьма яркой форме дана в «Системе природы» Гольбаха. И Гольбах как и Робине доказывает, что богач является благодетелем рабочего, так как дает ему работу. «Богачи и вельможи, — пишет Гольбах, — возбуждают энергию, деятельность и трудолюбие у бедняка; последний, работая для других, работает для собственного благополучия» («Система природы», 247). И Гольбах как и Робине в ярких красках рисует преимущества бедняка по сравнению с богачом. «Ограниченность желаний представляет собой весьма реальное благо бедняка», — говорит Гольбах (стр. 260).

Все это чрезвычайно понятно: и Гольбах, и Ламеттри, и Робине были идеологами буржуазии. В характеристике классовых корней Робине у С. Васильева есть несомненная путаница понятий. Называя Робине «консерватором» и «апологетом», С. Васильев упускает из виду, что этот консерватизм и апологетика у Робине — и в этом он ничуть не расходится с другими материалистами — направлены в сторону буржуазных порядков, а не в сторону феодализма.

Более вескими доводами в защиту консервативности Робине у С. Васильева является наличие творящего бога в системе Робине и затем факт подписания им знаменитого отречения.

Что касается до деизма Робине, то сам С. Васильев показывает (стр. 88—89), что от теологии и рационального богословия Робине оставляет одни развалины и что понятие бога у него остается только как понятие причины сущего.

Что касается до отречения Робине, то позиция, занятая С. Васильевым, нам представляется неправильной и гораздо менее обоснованной, чем позиция И. Луппола, которую С. Васильев подвергает критике. Первый том основного философского труда Робине «De la nature» вышел в 1761 г., когда Робине было 26 лет. Умирая в 1820 г., будучи 85-летним старцем, Робине подписал отречение от всего того, что он «опубликовал как в своей юности, так и во время революции». С. Васильев это истолковывает как доказательство «оппортунизма» Робине и связывает это с наличием деистического момента в «De la nature». Между тем даже идеалист Р. Альберт не считает возможным связывать отречение Робине с его трактатом, вышедшим за 60 лет до отречения. Этот же Р. Альберт указывает на то, что в эпоху реставрации попы вообще «не стеснялись во время предсмертной агонии вымогать отречения у вольнодумцев революции». Наконец, даже если Робине и в полном сознании отказался в 1820 г. от своего юношеского труда, то это отнюдь не может лишить этот труд того значения, которое он об'ективно имел накануне Великой революции.

Робине был таким же идеологом революционной французской буржуазии XVIII века, как и другие материалисты.

Е. СИТКОВСКИЙ

Никольский, Н. М., акад. История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир. Учебник для средней школы. М. Учпедгиз. 1933. 200 стр. 1 р. 60 к. 25000 экз. (допущен Коллегией Наркомпроса РСФСР)*

ЦК ВКП(б) во главе с тов. Сталиным придавал и придает огромное значение вопросу о доброкачественном учебнике в нашей школе; об этом ясно говорит доклад тов. Кагановича на XVII с'езде ВКП(б). Хороший учебник для миллионной детской массы — мощное политическое оружие в борьбе за создание нового социалистического человека. Учебник по истории для средней школы является делом особенно ответственным, поскольку он красноречивым языком исторических фактов раскрывает подрастающему поколению Советского союза смысл и содержание исторического процесса и тем самым вводит его в материалистическое, марксистско-ленинское понимание истории.

Учебник Н. М. Никольского является первым учебником по древней истории. Автору предстояло заново критически просеять, систематизировать весь огромный материал по древней истории и, что самое главное, изложить его в новом освещении, принципиально отличном от всех старых школьных трактовок этого предмета. Учпедгиз, повидимому, отдавал себе ясный отчет в трудности составления первого стабильного учебника по древней истории, так как на обороте титульного листа рецензируемой книги мы находим указание, что настоящий учебник предполагается сделать стабильным лишь «по внесении в него всех полезных дополнений и изменений».

В центре внимания Н. М. Никольский должен был бы поставить показ на фактах древней истории места и роли классовой борьбы в историческом процессе, великого смысла тех классовых боев, которые еще за несколько тысячелетий до пролетарской революции вели эксплоатируемые и угнетенные массы. Имея в виду огромное воспитательное значение советского учебника по древней истории, автор старается сделать свое изложение возможно более наглядным и доходчивым. Это проявилось и в тщательной разбивке материала по главам и параграфам, в сравнительно простом языке, в довольно большом количестве иллюстраций, в приложении карт и подробной синхронистической таблицы. В этом положительные стороны рецензируемого учебника. Однако он несвободен и от ряда серьезных недостатков, на которых мы и хотим остановиться.

Первая часть учебника («Введение»), правда, очень небольшая (всего 4 странички), является более благополучной по сравнению с остальными частями. Но и она не свободна от недочетов. Например, нам представляется, что раз автор оперирует без всяких об'яснений такими терминами, как феодализм, капиталистический строй, предполагая, очевидно, что они известны учащимся, то раздел «Классовая борьба в истории» (§ 2) ему следовало бы изложить более систематически, взяв за основу периодизацию истории, даваемую В. И. Лениным в «Лекции о государстве» (1919 г.)[1], и высказывания тов. Сталина (1933 г.) о роли революции в смене социально-экономических формаций.

В §§ 3 и 4, посвященных уже не теории, а технике исторического исследования, автор, говоря об исторических источниках, не проронил ни единого слова о таком важном источнике, как язык, а говоря о хронологии, он оставил без всякого об'яснения вопрос о происхождении летоисчисления от рождества христова. По этому поводу автор отделывается фразой: «Годы считаются от так

---

*) Для настоящей рецензии мною приняты во внимание материалы обсуждения учебника акад. Никольского, происходившего 13/X 1933 г. в Госуд. музее изобразительных искусств (ГМИИ) по докладам Авдиева, В. С., Блавацкого, В. Д., Никольского, В. К. и Радцига С. И.

[1]) Ленин. Сочинения. Т. XXIV, 3-е изд., стр. 362—377.

называемого «рождества христова». А ведь далеко не всякий преподаватель истории в состоянии дать толковый ответ на этот вопрос. Наконец, автор совершенно недостаточно акцентировал роль и место хронологии в историческом знании. Он не зафиксировал внимания учащихся на том, что хронология так же необходима для знания истории как картография для усвоения географии.

Недооценка хронологии проявляется у Н. М. Никольского не только в заключительном параграфе его «Введения», но и во всем его изложении. Особенно ярко сказывается это во втором отделе учебника, посвященном доклассовому обществу. Правда, хронология для этого периода истории имеет ту своеобразную черту, что всякое измерение времени (абсолютная хронология) даже крупными единицами, как десятки и сотни тысячелетий, является здесь лишь грубо приближенным, почему здесь на первый план выдвигается последовательность исторических явлений во времени (относительная хронология). Тем не менее анахронизмы здесь столь же антинаучны, как и в истории классового общества. Но вторая часть учебника как раз и страдает такими анахронизмами.

Наиболее ярким примером в этом отношении является датировка неандертальского человека. По словам Н. М. Никольского (стр. 12), неандерталец появляется «в третьем межледниковом периоде» (в этом он следует короткой хронологии ледникового периода Буля-Обермайера), причем абсолютно хронологически существование неандертальца отнесено к периоду между 150—50 тыс. лет до нашего времени (стр. 9). Однако автор забывает указать относительно хронологически, когда неандерталец сменяется «новым человеком» (так называемым «разумным человеком»—homo sapiens). В силу этого неандерталец оказывается в учебнике перенесенным в более позднюю эпоху, а потому и наделенным совершенно несвойственными ему экономическими и культурными признаками. По Н. М. Никольскому, неандерталец изготовляет каменные наконечники для копий с выемками, каменные шилья, иглы, гарпуны, наконечники для стрел, луки и стрелы и т. д. (стр. 17, 18). Что это не простая обмолвка, показывает факт помещения автором на тех же страницах рисунков (№№ 8 и 9), на которых мы видим изображения этих гарпунов, наконечников и т. д. На стр. 45 автор приписывает неандертальцам изображения животных, будто бы вырезавшиеся ими на палицах, которые вручались будто бы их вождям при отправлении на охоту. Вслед за этим он заявляет, что с поселением в пещерах неандертальцы стали рисовать изображения зверей и картины охоты на пещерных стенах. Дальше, на стр. 46, «неандертальцы стали делать первые рисунки—резные, на костяных и деревянных предметах», причем это утверждение как и приведенные выше «доказывается» ссылкой на рис. 5 и 9. Никогда ни один археолог не находил указанных наконечников, гарпунов, рисунков животных и т. д. вместе с костями неандертальцев, но зато их много раз откапывали в одних «культурных слоях» с костями «нового человека» (в так называемых верхнепалеолитических слоях с ориньякскими, солютрэйскими и мадленскими комплексами вещественных памятников).

Приведем еще несколько примеров. На стр. 15 сообщается, что «скоро» к ручному ударнику стали привязывать деревянную рукоятку, обращая его таким образом в топор и молоток. Это «скоро» соответствует всего только нескольким десяткам тысячелетий, поскольку ручные ударники, характерные для шельской и ашельской культур (нижнего палеолита), а первые топоры известны лишь с конца верхнего палеолита. Отсюда следует, что неандерталец, человек среднего палеолита, которого учебник наделяет топором, последнего еще не изготовлял. На стр. 19 «первобытная каменная лопата» отнесена к «концу третьего межледниковья», т. е. приписана опять-таки неандертальцу, хотя никто никогда такой лопаты в среднепалеолитических слоях не откапывал. На стр. 20 утверждается, что глиняная посуда появилась п о с л е земледелия и скотоводства, тогда как правильно как раз обратное. Древнейшие черепки глиняной посуды в кухонных остатках, найденные в Дании, не сопровождались никакими следами земледелия, а из этнографии мы

знаем, что некоторые племена (бороро, гуайяки), не развившие еще земледелия, изготовляют, однако, глиняную посуду. К тому же, согласно автору, глиняную посуду начали изготовлять жители свайных построек (29), а о находке глиняных черепков в кухонных остатках, описанных им на стр. 24, он не упоминает. Самостоятельное добывание огня появляется у него после гончарного круга и ткацкого станка (стр. 29), тогда как оно известно уже австралийцам, не знающим даже глиняной посуды. На стр. 30 отмечается, что лишь с переходом к материнскому роду «появилось название матери», а между тем, как показывают данные австралийской этнографии, «название матери» имелось уже в дородовой коммуне.

Если в целом ряде случаев Н. М. Никольский выступает в роли беллетриста, заполняя пробелы в наших источниках домыслами воображения, то сплошь да рядом он игнорирует или искажает такие факты, о которых наши источники свидетельствуют самым недвусмысленным образом. Автор утверждает, например, что коров нельзя было держать в свайных поселках (стр. 29—30), а между тем целым рядом раскопок доказано наличие домашних коров и быков в свайных постройках Швейцарии (об этом можно прочесть хотя бы в «Доисторическом человеке» Обермейера. Относительно кубу, гуаяков, и тасманийцев (стр. 44) автор категорически утверждает, что «они не знают религии», не имеют никаких представлений о сверхестественных существах. А между тем мы располагаем бесспорными этнографическими данными об этих племенах, доказывающими обратное [1]). Н. М. Никольский утверждает, что «сначала человек мог только подобно животным издавать отдельные нечленораздельные звуки или выкрики» (стр. 42), и называет последние «сигнальной речью», а между тем бесспорные лингвистические выводы Н. Я. Марра и его учеников заставляют признать единственно правильным, что язык есть продукт человеческого общества и что первоначальной формой его была линейно-ручная речь. Утверждая, что «первой формой религии» был культ животных (стр. 46), Н. М. Никольский ссылается на австралийцев с их культом «тотемных богов-животных», а между тем данные австралийской этнографии показывают, что у австралийцев наряду с тотемизмом наблюдается вполне развитой анимизм, о наличии которого у них автор совершенно умалчивает. Наконец, трудно представить, чтобы Н. М. Никольскому остался неизвестным факт открытия в районе Пейпина китайского обезьяночеловека (синантроп), а между тем это важнейшее открытие в учебнике совершенно не использовано. Согласно автору, самым древним человеком является гейдельбергский человек (стр. 8), а на деле более древними оказываются питекантроп с острова Явы и новооткрытый синантроп. Правда, автор говорит о «человекообезьянах», т. е., повидимому, о том же питекантропе, но он видит в них не настоящих людей, а «переходную породу», состоящую из «существ, которые уже перестали быть настоящими обезьянами, но не стали еще настоящими людьми» (стр. 10). Даже гейдельбергский человек, по мнению Н. М. Никольского, древнейший человек на земле, вел будто бы «чисто животный образ жизни» и подобно человекообезьянам не имел специально сделанных орудий, а употреблял палки и камни «без всякой обработки» (стр. 14). А между тем открытие синантропа показало, что этот древнейший человек, по своему анатомическому строению очень близкий к питекантропу и гейдельбергскому человеку, уже выделывал орудия и даже пользовался огнем [2]).

Все изложенное свидетельствует о том, что автор смутно представляет себе

---

[1]) См. Ling Roth. The Aborigines of Tasmania. Halifax. 1899, p. 56—64; Adam, T., Die Kubus, die Waldmenschen Sumatras («Mitteilungen der Antropologischen Gesellschaft in Wien». 1928. Bd. 58. H. 5, S. 290—299); Mayntzghusen. Guayaki—Forschungen («Zeitschrift f. Ethnologie». 1925. Bd. 57. H. 3—6, S. 315—318); Milligan J., Religions Beliefs of the Tasmanian Aborigines (Papers and Procedings of the Royal Society of Tasmania for 1854, p. 180).

[2]) О синантропе см. новейшую сводку в труде Black Davidson, Chardin de Teilhard, Joung, C. and Pei, W. Fossil man in China. The Choucoutien cave deposits with a synopsis of our present knowledge of the late cenosoic in China. Peiping. 1933.

процесс возникновения, развития и разложения первобытно-коммунистической формации и что для него неясна специфическая закономерность развития первобытно-коммунистического способа производства, равно как и отражения этого развития в идеологических надстройках.

Прежде всего у автора, хочет он этого или не хочет, получается вместо диалектического скачка от обезьяны к человеку «постепенное развитие» (стр. 10), выражающееся в примышлении какого-то промежуточного переходного существа, которое якобы не было ни обезьяной, ни человеком, не изготовляло искусственных орудий и жило «т а к и м и ж е (разрядка моя.—В. Н.) стадом, как стада и стаи животных» (стр. 15). «Человекообезьяны» Н. М. Никольского являются продуктом механистической трактовки происхождения человека (антропогенеза). В результате, по Н. М. Никольскому, обезьяна постепенно перерастает в человека, а обезьянья стая — в человеческое общество. Автору, повидимому, неясно, что, раз возникнув, человеческое общество движется вследствие внутренних противоречий. Всякий общественный способ производства, как известно, представляет единство противоположностей — производительных сил (содержания) и производственных отношений (формы). Нельзя игнорировать ни то ни другое и в истории доклассового общества. Между тем Н. М. Никольский не раскрывает производственных отношений доклассового общества. Только в одном месте мелким шрифтом он описывает, чрезвычайно неточно, семейно-родственные отношения (стр. 23), не упоминая о смене беспорядочного общения полов кровно-родственной семьей, групповой и парной. Не говорит он ничего и о развитии родственных отношений, в частности о групповом или классификационном родстве, столь характерном для первобытно-коммунистического общества. История первобытно-коммунистического способа производства сводится в учебнике к истории—и то, как мы видели, довольно сбивчивой—материального производства. С этим связана и та несостоятельная терминология, которую Н. М. Никольский употребляет при обозначении древнейших стадий доклассового общества. Историю доклассового общества, предшествующую родовому коммунизму, он делит на две стадии: 1. Первобытная охотничья коммуна, 2. Тотемическое общество. В основу этого деления положены два совершенно различных признака: отрасль производства—для первой стадии, религиозная надстройка—для второй. Эта нелогичность вызвана у автора, повидимому, тем, что, очутившись перед фактом наличия на обеих стадиях охоты как одной из основных отраслей производства, он, игнорируя производственные отношения, вынужден был прибегнуть к такой несообразности. Наконец, игнорированием производственных отношений об'ясняется совершенно неправильное понимание автором процесса разложения родового коммунистического общества и возникновения классов. Весь процесс этот, судя по изложению в учебнике, представляется Н. М. Никольскому в духе скорее экономизма чем материалистического понимания истории. Автор говорит о происхождении плужного земледелия, о скотоводческом хозяйстве и начале обмена, о появлении бронзовой техники, о возникновении имущественного неравенства и, наконец, о возникновении патриархального рабства, но у него ничего путного не сказано о возникновении частной собственности внутри родового общества, а также совершенно умалчивается о том, что только столкновение зародившихся в недрах первобытно-коммунистического общества классов вызвало взрыв первобытно-коммунистических отношений и утверждение на их развалинах рабовладельческого государства. Таким образом, начав с «врастания» обезьяньей стаи в человеческое общество, автор заканчивает вторую часть учебника «врастанием» первобытного коммунизма в классовое общество.

Оказавшись не в состоянии раскрыть на исторических фактах диалектику первобытно-коммунистического способа производства, автор не справился и с характеристикой идеологических надстроек доклассового общества. Наиболее ярким примером служит в этом отношении его «теория» происхождения и развития религии. Автор правильно предпосылает появлению религии весьма длительный безрелигиозный период и достаточно определенно подчеркивает реакционную роль пер-

вобытной религии. Однако, понимая религию как «веру в духов и богов» (стр. 44), он вклинивает между безрелигиозным и религиозным периодами магию (без всякого указания ее хронологических рамок и ее социальных корней), усматривая в ней какую-то «ненастоящую (?!) религию» (стр. 46). Первоначальной формой религии он об'являет культ животных, называя священных животных богами, но не духами (стр. 46), относительно же духов он утверждает, что вера в них появилась также в «тотемическом» обществе (стр. 48). Таким образом остается совершенно непонятным, какое соотношение существует между культом животных и культом духов и предшествует ли тотемизм анимизму. Автор на стр. 48 говорит о погребениях как памятниках анимизма, но он умалчивает о погребениях у неандертальцев, у которых не обнаружено никакого тотемизма. Выключая магию из религии и затушевывая анимистический характер тотемизма, Н. М. Никольский оказывается на позициях Фрезера и других буржуазных преанимистов [1].

Все те виды недочетов, которыми страдает отдел «Доклассовое общество», повторяются, правда, в иных пропорциях и вариантах, и в остальных трех частях учебника.

Поэтому мы при разборе этих частей считаем себя вправе ограничиться приведением лишь наиболее ярких примеров, обосновывающих этот наш вывод.

Как и в истории доклассового общества мы обнаруживаем здесь немало методической путаницы. «На смену родовому коммунистическому обществу,—пишет автор,—пришло классовое общество, феодальное или рабовладельческое» (стр. 41). В дальнейшем у него оказывается, что общество первого типа возникло на Древнем Востоке, тогда как в античном мире, т. е. в древних Греции и Риме, сложилось общество второго типа. Совершенно непонятным остается, почему из родового коммунизма в одном случае возникает феодальное общество, а в другом—рабовладельческое. Такая трактовка вопроса является тем более странной, что, по Н. М. Никольскому, феодальное общество оказывается более древним чем рабовладельческое. Согласно ему (стр. 53), «древнейшие государства возникли в речных долинах Двуречья, Нила и Хуан-Хэ (что для первых двух долин достаточно убедительно подтверждается источниками в отличие от третьей, где, по современным археологическим данным, для классового общества не имеется столь древних памятников, как для первых двух), причем эти государства об'являются феодальными (стр. 56, 57, 95). Как это автор увяжет с указанием Ленина (например в «Лекции о государстве», 1919 г.), что древнейшие государства были не феодальными, а рабовладельческими? Наиболее развернуто Н. М. Никольский пытается показать феодальный характер древнейшего государства на истории Двуречья. В его распоряжении здесь имеются ценнейшие документы хозяйственной отчетности города Ширпурлы (Лагаша), прочитанные, переведенные и изданные его отцом, крупнейшим ассириологом М. Н. Никольским. Судя по его изложению, он, повидимому, использовал конкретный материал, содержащийся в них, однако, лишь частично и к тому же сделал из них выводы, которые из них едва ли вытекают. На стр. 57 автор, описывая организацию производства и эксплоатацию крестьянства в «древнейших феодальных княжествах Двуречья», говорит, что «надельных крестьян было очень немного и участки их были очень мелки», что «большая часть крестьян состояла из кабальных людей, наделы которых были окончательно присвоены феодалами», что «они отбывали барщину и были на господских харчах» и что «они составляли главную рабочую силу в хозяйстве феодалов и храмов». Мы видим, что упоминаемые Н. М. Никольским безземельные были оторваны от средств производства и не имели своего даже полусамостоятельного хозяйства («находились на господских харчах»). Следовательно, они походят скорее на рабов чем на крепостных. А так как, по признанию самого Н. М.

[1]) См. о классовой сущности магического преанимизма в моей статье «Является ли магия религией» («Воинствующий атеизм» № 12. 1931) и в предисловии к I т. 2-го изд. «Золотой ветви» Фрезера

Никольского, они «составляли главную рабочую силу в хозяйстве феодалов и храмов», то оказывается, что он опровергает самого себя: общество, где главную рабочую силу составляют не крепостные, а рабы, должно иметь господствующим классом не феодалов, а рабовладельцев. Автор правильно считает, что «появление рабов» было «первым зачатком классового деления» (стр. 40) и что рабство имеется на ступени патриархальной родовой коммуны (стр. 40), почему, видимо, оно им и названо партриархальным. Но страницей ниже он — да еще разрядкой — печатает: «Так началось (разрядка моя.—**В. Н.**) классовое расслоение внутри сельских общин» (стр. 41). Согласно ему, «родовые земледельческие общины под влиянием всех этих перемен стали превращаться в сельские». Получается полный разрыв между историей родовой коммуны, в которой, по словам Н. М. Никольского, в процессе разложения ее зародилось рабство, и историей Древнего Востока, где неизвестно откуда появляются какие-то «свободные сельские общины», в процессе разложения которых зарождается феодализм. Куда же делось рабство, эта древнейшая, по признанию самого же Н. М. Никольского, форма эксплоатации, которая, как мы видели, у него же предшествует сельской общине? Что касается утверждения Н. М. Никольского о появлении классового общества лишь после «окончательного» разложения сельских общин, то многочисленные исторические примеры, известные из любого, даже элементарного учебника, свидетельствуют, что сельская община продолжала существовать и в рабовладельческих, и в феодальных, и даже в капиталистических обществах. Таким образом автор не показал процесса развития первобытно-коммунистического общества в классовое в истории Древнего Востока. Вопрос для читателя остается тем более неясным, что, по изложению учебника, из того же первобытно-коммунистического общества в Греции и Риме возникает не феодальное, а рабовладельческое общество. Неувязка усиливается еще и тем обстоятельством, что, по Н. М. Нкольскому, на о. Крите (раньше греческого рабовладельческого общества) и в Македонии (позднее) возникают феодальные государства (на Крите почему-то даже два).

Если в разделе о Древнем Востоке методология автора особенно хромает в области базиса, то в разделах о Греции и Риме она оказывается более несовершенной в области идеологических надстроек. «Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима, не было бы также и современной Европы. Мы не должны забывать, что все наше экономическое, политическое и умственное развитие вытекло из такого предварительного состояния, при котором рабство было настолько же необходимо, как и общепризнанно. В этом смысле мы имеем право сказать, что без античного рабства не было бы и современного социализма. Нет ничего легче, как произносить громкие фразы по поводу рабства и т. п. и изливать целые потоки высоконравственного гнева на такие постыдные вещи» (Энгельс. «Анти-Дюринг». 1930 г., стр. 167). Игнорируя это указание Энгельса, Н. М. Никольский дает совершенно однотонное, проникнутое исключительно «высоконравственным гневом» изображение античной, в частности греческой, культуры как сплошь паразитического продукта. Так как автор дает изображение этой культуры абстрактно, оторванно от конкретного процесса классовой борьбы и не показывает, как в идеологиях античного общества отражалась борьба между рабами и рабовладельцами и внутри рабовладельцев (в особенности борьба между демосом и аристократией), то у читателя возникает ряд недоуменных вопросов: как могли философы рабовладельческого общества, которые будто бы проповедывали «идеал полной праздности» (стр. 128), создать античную философию во всем ее богатстве и многообразии, как могли рабовладельцы придти к материализму, к антиклерикализму и даже атеизму (сам Н. М. Никольский целый параграф уделяет античным «свободомыслящим и безбожникам»), чем было вызвано движение софистов (о котором, кстати сказать, автор не говорит ни слова), на какой почве могли появиться блестящие, сохраняющие до сих пор мировое значение, исторические, литературные и художественные произ-

ведения античного мира? Беспомощность автора в выявлении социальных корней идеологий особенно сильно сказывается там, где он рассказывает о первоначальном христианстве. В учебнике Н. М. Никольского отсутствует ясное и недвусмысленное опровержение историчности Иисуса, а вместо мифа об Иисусе у него появляется миф о каком-то целом коллективе «пророков», «обманщиков и шарлатанов», которые и выдумали христианское учение для «легковерных религиозных людей» (стр. 190). Еще Энгельс предостерегал, что с христианством «нельзя разделаться просто, об'явивши его состряпанной обманщиками бессмыслицей» («Бруно Бауэр и раннее христианство»). Развитие христианства изложено в учебнике так, что не видно, каким образом раннее христианство из религии «пролетариев, рабов и мелких ремесленников» (стр. 190) превратилось в государственную религию рабовладельческого общества, как возник епископат (о котором автор, между прочим, не говорит ничего), какую роль играли иудейская диаспора и эллинистическая культура в создании христианского синкретизма, и т. д. и т. д. Все это такие вопросы, которые не могут быть обойдены даже в самом элементарном учебнике.

Эта путаница в методологии Н. М. Никольского сочетается у него в истории классового общества так же как и в истории доклассового с анахронизмами и со слишком вольным отношением к первоисточникам. Разница лишь в том, что здесь анахронизмов значительно меньше, что и понятно при наличии достаточно надежной (начиная с 2000 г. до н. л.) абсолютной хронологии. Попадаются и здесь грубые хронологические ляпсусы, например: восстание Спартака отнесено к 83—81 гг. да н. э. вместо 73—71 гг. (это повторяется на стр. 182 и 187). Восстание рабов на Хиосе отнесено к V в., хотя источники не говорят о такой дате (стр. 127). «В истории Египта, — пишет мне (ноябрь 1933 г.) наш крупнейший египтолог В. В. Струве,—автор открывает на стр. 83 два крестьянских восстания, одно в конце Древнего царства, а другое в конце Среднего царства. Это основано на простом недоразумении. Дело в том, что о крестьянском и рабском восстаниях трактует один папирус (Лейденский, № 344) и содержание этого папируса одними исследователями относилось к эпохе конца Древнего царства, а другими—к эпохе конца Среднего. В изложении Н. М. Никольского папирус раздвоился... В эпоху царя-реформатора Эхнатона автор устанавливает никому неизвестные крестьянские восстания (стр. 91). Но перевес в частях учебника, посвященных классовому обществу, определенно приходится на долю свободного обращения с источниками. Было бы очень утомительно перечислять здесь все ошибки фактического порядка и импровизации. Ограничимся десятками-двумя примеров.

На стр. 93 утверждается, что в египетской письменности было всего 70 знаков, из которых 24 (по словам автора, почему-то «большая часть») были выбраны для обозначения согласных звуков. Запрошенный нами по этому поводу московский египтолог В. И. Авдиев сообщил, что в грамматике Гардинера список иероглифов заключает 734 знака, причем в грамматике помещены лишь наиболее употребительные в среднеегипетской письменности знаки.

На стр. 175 из контекста вытекает, что Сенека — греческий раб, по источникам, он сын ритора из Испании.

На стр. 156 Александрия (в Египте) основана Птоломеем, по источникам,— Александром.

На стр. 184 Красс фигурирует как всадник, по источникам, он нобиль. В учебнике он «погиб» в Вифании, по источникам,—в парфянской войне.

На стр. 130 Парфенон заново отстроен при Перикле Фидием, по источникам,—Иктином и Калликратом.

На стр. 178 Тиберий Гракх не принадлежит к «правящей кучке нобилей», по источникам, он сын консула (он же цензор) и матроны из фамилии Сципионов.

На стр. 174 Аристоник принадлежал к фамилии македонских царей, по источникам, он принадлежал к фамилии пергамских царей.

На стр. 180 «пролетарии... провозгласили Сатурнина царем», источники этого не указывают нигде.

На стр. 184 Триумвир Помпей пошел завоевывать Селевкидское царство, по источникам, он получил в это время наместничество в Испании.

На стр. 176 «Илиада и Одиссея» были переведены на латинский язык, в действительности известен лишь перевод Ливием Андроником одной «Одиссеи».

На стр. 138 говорится о взятии в 404 г. Афин спартанцами и персами, по источникам, Афины сдались спартанцам, а персы к этому не имели прямого отношения.

На стр. 106 царь Приам в «Илиаде» обращен в рабство, в самой же «Илиаде» об его участи ничего не сказано, а по другим поэмам (например «Малой Илиаде», или «Разрушение Трои»), он был убит.

На стр. 128 Демокрит назван первым по времени материалистом, по источникам, ему предшествовал Левкипп.

На стр. 123 хлебопашество в Афинах исчезает в V в., в источниках никаких указаний на это не имеется.

На стр. 73 указано, что в древней Вавилонии «банкирами» открывались «промышленные предприятия». Это порождает законный вопрос: почему в недрах древневавилонского общества, которое, по автору, было феодальным, не возник капитализм?

Ошибки принципиального и фактического порядка, обнаруженные нами в учебнике, сочетаются нередко с недочетами в его оформлении. Это относится и к языку автора, очень сухому, лишенному живости и образности, являющихся необходимым условием в учебнике для школьников; это относится и к рисункам, которые часто недостаточно иллюстративны. Местами сказалась, повидимому, и некоторая спешка, допущенная автором при составлении учебника. Некоторые параграфы (например 37, 61, 67 и др.) непропорционально растянуты. В других параграфах (например 19, 20, 86) изложение конкретного материала урезано за счет общих и отвлеченных рассуждений. Имеются кое-где неувязки, допущенные по явному недосмотру, например: на стр. 129 вдруг появляется выражение «а н и м и с т и ч е с к и й дурман», тогда как термин «анимизм» нигде в учебнике не упоминается и не раз'ясняется. Не являются редкостью и неряшливые формулировки, например на стр. 51 встречается такая странная фраза: «Колдуны и шаманы и сейчас прибегают к таким выдумкам, или м и ф а м, как называются басни колдунов и жрецов в науке». Под некоторыми рисунками даны явно неверные подписи. Так, на рис. 3, под буквой А, имеется подпись «череп человекообезьяны», тогда как это череп австралопитека, т. е. не человека, а высшей обезьяны. На рис. 6, под № 4, имеется подпись «ручные ударники», тогда как здесь изображен в трех видах ручной остроконечник, т. е. орудие мустьерского типа, а не шельского или ашельского, какими являются ударники. Под рис. 7 имеется подпись «Каменные орудия», тогда как на нем изображены и костяные. Под рис. 33 дана подпись «Пирамиды (пирамида Хуфу слева)», тогда как на самом деле здесь изображены не большие пирамиды (близ Гизэ), следовательно и пирамида Хуфу (или Хеопса), а реконструкция малых пирамид V династии (близ Абусира). На стр. 129, под рис. 48, имеется подпись «Пляска на празднике Диониса», на самом деле он изображает мифическую свиту Диониса.

Недостаточно тщательно составлены карты в учебнике. На карте Греции имеются названия областей, не упоминающиеся в тексте, но отсутствуют географические названия, фигурирующие в тексте. На этой же карте Коринф обозначен почему-то как Кореон. На карте Римской империи отсутствуют такие значительные пункты, как Адрианополь, Иерусалим, Тарент, Делос и т. д., упоминающиеся в тексте. Все эти недочеты оформления, которых мы коснулись лишь очень бегло, сильно затруднют для учащихся усвоение учебника.

Таким образом мы видим, что учебник Н. М. Никольского несмотря на положительные качества в своем нынешнем состоянии еще далек от того, чтобы

удовлетворить тем требованиям, которые ставит перед учебником по истории советская школа. Еще в 1920 г. в письме к М. Н. Покровскому от 5 декабря по поводу его «Русской истории в самом сжатом виде» Ленин писал: «Чтобы она стала учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологическим указателем... Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать новую науку и старую» (подчеркнуто мной.—В. Н.). Для избежания того «верхоглядства», о котором говорит В. И. Ленин, не следует при вполне правильном стремлении к принципиальной выдержанности пренебрегать фактами. Советский учебник не терпит ни анахронизмов, ни измышления фактов, ни упрощенчества в истолковании фактов хотя бы в целях популяризации, ни опускания таких фактов, как существование синатропа, как крито-микенская культура, как законы двенадцати таблиц в Древнем Риме, как движение софистов в Древней Греции, как содержание мифологии греков и римлян, как союзническая война в Древнем Риме и т. д. Если так подходить к советскому учебнику по древней истории,—а иного подхода мы себе не представляем,—то необходимо признать, что учебник М. Н. Никольского требует весьма существенной переработки, а некоторые главы, вроде главы о доклассовом обществе, необходимо даже написать заново. Учебник Н. М. Никольского в нынешнем своем виде—это только еле удовлетворительный учебник, а между тем у нас имеются уже теперь все предпосылки для того, чтобы даже тот же автор при помощи нашей педагогической и научно-исследовательской общественности дал учебник отличный.

В. К. НИКОЛЬСКИЙ

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Шире используем научные силы для борьбы с религией

Антирелигиозная работа среди рабочих и колхозных масс имеет весьма важное значение.

Контрреволюционные элементы продолжают вести свою вредительскую работу среди трудящихся масс, всячески стараясь внедрить в их сознание идеалистическое миропонимание.

Там, где еще недостаточно развернута антирелигиозная пропаганда, где слабо ведется культурно-массовая работа, им удается в отдельных случаях отвлечь внимание трудящихся от задач социалистического строительства, затуманить их сознание религиозным дурманом. Несмотря на наличие значительных достижений в борьбе с религией все же и в настоящий момент необходима длительная и настойчивая работа в области антирелигиозной пропаганды среди трудящихся.

В этом отношении значительную помощь союзу воинствующих безбожников могут оказать секции научных работников, имеющие в своем распоряжении огромные научные кадры. Научные работники в своем большинстве достаточно подготовлены к антирелигиозной работе. Необходимо умело использовать эти кадры для развертывания плановой антирелигиозной работы.

Вовлекать научных работников в антирелигиозную пропаганду должны секции научных работников. Необходимо при каждом культсекторе республиканских, краевых и областных бюро секций научных работников организовать антирелигиозную группу.

Проводимый в настоящее время заем антирелигиозной пропаганды «должен способствовать самому широкому вовлечению в массовую антирелигиозную работу работников научно-технического фронта» (из краткой инструкции для советов СВБ).

Облигации антирелигиозного займа должны быть распространены среди профессорско-преподавательского состава вузов и втузов, а также среди научных сотрудников научно-исследовательских учреждений. К реализации займа следует привлечь и аспирантов.

Первый выпуск займа антирелигиозной пропаганды рассчитан на 10 000 целых облигаций. Каждая облигация имеет два купона. Купон № 1 рассчитан на «10 часов массовой лекционной работы, купон № 2 на научно-исследовательскую и краеведческую антирелигиозную работу» (из краткой инструкции для советов СВБ).

Купон № 1 погашается за счет массовой антирелигиозной лекционной работы.

Лекции по антирелигиозной работе должны быть в тесной связи с нашими новейшими достижениями науки и техники.

Купон № 1 может быть также погашен за счет работы руковода антирелигиозными кружками и семинарами, за счет очной и заочной консультации и др.

Купон № 2 может быть погашен за счет выполнения отдельных научных трудов по антирелигиозным вопросам.

Наряду с предложенной ЦС СВБ тематикой научных работ по антирелигиозной пропаганде могут выдвигать дополнительные темы и сами научные работники.

К выполнению научной антирелигиозной работы по намеченной теме научные работники приступают только после утверждения ее СВБ.

В погашение купона № 2 будет зачисляться и краеведческое исследование (работы по созданию «Истории гражданской войны», работы по «Истории фабрик и заводов» и др.).

Погашением целой облигации следует считать выполнение обязательств по купону № 1.

Работу для погашения купона № 2 необходимо рассматривать как перевыполнение взятого на себя обязательства.

СНР и Варнитсо распределяют облигации по принципу строгой добровольности. Никаких принуждений, никакого навязывания! Каждый научный работник должен сам сознавать необходимость активного участия в антирелигиозной пропаганде и, не дожидаясь предложения со стороны СНР, Варнитсо, заявить о своем желании получить и реализовать облигации займа антирелигиозной пропаганды.

Ответственность за полную реализацию облигаций лежит на бюро СНР и Варнитсо.

СВБ при активном участии ОВМД осуществляет общее руководство по отношению к научным работникам при проведении ими антирелигиозной пропаганды.

При развертывании антирелигиозной пропаганды научным работникам следует широко использовать местную печать: областные и краевые газеты, многотиражки, стенгазеты и др.

Успешность выполнения займа антирелигиозной пропаганды будет всецело зависеть от нашей настойчивости и искреннего желания поднять эту работу на должную высоту.

В эту работу необходимо включиться немедленно и уже в ближайшие два—три месяца с помощью научных работников погасить значительную часть облигаций.

К 1/IV 1935 г. мы должны придти с 100% выполнением займа и дать СВБ ряд научных работ на важнейшие антирелигиозные темы.

М. ТРУБЧИКОВ

Условия приема в Институт красной профессуры философии

на 1934—1935 год
(Москва, 34, Кропоткинская, 10)

1. В Институт красной профессуры философии принимаются члены ВКП(б), преимущественно рабочие (не менее 75% всего приема), обладающие теоретической и образовательной подготовкой в об'еме столичного комвуза или социально-экономического вуза, имеющие достаточный опыт руководящей партийной, советской, профессиональной и хозяйственной работы.

2. Поступающие в ИКПФ должны представить письменную работу на одну из философских тем. Представившие удовлетворительную письменную работу допускаются к устным испытаниям по истории философии, диамату, истмату, теоретической экономии и истории ВКП(б).

Для поступающих в ИКПФ обязательно знание одного из иностранных языков (в об'еме вуза).

3. Партстаж для поступающих в ИКПФ устнавливается:

для рабочих — не менее 8 лет,
для служащих — » » 10 лет и

опыт руководящей работы—не менее 3 лет; при наличии не менее 3 лет активной (руководящей) комсомольской работы партстаж может быть снижен на один год

4. Возраст поступающих в ИКПФ устанавливается не свыше 35 лет.

5. Поступающие товарищи должны представить в ИКПФ:

а) командировку обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий;

б) заявление о приеме;

в) автобиографию;

г) засвидетельствованную справку о партстаже и социальном положении;

д) подробную партхарактеристику первичной партийной организации, утвержденную крайкомом ВКП(б) или ЦК нацкомпартий;

е) копию воинского документа;

ж) заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья;

з) документ об образовании.

6. Прием заявлений со всеми документами производится до 15 мая 1934 г. Все заявления с документами рассматриваются дирекциями институтов и представляются в мандатную комиссию ЦК ВКП(б).

7. В случае положительного решения вопроса о приеме мандатной комиссией ЦК ВКП(б) кандидаты представляют не позже 15 июля письменную работу; представившие удовлетворительную письменную работу допускаются к устным испытаниям.

8. Товарищи, допущенные к приему мандатной комиссией ЦК ВКП(б), получают дополнительный двухмесячный отпуск с сохранением содержания по месту работы получаемого содержания.

9. Товарищи, принятые ИКПФ, обеспечиваются общежитием и стипендией в размере от 250 до 350 руб.

Семьи слушателей не обеспечиваются.

Директор ИКПФ ЮДИН

ЛИТЕРАТУРА, ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ К ПРИЕМНЫМ ИСПЫТАНИЯМ В ИКП ФИЛОСОФИИ НА 1934—1935 УЧ. ГОД

(вся литература по Ленину дается по 2-му и 3-му изданиям)

Энгельс. Л. Фейербах. Анти-Дюринг. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Диалектика природы. Жилищный вопрос.

Маркс—Энгельс. Немецкая идеология, соч. М. и Э., т. IV. Письма, перев. Адоратского. Святое семейство, соч., т. III, стр. 153—163. К критике гегел. философии права, соч., т. I, стр. 399—417. Предисловие и введение «К крит. полит-экономии». Критика Готской программы. Коммунистический манифест. Нищета философии, гл. о методе. 18 Брюмера Луи Бонапарта. Гражданская война во Франции. Крестьянский вопрос во Франции и в Германии.

Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, соч., т. XIII. К вопросу о диалектике, соч., т. XIII. «Что такое «друзья народа», т. I. Эконом. содержание народничества, т. I. Маркс—Энгельс—марксизм (сб. Государство и революция, т. XXI). Пролетарская революция и ренегат Каутский, т. XXIII. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, т. XXIV. О брошюре Юниуса, т. XXX. Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. XXV. Удержат ли большевики государственную власть, т. XXI. Лен. сб. IX и XII. О значении воинствующего материализма, т. XXVII.

Сталин. Вопросы ленинизма. Доклад и заключительное слово на VII расширенном пленуме ИККИ (см. стенотчет VII пленума ИККИ, т. II).

Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Яковлев. Доклады на XVI с'езде ВКП(б).

Материалы январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Доклады и резолюции.

Материалы XVII с'езда ВКП(б) и XIII пленума ИККИ.

Сталин. Речь на с'езде колхозников-ударников. Материалы XVII партконференции, доклады и резолюции. Постановление ЦК о журнале «ПЗМ» и резолюция ячейки ИКПФ и Е. (журнал «ПЗМ» № 10—12 за 1930 г.). «За поворот на философском фронте».

Митин. К итогам философской дискуссии, журнал «ПЗМ» № 10—12 за 1930 г. Учебник по материализму под редакцией Митина и Разумовского.

Быховский. О Бэконе, журнал «ПЗМ» № 6 за 1931 г.

Гегель и диалектический материализм (сб. статей к 100-летию со дня смерти).

Юдин и Каммари. О Спинозе (ст. в «Большевике» за январь 1933 г.).

Плеханов. Основные вопросы марксизма. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Очерки истории материализма. Критика наших критиков, соч., т. XVII.

Сборник Истор.-философ. XIX века, под ред. Луппола.

Деборин. Очерки по истории материализма. Книга для чтения по истории философии. Ленин как мыслитель (для критики). Введение в философию диалектического материализма (для критики).

Бухарин. Теория исторического материализма (для критики).

Гефдинг. История новой философии.

(Кроме того требуется знакомство с периодической марксистско-ленинской литературой по основным проблемам философии).

По теоретической экономии

Маркс. Нищета философии. К критике политической экономии (введение и предисловие). Капитал, т. I и III (главы с XXVIII по XXXV и с XLI по XLIII из III тома необязательны). Капитал, т. II, гл. I—VI, XVII, XVIII, XX, XXI.

Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции. Крестьянский вопрос в Германии.

Ленин. Империализм как новейший этап капитализма, 2-е изд., т. XIX.

Заметки на «Экономику переходного периода Бухарина», Лен. сб. XI. Развитие капитализма в России (глава, помещенная в шеститомнике). К характеристике экономического романтизма, 2-е и 3-е изд., т. II. Аграрная программа с.-д. в первой русской революции, т. XI.

Сталин. Речь на конференции аграрников-марксистов. Доклад и заключительное слово на VII расширенном пленуме ИККИ.

Милютин и Борилин. Статья в «Большевике» № 2 за 1930 г.

По истории ВКП(б)

Ленин. Томы XVIII, XIX и XXIV. Из какого классового источника приходят и придут Каменьяки, либералыцина, т. XX. Русская революция и задачи пролетариата, т. IX.

Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии.

Маркс—Энгельс. Коммунистический манифест. Обращение ЦК к Союзу коммунистов в марте 1850 г.

Энгельс. Крестьянская война в Германии. Введение к «Гражданской войне во Франции».

Ленин. Что делать, т. IV. Шаг вперед, два назад, т. VI. Доклад о революции 1905 г., т. XIX. Две тактики социал-демократической революции, т. VIII. Этапы направления и перспективы революции, т. VIII. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению, т. VIII. Уроки Московского восстания, т. X. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, т. XV. Заметки публициста, т. XVI. О новой фракции примиренцев или добродетельных, т. XV. О нарушении единства, прикрываемом криками об единстве, т. XVII. Из резолюции Всеросс. Парижской конференции. Международн. социалист. конгресс в Штутгарте, т. VIII. О лозунге Соед. штатов Европы, т. XVIII. Социализм и война, т. XVIII. Интернационал молодежи, т. XIX. Социалистическая революция и право нации на самоопределение, т. XIX. Итоги дискуссии о самоопределении, т. XIX. Письма издалека, т. XX. Письмо о тактике, т. XX. Задачи пролетариата в нашей революции, т. XX. Речь на апрельской конференции, т. XX. К лозунгам, т. XXI. Уроки революции, т. XXI. Кризис назрел, т. XXI. Марксизм и восстание, т. XXI. Удержат ли большевики государственную власть, т. XXI. Письмо к товарищам, т. XXI. Речи на II с'езде советов. Тезисы об Учредительном собрании, т. XXII. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата, т. XXIV. К 4-летней годовщине Октябрьской революции, т. XXVII. К истории вопроса о диктатуре, т. XXV. Очередные задачи советской власти, т. XXII. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазной опасности, т. XXII. Доклады и речи на VII, VIII, IX и X с'ездах партии, томы: XXII, XXIV, XXV, XXVI. О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого, т. XXVI. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина, т. XXVI. Кризис партии, т. XXVI. О продналоге, т. XXVI. О значении золота теперь и после полной победы социализма, т. XXVII. Как нам реорганизовать рабкрин, т. XXVII. Лучше меньше, да лучше, т. XXVII. О кооперации, т. XXVII. III интернационал и его место в истории, т. XXIV. Речи и резолюции на II конгрессе Коминтерна. Доклады и речи на III и IV конгрессах Коминтерна.

Сталин. Вопросы ленинизма. Об оппозиции. О некоторых вопросах по истории большевизма. Марксизм и национальный вопрос.

Резолюции IV с'езда и XVI партконференции.

XVII партконференция. Доклады тт. Молотова, Куйбышева и Орджоникидзе.

Бела Кун. Коминтерн в резолюциях.

Резолюции VI конгресса Коминтерна и XI пленума ИККИ. Программа

и устав Коминтерна. Статьи в «Большевике» и бюллетене «Правды» в связи с письмом товарища Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Каганович. Речь на 10-летнем юбилее ИКП.

Решения партийных с'ездов и конференций.

ТЕМЫ ПИСЬМЕННЫХ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ РАБОТ, РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ДИРЕКЦИЕЙ ИКП ФИЛОСОФИИ ДЛЯ ПОСТУПАЮЩИХ ТОВАРИЩЕЙ В ИКПФ

По диалектическому материализму

1. «Закон единства противоположностей как ядро и суть диалектики».
2. «Закон перехода количества в качество и обратно».
3. «Закон отрицания отрицания».
4. «Ленинская теория отражения».
5. «Ленинский этап в развитии диалектического материализма».

По историческому материализму

1. «Производительные силы и производственные отношения».
2. «Классы, классовая борьба в переходный период и ликвидация классов в СССР».
3. «Учение марксизма-ленинизма о государстве и диктатуре пролетариата».
4. «Теория пролетарской революции и диктатура пролетариата».
5. «Роль суб'ективного фактора в организации победы революции».
6. «Преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей».

По истории философии

1. «Теория познания французских материалистов XVIII века».
2. «Проблема материи и движения у французских материалистов».
3. «Спиноза».
4. «Фейербах».

Поступающие товарищи в ИКПФ и выбравшие одну из вышеперечисленных тем получают узловые вопросы с указанием литературы по теме, а также устные и письменные консультации.

Поступающие товарищи могут по согласованию с дирекцией писать вступительную работу на любую историко-философскую, диаматовскую или истматовскую тему и получать консультации.

Директор ИКПФ ЮДИН

Редакционная коллегия журнала „ПЗМ“

М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев.

Уполномоченный Главлита № Ц—82368. Сдано в набор 3/III—34 г. Подписано к печати 10/V—34 г. Зак. № 901. Изд. № 481. Тираж 40.000.

Типография газеты „Правда“. Москва, ул. им. Горького, 48.

204

Редколлегия журнала „ПЗМ“

В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев.

Ответственный секретарь редакции—**А. А. Маегов.**

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Абрамов Я., Авенир, Адамян Г., Адоратский В., Амелин К., Арисьян Л., Атлас З., Балков В., Баммель Г., акад. Бах А., Берестнев В., Биленкин Д., Блохинцев Д., Богданов В., Бобровников Н., Брандгендлер В., Брушлинский В., Бубнов А., Бурдянский К., Быховский Б., Вандек В., Васильева А., Вирская Н., Вольфсон С., Волков Н., Вышинский П., Габриэлян Г., Гальперин Ф., Герман Л., Гесен Б., Горохов Ф., Гринберг Г., Гришин З., Дворкин И., Деборин А., Домрачев В., Досев П., Дмитриев Г., Дынник М., Егиазаров А., Егоршин В., Енишерлов М., Золотарев А., Ильинский И., Иолк Е., Казарин А., Каммари М., Каплан И., Кедров Б., Кирпотин В., Климовицкий В., Кольман Э., Константинов Ф., Корнеев М., Коровин Е., Косяченко Г., Коштоянц К., Кривцов С., Кровицкий Г., Крупская Н. К., Кузьмин И., Левин М., Левит, Леонтьев А., Липендин П., Лифшиц С., Луппол И., Маегов А., Мадьяр Л., Максимов А., Марков М., Митин М., акад. Миткевич В., Мишин М., Муравьев Е., Мушпert Я., Надеждин Л., Невский В., Никитин Н., Никольский В., Ниринская Е., Нивинский И., Новогрудский Д., Обичкин Г., Остерман Э., Паукова В., Пелузо Э., Перельман Ф., Петропавловский С., Пиков В., Пичугина С., Познер В., Презент И., Путинцев Ф., Разумовский И., Ральцевич В., Розенталь И., Розанов Я., Рудаш В., Савельев М., Сарабьянов В., Сараджев А., Селектор М., Ситковский Е., Сливкер Б., Смирнов А., Смирнов М., Стецкий В., Таганский Е., Тамм И., Тимирязев А., Тимоско В., Таболов К., Тулепов М., Федосеев П., Фигурнов П., Фогараши Н., Фурщик М., Черемных П., Чернышев Л., Чулок Т., Шейнман М., Шелкопляс Н., Широков И., Шмидт О. Ю., Шмидт К., Штейн О., Щукарь М., Шурыгин С., Эпштейн С., Эстрин А., Юдин П., Яновская С., Янковский, Якобсон М., Ярославский Е., Яффе Г. и др.

Издательство ЦК ВКП (б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на **1934** ГОД

на журнал

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИККИ — **15-й год издания**

ВЫХОДИТ 3 РАЗА В МЕСЯЦ

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» — орган Исполкома Коминтерна — освещает вопросы международного революционного движения.

Сохраняя характер руководящего органа ИККИ, «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» привлекает в 1934 году к участию в журнале более широкий круг авторов как из секций Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый **ПАРТИЕЦ, АКТИВИСТ, ПРОПАГАНДИСТ,** желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций, **ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ «КОМИНТЕРН».**

Подписная цена на 1934 год:

на 1 мес.— 1 р. 20 к.
на 3 мес.— 3 р. 60 к.
на 6 мес.— 7 р. 20 к.
на 12 мес.—14 р. 40 к.

Цена отдельного номера — 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати при партячейках.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1934 г.

НА ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

КНИГА и ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

Выходит под редакцией: **А. С. Бубнова** (ответ. редактор), **А. Гусева** (зам. редактора), **Х. Кантора** (зам. отв. ред.). Члены редколлегии: **М. О. Ольшевец** (отв. секретарь), **В. Егоршин, С. Динамов, Л. Перчик, Б. Таль, И. Бурдянский, Р. Эйдеман.**

Борется за идеологическое качество книжно-журнальной продукции, за соответствие ее требованиям развернутого социалистического наступления и современному уровню научно-технической мысли.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» имеет следующие отделы: социально-экономический, партийно-массовый, естественных наук, техники, военный, литературно-художественный, охватывая всю основную литературу во всех отраслях знаний, выходящую во всех издательствах СССР.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» дает также статьи по общим вопросам теории и практики марксистской критики и библиографии, по вопросам культуры, философии, науки, литературно-художественной жизни и т. д.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» дает обзоры, рецензии, библиографию, хронику о работе всех издательств, книжные новинки по всем отраслям знаний.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» рассчитана на широкий партийный и советский актив: партийцев, рабочих-ударников, а также на работников **библиотек и библиографических учреждений и т. п.**

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» выходит ежемесячно об'емом в 8—10 печатных листов.

Адрес редакции: Москва, ул. им. Горького, 8.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 12 мес. — 24 р., на 6 мес. — 12 р., на 3 мес. — 6 руб. на 1 мес. — 2 руб.

Цена отдельного номера 2 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на почте и письмоносцами.

Цена 3 руб. 14690 44

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **1934** ГОД

НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

13-й год издания

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. В., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА»—боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, с меньшевиствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» об'единяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП, критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1934 ГОД:

на 1 год — 18 руб., на ½ года — 9 руб., на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, конторами Союзпечати, всеми письмоносцами, книжными магазинами Книгоцентра, организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.